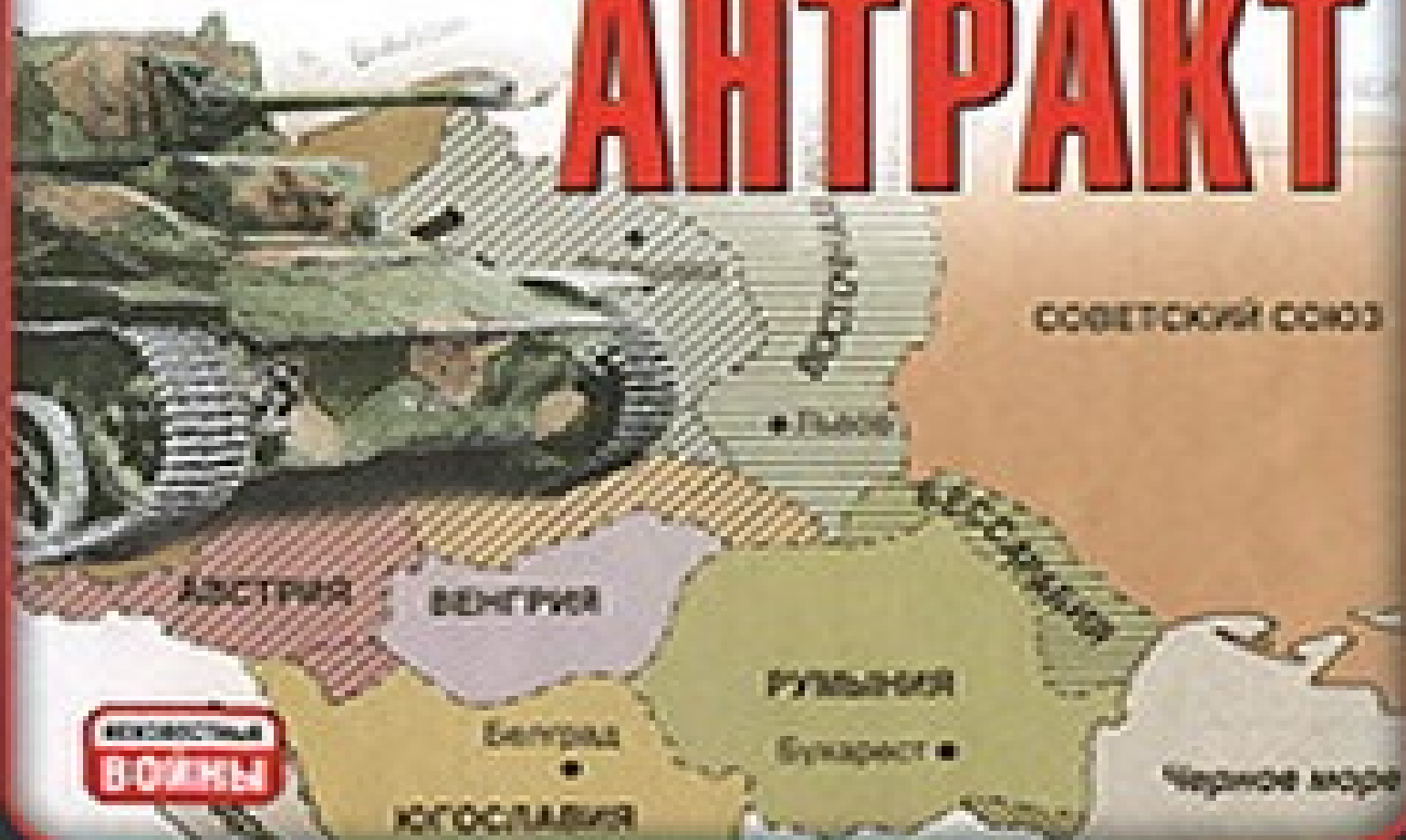

Александр Широкоград

ВЕЛИКИЙ АНТРАКТ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

ИСТОРИЯ
ВОЙНЫ

Annotation

Книга посвящена истории европейских событий в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами. Версальский мир 1919 года создал целый ряд тлеющих очагов будущего пожара. Вопрос был лишь в том, где именно локальные противоречия перерастут в новую всеобщую бойню.

Вторая мировая война была неизбежна. Но кто, кроме Гитлера, оказался виноват в ее разжигании?

Издание снабжено картами, схемами и иллюстрациями и будет интересно как специалистам, так и любителям военной истории.

- [Александр Широкоград](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава 1. Зачем Россия вступила в мировую войну](#)
 - [Глава 2. Кто и когда начал Гражданскую войну в России](#)
 - [Глава 3. Перемирие](#)
 - [Глава 4. Подготовка к мирной конференции](#)
 - [Глава 5. Парижская конференция](#)
 - [Глава 6. Условия Версальского договора](#)
 - [Глава 7. Возникновение северного очага Второй мировой войны](#)
 - [Глава 8. Прибалтийские лимитрофы](#)
 - [Глава 9. Речь Посполитая разлива 1918 г](#)
 - [Глава 10. Лоскутная республика](#)
 - [Глава 11. На пути к Великой Румынии](#)
 - [Глава 12. Вашингтонская конференция 1921–1922 гг. по ограничению морских вооружений](#)
 - [Глава 13. Советско-германское военно-политическое сотрудничество](#)
 - [Глава 14. Германская проблема 1922–1938 гг](#)
 - [Глава 15. Аншлюс](#)
 - [Глава 16. Судетский кризис](#)
 - [Глава 17. Развал Чехословакии](#)
 - [Глава 18. Так что же случилось с Чехословакией?](#)
 - [Глава 19. Польский вопрос](#)
 - [Глава 20. Московский договор](#)
 - [Глава 21. Сентябрьская война](#)

- [Глава 22. Освободительный поход Красной Армии](#)
- [Глава 23. Странная война](#)
- [Глава 24. «Поражение» Сталина в Финляндии и «победа» Черчилля в Норвегии](#)
- [Глава 25. «Разбомбить Баку!»](#)
- [Глава 26. Конец прибалтийских лимитрофов](#)
- [Глава 27. Бессарабия становится советской](#)
- [Глава 28. Визит Молотова в Берлин](#)
- [Глава 29. Последняя попытка договориться с Англией](#)
- [Эпилог](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [Иллюстрации](#)
- [Схемы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)

- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)

- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)

- [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
 - [193](#)
 - [194](#)
 - [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
 - [199](#)
 - [200](#)
 - [201](#)
 - [202](#)
 - [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
 - [206](#)
 - [207](#)
 - [208](#)
 - [209](#)
 - [210](#)
 - [211](#)
-

Александр Широкоград

Великий антракт

«Версаль – это не мир, а перемирие на 20 лет».

Маршал Фош. 1919 г.

Введение

История событий в Европе в промежутке между двумя войнами – тема заведомо неблагодарная. В советское время маститые историки нам все разложили по полочкам. Мол, в Германии и Италии пришли к власти человеконенавистнические режимы. Их вождей обуяла маниакальная страсть к мировому господству. Гитлер приступил к захвату соседних территорий – Рейнской области, Австрии, Судетской области и т. п. Западные же державы вели политику умиротворения, стремясь направить агрессию Германии на восток, то есть на СССР. В конце концов фюрер так распоясался, что напал на миролюбивую Польшу. Так и началась Вторая мировая война.

Нынешние же «либеральные» историки, подавляющее число которых ранее имели партбилеты, оставили в неприкосновенности миф о «Гитлере – поджигателе войны», лишь добавив в него мифы, созданные профессиональными антисоветчиками и эмигрантскими историками о том, что большевики разрушили Россию и свернули ее с нормального исторического пути, а затем Сталин в августе 1939 г. вступил в союз с Гитлером, приведший к началу Второй мировой войны. Таким образом, СССР становится равноправным с Германией виновником Второй мировой войны.

Напомню аксиому, что явление любого исторического мифа обязательно соответствует политическим и экономическим интересам заказчика. Так, миф о «Гитлере – поджигателе войны» соответствовал текущим интересам советского правительства. Этот миф возвеличивал роль Красной Армии – победительницы фашизма. Он же служил важным аргументом в пользу незыблемости послевоенных границ, выгодных Советскому Союзу. Опираясь на этот миф, советская пропаганда обличала «западногерманских реваншистов и их американских пособников». Повторяю, миф был крайне удобен СССР.

Но вот в 1991 г. Советский Союз распался. Теперь, если не считать Калининградской области, границы России стали проходить не по линиям, закрепленным Ялтинским или Потсдамским соглашениями, а по границам XV–XVI веков. Россия потеряла земли, закрепленные за ней по Ништадтскому миру 1721 г., по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. и другим договорам XVIII–XIX веков.

Соответственно теперь Российской Федерации нет никакой нужды

защищать границы, проведенные в Европе «от балды» в 1918–1919 гг., равно как и в 1945 г.

Новый миф о виновности Сталина и СССР в целом в развязывании Второй мировой войны предназначен для обоснования развала СССР, привития русскому народу комплексов вины и неполноценности. В России почти нет семей, где в 1941–1945 гг. не воевали бы отцы, деды и прадеды. Мой отец, будучи студентом мехмата и имея «бронь», осенью 1941 г. пошел на фронт добровольцем, а мать в 14 лет поступила работать на оборонный завод. Дед – дворянин, женатый на родовой дворянке (моя прабабка – урожденная фон Бастиан), находясь в Москве, в октябре 1941 г. вступил в партию. И, повторяю, так было почти во всех русских семьях.

И вот теперь «либеральная интеллигенция» утверждает, что именно Сталин и наша страна развязали Вторую мировую войну, что военнослужащие прибалтийских дивизий СС, дивизии СС «Галичина», крымские татары и прочие, стрелявшие в бойцов Красной Армии, были настоящими героями, борцами против «сталинского тоталитаризма».

Русский народ подвергается массовой обработке мозгов. Это и десятки книг, подобных «Ледоколу», тысячи статей и телепередач. Как не вспомнить классическую формулу доктора Геббельса: «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой».

Ну что ж, попробуем разобраться, кто виноват в развязывании Второй мировой войны.

Глава 1. Зачем Россия вступила в мировую войну

Некий отставной бравый солдат сидел в пражском трактире «У чаши» за «марьяжем» и, побивая трефового короля козырной бубновой семеркой, воскликнул: «Семь пулек, как в Сараеве!»

Действительно, сама по себе ситуация была анекдотична. Эрцгерцог Карл Фердинанд, племянник престарелого австрийского императора Франца Иосифа I, устроил провокационную поездку в город Сараево, где выступил с угрозами в адрес Сербии. Сербские террористы решили убить Фердинанда. Эрцгерцог и его жена были очень толсты, так что все «семь пулек» из револьвера гимназиста Гаврилы Принцыпа попали в цель.

Надо сказать, что родственников Франца Иосифа убивали постоянно. Его единственный сын Рудольф в 1889 г. застрелился со своей любовницей в охотничьем замке Майерлинг, а по другой версии, их застрелили.

Любимый брат Франца Иосифа Максимилиан решил стать... мексиканским императором. Однако новым подданным он пришелся не по вкусу, его поймали и расстреляли.

10 сентября 1898 г. итальянский анархист Луиджи Луккени проткнул напильником жену Франца Иосифа Елизавету Баварскую.

Тем не менее австрийскому императору и в голову не приходило из-за брата или жены объявлять войну Мексике или Италии.

И тут дело бы кончилось анекдотом, и мы бы никогда не узнали о дальнейших похождениях бравого солдата, если бы...

Австрийским генералам и группе банкиров не захотелось после Боснии и Герцеговины присоединить к своей лоскутной империи еще и Сербию. Замечу, что от южной границы Сербии до Дарданелл всего 300 км, а до Эгейского моря – только 50 км.

Французы уже сорок с лишним лет мечтали о реванше за 1870 г. и жаждали отторгнуть от Германии Эльзас и Лотарингию.

Англичане боялись за свои колонии, страдали от конкуренции мощной германской промышленности, а пуще всего опасались быстрого усиления германского военно-морского флота. Германские линкоры имели лучшую артиллерию, броню и живучесть, чем британские, а по числу dreadnoughtов обе страны должны были сравняться к 1918–1920 гг.

Германия желала обуздать французских реваншистов и с вождением

поглядывала на огромные британские колонии, над которыми «никогда не заходило солнце».

Таким образом, в 1914 г. война отвечала насущным интересам всех великих европейских держав.

А как же Россия? Ведь еще в 1768 г., в начале русско-турецкой войны, граф Григорий Орлов заявил: «Если война целей не содержит, так это вообще не война, а... драка. Тогда и кровь проливать не стоит». Через полвека прусский генерал Карл Клаузевиц сформулирует эту мысль более четко: «Война есть продолжение политики иными средствами».

Но дело в том, что у Николая II не было вообще никакой политики ни в экономике, ни во внутренних делах, ни в отношениях с другими государствами. В любом вопросе его поступки определялись не какой-то правильной или неправильной стратегией, а были лишь реакцией на текущие события и определялись влиянием тех или иных лиц, оказавшихся рядом с императором в нужный момент.

Спору нет, Франция стала союзницей России в 1893 г. в царствование Александра III, и к заключению договора «сущий младенец»^[1] не имел никакого отношения. Но «царь-миротворец» заключил союз с Францией не только против Германии, но и против Англии. Об этом почему-то изволили забыть практически все наши историки. На самом же деле в 80-е и 90-е гг. XIX века Франция несколько раз была на грани войны с «владычицей морей».

Русские эскадры не зря жгли уголь в Средиземном море. Наши и французские адмиралы неоднократно отрабатывали на штабных и корабельных учениях совместные действия против британской средиземноморской эскадры.

Надменный Альбион оказался в крайне затруднительном положении – все крупные государства Европы оказались против него. И, надо сказать, не без основания. Англия была всегда международным жандармом, лезла в любые спорные вопросы от Европы до Центральной Африки и Дальнего Востока.

В ходе Русско-японской войны Англия фактически воевала на стороне Японии^[2]. Франция предала свою союзницу и заняла позицию враждебного нейтралитета, то есть ее правительство трактовало спорные положения международного права в интересах Японии.

После войны Николай II вступил в союз со злейшим врагом России Англией. Российские министры начали готовиться к войне с Германией. Замечу, что у нас нашлись умные люди и слева, и справа, предостерегавшие

царя от авантюры. Еще в феврале 1914 г. видный государственный деятель, бывший министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново подал Николаю II обширный доклад. Дурново писал, что чисто оборонительный франко-русский союз был полезен: «Франция союзом с Россией обеспечивалась от нападения Германии, эта последняя – испытанным миролюбием и дружбою России от стремлений к реваншу со стороны Франции, Россия необходимостью для Германии поддерживать с нею добрососедские отношения – от чрезмерных происков Австро-Венгрии на Балканах».

Это равновесие было нарушено англо-русским сближением. Австрии было бы легко осуществить свои балканские планы во время японской войны и революции 1905 г., но тогда Россия «еще не связала своей судьбы с Англией», и Австро-Венгрия вынуждена была упустить момент. Наоборот, с англо-русского соглашения 1907 г. начались осложнения для России.

П.Н. Дурново указывал, что даже победа над Германией не дала бы России ничего ценного: «Познать? Восточная Пруссия? Но зачем нам эти области, густо населенные поляками, когда и с русскими поляками нам не так легко управиться?... Галиция? Это рассадник опасного «малоросского сепаратизма». А «заключение с Германией выгодного торгового договора вовсе не требует предварительного разгрома Германии». Наоборот, в случае такового разгрома «мы потеряли бы ценный рынок». К тому же Россия попала бы в «финансовую кабалу» к своим кредиторам-союзникам. Германии также война не нужна; она сама могла бы отторгнуть от России только малоценные для нее, густо населенные области: Польшу и Остзейский край. «Немецкая колониционная война идет на убыль. Недалек тот день, когда *Drang nach Osten* отойдет в область исторических воспоминаний».

П.Н. Дурново далее предсказывает такой ход событий, если бы дело дошло до войны: Россия, Франция и Англия – с одной стороны, Германия, Австрия и Турция – с другой. Италия на стороне Германии не выступит: она даже может присоединиться к противогерманской коалиции, «если жребий склонится в ее пользу». Румыния также будет колебаться, «пока не склонятся весы счастья». Сербия и Черногория будут против Австрии, Болгария – против Сербии. Участие других государств «явится случайностью», хотя Америка и Япония враждебны Германии и на ее стороне, во всяком случае, не выступят.

«Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам... Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться

триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи – будем надеяться, частичные, неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении... При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него... В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расхаживавшие народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»^[3].

Как реагировал на сей доклад император? Спрятал в стол, в самый дальний ящик. А может, он в чем-то обиделся на Вильгельма? Тоже нет. Царь исправно ездил в Германию к любимому кузену и прочим родственникам. В 1913 г. для России на верфи «Шихау» были заложены два крейсера – «Адмирал Невельский» и «Граф Муравьев-Амурский»^[4].

Однако давление со стороны британской разведки, французских масонов, русских заводчиков и банкиров, тесно связанных с англо-французским капиталом, оказалось сильнее и родственных уз, и здравого смысла.

Формальным поводом для вступления в войну была защита братьев-славян. Да, это был неплохой пропагандистский лозунг – русская душа склонна к состраданию, особенно когда это касается слабых и убогих. Но братья-славяне были, увы, ненадежными союзниками и проявляли любовь к матушке России лишь когда это было им выгодно. Вспомним, как братья-славяне передрались между собой в 1912 г., как Болгария в обеих мировых войнах воевала против России, дважды предоставляла свою территорию для агрессии против Югославии: первый раз Гитлеру, а второй – НАТО.

«А как же Проливы? – спросит эрудированный читатель. – Неужели Россия могла допустить, чтобы они попали под контроль Австро-Венгрии?» Ну, начну с того, что захват Проливов Австрией или Германией не меньше светил Англии и Франции, и они были готовы воевать за них с «тевтонскими варварами» даже без России.

Уже в ходе войны Англия и Франция пообещали России

Константинополь, а сами заключили тайный сепаративный договор, по которому взаимно обещали никаким образом Проливы России не отдавать.

Мало того, и Лондон, и Париж вынашивали планы раздела Российской империи после разгрома Германии. Отъему подлежали Привисленский край, Прибалтика, Финляндия, а по возможности, и Украина, и Кавказ.

Первый раз в истории Россия воевала не за присоединение к себе каких-то территорий, а за собственное расчленение! И царя, развязавшего такую войну, у нас посмели назвать святым!

Возникает вопрос: а что, если по каким-то причинам союз с Германией не состоялся? Был ли какой-то альтернативный путь? Был! Россия должна была воевать с Германией, так как это планировалось еще при Николае I и Александре II.

Вступив в 1825 г. на престол, Николай I решил прикрыть западную границу империи, построив там ряд новых крепостей, которые в сочетании со старыми должны были образовать три линии обороны.

В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Ивангород и Замостье. Все большие крепости Царства Польского во второй половине XIX века были связаны между собой шоссейными и железными дорогами. Кроме того, между крепостями была установлена телеграфная и телефонная (кабельная) связь.

Во вторую линию западных крепостей входили (с севера на юг): крепость II класса Динамюнде (с 1893 г. Усть-Двинск, в 1959 г. вошла в черту г. Рига), крепость II класса Ковно, крепость II класса Осовец и крепость I класса Брест-Литовск.

В тылу располагалась третья линия крепостей, главными из которых были Киев, Бобруйск и Динабург.

С помощью фирмы Круппа в России в 70-х – 80-х гг. XIX века была создана лучшая в мире осадная и крепостная артиллерия. Эти превосходные оценки не мое личное мнение. Три линии русских западных крепостей назвал сильнейшими в мире... Фридрих Энгельс, который занимался не только политикой, но и военным делом, и считался в последнем большим авторитетом. Кстати, он был большим русофобом, так что зря хвалить наши крепости он, думаю, не стал бы.

Но вот на престол вступает Николай II, и все работы по укреплению западных крепостей прекращаются. А между тем на Западе в области тяжелой артиллерии и фортификации происходит новая революция.

В 90-х гг. XIX века во всех развитых странах на вооружение принимаются длинноствольные пушки, стреляющие бездымным порохом. Кардинально меняется и вид станка, ствол откатывается не вместе со

станком, а по оси канала, а энергия гасится гидравлическим тормозом отката, затем гидропневматический накатник возвращает ствол на место.

В начале XX века в Германии и Австро-Венгрии были изготовлены сотни сверхтяжелых сухопутных орудий калибра 240, 305, 380 и 420 мм. В Германии к 1914 г. была создана и запущена в серийное производство целая система минометов. Германские минометы, подобно классическим орудиям, были снабжены противооткатными системами. 17-см миномет стрелял 54-кг снарядом на дальность 768 м, а 25-см миномет – 97-кг снарядом на 563 м.

Тяжелых орудий не было только в России. Самое интересное, что проектов сверхмощных орудий было более чем достаточно. В 1904 г. в Порт-Артуре в инициативном порядке наши офицеры спроектировали несколько типов минометов. Десятки их были применены в боевых условиях и показали отличные результаты. Но 1 августа 1914 г. в русской армии не было ни одного миномета.

Забавно, что за неимением лучшего Военное министерство в апреле 1915 г. заказало пятьдесят 6-фунтовых медных мортирок Кегорна на деревянных станках и по 500 штук чугунных сферических гранат к ним. Заказ был выполнен Петроградским заводом Шкилина. (Барон Кегорн спроектировал свою мортиру в 1674 г.!)

В 1915–1916 гг. германские самолеты разбрасывали над расположением русских войск листовки с карикатурами, где деловитый кайзер мерил сантиметром калибр огромного 800-килограммового фугасного снаряда, а Николай II в той же позе мерил член Григория Распутина. Спору нет, тевтонский юмор грубоват, но, увы, все было правдой – к августу 1914 г. наша тяжелая сухопутная артиллерия не имела снарядов весом более 41 кг, то есть наши снаряды были в 20 раз меньше, чем германские.

Для защиты от тяжелых тротильных снарядов крепости западноевропейских государств начиная с 90-х гг. XIX века оделись в бетон. В крепостях Франции, Германии, Австро-Венгрии, Бельгии и других стран были установлены многие сотни бронированных артиллерийских башен среднего и крупного калибра. Подбашенные помещения были защищены бетонными перекрытиями толщиной 3–4 метра.

В наших крепостях бетонные сооружения применялись редко. Орудия стояли открыто за земляными валами, почти как в Белогорской крепости, описанной Пушкиным в «Капитанской дочке».

С 1906 по 1913 г. царь несколько раз то приказывал разоружать крепости на западных границах, то начинал их укреплять. За годы

правления Николая II осадная артиллерия пришла в столь ужасное состояние, что в 1910–1911 гг. она была... вообще упразднена. В 1911 г. великий князь Сергей Михайлович предложил царю план создания тяжелой артиллерии с началом в 1917 г. и концом в 1921 г.! Крепостную же артиллерию собирались перевооружить с орудий образцов 1838 г., 1867 г. и 1877 г. на современные орудия к 1931 г.

12 марта 1914 г. в бульварной газете «Биржевые ведомости» появилась хвастливая статья «Россия хочет мира, но готова к войне». В ней многие узнали стиль военного министра Сухомлинова. Однако это не была его личная инициатива. Министр предварительно показал статью Николаю II, тот одобрил и приказал напечатать в целях «конспирации» в частной газете. Однако солидные газеты отказались публиковать ее, вот и пришлось ограничиться «Биржевым вестником».

Современники и позднейшие историки издевались над бахвальством Сухомлинова. Но самое любопытное, что Россия действительно была готова к войне. Впервые в истории войн Россия имела полностью укомплектованную полевую артиллерию. Полевых пушек у нас было больше, чем у немцев: 7112 против 5500, да еще союзная Франция имела 4500 пушек. Армия мирного времени в России достигала 1360 тыс. человек, у Германии – 801 тыс., у Франции – 766 тыс.

Но Россия была готова к войне с... Наполеоном, а никак не с кайзером. В 1914–1915 гг. конные лавы и густые колонны наступающей пехоты стали анахронизмом. Дело решали пулеметы, траншейная (батальонная) артиллерия, а главное, крепости и тяжелая артиллерия.

Как уже говорилось, у Николая был шанс победить в мировой войне, если бы он вел ее, исходя из реальных соотношений сил и средств, а также не превращая своих солдат в «паровой каток», работающий на интересы союзников.

Кто мешал царю следовать по стопам отца, деда и прадеда – усиливать три линии крепостей, а главное, соединить эти крепости между собой? Замечу, что это не моя идея, она основана на опыте двух мировых войн. С 1900 г. ряд офицеров Главного Военно-инженерного управления (ГВИУ) предлагали построить такие укрепленные районы. Военное министерство с ними согласилось. Были разработаны рабочие чертежи укрепрайонов, но из-за бюрократических проволочек к 1 августа 1914 г. к строительству укреплений только приступили, да и то не везде.

Между тем Германия сама предоставила России образцы своих лучших тяжелых орудий. Их испытали на Главном артиллерийском полигоне и послали на... Хотя только один простаивавший без дела в 1907–

1914 гг. Пермский завод мог изготовить сотни тяжелых орудий калибра 203–305 мм системы Круппа.

Наконец после Русско-японской войны Морское ведомство располагало сотнями устаревших пушек калибра 47-305 мм, как снятых с кораблей, отправленных на лом, так и хранившихся в арсеналах. Морвед неоднократно из разных побуждений пытался сбыть их Военному министерству, но получил отказ. Между тем эти пушки устарели лишь для морских сражений и могли еще десятилетиями служить в укрепрайонах.

Наконец можно было разоружить морскую крепость Владивосток. Ведь в случае войны с Германией на стороне Антанты нападение Японии на союзницу Англии было исключено. В береговых крепостях Балтийского и Черного морей имелось огромное количество устаревших тяжелых орудий, которые также могли быть переданы в укрепрайоны.

Наконец в 1909–1911 гг. были полностью разоружены две большие морские крепости – Ливава и Керчь. Используя сотни орудий этих крепостей, можно было соорудить огромный укрепрайон. Но, увы, пушки частично рассовали по другим береговым крепостям, а большую часть сдали на лом или складировали.

Пусть читателя не вводит в заблуждение термин «устаревшая пушка». Действительно, морские береговые и корабельные орудия, изготовленные до 1905 г., имели низкую скорострельность и малую дальность стрельбы – 8-15 км и соответственно были малоэффективны для действий по морским целям в 1914–1918 гг. Но в крепостях и укрепрайонах большая скорострельность и не требовалась. Снимаемые с вооружения флота в 1907–1914 гг. пушки были, без преувеличения, шедевром технической мысли по сравнению с рухлядью образца 1877 г., 1867 г. и 1838 г., которые состояли на вооружении в наших крепостях.

Расположив свои армии за тремя линиями крепостей, Россия могла стать той обезьяной, которая залезла на гору и с удовольствием наблюдала схватку тигров в долине^[5]. А потом, когда «тигры» изрядно бы потрепали друг друга, Россия могла бы начать большую десантную операцию в Босфоре. Единственный для нас шанс взять Проливы мог возникнуть лишь в разгар войны.

А захватив Проливы – единственную, достойную России цель в войне, Николай II мог бы выступить и в роли миротворца, став посредником между воюющими державами. Даже если бы Антанта отказалась от переговоров и добилась капитуляции Германии, обессиленная Франция никогда не пошла бы на войну с Россией даже ради Константинополя.

Но, увы, все случилось наоборот. Французские и английские войска

держались на линии укреплений между французскими крепостями (один Верден чего стоит) и были готовы драться до последнего солдата, естественно, русского и германского.

С началом войны буржуазная пресса, несмотря на все рогатки цензуры, начала кампанию по дискредитации царского правительства, которое ввязалось в войну, не подготовив к ней армию. Честно говоря, все эти упреки были справедливы. Однако сделанные либералами выводы были, мягко говоря, несерьезны. Никакое «правительство народного доверия» не могло улучшить ситуацию на фронтах.

Ну предположим, Николай II согласился бы на создание правительства, ответственного перед Думой. Началась бы новая фаза министерской чехарды, метания из стороны в сторону. Ведь у вождей либералов не было конструктивных идей ни в области военной стратегии, ни в перевооружении армии, ни в отношениях с союзниками, ни в земельном вопросе. Результатом подобного эксперимента могло быть лишь резкое ухудшение положения наших войск.

Одновременно либеральная пресса создала еще один миф, что, мол, фронт держится в основном на усилиях частных лиц, на военной продукции, изготовленной на частных заводах, на лазаретах, организованных различными меценатами, и т. д. Разоблачение этого мифа очень актуально и сейчас, в XXI веке.

Мы до сих пор не разобрались, какую Россию мы потеряли в 1917 г. Раньше историки и писатели мазали ее ровным черным цветом, а сейчас их детки и внуки, брызгая слюной, перекрашивают ее в розовые тона. Я же человек нудный, беру справочное издание «Россия 1913 г.» (СПб.: БЛИЦ, 1995), открываю страницу 101 и читаю, что на 1913 г. казенных железных дорог было 46 284 версты, а частных – 22 086 верст. Причем почти все магистральные железные дороги были казенными. Значительная часть частных железных дорог обслуживала частные же заводы, в ряде мест железнодорожные ветки были проложены в имения и т. д. На казенных железных дорогах процент участков с двойной колеей был значительно выше, чем на частных, – 30,5 и 13 % соответственно.

Но это все полбеды. Обратимся к динамике развития железных дорог в России. После бума частных железных дорог в 70-х – 80-х гг. XIX века начался обратный процесс. Казенных железных дорог стали строить больше, почти все магистральные частные дороги были национализированы.

Морской транспорт, включая каботажное мореплавание, на 90 % контролировался государством, точнее, Главным управлением

мореплавания.

Сухопутные дороги Российской империи находились в ведении главным образом министерства путей сообщения и министерства внутренних дел.

Практически весь ВПК царской России к 1894 г. принадлежал казне. Морскому ведомству принадлежали Обуховский сталелитейный, Адмиралтейский, Ижорский сталелитейный и другие заводы. Военное ведомство владело системой заводов, именовавшихся арсеналами, – Санкт-Петербургский, Московский, Брянский, Киевский и т. д.; оружейными заводами – Тульским, Сестрорецким и др. Горное ведомство владело олонекскими заводами (в районе Петрозаводска), а также созвездием уральских заводов.

Давайте хотя бы бегло оценим динамику развития тяжелой промышленности России. В 60-х – 70-х гг., в начале царствования Александра II, произошла приватизация нескольких заводов, в том числе Севастопольского морского завода, было создано несколько новых больших частных заводов – Обуховский, Александровский и др. Но через несколько лет началась их национализация. Тот же Севморзавод перешел в казну, Обуховский и Александровский заводы были слиты и тоже стали казенными.

В царствование Николая II военную продукцию выпускал лишь один большой частный завод – Путиловский, но это было связано с аферами великого князя Сергея Михайловича.

Автор более двадцати лет в инициативном порядке работал в военных архивах страны. Изучение материалов, связанных с производством военной техники, убедило меня в полнейшей неэффективности капиталистического способа производства в России. Ни пушек (кроме Путиловского), ни винтовок частные заводы не производили, но ГАУ для западных крепостей России периодически заказывало орудийные лафеты (станки) и различные механизмы частным заводам Варшавы, Риги, Гельсингфорса и т. д. Стоимость заказов была в полтора-два раза выше, чем на Санкт-Петербургском орудийном заводе, в арсеналах и на других казенных предприятиях. Время изготовления было в два-четыре раза больше.

Наконец я лично в архивах видел десятки дел, когда невыполненные военные заказы «прощались» частным заводам по прошествии 2-10 лет. По закону в таких случаях должны были начаться штрафные санкции, вплоть до конфискации всего частного предприятия. Но, увы, я ни разу не нашел сведений о таких санкциях.

Зато когда я работал с документами о покупке кораблей и орудий за

рубежом, то создавалось впечатление, что там существовал какой-то иной капиталистический строй. Цены и качество их продукции не уступали нашим казенным заводам, а зачастую все было дешевле и лучше.

Так, после Крымской войны срочно потребовалось воссоздать флот. Казенные заводы не могли выполнить все заказы, и пришлось построить несколько фрегатов, корветов и клиперов на частных верфях Франции, Америки и Финляндии, в последнем случае их владельцами были как русские, так и финны. Так вот, построенные «за бугром» суда плавали в два-три раза дольше, чем тот хлам, которые построили наши подданные – как русские, так и финские воры.

Первая мировая война стала манной небесной для русских капиталистов. Обратимся к монографии начальника Главного Артиллерийского управления (ГАУ) в 1914–1917 гг. генерал-лейтенанта А.А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» (Москва: Воениздат, 1937). На странице 144 приведены цены на боеприпасы в 1916 г.: 76-мм шрапнель стоила на казенном заводе 9 руб. 83 коп., а на частном – 15 руб. 32 коп., то есть переплата составляла 64 %. 76-мм граната (в данном случае осколочно-фугасный снаряд) стоила 9 руб. 00 коп. и 12 руб. 13 коп. соответственно; 122-мм граната – 30 руб. 00 коп. и 45 руб. 58 коп.; 152-мм граната – 42 руб. и 70 руб. и т. д.

Об аферах наших промышленников можно написать несколько пухлых томов. Вот характерный пример. Как уже говорилось, наша армия к началу войны не имела орудий ближнего боя. Из патриотических побуждений наши предприниматели начали производство всевозможных примитивных минометов и бомбометов, представлявших опасность исключительно для собственной прислуги. Все это охотно покупалось тыловыми чинами Военного министерства, а на фронте их отказывались даже принимать. По данным того же Маниковского, к июлю 1916 г. на тыловых складах скопилось 2866 минометов, от которых отказались войска. Надо ли говорить, что среди них не было ни одного изготовленного на частном заводе.

Несколько слов стоит сказать и о нашем воздушном флоте. При создании отечественной авиации повторилась та же история, что и при строительстве паровых кораблей перед Крымской войной. Вместо того чтобы строить заводы, способные производить мощные паровые машины, их заказывали за рубежом. То, что сердце самолета – «пламенный мотор», не понимали ни «отец русской авиации» великий князь Александр Михайлович, ни наши генералы. В итоге к 1914 г. авиационные моторы изготавливались в России лишь на двух маленьких частных заводиках. А в

годы войны подавляющее большинство русских самолетов летало на маломощных импортных моторах.

В ходе войны ни количественно, ни качественно наша авиация не могла сравниться с германской. Если к началу войны русская военная авиация численно немного превосходила германскую (263 машины против 232), то в 1916 г. соотношение кардинально изменилось – 360 машин против 1604 у немцев.

Лучший русский истребитель С-16 имел полетный вес 676 кг, мотор «Гном» мощностью 80 л. с. позволял развивать максимальную скорость до 120 км/ч, вооружение состояло из одного пулемета.

Германский истребитель «Юнкерс J-2», созданный в 1916 г., имел полетный вес 1160 кг, максимальную скорость 205 км/ч, один пулемет. В следующем, 1917 г. был создан J-3, развивавший скорость 240 км/ч.

С-16 набирал высоту 3 км за 40 минут, а германский истребитель «Фоккер D-8» – 4 км за 11 минут.

Хваленый бомбардировщик «Илья Муромец» только последнего выпуска (1916 г.) имел взлетный вес 5500 кг, бомбовую нагрузку до 500 кг. Четыре мотора «Бедмор» мощностью по 160 л. с. каждый позволяли ему развивать максимальную скорость 137 км/ч. (У более ранних моделей скорость была от 80 до 120 км/ч.) Дальность полета составляла 540 км. Германский бомбардировщик «Linke-Hofmann R1» имел взлетный вес 12 300 кг, бомбовую нагрузку 8 т, четыре мотора «Даймлер» по 260 л. с., максимальную скорость 132 км/ч.

В 1917 г. германские ночные бомбардировщики стали совершать налеты на Лондон. Наши же авиаторы могли только мечтать о таких машинах. Несмотря на все усилия великого князя Александра Михайловича, превосходство в воздухе в течение всей войны было на стороне немцев.

С 1989 г. у нас расплодилось множество историков и писателей, которые с пеной у рта доказывают, что большевики нанесли предательский удар в спину нашей армии, украли у России победу и т. д. Тезис такой совсем не нов, его широко использовала фашистская пропаганда с 1923 г. – социалисты и коммунисты устроили в 1918 г. революцию и украли у Германии победу. Следует признать, что во многом это верно для Германии, но для России подобный тезис является полнейшей чушью.

В 1918 г. в Германии началось массовое производство танков, противотанковых ружей и пушек, 88-мм и 105-мм зенитных орудий и т. д. Задел германских ученых и конструкторов оказался столь велик, что на его базе к 1939 г. было создано большинство типов вооружения вермахта.

Надо ли говорить, какой задел был у немцев в военной технике в 1945 г.! Его почти двадцать лет использовали специалисты США, СССР, Франции и других государств.

А какой огромный задел был у нас в 1945 г. и 1991 г.!!! И что оставила нам в наследство царская Россия? О ситуации в авиации мы уже знаем. На фронтах к февралю 1917 г. не было ни одного зенитного орудия. А для стрельбы по самолетам использовались 76-мм полевые пушки на специальных самодельных установках. Не было ни одного танка не только в железе, но и в проекте. В России не было изготовлено ни одного серийного ручного пулемета, а крупнокалиберные пулеметы даже не проектировались. Между тем все крупные воюющие государства массово использовали как ручные, так и крупнокалиберные станковые пулеметы. В годы войны в России не было изготовлено ни одного тяжелого орудия калибра свыше 152 мм, не считая стационарных береговых орудий.

Железнодорожных артиллерийских установок в России было целых... две. Башенных крепостных установок – одна, но и то она была захвачена немцами в Осовце. И т. д. и т. п.

Как специалист, я могу с уверенностью заявить, что такое отставание в области военной техники вызвано исключительно «разрухой в головах» царя и его генералов. В России были и первоклассные заводы, и талантливые инженеры, но, чтобы они смогли создавать уникальные самолеты, танки и пушки, нужна была другая власть.

На западе в 1917–1918 гг., чтобы прорвать германскую оборону на 5–10 км на участке шириной 5–15 км, союзники сосредоточивали несколько тысяч орудий, включая тяжелые железнодорожные установки, а также сотни танков.

Нетрудно догадаться, что если бы в 1917 г. не было революции и весь народ слепо бы верил в царя-батюшку, то без тяжелой артиллерии и танков прорвать германские позиции даже на незначительную глубину можно было, лишь завалив их горами трупов.

Те же либеральные историки, которые льют слезы об украденной в 1917 г. победе, не моргнув глазом, утверждают, что в 1944–1945 гг. Красная Армия победила вермахт числом, большой кровью и т. д. Между тем плотность огня германских войск в обороне в 1918 г. и в 1944 г. отличалась ненамного. А насколько германский солдат стоек в обороне, показали бои 1917–1918 гг. на западе и 1944–1945 гг. на востоке.

Но в 1944–1945 гг. позиции немцев перед наступающими нашими войсками утюжили тысячи самолетов, советские тяжелые орудия стояли в несколько рядов на участках прорыва, небо закрывалось огненными

стрелами знаменитых «катюш», перед пехотой шли толстобронные ИСы и КВ... И все равно в наших наступательных операциях 1944–1945 гг. потери Красной Армии исчислялись сотнями тысяч.

Как же русская армия могла без штурмовиков, танков, «катюш» и тяжелой артиллерии от Риги и Барановичей дойти до Берлина в 1917–1918 гг.? Увы, это ненаучная фантастика. Я уж не говорю о том, что союзники уже в 1915–1916 гг. договорились не только лишить Россию плодов ее победы, но и расчленить ее.

Глава 2. Кто и когда начал Гражданскую войну в России

Кто и когда развязал Гражданскую войну? Ответ на эти два вопроса очевиден всем – и коммунистам, и либералам. Первые утверждают, что после Великой Октябрьской социалистической революции и «триумфального шествия советской власти» белые и интервенты начали Гражданскую войну, ну а время ее начала варьируется от конца 1917 г. (мятеж Каледина) до июня 1918 г. (мятеж чехословаков). Либералы же придерживаются мнения, что Гражданскую войну устроили большевики, ну а даты ее начала оставляют прежними.

И тем, и другим все ясно и понятно, а мне одному – нет. Давайте разберемся. Перенесемся в начало декабря 1916 г. на берега Женевского озера. Там гуляет невысокий коренастый 46-летний мужчина, сопровождаемый двумя спутницами – женой Надей и партайгеноссе Инессой. О чем он думает? Как бы устроить гражданскую войну в России? Да, он два года назад выдвинул лозунг «о превращении империалистической войны в гражданскую», но что за это время сделано? Увы, ничего, все ограничилось болтовней в узком кругу социал-демократов.

Мало того, ряд историков уверяют, что в конце 1916 г. Владимир Ульянов находился в подавленном состоянии и даже утверждал, что нынешнему поколению революционеров не дожждаться крушения царского самодержавия. И оснований для того было предостаточно. Мировая война сильно затрудняла действия большевиков. Сотни их функционеров в России были отправлены в Сибирь или расстреляны по приговору военно-полевого суда. Действия российской и зарубежных контрразведок крайне затрудняли связь как внутри страны, так и вне ее. Война раскидала будущих советских вождей по всему миру – кто в Швейцарии, кто в США, кто «во глубине сибирских руд», а в Петрограде в декабре 1916 г. – феврале 1917 г. так и не оказалось хоть сколько-нибудь влиятельных большевиков.

Уцелевшие от погромов полиции большевистские организации к 1917 г. были крайне немногочисленные, зато до предела насыщенные агентами охраны. До революции работали на охранку член ЦК и редактор «Правды» М.Е. Черномазов (жалованье 200 руб. в месяц), член ЦК и руководитель фракции большевиков в IV Государственной думе Р.В.

Малиновский (500 руб.). Члены районных комитетов и слушатели ленинской школы в Лонжюмо получали поменьше – 100, 75 и 50 руб. В образовавшемся после Февральской революции Совете рабочих депутатов состояло более тридцати осведомителей охранки, причем один из них был председателем, три – его заместителями, два – редакторами «Известий Совета рабочих депутатов» и т. д.

Куда там Ульянову думать об организации гражданской войны! А между тем в декабре 1916 г. по всей Европе маршировали ударные части, специально созданные для ведения гражданской войны в России. Уже в феврале 1915 г. в Германии открылся лагерь скаутов, первоначально всего на 200 человек. Там молодые финские парни учились военному делу, методам военной разведки и партизанской войны. Учеба на курсах не прошла даром: при Маннергейме 165 выпускников стали офицерами, из них 25 – генералами, составив костяк финской армии, полиции, спецслужб и шюцкора. А к февралю 1917 г. в Германии находились под ружьем уже тысячи финских егерей.

Немцы и австрийцы формировали польские легионы, германские подводные лодки высаживали на побережье Кавказа группы сепаратистов. Подчеркиваю, не диверсантов для подрыва моста или военного склада, а будущих «полевых командиров».

Во Львове уже в августе 1914 г. националисты основали «Загальну Українську Раду», которую возглавил депутат австрийского рейхстага Кость Левицкий. 28 тыс. щирых украинцев изъявили желание убивать «злыдней-москалей». Однако в Украинский легион вступили лишь 2,5 тыс. человек. Позже легионеров переименовали в «Украинских сичевых стрельцов».

Обратим внимание, что ни финские, ни польские, ни украинские части Берлин и Вена не бросали в огонь сражений, мол, пусть гибнут они, а не полноценные немецкие солдаты. Их готовили для гражданской войны в России.

Ну ладно, Германия и Австро-Венгрия были противниками России в войне, да и сами русские таким же макаром формировали у себя чехословацкие части.

А почему Франция – союзница России начала формирование у себя польских частей? Увы, Париж и Лондон не менее Берлина и Вены мечтали о расчленении России, которое можно было осуществить лишь единственным способом – гражданской войной.

И вот в Петрограде произошла Февральская революция. Нравится нам или нет, но она оказалась масонским переворотом, в результате которого к

власти пришло масонское Временное правительство. А в свидетели призовем... Ленина. Да ведь он же ни разу не употреблял слово «масоны»! Ну и что. Так ведь и сами масоны своих соратников (подельщиков) масонами не называли, а выражались всегда как-нибудь иносказательно. Так вот что писал вождь: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»^[6]. Замените слово «актеры» на «братья» – и все встанет на свои места.

По данным масона Н.Н. Берберовой^[7], в первый состав Временного правительства (март-апрель 1917 г.) вошло десять «братьев» и один «профан». «Профанами» масоны называли близких к ним людей, которые, однако, формально не входили в лож. Таким «профаном» в первом составе Временного правительства оказался кадет П.Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел.

Берберова пишет, что состав будущего правительства был представлен «Верховному Совету Народов России» уже в 1915 г. Берберова без лишней скромности приводит статистику: «Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, «третьей коалиции» (так называемой Директории), в сентябре-октябре, когда ушел военный министр Верховский, масонами были все, кроме Карташова, – те, которые высиживали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были «в бегах».

Масоны сравнительно легко захватили власть в Петрограде, образовав Временное правительство, а на места губернаторов были направлены комиссары Временного правительства. Но, увы, у масонов не было никакой ни политической, ни военной, ни экономической более-менее удовлетворительной программы.

Летом 1917 г. лишь отдельные армейские части и корабли сохранили относительную боеспособность и могли вести активные действия. Остальная же масса войск воевать не желала и практически не подчинялась командирам, как старым, так и назначенным Временным правительством.

Временное правительство не могло решить аграрный вопрос. Немедленно дать землю крестьянам? Министры-масоны боялись обидеть помещиков. Послать в деревню карательные отряды огнем и мечом навести

порядок? Тоже нельзя – нет частей, способных выполнить этот приказ. Единственный выход – пообещать, что вот, мол, в конце года соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о земле. Но сеять надо весной. А кто будет сеять, боронить и т. д., когда неизвестно, кому достанется урожай осенью?

В марте-июне 1917 г. только в Европейской России произошло 2944 крестьянских выступления. К осени 1917 г. в Тамбовской губернии были захвачены и разгромлены 105 помещичьих имений, в Орловской губернии – 30 и т. д. Размах крестьянских восстаний был больше, чем во времена Разина и Пугачева, но те выступления крестьян историки называют крестьянскими войнами, а в марте – октябре 1917 г. в России вроде бы гражданской войны и не было.

Главное же, что с марта 1917 г. по всей Российской империи подняли головы сепаратисты. К октябрю 1917 г. под ружье было поставлено несколько сот тысяч военнослужащих «незаконных вооруженных формирований», созданных сепаратистами в Финляндии, Прибалтике, Украине, Бессарабии, Крыму (татары), на Кавказе и в Средней Азии. Эти формирования (армии) подчинялись исключительно властным гособразованиям сепаратистов.

Замечу, что отделяться от России желали не только самозванные лидеры «инородцев», но и верхушка казачества на Кубани, «областники» (леволиберальная буржуазия) в Сибири и т. п. Поначалу они говорили лишь о федеративном устройстве России, а затем и напрямую об отделении от центра, что советского, что белогвардейского.

Важно отметить, что сепаратисты всех мастей претендовали не только на земли, заселенные их народностями, но и на обширные регионы, где преобладали лица других национальностей. Так, поляки требовали возрождения Речи Посполитой «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. Финны претендовали на Кольский полуостров, Архангельскую и Вологодскую губернии, а также на всю Карелию. Территориальные претензии сепаратистов многократно перекрывались. Так, на Одессу претендовали поляки, украинцы и румыны. Понятно, что без большой гражданской войны решить эти территориальные споры было невозможно.

Предположим на секунду, что большевики в середине октября 1917 г. решили отказаться от захвата власти, а их руководители отправились бы обратно в Швейцарию, США, сибирскую ссылку и т. п. Неужели вожди сепаратистов отказались бы от своих планов и распустили бы свои бандформирования? Неужели германское командование отказалось бы от

удара по развалившейся русской армии и не пошло бы на сговор с прибалтийскими и украинскими националистами?

Весной-летом 1918 г. неминуемо произошло бы германское вторжение. Союзники также высадились бы на Севере и на Дальнем Востоке России. Вялотекущая гражданская война перешла бы в тотальную гражданскую войну, но без участия большевиков.

Возникает вопрос – сумело бы никого не представлявшее Временное правительство во главе с Керенским выиграть эту войну? Ответ однозначный – нет! А кто бы победил? И думать над этим не хочу, а интересующихся отсылаю к авторам многочисленных «фэнтези», которые расскажут нам, что было бы, если бы Гитлер захватил Англию, взял Москву и прочая, и прочая...

Так что именно Октябрьская революция и последовавшая диктатура большевиков спасли Россию от распада, который был еще в 1915 г. запланирован в министерских кабинетах Лондона и Парижа. Была ли большевистская диктатура кровавой? Да, была, но ее противники устроили бы еще более кровавую баню, если бы смогли. «Если о государе говорят, что он добр, его царствование не удалось», – это сказал не Ленин, а Бонапарт.

Глава 3. Перемирие

Летом 1918 г. на Западный фронт прибывают американские части, и союзники переходят в наступление. В сентябре 1918 г. войска Антанты на западноевропейском театре имели 211 пехотных и 10 кавалерийских дивизий против 190 германских пехотных дивизий. К концу августа численность американских войск во Франции составляла около 1,5 млн человек, а к началу ноября превысила 2 млн человек.

Ценой огромных потерь союзным войскам за три месяца удалось продвинуться на фронте шириной примерно 275 км на глубину от 50 до 80 км. К 1 ноября 1918 г. линия фронта начиналась на побережье Северного моря в нескольких километрах западнее Антверпена, далее шла через Монс, Седан и далее до швейцарской границы, то есть война до последнего дня шла исключительно на бельгийской и французской территориях.

В ходе наступления союзников в июле-ноябре 1918 г. немцы потеряли убитыми, ранеными и пленными 785,7 тыс. человек, французы – 531 тыс. человек, англичане – 414 тыс. человек, кроме того, американцы потеряли 148 тыс. человек^[8]. Таким образом, потери союзников превысили потери немцев в 1,4 раза. Если экстраполировать от цифр, то, чтобы дойти до Берлина, союзники потеряли бы все свои сухопутные силы, включая американцев.

К моменту подписания перемирия Германия имела 15 тыс. легких полевых орудий, 10 тыс. тяжелых и 2600 зенитных орудий. Франция имела 10 тыс. легких 75-мм полевых орудий, Англия – 7 тыс. легких и 400 тяжелых орудий. Франция и Англия вместе имели на фронте 800 зенитных орудий.

Огромный перевес был у союзников в танках. У Англии и Франции имелось 7 тыс. танков, а у Германии – 70, то есть в 100 раз меньше.

Но на самом деле германское командование готовило большой танковый погром в конце 1918 – начале 1919 г. В 1918 г. германская промышленность изготовила 800 танков, однако большинство их не успело дойти до фронта. В войска начали поступать противотанковые ружья и крупнокалиберные пулеметы, которые легко пробивали броню британских и французских танков. Было начато массовое производство 37-мм противотанковых пушек.

В годы Первой мировой войны не погиб ни один германский дредноут (линкор новейшего типа). В ноябре 1918 г. по числу дредноутов и линейных

крейсеров Германия уступала Англии в 1,7 раза, но германские линкоры превосходили союзные по качеству артиллерии, системам управления огнем, непотопляемости кораблей и т. п. Все это хорошо продемонстрировано в знаменитом Ютландском бою 31 мая – 1 июня 1916 г. Напомню, что бой имел ничейный результат, но потери англичан существенно превосходили германские.

В 1917 г. немцы построили 87 подводных лодок, а исключили из списков (из-за потерь, по техническим причинам, из-за навигационных аварий и т. п.) 72 подводные лодки. В 1918 г. было построено 86 лодок, а исключена из списков 81. В строю находилась 141 лодка^[9]. На момент подписания капитуляции строилось 64 лодки.

Почему же германское командование попросило у союзников перемирие, а фактически согласилось на капитуляцию? Германию погубил удар в спину. Суть происшедшего одной фразой выразил Владимир Маяковский: «...и если б знал тогда Гогенцоллерн, что это и в их империю бомба». Да, действительно, германское правительство передало революционным партиям России, включая большевиков, довольно крупные суммы. Однако Октябрьская революция привела к постепенной деморализации германской армии.

Уже в конце января 1918 г. Германию потрясла всеобщая политическая забастовка, в которой участвовало более полутора миллионов рабочих (из них свыше 500 тыс. в Берлине). Важнейшей причиной забастовки был срыв германским правительством мирных переговоров с Советской Россией в Брест-Литовске. Забастовка охватила 39 городов Германии. На заводских собраниях в Берлине были избраны представители в Рабочий совет в количестве 414 человек. Рабочий совет единогласно потребовал: мира без аннексий и контрибуций; улучшения продовольственного снабжения; отмены осадного положения и введения демократических свобод; освобождения лиц, осужденных или арестованных за политическую деятельность, и др. Однако властям с помощью правых социал-демократов удалось подавить забастовку.

В августе 1918 г. в Кале восстали команды четырех миноносцев, однако их выступление было немедленно подавлено артиллерийским огнем.

Дисциплина в армии падала, значительная часть отпускников не возвращалась на фронт, резко увеличилось число дезертиров.

В такой обстановке в Германии создается новое правительство, опирающееся на парламент. Рейхсканцлером стал принц Макс Баденский. В правительство вошли представители социал-демократической, самой

левой на тот момент, партии Шейдеман и Бауэр.

Правительство Макса Баденского немедленно обратилось к американскому президенту Вильсону с предложением заключить мир на основе его доктрины из 14 пунктов, выдвинутой 14 января 1918 г.

8 октября американцы ответили: «Никаких переговоров о перемирии не будет до тех пор, пока германские войска находятся на территории союзников». 12 октября германское правительство заявило о согласии на эвакуацию войск на германскую территорию.

Однако союзники вошли в раж и с каждым днем требовали от Германии все новых и новых уступок. В конце концов они потребовали сменить в Германии форму правления, выдать весь военный и торговый флот, тысячи полевых орудий, тысячи паровозов, десятки тысяч голов племенного скота, десятки тысяч сельскохозяйственных орудий и т. д.

Тем временем германское командование получило новый удар в спину. 29 октября взбунтовались команды нескольких линкоров и линейных крейсеров. 1 ноября началось восстание в городе Киле.

Чтобы покончить контакты революционных сил с советскими дипломатами, 5 ноября германское правительство по инициативе социал-демократа Шейдемана разрывает дипломатические отношения с Советской Россией и требует немедленной высылки наших дипломатов.

Еще 7 октября в Берлине прошла нелегальная конференция части левых сил, объединившихся в группу «Спартак». Программа «Спартака» предусматривала немедленное окончание войны, завоевание революционным путем демократических прав и свобод, свержение германского империализма, последовательное доведение до конца буржуазно-демократической революции с тем, чтобы развернуть борьбу за пролетарскую революцию.

8 ноября в Берлине спартаковцы и избранные в период январской забастовки 1918 г. на предприятиях революционные старосты призвали рабочих к всеобщей забастовке под лозунгом свержения монархии и установления социалистической республики. Утром 9 ноября сотни тысяч рабочих и солдат двинулись к центру города. К восставшим рабочим присоединились войска, и Берлин оказался в руках рабочих и солдат. В Люстгартене перед огромной массой рабочих и солдат Карл Либкнехт, освобожденный 23 октября из тюрьмы, провозгласил Социалистическую республику. Макс Баденский решил передать власть правым социал-демократам.

Император Вильгельм II в ночь на 10 ноября бежал в Голландию вместе с сыном – наследником престола кронпринцем Вильгельмом.

Хозяйственный кайзер прихватил с собой 58 железнодорожных вагонов с личным имуществом, что дало ему возможность жить безбедно до самой смерти 4 июня 1941 г. Любопытно, что Вильгельм II на что-то еще надеялся и подписал отречение лишь 28 ноября 1918 г.

9 ноября Макс Баденский ушел в отставку, предварительно передав власть социал-демократическому правительству во главе с Фридрихом Эбертом. Был образован Совет народных уполномоченных из трех представителей социал-демократической партии – СДП (Эберт, Шейдеман, Ландсберг) и трех представителей Независимой социал-демократической партии – НСДПГ (Гаазе, Дитман, Барт).

6 июня в Германии была создана комиссия по перемирию во главе со статс-секретарем ведомства иностранных дел М. Эрцбергером. Утром 8 ноября германская делегация прибыла на станцию Ретонд в Компьенском лесу, где и была принята маршалом Фошем. Ей были зачитаны условия перемирия. Они предусматривали прекращение военных действий, эвакуацию в течение 14 дней оккупированных германскими войсками районов Франции, территорий Бельгии и Люксембурга, а также Эльзаса и Лотарингии. Войска Антанты занимали левый берег Рейна (причем содержание оккупационной армии целиком возлагалось на Германию), а на правом берегу предусматривалось создание демилитаризованной зоны. Германия обязывалась немедленно возвратить на родину всех военнопленных, а также эвакуировать свои войска с территории стран, входивших ранее в состав Австро-Венгрии, из Румынии, Турции и Восточной Африки.

Германия должна была выдать Антанте 5 тыс. артиллерийских орудий, 30 тыс. пулеметов, 3 тыс. минометов, 5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов, 2 тыс. самолетов, 10 тыс. грузовых автомобилей, 6 тяжелых крейсеров, 50 эсминцев и 160 подводных лодок. Остальные корабли германского военноморского флота разоружались и интернировались союзниками. Блокада Германии сохранялась.

Компьенское перемирие имело ярко выраженный антисоветский характер. Согласно статье 12-й, германские войска продолжали оккупацию занятых ими территорий Советской России до тех пор, пока этот вопрос не решат союзники, «учитывая внутреннее положение этих территорий». Предусматривался также «свободный вход и выход в Балтийское море для военных и торговых судов Антанты», подготавливавшей вооруженную интервенцию против Советской России.

Маршал Фош решительно отверг все попытки германской делегации завязать какие бы то ни было переговоры по поводу условий перемирия.

Фактически это означало требование безоговорочной капитуляции. Германская делегация получила для ответа 72 часа. Срок ультиматума истек 11 ноября в 11 часов утра по французскому времени. Условия перемирия были сообщены в Берлин.

В конце концов, запугивая победителей «большевистской опасностью», германская делегация добилась некоторых уступок. Так, количество пулеметов, подлежащих выдаче, было снижено до 25 тыс., самолетов – до 1,7 тыс., грузовых автомобилей – до 5 тыс. Были сняты требования о выдаче подводных лодок.

Рано утром 11 ноября 1918 г. в штабном поезде главнокомандующего войсками Антанты маршала Фоша (поезд стоял близ станции Ретонд в Компьенском лесу) представителями вооруженных сил союзников и Германии было подписано перемирие. В тот же день в 11 часов по Гринвичу в столицах стран Антанты прогремел 101 орудийный залп. Великая бойня, продолжавшаяся четыре года, три месяца и десять дней, окончилась.

21 ноября 1918 г. германские надводные корабли были переведены в базу английского флота Розайт, а затем в Скапа-Флоу. Вооружение их было выведено из строя, а личный состав сокращен до минимума, способного лишь поддерживать корабли в исправном состоянии. 21 июня 1919 г. немецкие команды затопили свои корабли на внешнем рейде Скапа-Флоу. Только один линкор, три легких крейсера и четыре эсминца англичанам удалось вывести на мелкое место и спасти. Корабли, оставшиеся в Германии, были разоружены и поставлены под контроль союзных миссий.

В декабре 1918 г. революционное движение в Германии вступило в новую фазу. С 16 по 21 декабря был проведен I Всегерманский съезд Советов. Из 485 делегатов съезда было 288 социал-демократов и 87 членов НСДПГ. Революционную линию отстаивали только десять спартаковцев, возглавляемые Францем Геккертом и Евгением Левине.

16 декабря спартаковцы организовали демонстрацию рабочих перед зданием, где заседал съезд. В демонстрации приняли участие 250 тыс. рабочих и солдат. Они требовали, чтобы съезд провозгласил Германию единой социалистической республикой, передал всю власть в государстве рабочим и солдатским Советам, немедленно и энергично провел разоружение контрреволюции и вооружение рабочих.

Тем не менее правой части социал-демократов удалось убедить съезд принять решение о созыве Учредительного собрания. 30 декабря открылся Учредительный съезд Коммунистической партии Германии, на котором присутствовали 83 представителя от 46 районов, три представителя от

Союза красных солдат, один представитель молодежи и 16 гостей из других стран. Съезд утвердил доклад Карла Либкнехта о «Кризисе в Независимой социал-демократической партии и необходимости создания Коммунистической партии Германии» и принял решение, в котором говорилось: «...разрывая свои организационные связи с Независимой социал-демократической партией Германии, «Союз Спартака» учреждает себя как самостоятельная политическая партия под названием «Коммунистическая партия Германии («Союз Спартака»)».

Съезд принял программу партии, которая выдвигала задачу борьбы за дальнейшее развитие революции с целью достижения победы рабочего класса и крестьянства и установления диктатуры пролетариата.

Съезд принял неверное решение об отказе работать в реформистских профсоюзах. Вопреки настоянию Карла Либкнехта и Розы Люксембург съезд решил не участвовать в выборах в Национальное собрание. За участие в выборах проголосовали 23, а против – 64 делегата. Съезд избрал Центральный комитет из 12 членов. В него вошли Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Вильгельм Пик, Кэте и Герман Дункер и другие.

11 января 1919 г. социал-демократическое правительство вводит в Берлин верные ему войска. Коммунисты были объявлены вне закона. 15 января без суда и следствия офицеры убили Розу Люксембург и Карла Либкнехта.

19 января в обстановке жестокого террора, наступившего после подавления берлинского восстания, состоялись выборы в Национальное (Учредительное) собрание Германии. Германская коммунистическая партия в выборах не участвовала.

В выборах приняли участие 30 млн избирателей. Социал-демократы получили 11,5 млн голосов и 165 мандатов, независимые социал-демократы – 2,5 млн голосов и 22 мандата. Эти две партии имели 45,5 % всех мандатов. Остальные 54,5 % мандатов получили буржуазные партии.

Национальное (Учредительное) собрание открылось 6 февраля 1919 г. в небольшом городке Веймаре в Тюрингии. В день открытия собрания Центральный Совет рабочих и солдат по предложению социал-демократического руководства постановил передать все свои права Национальному собранию. Таким образом была предпринята ликвидация Советов в Германии.

11 февраля Учредительное собрание избрало Эберта президентом республики. Новое правительство, сформированное из социал-демократов, представителей демократической и католической партий, возглавил Шейдеман.

А теперь от внутривойсковой борьбы в Германии вновь вернемся к положению на Западном фронте. В декабре 1918 г. верховному командованию Германии удалось отвести всю армию за Рейн. Ни одна ее часть не попала в плен. Правящие круги в Германии вздохнули с облегчением: план сохранения армии казался выполненным. Правда, армия была уже не прежней: она быстро поддавалась влиянию революции.

Германское командование по возможности саботировало ультимативные требования союзников. Так, Германия продолжала закладывать новые подводные лодки, хотя по условиям перемирия должна была сдать весь свой подводный флот. Всего на немецких верфях строилось 64 лодки. Германия срывала план поставки локомотивов и вагонов, а в числе сданных ею паровозов было много неисправных.

«Я думаю, – признавался Гофман, – что пока Антанта не имеет никакого представления, что делается у нас, иначе она давно потребовала бы, чтобы мы прекратили плутовать. Антанта все еще полагает, что у нас сохранилась крепкая армия и что мы играем с ними комедию»^[10].

Между тем срок перемирия истекал. От Антанты пришло требование прислать уполномоченных для продления перемирия. Нота была направлена в адрес верховного командования Германии. Немецкое военное командование воспользовалось этим, чтобы подчеркнуть, что Антанта не считается с берлинским правительством. На предварительном совещании с германской делегацией начальник Генерального штаба генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург предлагал при продлении перемирия добиваться следующих условий: предмостные укрепления и нейтральная зона на правом берегу Рейна уничтожаются; граница проходит по Рейну, причем между Германией и оккупированными областями сохраняется свобода сообщений; оккупационная армия должна быть сокращена, и блокада снята.

12 и 13 декабря в Трире германская делегация вела переговоры с маршалом Фошем. На протесты маршала по поводу затягивания выполнения условий перемирия председатель германской делегации Эрцбергер заявил, что срок был дан слишком короткий, что и сами союзники, со своей стороны, не выполнили обещания дать Германии продовольствие. Фош никак не среагировал на это утверждение. Тогда Эрцбергер указал на опасность революции: армия и страна находятся в состоянии опасного брожения, возможен переворот. Это Фош принял к сведению. Трирским соглашением перемирие было продлено еще на один месяц, до 13 января 1919 г. В качестве новой гарантии союзники оставляли за собой право занять нейтральную зону на правом берегу Рейна, к северу

от кёльнского предмостного укрепления и до голландской границы. Об оккупации должно было последовать уведомление за шесть дней.

Тут же союзники выговорили себе свободный проход через Данциг и Вислу. В Данциг предполагалось выслать польскую армию под командованием генерала Галлера, которая формировалась во Франции.

Французы всеми силами поддерживали польских националистов в попытке возрождения Речи Посполитой в границах 1792 г. Месячного продления перемирия оказалось опять недостаточно; и к этому сроку союзники не закончили предварительных переговоров. К тому же Франция и не спешила, ибо заключение мира вынудило бы Фоша демобилизовать армию, а перемирие позволяло держать солдат под ружьем. Понадобилось новое продление, тем более что в Германии ширилось революционное движение. Эрцбергеру в Берлине пришлось ехать на вокзал окольным путем, так как в районе станции шли уличные бои.

14 января 1919 г. в Касселе правительственная делегация встретилась с германским верховным командованием. Они обсуждали линию поведения и решили предложить союзникам общий фронт против большевиков в обмен за уступки на Западе. Немцы готовы были впустить войска Антанты в Берлин, если там победит пролетарская революция. «Если они вопреки всему, – писал Гофман о спартаковцах, – захватят власть, Берлин займет Антанта. Такие перспективы не очень отрадны, но все же это некоторая страховка»^[11].

Во время переговоров о продлении перемирия Фош потребовал в качестве штрафа за недоставленные локомотивы и вагоны присылки 58 тыс. сельскохозяйственных машин. Кроме того, маршал настаивал на подчинении русских военнопленных, находящихся в Германии, комиссии союзников, немедленном возвращении всего увезенного Германией из Северной Франции и Бельгии имущества и предоставлении немецкого торгового флота в распоряжение союзников для подвоза продовольствия Германии и другим странам Европы. На ответ немцам дано было 24 часа.

Эрцбергер просил увеличить срок, он возражал против всех пунктов. Маршал оставался неумолим. Эрцбергер снова воспользовался уже испытанным средством: германские уполномоченные пробовали пугать союзников угрозой революции и настойчиво предлагали свои услуги для борьбы с большевизмом.

Как только Эрцбергер получил сообщение о победе правых в ходе беспорядков в Берлине, он поспешил к маршалу Фошу. В своих мемуарах Эрцбергер писал: «Я отправился в 11 часов к маршалу Фошу на вокзал, где сообщил противникам только что полученное известие об убийстве

Либкнехта и Розы Люксембург. Это сообщение произвело на всех присутствующих глубокое впечатление. Я тотчас заявил, что выдача сельскохозяйственного материала до 1 марта 1919 г. невыполнима: она разрушила бы немецкое сельское хозяйство и сделала бы невозможной будущую жатву».

Фош, настаивавший первоначально на том, чтобы 50 % машин было доставлено немедленно, сбавил две трети этого количества и согласился назначить конечным сроком выдачи 1 мая, и то лишь «в принципе». Так германская дипломатия обменяла кровь Либкнехта на машины.

16 января перемирие было продлено опять на один месяц, до 17 февраля 1919 г. Требования Фоша были приняты: немцы согласились предоставить весь свой торговый флот в распоряжение союзников для обеспечения Германии продовольствием. При этом германская делегация согласилась на смену немецкого экипажа – «постановление, принятое в защиту от большевизма», как признавался Эрцбергер.

Глава 4. Подготовка к мирной конференции

Условия перемирия в известной мере предопределяли и условия мира. Эти условия в основном были подготовлены давно и подвергались только некоторым изменениям в связи с новым соотношением сил. Французское правительство мечтало о расчленении Германии. Ему очень хотелось отбросить Германию назад, к тому положению, какое она занимала до Франкфуртского мира (1871 г.). Недаром сам Клемансо в речах и репликах постоянно возвращался к Франкфуртскому миру, не без злорадства напоминая, что он в свое время отказался его подписать. Но наиболее агрессивные элементы во Франции требовали Германии, переброшенной по образцу Вестфальского мира 1648 г.

Каковы были истинные намерения Франции, можно судить по тайному соглашению, заключенному Францией с царской Россией в феврале 1917 г., буквально накануне отречения Николая II. Россия соглашалась на французский план установления границ с Германией при условии, если Франция удовлетворит стремление России получить Константинополь и Проливы и признает за Россией полную свободу в установлении ее западных границ. По этому тайному соглашению Франция получала Эльзас-Лотарингию и весь углепромышленный бассейн долины реки Саар. Граница Германии проходила по Рейну. Германские территории, расположенные по левому берегу Рейна, отделялись от Германии и составляли автономные и нейтральные государства. Франция занимала эти государства своими войсками до тех пор, пока Германия окончательно не удовлетворит всех условий и гарантий, которые включены будут в мирный договор. В завуалированной форме это была едва ли не вечная оккупация, поскольку всегда можно было найти факты, что Германия «не окончательно» удовлетворила все условия.

В свое время опубликование большевиками этого секретного соглашения вызвало переполох во всем мире. Английский министр иностранных дел Бальфур 19 декабря 1917 г. заявил официально в палате общин: «Мы никогда не давали своего согласия на это дело... Никогда мы не желали этого, никогда не покровительствовали этой идее».

Французская пресса с возмущением писала, что все это выдумки. Но граница по Рейну всегда в том или ином виде оставалась требованием

французских правящих кругов. И прежде всего на этом настаивали французские генералы. Всю Англию обошло интервью маршала Фоша, данное им корреспонденту «Таймс» 19 апреля 1919 г. Ударяя карандашом по карте француско-германской границы, маршал Фош говорил: «Здесь нет никаких естественных преград вдоль всей границы. Неужели здесь мы должны будем удерживать немцев, если они снова нападут на нас? Нет! Здесь! Здесь! Здесь!» И маршал несколько раз прочертил карандашом по Рейну.

Граница по Рейну сама по себе еще не определяла всей программы Франции. Насчитывая всего 40 млн населения, притом почти не увеличивавшегося, Франция боялась даже обезоруженной Германии с ее 70 млн непрерывно растущего населения. Французские стратеги хотели создать по ту сторону Германии блок стран, которые заменили бы прежнего союзника – царскую Россию.

Любопытно, что планы «санитарного кордона» Россия, Англия и Франция разрабатывали еще в 1916 г., то есть когда их руководству Октябрьская революция не снилась и в кошмарном сне.

Ллойд Джордж в своих военных мемуарах рассказывает, что осенью 1916 г. английское министерство иностранных дел представило правительству меморандум относительно основ, на которых предполагалось разрешить территориальные вопросы в Европе после окончания войны. В меморандуме предусматривалось, что Польша должна стать буфером между Россией и Германией. По мысли автора меморандума, создание такой Польши, а также нескольких государств на территории Австро-Венгрии «оказалось бы эффективным барьером против русского преобладания в Европе»^[12].

Каким диссонансом звучат планы западных союзников в отношении России и бредни наших либералов о победе, украденной у царя Николая II злодеями масонами и большевиками! Да если бы и не было Октябрьской или даже Февральской революции, не видать бы России не только Константинополя, но и Прибалтики, и Кавказа, и «санитарный кордон» все равно бы был, хотя и с другой вывеской: не против большевизма, а против «царского империализма».

И вот теперь, в начале 1919 г., французские дипломаты считали, что восстановленные Польша и Чехословакия, усиленные Румыния и Югославия должны были составить цепь союзников Франции по ту сторону Германии и вместе с тем барьер между Германией и Советской Россией. С помощью огромной контрибуции, лишь ради приличия названной репарациями, французские правящие круги надеялись подорвать

экономическую мощь Германии. Колонии Франции расширялись за счет Германии в Африке и за счет Турции в Малой Азии.

Выполнение этого плана, то есть господство над Центральной и известной частью Восточной Европы, проникновение на Балканы, твердые позиции в Африке и на Ближнем Востоке, делало Францию гегемоном Европы. Это предстояло закрепить на мирной конференции. «...Этот мирный договор, как и все другие, является и не может не быть лишь продолжением войны», – писал Клемансо в предисловии к книге Тардьё, своего ближайшего советника и члена французской делегации на Парижской конференции.

Выполнение программы Франции выпало на долю беспощадного человека, который как-то сказал, что «20 млн немцев являются излишними». За долгие годы политической борьбы Клемансо приобрел огромный опыт. «Сокрушитель министерств», «тигр» – таковы были клички Клемансо, которому удалось ловкими маневрами опрокинуть несколько министерских кабинетов.

Позиция французской дипломатии на конференции была довольно сильной: за ее спиной стояла огромная континентальная армия; маршал Фош диктовал Германии условия перемирия и многого уже добился.

Но даже и такому опытному и непреклонному политику, как Клемансо, было трудно проводить на конференции свою программу. Приходилось лавировать, отступать, выдвигать туманные формулировки, сталкивать лбами своих соперников. Мир превращался не столько в «продолжение войны» с Германией, сколько в борьбу недавних союзников.

Англия, интересы которой представлял Ллойд Джордж, добившись сокрушения Германии, хотела на конференции закрепить мирным договором то, что было добыто силой оружия. Морское превосходство Англии определяло ее позицию на конференции. Германия как морская держава перестала существовать. Правда, флот ее не был разбит в бою, но значительная его часть стояла в английской гавани Скапа-Флоу. Колонии Германии большей частью перешли к Англии. В ее же руках находились Месопотамия, Аравия и Палестина, отнятые английской армией у Турции. Превосходство Англии подкреплялось союзом с Японией. Опираясь на Японию, Англия могла противостоять США. С другой стороны, для борьбы с непомерно возросшими претензиями Франции в Европе ей можно было опираться на те же США, которые также возражали против расчленения Германии по примеру Вестфальского мира. Проникновение Франции на Балканы Англия могла нейтрализовать, поддержав против Франции Италию и, с другой стороны, мобилизовав балканские страны против той

же Франции.

Слабым местом в плане Ллойд Джорджа было отношение к Германии. Возражая против расчленения Германии, Ллойд Джордж думал в то время использовать ее против Советской России. А это требовало сохранения Германии как военной державы, создавая тем самым возможность для Германии собраться с силами и вновь выступить против той же Англии.

Положение Америки в кругу мировых держав резко изменилось в конце войны. Из страны-должника США превратились в страну-кредитора, которой Европа задолжала около 10 млрд долларов. Обеспечить получение долгов нельзя было, не вмешиваясь в европейские дела. Приходилось окончательно отказаться от прежней позиции невмешательства – и президент США Вильсон впервые в истории страны покинул пределы родины, отбыв на Старый континент, в Европу.

Тогдашних руководителей Америки пугало морское могущество Англии. «Уничтожение германского военного флота, – признает Бекер, написавший книгу о Вильсоне, – давало британцам беспримерный в истории перевес над всеми державами... Морское могущество Англии увеличилось еще в большей степени благодаря союзу между Британией и Японией, третьей великой державой мира».

Считая возможность конфликта между Великобританией и США маловероятной, «правда, не вследствие чувства взаимной симпатии», а потому, что обе державы обладали избытком территории на земном шаре, Бекер заключает: «Тем не менее морское превосходство Англии было важным моментом, определившим ее поведение на мирной конференции».

Сам Вильсон поддерживал положение, что американский флот должен быть таким, чтобы он мог поспорить с любым флотом мира. «Ни одному флоту в мире, – говорил американский президент 3 февраля 1916 г. в Сен-Луи, – не приходится защищать так далеко растянувшуюся область, как американскому флоту; поэтому он должен, по моему мнению, превосходить все прочие флоты мира своей активностью».

В целях ослабления Англии и Японии США добивались расторжения англо-японского союза. С другой стороны, можно было затруднить положение Англии в Европе, не допустив полного разгрома Германии. В этом вопросе США и Англия играли одной и той же картой. Но Ллойд Джордж ставил ее против Франции и России, а Вильсон – против Англии и советской страны.

В позиции США также были свои сильные стороны. Формально мирный договор строился на основе 14 пунктов Вильсона – по крайней мере обе враждующие коалиции официально об этом заявили. Взоры всего

мира прикованы были к Вильсону. Все видели в нем спасителя. В Европе Вильсону устраивали головокружительные встречи. В Париже его принимали восторженнее, чем Фоша, превознесенного как национального героя. Вся пацифистская пресса мира поддерживала веру в спасительную миссию президента. «Вильсон, не сдавайся!» – с таким лозунгом во всю страницу выходила лейбористская газета, противопоставляя поборников «новой дипломатии» дипломатам старой школы.

К числу дипломатических успехов Вильсона следует отнести в первую очередь заключение перемирия на основе 14 пунктов, внесение устава Лиги Наций в мирный договор, отказ Италии в ее притязаниях. Но у дипломатии президента были и свои слабые стороны. Прежде всего Вильсон не имел большинства в конгрессе: на последних президентских выборах в ноябре 1918 г. демократическая партия, лидером которой он был, потерпела поражение, поэтому ему приходилось все время оглядываться на оппозицию. Во-вторых, уязвимой стороной Вильсона было его стремление не допустить полного разгрома Германии, что фактически означало сохранение для нее экономических и политических возможностей готовиться к новой войне.

Наконец, крайне слабым местом дипломатии Вильсона было отношение к Советской России. В пункте 6 своих 14 условий мира Вильсон настаивал на таком разрешении вопросов, касавшихся России, которое гарантировало бы ей «полную и беспрепятственную возможность принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики». Но когда от этой декламации Вильсон перешел к практическим вопросам, то этот пункт превратился в программу расчленения России. В официальном американском комментарии к 14 пунктам, составленном полковником Хаузом (членом делегации США на Парижской конференции и личным другом Вильсона), а затем утвержденном президентом, 6-й пункт расшифровывался следующим образом: «Основной вопрос заключается в том, следует ли считать русскую территорию равнозначей территории, принадлежавшей ранее Российской империи. Ясно, что это не так, потому что пункт 13-й предполагает создание независимой Польши, – условие, которое исключает восстановление территории империи. То, что признано правильным для поляков, разумеется, должно быть так же признано и для финнов, литовцев, латышей, а возможно, также для украинцев»^[13].

На этом расчленение России не заканчивалось. Американская дипломатия предлагала рассматривать Кавказ «как часть проблемы Турецкой империи». Туркестанские республики рекомендовалось передать

в качестве подмандатной территории какой-нибудь великой державе. Не забыл Вильсон и о Великороссии, и о Сибири. Так, в официальном комментарии Хауза говорилось: «Мирная конференция может потребовать создания правительства, достаточно правомочного, чтобы говорить от имени этих территорий».

Хотя Италия на мирной конференции и считалась великой державой, но после поражения у Капоретто с ней перестали считаться. Верная своему характеру международного «шакала», Италия вертелась вокруг стола великих держав, выжидая куска добычи, который наметила себе в награду за измену Тройственному союзу. Поддерживая требования то одной, то другой великой державы, Италия переходила от угодливости к угрозам. Она даже покинула было мирную конференцию, чего, кстати, и не заметили, как не обратили внимания и на ее конфузливое возвращение в зал заседаний. Лишь в одном вопросе ее представители – премьер-министр Орландо и министр иностранных дел Соннино – не меняли своей позиции и до того, как, уходя, хлопнули дверью, и после того, как украдкой прошмыгнули обратно в ту же дверь: Италия все время настаивала на интервенции против Советской России.

Япония была представлена Сайондзи, Макино и другими делегатами, которых прозвали «молчаливыми партнерами» – так редко приходилось им выступать. В спорных вопросах, касавшихся Европы и Африки, они не выдвигали своих претензий, а систематически поддерживали Англию и США, надеясь на соответствующие компенсации в тихоокеанских вопросах. И тогда их молчаливость сменялась неудержимым многословием. Оставаясь в стороне от американско-европейского конфликта и тем не менее всячески его углубляя, японские дипломаты под шум общей перепалки добивались захвата азиатского материка.

Что касается остальных стран, участвовавших на мирной конференции, то они самостоятельной роли не играли, а если и выступали, то лишь в роли свиты или клиентов великих держав.

Противоречия между странами не могли не прорваться на мирной конференции. Это было ясно для всех. Не случайно британский министр иностранных дел Бальфур перед Парижской конференцией обронил: «По-видимому, мирная конференция превратится в несколько беспокойное и бурное предприятие».

Глава 5. Парижская конференция

В Париж на конференцию съехались более тысячи делегатов, сопровождаемых множеством сотрудников: ученые-эксперты – историки, юристы, статистики, экономисты, геологи, географы и др., а также переводчики, секретари, стенографистки, машинистки и даже солдаты. Президент Вильсон привез с собой охрану из Америки, а британский премьер Ллойд Джордж – свою из Лондона. Американскую делегацию обслуживали 1300 сотрудников, и содержание американской миссии вылилось в полтора миллиона долларов. Только официально зарегистрированных на конференции журналистов насчитывалось более 150, а репортеров и интервьюеров, кружившихся вокруг отелей, занятых делегациями, было бесчисленное множество.

12 января на Кэ д'Орсэ состоялось первое деловое совещание премьер-министров, министров иностранных дел и полномочных делегатов пяти главных держав. Председательствующий французский министр иностранных дел Пишон предложил присутствующим обсудить порядок работы конференции.

Сразу встал вопрос о языке конференции, протоколов и будущих текстов мирного договора. Клемансо заявил, что до сих пор все дипломаты пользовались французским языком и нет никаких оснований менять этот обычай, особенно если вспомнить, «что пережила Франция». Ллойд Джордж предложил пользоваться также и английским языком, потому что полмира говорит на этом языке, и к тому же надо принять во внимание, что США выступают в Европе впервые на дипломатическом поприще. Итальянский министр иностранных дел Соннино, кстати, отлично говоривший по-французски, заявил, что французское предложение оскорбляет Италию. Раз уж принимается во внимание, что пережила Франция, то не следует забывать и об Италии, выставившей на фронт от 4 до 5 млн солдат, аргументировал Соннино в пользу итальянского языка. «Плохое начало для будущего союза наций», – проворчал на это Клемансо. В конце концов признали стандартными языками английский и французский.

Уладив вопрос о языке, приступили к обсуждению регламента конференции. Это вызвало большие трудности, поскольку все 27 наций настаивали на своем участии в прениях, совещаниях и решениях. Искали прецедентов в истории, вспоминали про организацию Венского конгресса,

обсуждали, нельзя ли принять за образец его «комиссию четырех» или «восьми», и т. д.

Клемансо настаивал на том, чтобы в первую очередь во внимание принимались мнения великих держав. Он говорил: «Я до сих пор постоянно держался того мнения, что между нами существует соглашение, в силу которого пять великих держав сами разрешают важные вопросы прежде, чем входят в зал заседаний конференции.

В случае новой войны Германия бросит все свои армии не на Кубу или Гондурас, а на Францию; Франция будет снова отвечать. Поэтому я требую, чтобы мы держались принятого предложения; оно сводится к тому, чтобы происходили совещания представителей пяти названных великих держав и, таким образом, достигалось разрешение важных вопросов. Обсуждение второстепенных вопросов должно быть до заседания конференции предоставлено комиссиям и комитетам».

Английские же доминионы требовали, чтобы их рассматривали как самостоятельные государства. «Мы имеем такое же значение, как Португалия», – говорили делегаты Канады. Вильсон возражал против обсуждения вопросов в тесном кругу. Англия не выступала против предложения Клемансо, но настаивала на предоставлении возможности и малым нациям принять участие в работе конференции.

После продолжительного обсуждения приняли французский проект. Все представленные на конференции страны были поделены на четыре категории. В первую входили воюющие державы, «имеющие интересы общего характера», – США, Британская империя, Франция, Италия и Япония. Эти страны должны участвовать во всех собраниях и комиссиях. Вторая категория – воюющие державы, «имеющие интересы частного характера», – Бельгия, Бразилия, британские доминионы и Индия, Греция, Гватемала, Гаити, Геджас, Гондурас, Китай, Куба, Либерия, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Сиам, Чехословацкая республика. Они должны участвовать в тех заседаниях, на которых обсуждаются вопросы, их касающиеся. В третью категорию вошли державы, находящиеся в состоянии разрыва дипломатических отношений с германским блоком, – Эквадор, Перу, Боливия и Уругвай. Их делегации будут участвовать в заседаниях только при обсуждении вопросов, непосредственно их касающихся. Наконец, четвертую категорию составляют нейтральные державы и государства, находящиеся в процессе образования. Они могут выступать или устно, или письменно в тех случаях, когда будут приглашаться одной из пяти главных держав, имеющих интересы общего характера, и только на заседания, посвященные

специально рассмотрению вопросов, прямо их касающихся. Притом, подчеркивал регламент, «лишь постольку, поскольку эти вопросы затронуты». Ни Германия, ни ее союзники в регламенте не упоминались.

Представительство между странами было распределено следующим образом: США, Британская империя, Франция, Италия и Япония послали на мирную конференцию по пять полномочных делегатов; Бельгия, Бразилия и Сербия – по три; Китай, Греция, Геджас, Польша, Португалия, Румыния, Сиам и Чехословацкая республика – по два; британские доминионы (Австралия, Канада, Южная Африка) и Индию представляли по два делегата, Новую Зеландию – один делегат. Все остальные страны получили право послать по одному делегату. Особо было оговорено, что «условия представительства России будут установлены конференцией, когда будут рассмотрены дела, касающиеся России».

По регламенту мирную конференцию должен был открыть президент Французской республики Раймон Пуанкаре. Вслед за тем временно должен был председательствовать глава французского совета министров. Для редактирования протоколов был создан секретариат – по одному представителю от каждой из пяти главных стран. Далее, было тщательно предусмотрено ведение протоколов, хранение документов, кто и как имеет право представлять петиции. Но впоследствии вся эта тщательная регламентация оказалась нарушенной. Одно совещание следовало за другим. Скоро все запутались в том, какое совещание является официальным, а где частная встреча. Вряд ли можно назвать в истории дипломатии еще одну такую беспорядочную конференцию, как Парижская: важнейшие ее совещания остались совершенно без протоколов и даже без секретарских записей. Когда занятому по горло в этих бесконечных совещаниях Клемансо сказали об этом, он пробормотал: «К черту протоколы...»

В сущности, деление стран на категории и распределение мандатов между странами уже предопределяли характер работы конференции. Первоначально все было сконцентрировано в Совете десяти, состоявшем из премьер-министров и министров иностранных дел пяти великих держав. То были: от США – президент Вильсон и статс-секретарь Лансинг, от Франции – премьер-министр Клемансо и министр иностранных дел Пишон, от Англии – премьер-министр Ллойд Джордж и министр иностранных дел Бальфур, от Италии – премьер-министр Орландо и министр иностранных дел барон Соннино, от Японии – барон Макино и виконт Шинда. Остальные полномочные делегаты конференции присутствовали лишь на пленарных заседаниях конференции, которых

почти за полгода ее работы было всего семь.

Регламент был утвержден. Собирались уже закрыть собрание, как вдруг слова потребовал маршал Фош. Не считаясь с тем, что совещание было довольно многочисленным, Фош открыто предложил организовать поход против большевиков. Он получил сообщение о занятии большевиками Вильно и теперь настаивал на переброске войск в район Данциг – Торн: этим и объясняется, почему Фош, обсуждая продление перемирия с Германией, потребовал пропуска войск через Данциг. Ядром войск, предназначенных для экспедиции, должны были являться армейские подразделения США. «Они обнаруживают еще величайшую бодрость», – объяснял свое предложение Фош. Предложение маршала преследовало троякую цель: оно оказывало помощь французскому союзнику – Польше, с другой стороны, связывало США с интересами Франции и, наконец, уводило американские войска из Франции.

Вильсон не прочь был реализовать свой план борьбы с большевиками, но в таком виде предложение маршала его не устраивало, и президент высказался против. Ллойд Джордж также отказался обсуждать это предложение. При таких условиях премьеру Клемансо ничего не оставалось, как отказаться от плана маршала, а Пишон даже внес предложение, «чтобы собрания продолжались без участия военных, которые должны удалиться».

Конференция, которой предстояло предъявить мирный договор Германии, открылась в тот же самый день, 18 января 1919 г., и в том же зеркальном зале Версаля, где 48 лет назад было провозглашено создание Германской империи. В большой речи при открытии собрания французский президент Пуанкаре потребовал санкций против виновников войны и гарантий против новой агрессии. Напомнив, что в зале заседания в свое время была провозглашена Германская империя, захватившая при этом две французские провинции, Пуанкаре говорил: «По вине своих основателей она была порочна в самом своем происхождении. Она хранила в себе зародыш смерти. Рожденная в несправедливости, она закончила свое существование в бесчестии».

Атака была направлена, можно сказать, прямо в лоб: Франция в лице Пуанкаре сразу выдвинула программу расчленения Германии. Но другие делегаты больших стран не поддержали французской позиции: у них имелись свои планы. Вильсон рекомендовал рассмотреть сначала вопрос о Лиге Наций. Он внес свое предложение еще после заседания Совета десяти от 12 января. Несколько раз потом Вильсон возвращался к Лиге Наций. Остальные участники Совета десяти колебались. Они боялись, что

принятие устава Лиги Наций может затруднить последующее решение территориальных и финансовых проблем. Так до пленума и не решился вопрос о Лиге Наций.

Пленум мирной конференции утвердил регламент работ, избрал Клемансо президентом, а Лансинга, Ллойд Джорджа, Орlando и Сайондзи – вице-президентами конференции.

Четыре дня после пленума шли длительные дискуссии в Совете десяти. Вильсон настаивал на том, что устав Лиги Наций и мирный договор должны составлять единое и неразрывное целое, обязательное для всех. Ллойд Джордж соглашался лишь на включение устава Лиги Наций в мирный договор. Французы предлагали не связывать Лигу Наций с мирным договором. В английском предложении в замаскированной форме, а во французском более явно Лига Наций так или иначе отделялась от мирного договора. Наконец решили передать вопрос о Лиге Наций особой комиссии. Передачей вопроса о Лиге Наций в комиссию дипломаты Франции и Англии надеялись надолго снять его с повестки дня. Мало того, комиссию постарались сделать как можно более громоздкой, чтобы затянуть ее работу. Французы и англичане предложили включить в состав комиссии представителей малых аций. Напрасно Вильсон настаивал на создании небольшой комиссии. Ллойд Джордж парировал: раз Лига Наций должна стать щитом малых народов, надо допустить их в комиссию. Клемансо уверял, что великие державы докажут свою готовность сотрудничать с малыми нациями, если включат их в комиссию. Так, настойчиво включали в комиссию представителей малых народов, которых столь пренебрежительно не допускали к действительной работе мирной конференции.

Вильсон понимал, что работу комиссии хотят всячески затруднить, и, со своей стороны, сделал дипломатический ход. Президент заявил, что берет на себя председательствование в комиссии. Она была названа «Комиссией отеля Крийон».

25 января на пленарном заседании конференции Вильсон изложил свой тезис: Лига Наций должна быть интегральной частью всего мирного договора. Мирная конференция приняла предложение Вильсона. Президент с головой ушел в работу «Комиссии отеля Крийон».

Отделавшись на время от вопроса о Лиге Наций, участники конференции решили перейти к другим проблемам. «Восточный и колониальный вопросы менее сложны», – уверял Ллойд Джордж, предлагая обсудить судьбу колоний, отнятых у Германии, а одновременно с ними и турецких владений.

Его поддержали прежде всего британские доминионы, которые все время требовали немедленного дележа колоний. Представитель Новой Зеландии прямо заявил, что является восторженным поклонником Лиги Наций. Однако, опасаясь ее «переобременить», он рекомендовал сначала поделить колонии, а потом уже предоставить полную возможность распоряжаться Лиге Наций. Япония еще накануне, в предварительных переговорах, также выразила согласие на постановку вопроса о колониях. Итальянский премьер Орlando не возражал. Ллойд Джордж мог, таким образом, надеяться на принятие своего предложения. Он, однако, ошибся: колониальный вопрос оказался вовсе не легким. Все соглашались с тем, что колонии не должны быть возвращены Германии. Вильсон отметил это единодушие, заявив: «Все против возвращения германских колоний». Но что с ними делать? Этот вопрос вызвал разногласия. Каждая из крупных стран немедленно предъявила свои давно обдуманые претензии. Франция требовала раздела Того и Камеруна. Япония надеялась закрепить за собой Шаньдунский полуостров и германские острова в Тихом океане. Италия также заговорила о своих колониальных интересах. Французы намекнули, что договоры, заключенные во время войны, уже разрешили ряд вопросов. Все поняли, что между странами существуют тайные договоры. Прорвалось наружу то, что скрывалось так тщательно.

При таком обороте дела Лига Наций уже оставалась в стороне. Между тем для Вильсона вопрос о Лиге Наций был прежде всего делом личной его чести. Хотя самому президенту, по признанию его историографа Бекера, не принадлежала ни одна идея – все были позаимствованы у других, – но все же президент много поработал над созданием устава, и весь мир связывал Лигу Наций с именем Вильсона. Народные массы устали от войны. Они и слышать не хотели о новых военных тяготах. Мира требовали во всех странах, во всех слоях населения. Пацифистская волна захлестнула народы. О Лиге Наций были написаны сотни книг. Пацифистские элементы сеяли мирные иллюзии в среде широких масс. В Лиге Наций видели единственную гарантию мира. Когда Вильсон сошел с корабля в Бресте, он увидел огромный транспарант, где было написано: «Слава Вильсону Справедливому!» Обойти Лигу Наций при таком настроении умов было крайне трудно. Уступить в вопросе о Лиге Наций означало для Вильсона потерять весь свой ореол. Но разумеется, дело было не столько в личном престиже Вильсона. Лига Наций должна была стать инструментом, с помощью которого Америке можно будет получить миллиарды, которые она ссудила Европе. Лига Наций могла стать рычагом влияния Америки в Европе. Поэтому Вильсон вновь заставил конференцию обратиться к

вопросу о Лиге Наций. «Мир скажет, что великие державы сперва поделили беззащитные части света, а потом создали союз народов», – говорил Вильсон.

Президент настаивал на том, чтобы вопрос о германских колониях и занятой союзниками турецкой территории был разрешен в рамках Лиги Наций. Он предложил поручить опеку над этими территориями передовым нациям, желающим и способным по своему опыту и географическому положению взять на себя такую ответственность. Осуществлять эту опеку Вильсон предлагал на основе мандатов Лиги Наций. Все участники Совета десяти выступили против принципа мандатов. Ллойд Джордж выдвинул требование английских доминионов – считать территории, занятые ими во время войны, завоеванными и входящими в состав соответствующих доминионов. Вильсон возражал. Тогда премьер-министр Англии пригласил на заседания Совета десяти самих представителей доминионов, чтобы продемонстрировать их претензии. Но и этот маневр не оказал на Вильсона никакого впечатления.

Убедившись в непреклонности президента, англичане и французы потребовали в случае принятия принципа мандатов немедленно распределить их между странами. Вильсон не уступил и в этом вопросе. Он настаивал на том, что сперва надо разработать и утвердить устав Лиги Наций.

Начались переговоры между отдельными участниками Совета десяти. Заседания совета проходили в напряженной атмосфере. Между Вильсоном и другими членами совета возникали непрерывные пререкания. Кто-то огласил в печати то, что тайно говорилось на заседании Совета десяти; кто-то рассказал о схватках Вильсона с другими делегатами. Появились иронические статьи об идеализме Вильсона: доказывалось, что сам президент не знает, как претворить свои идеи в действительность. Раздраженный президент потребовал прекратить газетную шумиху; если она будет продолжаться, то он будет вынужден выступить с исчерпывающим публичным изложением своих взглядов. «Казалось, – записал Хауз в своем дневнике 30 января 1919 г., – что все пошло прахом... Президент был зол, Ллойд Джордж был зол, и Клемансо был зол. Впервые президент утратил самообладание при переговорах с ними...»

Пошли слухи, что Вильсон покидает конференцию.

Конференция только началась и уже дала трещину. Угроза отъезда Вильсона встревожила всех. Совещание, казалось, зашло в тупик, но тут Ллойд Джордж нашелся: он доказывал, что Лига Наций признана интегральной частью мирного договора; выработка отдельных положений

устава не изменит этого факта; значит, можно, не ожидая окончательной выработки устава, немедленно приступить к распределению мандатов. Но Вильсон возражал: раз колонии будут поделены, то Лига Наций останется формальным институтом; надо предварительно утвердить устав Лиги Наций.

– Никто не может знать, когда закончится эта сложная процедура выработки устава Лиги Наций, – возражал Ллойд Джордж.

На это Вильсон ответил, что на окончание работы комиссии потребуется всего десять дней.

– Но справитесь ли вы в десять дней? – спросил Ллойд Джордж.

– Да, – подтвердил Вильсон.

– Ну, раз так, можно подождать. – И Ллойд Джордж обратился к Клемансо с вопросом, не найдет ли он нужным что-либо сказать?

На арену выступил Клемансо, до сих пор молчаливо наблюдавший за борьбой.

Клемансо решил добиться своей цели другим путем. 17 февраля заканчивался срок перемирия с Германией. Ведение переговоров находилось в руках маршала Фоша. Можно было внести в условия перемирия многое из того, что хотелось бы видеть в мирном договоре, – так, кстати, до сих пор и действовала Франция. Но когда премьер-министр Франции в Совете десяти заявил о продлении перемирия и заикнулся о том, что условия его будут еще раз пересмотрены, Вильсон высказался против. Клемансо с жаром настаивал на своем. Началось единоборство французского премьера с Вильсоном. В конце концов и в этом вопросе Вильсону удалось взять верх. Решено было продлить перемирие, оставив в основном прежние условия. Единственно, в чем уступил Вильсон, был вопрос о разоружении Германии: президент не возражал против ускорения разоружения.

Маршал Фош выехал в Трир. 14 февраля там в третий раз начались переговоры о продлении перемирия. Фош потребовал у немцев выполнения старых условий, указав, что не было выполнено, и попутно выдвинув дополнительные требования. Маршал настаивал на прекращении Германией сопротивления полякам в Познани, в Восточной Пруссии и в Верхней Силезии и на очищении от германских войск Познани, значительной части Средней Силезии и всей Верхней Силезии.

На первый взгляд в этом требовании не было нарушения указания Вильсона: оно как будто являлось лишь уточнением прежних переговоров о Данциге. На самом же деле это было новое, самостоятельное требование. Очищение Познани и Силезии предreshало вопрос о судьбе этих областей:

ясно было, что Франция собирается предоставить их полякам.

Председатель немецкой делегации Эрцбергер запротестовал. Он говорил, что Германия почти закончила демобилизацию, что под ружьем остались всего 200 тыс. человек. Эрцбергер восставал против дальнейшего разоружения Германии. Он требовал вернуть германских военнопленных. Он настаивал на присылке продовольствия в Германию, напомнив Фошу, что в 1871 г. Бисмарк по просьбе французского правительства доставил хлеб голодающему населению Парижа. «Отчаяние – мать большевизма, – угрожал Эрцбергер. – Большевизм – это телесное и душевное заболевание на почве голода. Лучшее лекарство – хлеб и право...»

В Берлине новые требования Фоша вызвали тревогу. Там хотели сначала категорически отказаться от очищения Познани и Верхней Силезии. Министр иностранных дел Брокдорф-Рантцау подал даже заявление об отставке. Но в Берлине находились неофициальные представители США. С ними встретились доверенные лица германского правительства. Немцам, видимо, сообщили, что вопрос о Верхней Силезии еще не решен на мирной конференции и вряд ли будет решен в «польском духе». Германское правительство решило подписать требование Фоша, надеясь, что его не придется выполнять, Брокдорф остался на своем посту.

В «Комиссии отеля Крийон» тем временем шла лихорадочная работа. Вильсон спешил к сроку закончить устав Лиги Наций. Это было нелегко: каждый пункт вызывал разногласия. Назначенная пленумом комиссия по выработке устава работала с 3 по 13 февраля; всего она имела десять заседаний. До официального открытия комиссии, а затем и в процессе ее работы шли частные совещания. Американцы вели переговоры то с англичанами, то с итальянцами, то с теми и другими вместе. Длительную дискуссию вызвал вопрос, чей проект устава положить в основу обсуждения. Вильсон настаивал на американском проекте; англичане выдвигали свой. После долгих колебаний президент предложил принять за основу объединенный англо-американский проект, согласованный на ряде частных совещаний.

С большим трудом добился Вильсон принятия принципа мандатов. Лансинг позже объяснил, какой довод сыграл при этом решающую роль. Доказывалось, что если бы германские колонии были аннексированы, то немцы потребовали бы включения их стоимости в счет погашения контрибуции; мандатный же принцип позволял отобрать у Германии колонии без всякой компенсации.

Французский делегат Леон Буржуа потребовал создания международной армии, которая действовала бы под оперативным

контролем Лиги Наций. Без этого, утверждали французы, Лига потеряет всякое практическое значение, и устав может превратиться в теоретический трактат.

Французское предложение отнюдь не имело в виду сделать Лигу Наций инструментом коллективной борьбы с агрессией. Его цель сводилась к тому, чтобы закрепить военное преобладание Франции над Германией и таким образом установить французскую гегемонию на европейском континенте. Такое стремление подтверждалось тем, что делегаты Франции возражали против вступления Германии в Лигу Наций. Очевидно, они замыслили превратить Лигу в антигерманский союз. Этого не хотели ни Англия, ни США. Прения затянулись. Встретившись с объединенным блоком всех партнеров, французы предложили создать хотя бы международный штаб при Лиге Наций. Однако и этот проект не нашел благоприятного отклика. Французы отступили.

Резкое столкновение вызвало предложение японцев внести в 21-ю статью устава, которая гласила о равенстве религий, также и тезис о равенстве рас. Японская дипломатия лицемерила. Сама она была проникнута духом расизма. В данном случае ей нужно было только добиться отмены тех ограничений против иммиграции японцев, которые были установлены в США и в доминионах Англии. Американцам очень хотелось поддержать Японию, чтобы иметь ее на своей стороне против Англии. Однако расовое равенство означало и равенство чернокожих с белыми. Естественно, что такая декларация затруднила бы и без того сомнительную ратификацию устава Лиги Наций американским сенатом.

День за днем японцы досаждали то американцам, то англичанам, добиваясь принятия их поправки. Выход наконец нашли в том, чтобы опустить всю 21-ю статью о религиозном пространстве. Таким образом, японцев заставили на некоторое время снять свое предложение.

13 февраля 1919 г. был наконец готов проект устава.

14 февраля, в тот день, когда маршал Фош начал переговоры о продлении перемирия, Вильсон в торжественной обстановке доложил мирной конференции статут Лиги Наций. «Пелена недоверия и интриг спала, – закончил свою речь президент, – люди смотрят друг другу в лицо и говорят: мы братья, и у нас общая цель. Мы раньше не сознавали этого, но сейчас мы отдали себе в этом отчет. И вот наш договор братства и дружбы».

С утверждением устава Лиги Наций отпадал мотив, тормозивший обсуждение условий мирного договора. Совет десяти приступил к работе. Состав его несколько изменился. Ллойд Джордж уехал в Лондон. Орlando

направился с отчетом в Рим. Клемансо был прикован к постели выстрелом анархиста. Может быть, не случайно главы правительств покинули Париж: их замещали министры иностранных дел, и это подчеркивало деловой характер конференции. Представитель Англии лорд Бальфур предложил обсудить основные вопросы мира – о границах Германии, о возмещении ею убытков и т. п. Закончить обсуждение надо было бы не позже середины марта. Барон Макино спросил, входит ли вопрос о колониях в понятие «границы Германии»? Ему ответили утвердительно. На столе появились различные пункты мирных условий. Заинтересованные страны отстаивали свои проекты. Страсти разгорались.

До чего накалилась атмосфера, можно судить по требованиям персидской делегации. Персия не участвовала в войне, но числилась в списке держав, приглашаемых в состав Лиги Наций. Делегация Персии прибыла в Париж и представила конференции меморандум, подписанный министром иностранных дел Мошавер-эль-Мемалеком. Ссылаясь на «исторические права», восходящие якобы к XVI–XVIII векам, персидское правительство требовало предоставить Персии почти половину Кавказа, включая весь Азербайджан с городом Баку, русскую Армению, Нахичевань, Нагорный Карабах и даже часть Дагестана с городом Дербентом, а также огромную территорию за Каспием, простирающуюся к северу до Аральского моря, а к востоку до Амударьи с городами Мерв, Ашхабад, Красноводск, Хива и др. В общей сложности все эти области составляли свыше 578 тыс. кв. км. Кроме того, персидское правительство претендовало еще и на значительные турецкие территории. Трудно предположить, что такие претензии являлись плодом вожделений одних лишь персидских политиков. По-видимому, за спиной Персии стояла Англия. Во всяком случае, требования Персии дают представление о той атмосфере, какая создалась на Парижской конференции.

Не было вопроса, вокруг которого не кипели бы страсти дипломатов. Япония требовала Шаньдун, против чего резко выступал Китай. Раз мы объявили войну Германии, то все захваченные ею области должны быть возвращены нам, твердили делегаты Китая. Англичане склонны были поддержать Японию, но американцы вступились за Китай.

Французы требовали поскорее кончать с Германией, чтобы потом заняться русским вопросом. Маршал Фош твердил, что союзники могут проиграть войну, если не решат русской проблемы: это может произойти тогда, когда Германия в своих интересах урегулирует отношения с Россией или же сама станет жертвой большевизма. По свидетельству члена делегации США полковника Хауза, маршал в целях борьбы с

большевистской Россией был «готов пойти на сотрудничество с Германией после подписания предварительного договора о мире, считая, что такое сотрудничество может оказаться весьма ценным».

Клемансо требовал отодвинуть французскую границу до Рейна, а из прирейнских провинций создать самостоятельную республику, лишенную вооруженных сил и права воссоединения с Германией. Вильсон, находившийся в США, ответил категорическим отказом. Французы соглашались пойти на уступку: они предлагали создать Рейнскую республику только на ограниченное время, по истечении которого можно будет разрешить населению определить самому свою судьбу. Вильсон не принял этого предложения.

Разумеется, к середине марта обсуждения условий мира так и не закончили. К этому времени из Америки вернулся Вильсон. Его забросали просьбами и заявлениями. Италия, Югославия, Греция, Албания передали ему свои меморандумы с требованием удовлетворить их запросы. Не предупредив ни Англию, ни Францию, Вильсон дал интервью о неразрывности устава Лиги Наций и мирного договора. Он добьется этой неразрывности, решительно добавил Вильсон.

Однако сам Вильсон вернулся из Америки отнюдь не триумфатором. Целый ряд сенаторов выступили против участия США в Лиге, опасаясь вовлечения Америки в европейские дела. Все чаще в печати раздавались голоса, что Вильсон нарушил доктрину Монро. Для превращения устава Лиги Наций в закон требовалось утверждение американского сената большинством по крайней мере в две трети голосов; а между тем оппозиция в сенате все усиливалась. По возвращении в Париж Вильсон стал получать тревожные телеграммы об агитации своих противников. Они требовали включения доктрины Монро в устав Лиги Наций.

В Европе знали об этих затруднениях Вильсона. «Идеи президента завоевали Европу, – писал один видный историк. – Надо ждать... завоюют ли идеи Вильсона Америку!» Поэтому окрик Вильсона не подействовал на конференцию. Досадливо отмахиваясь от надоевшего вопроса, делегаты крупных стран продолжали настаивать на выполнении своих программ. Клемансо требовал стратегической границы по Рейну и создания из германских провинций на левом берегу Рейна самостоятельного государства, в крайнем случае под протекторатом Лиги Наций. Французские правящие круги планировали соединение лотарингской руды с рурским углем. Маршал Фош говорил об опасности большевизма, угрожающей Польше. Он требовал создания «великой Польши» с передачей ей Познани и Данцига. Французов при этом вовсе не трогали

интересы поляков. Они и не собирались отстаивать их нужды. Французам хотелось создать противовес Германии и Советской России. В разгар прений Клемансо прямо заявил: «Когда был поднят вопрос об образовании польского государства, имелось в виду не только загладить одно из величайших преступлений истории, но и создать барьер между Германией и Россией...»^[14].

Вильсон это понимал – достаточно посмотреть записи его историографа Бекера. Но создание Польши по французскому образцу означало усиление Франции в Европе. Ни Америка, ни Англия не соглашались на это. «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию», – говорил Ллойд Джордж. Клемансо настаивал на своем, угрожая покинуть конференцию.

Однако при защите своих требований Клемансо допустил ошибку. Оправдывая свою программу, он твердил, что этого требует безопасность Франции. Отказав ему в границе по Рейну, Ллойд Джордж и Вильсон предложили взамен гарантировать французские границы, обязываясь оказать Франции немедленную помощь, если на нее нападет Германия. Клемансо знал, что в Америке требуют включения доктрины Монро в устав Лиги Наций. В этом случае гарантии США не имели бы реального значения, ибо доктрина Монро запрещала использовать американские войска за пределами Америки. Клемансо попытался исправить свою оплошность. 17 марта он отправил Вильсону и Ллойд Джорджу ноту, в которой выразил согласие принять гарантированную помощь со стороны обеих стран. Что касается Рейнских провинций, то Клемансо предлагал отделить в политическом и экономическом смысле левый берег Рейна от Германии и установить оккупацию левобережных провинций междусоюзными вооруженными силами на 30 лет. При этом Клемансо ставил условием, что левый берег и пятидесятикилометровая зона на правом берегу Рейна будут полностью демилитаризованы.

В качестве компенсации за свою уступку в рейнском вопросе Клемансо требовал передачи Франции Саарского бассейна. Если это не произойдет, доказывал он, Германия, владея углем, будет фактически контролировать всю французскую металлургию.

В ответ на новое требование Клемансо Вильсон заявил, что до сих пор никогда не слышал про Саар. В запальчивости Клемансо обозвал Вильсона германофилом. Он резко заявил, что ни один французский премьер-министр не подпишет такого договора, которым не будет обусловлено возвращение Саара Франции.

– Значит, если Франция не получит того, что она желает, – ледяным

тоном заметил президент, – она откажется действовать совместно с нами. В таком случае не желаете ли вы, чтобы я вернулся домой?

– Я не желаю, чтобы вы возвращались домой, – ответил Клемансо, – я намерен сделать это сам.

С этими словами Клемансо стремительно вышел из кабинета президента.

Кризис в отношениях между Францией и США дополнился резким обострением противоречий между США и Англией, а также между Францией и Англией по вопросу о разделе Турции. 20 марта на квартире Ллойд Джорджа собрались премьер-министры и министры иностранных дел Франции, Англии, США и Италии. На стене кабинета Ллойд Джорджа висела большая карта Азиатской Турции, на которой различными красками были изображены территории, отходящие к странам-победительницам. Французский министр иностранных дел изложил всю историю раздела Турции, настаивая на французских требованиях. Затем выступил Ллойд Джордж. Он заявил, что Англия выставила против Турции до миллиона солдат, и настаивал на своем проекте. Вильсон, по его собственному признанию, впервые слышал о договоре Сайке – Пико. «Это звучит как новая чайная фирма: Сайке – Пико», – пренебрежительно заметил американский президент. Он предлагал послать специальную комиссию в составе французских, британских, итальянских и американских представителей, чтобы выяснить, каково желание самих сирийцев. Клемансо не возражал против обследования, но предлагал, чтобы были обследованы также Палестина, Месопотамия и другие территории, упоминаемые в английских требованиях.

Итоги обсуждения достаточно метко определил Вильсон. На вопрос полковника Хауза, как прошло совещание с Клемансо и Ллойд Джорджем, президент ответил: «Блестяще – мы разошлись по всем вопросам».

Кстати, уехали в Сирию только американцы, так и не дождавшись английских и французских экспертов. Вернувшись, американские эксперты доложили, что сирийцы хотят быть независимыми. Клемансо громко протестовал против такого предложения. Так вопрос о Сирии и не получил разрешения на мирной конференции.

Слухи о разногласиях между державами проникли в кулуары. Три дня спустя газеты сообщили о спорах между Францией и Англией, подробно изображая столкновение премьеров. На этот раз Ллойд Джордж потребовал прекращения газетного шантажа. «Если так будет продолжаться, я уйду. При таких условиях я не могу работать», – пригрозил он. По настоянию Ллойд Джорджа все дальнейшие переговоры велись в Совете четырех. С

этого момента Совет десяти фактически уступил место так называемой «большой четверке», состоявшей из Ллойд Джорджа, Вильсона, Клемансо, Орландо. Япония в нее не входила, ибо не была представлена главой правительства. Впрочем, «большая четверка» часто сокращалась до «тройки» – Ллойд Джордж, Вильсон и Клемансо. Конференция снова зашла в тупик.

25 марта 1919 г. Ллойд Джордж прислал Клемансо и Вильсону с дачи, где обычно проводил конец недели, меморандум, озаглавленный «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий». Меморандум этот известен под названием «Документ из Фонтенбло». В нем изложена была английская программа и вместе с тем дана критика французских требований. Прежде всего Ллойд Джордж выступил против расчленения Германии. «Вы можете лишить Германию ее колоний, – писал Ллойд Джордж, – довести ее армию до размеров полицейской силы и ее флот до уровня флота державы пятого ранга. В конечном итоге это безразлично: если она сочтет мирный договор 1919 г. несправедливым, она найдет средства отомстить победителям... По этим соображениям я решительно возражаю против отторжения от Германии немецкого населения в пользу других наций в больших пределах, чем это необходимо».

Ллойд Джордж высказывался против требования польской комиссии передать под власть Польши 2100 тыс. немцев, точно так же, как и против уступки другим государствам территорий, населенных венграми. Дальше выдвигались следующие предложения. Рейнская область остается за Германией, но демилитаризируется. Германия возвращает Франции Эльзас-Лотарингию. Германия уступает Франции границу 1814 г. или же для того чтобы возместить Франции разрушенные угольные копи, нынешнюю границу Эльзаса-Лотарингии, а также право эксплуатации угольных копей Саарского бассейна на десять лет. К Бельгии отходят Мальмеди и Морено, а к Дании – определенные части территории Шлезвига. Германия отказывается от всех своих прав на бывшие германские колонии и на арендованную область Киао-Чао.

Что касается восточных границ Германии, то Польша получает Данцигский коридор, однако с таким расчетом, чтобы он охватил как можно меньше территорий с немецким населением.

Покончив с территориальными претензиями Франции, английский премьер высказался против чрезмерных требований и в вопросе о репарациях. «Я настаивал на том, – писал Ллойд Джордж, – чтобы репарационными платежами было отягчено только то поколение, которое

участвовало в войне». Германия уплачивает ежегодно в течение известного числа лет определенную сумму, которая устанавливается державами-победительницами; однако размер репараций должен сообразоваться с платежеспособностью Германии. Полученные от Германии суммы распределяются в следующей пропорции: 50 % – Франции, 30 % – Великобритании и 20 % – остальным державам.

Наконец, чтобы ограничить военную мощь Франции, Ллойд Джордж предложил обсудить вопрос о разоружении. Правда, это касалось в первую очередь Германии и малых стран: пятерка победителей сохраняла свои вооруженные силы, пока Германия и Россия не докажут своего миролюбия. В обмен за согласие приступить к переговорам о разоружении Ллойд Джордж предлагал Франции совместные гарантии Англии и США против возможного нападения Германии.

«Документ из Фонтенбло» вызвал буквально припадок бешенства у французского премьера. Клемансо поручил составление ответа своему ближайшему сотруднику Тардьё, но остался недоволен его проектом и сам принялся сочинять ноту Ллойд Джорджу. Французский премьер язвительно отметил, что английский премьер предлагает поставить Германии умеренные территориальные требования, но ничего не говорит об уступках, связанных с военно-морским положением Германии. «Если представляется необходимость, – отвечал Клемансо, – проявить по отношению к Германии особое снисхождение, следовало бы предложить ей колониальные, морские компенсации, а также расширение сферы ее торгового влияния».

В заключение Клемансо отметил, что от плана Ллойд Джорджа выиграют морские и колониальные державы, то есть Англия в первую очередь, ибо колонии у Германии отняты, флот разоружен, торговые корабли выданы, а континентальные державы останутся неудовлетворенными. Клемансо, таким образом, отказывался от всяких уступок и послаблений.

Английский премьер не остался в долгу. «Если судить на основании меморандума, – писал в ответ Ллойд Джордж, – Франция, по-видимому, не придает никакого значения богатым германским колониям в Африке, которыми она овладела. Она не придает также никакого значения ни Сирии, ни смещениям, ни компенсациям, несмотря на то что в вопросе о компенсациях ей неоднократно предоставляется приоритет... Она не придает значения и тому, что приобретают германские суда вместо французских судов, потопленных немецкими подводными лодками, а также получает часть германского военного флота...»

«В действительности Франция озабочена только тем, чтобы отнять Данциг у немцев и передать его полякам», – писал Ллойд Джордж. Раз Франция считает, что английские предложения приемлемы только для морских держав, то Ллойд Джордж берет их назад.

«Я находился под властью иллюзии, – продолжал английский премьер, – что Франция придает значение колониям, кораблям, компенсациям, разоружению, Сирии и британской гарантии помочь Франции всеми силами, в случае если она подвергнется нападению. Я сожалею о своей ошибке и позабочусь о том, чтобы она не повторилась».

В заключение Ллойд Джордж заявил, что снимает свое предложение о предоставлении Франции угольных копей Саара.

Переписка премьеров была вручена Вильсону. Снова начались заседания Совета четырех. Вильсон поддержал Ллойд Джорджа по вопросу о Сааре. Встретившись с единым фронтом обеих держав, Клемансо решил изменить свое требование: он предложил передать Саарскую область Лиге Наций, которая, в свою очередь, предоставит Франции мандат на нее на 15 лет. По истечении этого срока в области будет произведен плебисцит, который и решит вопрос о дальнейшей судьбе Саара. Но и это предложение Клемансо было отклонено. Вильсон соглашался только на посылку в Саар экспертов для выяснения, как можно было бы предоставить Франции эксплуатацию рудников без политического господства в Сааре.

Вильсон высказался также против отделения от Германии Рейнской области, даже против длительной ее оккупации французами. Зато он обещал вместе с Англией гарантировать границы Франции и оказать ей помощь в случае нападения Германии.

С такой же запальчивостью обсуждался и вопрос о репарациях. Сколько можно взять с Германии – над этим ломали голову эксперты. Английская комиссия под председательством австралийского премьера Юза наметила цифру в 24 млрд фунтов стерлингов (около 480 млрд золотых марок). Ллойд Джордж назвал эту цифру «дикой и фантастической химерой», хотя сам на предвыборных собраниях в Англии обещал «вывернуть карманы немцам». Французы требовали на одно восстановление северо-восточных департаментов 3 млрд фунтов (60 миллиардов золотых марок), в то время как, по статистическим данным, народное достояние всей Франции в 1917 г. составляло всего 2,4 млрд фунтов.

Американцы опасались, что Клемансо и Ллойд Джордж убьют курицу, несущую золотые яйца. Ведь получить долги с Англии и Франции США могли лишь в том случае, если Германия будет платежеспособной.

Американский эксперт Дэвис считал возможным потребовать с немцев только 25 млрд долларов.

Такие же споры вызвал и вопрос о распределении репараций между победителями. Ллойд Джордж предлагал 50 % всей суммы дать Франции, 30 % – Англии и 20 % – остальным странам. Франция настаивала на 58 % для себя и 25 % для Англии. После долгих споров Клемансо объявил, что последнее слово французов – это 56 % для Франции и 25 % для Англии. Вильсон предлагал 56 % и 28 % соответственно.

В конце концов американские эксперты предложили не фиксировать цифры контрибуции, а поручить это особой репарационной комиссии, которая должна будет не позднее 1 мая 1921 г. предъявить германскому правительству окончательные требования. Французы ухватились за это предложение, предполагая в будущем через комиссию добиться выполнения своего плана. В остальных вопросах к соглашению так и не пришли. Клемансо снова стал угрожать уходом, что могло вызвать правительственный кризис и отставку премьера. Вильсон со своей стороны вызвал себе из Америки пароход «Георг Вашингтон». Мирная конференция висела на волоске. Спасти ее можно было, только пойдя на взаимные уступки.

14 апреля Клемансо сообщил через полковника Хауза президенту, еще не оправившемуся после болезни, что согласен на включение доктрины Монро в устав Лиги Наций. За это американцы должны, в свою очередь, пойти на уступки: передать Франции мандат на Саарскую область, разрешить англо-французским войскам оккупировать левый берег Рейна на 15 лет в качестве гарантии выполнения Германией условий мирного договора, демилитаризировать Рейнские провинции так же, как и зону шириной в 50 км на правом берегу Рейна.

Вильсон, сильно переживавший из-за агитации своих политических противников в Америке, обрадовался предложению Клемансо. Он заявил, что готов пересмотреть свое категорическое «нет» по саарскому и рейнскому вопросам. Полковник Хауз сообщил Клемансо об ответе Вильсона. Клемансо на радостях заключил полковника в объятия. Хауз тут же попросил Клемансо прекратить нападки французских газет на Вильсона, и тот отдал соответствующее распоряжение. Утром 16 апреля парижские газеты пестрили славословиями по адресу Вильсона.

Соглашение как будто было достигнуто. Насколько оно было неожиданным, можно судить по тому, что в комиссии, где обсуждался устав Лиги Наций, французские эксперты все еще высказывались против включения в устав доктрины Монро, они еще не знали о сделке Клемансо –

Вильсона.

Оставалось убедить англичан присоединиться к уступкам Вильсона. С англичанами американская делегация вела параллельные переговоры. Они добивались отказа США от соперничества в морских вооружениях. В конце концов им были даны соответствующие устные заверения. Тогда англичане решили поддержать Вильсона. 22 апреля Ллойд Джордж заявил, что присоединяется к позиции президента по рейнскому и саарскому вопросам.

Обрадованный Вильсон получил наконец возможность доложить окончательный устав Лиги Наций на пленарном заседании конференции 28 апреля. Леон Буржуа предложил создать военный орган при Лиге Наций. Бельгийский делегат Гиманс начал было выражать сожаления по поводу того, что Брюссель не избран местом заседаний Лиги Наций. Вдруг Клемансо оборвал прения: он заявил, что предложение президента США ввиду отсутствия возражений принимается единогласно. Клемансо говорил по-французски, говорил он быстро, переводчики молчали. Большинство присутствующих его не поняли, а многие и не расслышали. Только после того как Клемансо перешел к следующему пункту повестки дня, конференция с недоумением узнала, что «приняла единогласно» устав Лиги Наций.

Спорный вопрос о доктрине Монро, так тревоживший Вильсона, был сформулирован следующим образом: «Статья 21. Международные обязательства, такие, как договоры о третейском разбирательстве, и ограниченные пределами извечных районов соглашения, как доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как несовместимые с каким-либо из постановлений настоящего статута».

По статуту Лиги Наций учредителями ее являлись государства, участвовавшие в войне против Германии, а также вновь образовавшиеся государства (Геджас, Польша, Чехословакия).

Вторую группу государств составляли страны, приглашенные к немедленному вступлению в Лигу Наций: Аргентина, Венесуэла, Дания, Испания, Колумбия, Нидерланды, Норвегия, Парагвай, Персия, Сальвадор, Чили, Швейцария, Швеция. В ноябре-декабре 1920 г. все они вступили в Лигу Наций.

Швейцария при вступлении сделала оговорку о сохранении ею постоянного нейтралитета, ввиду чего Советом Лиги Наций было признано ее «исключительное положение» и указано, что в военных выступлениях Лиги Швейцария участвует лишь экономической помощью.

К третьей категории относились все остальные государства мира. Для принятия их в состав членов Лиги Наций необходимо было согласие двух

третей голосов Собрания Лиги Наций и единогласное постановление Совета.

Основными органами Лиги Наций являлись Собрание всех представителей членов Лиги и Совет, при которых состоял постоянный Секретариат. Каждый член Лиги имел в общем собрании Лиги один голос: таким образом, Британская империя имела с доминионами 6 голосов, а с 1923 г. – вместе с Ирландией – 7 голосов. Совет Лиги Наций по первоначальному статуту состоял из 9 членов: 5 постоянных (Великобритания, Италия, США, Франция, Япония) и 4 временных, сменяющихся ежегодно. В первом составе временных членов Совета Лиги Наций были Греция, Испания, Бельгия, Бразилия. Так как США не вступили в Лигу Наций, ибо сенат не утвердил Версальского мирного договора, в Совете было фактически 8 членов.

Лига Наций признавала, что всякая война «интересует Лигу в целом», и последняя должна принять все меры для сохранения мира. По требованию любого члена Лиги немедленно созывается Совет. В случае возникновения конфликта между членами Лиги Наций они подвергают его разбирательству либо третейского суда, либо Совета и не прибегают к войне до истечения трехмесячного срока после решения суда или доклада Совета.

Если член Лиги прибегает к войне вопреки принятым на себя обязательствам, то остальные члены обязуются немедленно порвать с ним всякие торговые и финансовые отношения, а Совет должен предложить различным заинтересованным правительствам выставить тот или другой контингент войск, «предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги». Впрочем, обязательства Лиги Наций по обузданию агрессоров были очерчены так неопределенно, что, по существу, сводились к нулю.

С такой же неопределенностью была сформулирована и статья о разоружении. Лига Наций признала необходимым «ограничение национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим действием». Совету предлагалось, учитывая «географическое положение и особые условия каждого государства», подготовить планы ограничения вооружений и внести их на рассмотрение заинтересованных правительств. И только. Заинтересованные правительства могли и не считаться с такой рекомендацией.

Что касается мандатов, то они делились на три категории. В первую входили те турецкие области, которые «достигли такой степени развития,

что их существование в качестве независимых наций может быть временно признано». Державы, получившие мандат над этой категорией областей, будут управлять ими до того момента, когда подмандатные страны окажутся способными сами руководить собой. Разумеется, срок и условия наступления такого момента не были определены.

Во вторую категорию входили области Центральной Африки, которые управлялись обладателями мандатов на условиях запрещения торговли рабами, оружием, алкоголем, сохранения свободы совести и религии подвластного населения.

В третью категорию отнесены были колонии в Юго-Западной Африке и некоторые острова южной части Тихого океана, которые управлялись по законам государства, обладающего мандатом как составная часть его территории.

Само распределение мандатов не было предусмотрено уставом Лиги Наций; этим должна была заняться мирная конференция.

Наконец, при Лиге Наций было организовано Международное бюро труда. Страны, не приглашенные в Лигу Наций, могли входить в бюро труда, которое, таким образом, превращалось в своего рода испытательную комиссию для желающих быть принятыми в Лигу.

Итак, соглашение было достигнуто. Устав Лиги Наций был принят. Осталось закончить обсуждение условий мирного договора. Все 58 комиссий Парижской конференции спешно заканчивали работу. Снова не раз вспыхивали споры по тому или иному вопросу. Так, англичане и американцы требовали уничтожения подводных лодок. «Их следует объявить вне закона», – говорил Вильсон. Но французы настаивали на разделе германских подводных лодок между союзниками. В заключение Германия подписала передачу своих подводных лодок победителям.

Такие же разногласия вызвал вопрос о запрещении применять отравляющие газы. Германия обязывалась сообщить союзникам способ изготовления газов. Но требование организовать надзор над химической промышленностью Германии было снято под тем предлогом, что производство газов тесно связано со всей химической промышленностью, следовательно, раскрытие военных тайн немыслимо без оглашения коммерческих и технических тайн. Таким образом, остановившись перед неприкосновенностью частной собственности германских владельцев химической промышленности, в которой были заинтересованы и некоторые американцы, мирная конференция оставила в руках немцев сильнейшее и опаснейшее оружие войны.

С грехом пополам урегулировали основные вопросы. Можно было уже

пригласить немцев, чтобы познакомить их с предварительными условиями договора. Но тут плохо сколоченное здание мирной конференции снова зашаталось: итальянский премьер Орландо резко выступил против приглашения Германии. Он все ждал, когда займутся притязаниями Италии. Он поддерживал великие державы по принципу *do ut des* – «даю, чтобы ты дал». Но про Италию забыли. Теперь Орландо настаивал не только на выполнении обещаний, данных секретным Лондонским договором в апреле 1915 г., но и пошел дальше – он потребовал город Фиуме, который никогда не предназначался Италии. Остальные великие державы и слышать не хотели о выполнении Лондонского договора. Фиуме же намечалось передать Югославии.

Итальянские дипломаты, как обычно, повели двойную игру. Орландо убеждал Ллойд Джорджа и Клемансо, что Лондонский договор должен остаться в силе. Таким образом, Орландо как будто соглашался и с тем пунктом Лондонского договора, по которому Фиуме не предназначался Италии. В то же время Орландо говорил Вильсону, что Лондонское соглашение для США не обязательно и что Фиуме надо передать Италии. Скоро двойная игра итальянцев раскрылась. Вильсон упорствовал. Орландо заявил, что без Фиуме не может вернуться домой: итальянцы будут недовольны. На это президент ему бросил: «Я знаю итальянцев лучше, чем вы!» 23 апреля Вильсон обратился с воззванием к итальянскому народу, требуя от него великодушия. В Совете четырех Вильсон предложил превратить Фиуме в самостоятельное государство под контролем Лиги Наций. На следующий день Орландо покинул мирную конференцию. Но, выехав из Парижа, он все же оставил там своего эксперта. В Риме была инсценирована буря возмущения против Вильсона. Газеты забыли о том, что писали несколько времени назад о Вильсоне Справедливом. Сейчас они называли его виновником всех несчастий Италии.

В день отъезда Орландо, 24 апреля, вдруг выступили японцы. Они потребовали урегулировать Шаньдунский вопрос «с минимальной задержкой»; если это требование не будет удовлетворено, они не подпишут договора. Японцы весьма удачно выбрали момент для своего выступления. Уход Италии с конференции уже нанес ей удар. Было очевидно, что, если еще и Япония последует за Орландо, конференция может потерпеть крушение. Напомню, что Вильсон уже провалил японское требование о признании равенства рас. И выступить против японцев еще раз президенту представлялось слишком очевидным дипломатическим неудобством.

Вильсон колебался. Но Англия приняла сторону Японии. Ллойд Джордж советовал президенту уступить. Японцы, в свою очередь,

объявили о своем намерении в будущем вернуть Шаньдун Китаю. В конце концов Вильсон сдался: вопреки своим неоднократным обещаниям оказать помощь Китаю он согласился передать Шаньдун Японии.

Уступив Японии, союзные дипломаты отыгрались на Италии. Воспользовавшись уходом Орландо, Совет трех разрешил грекам занять Смирну, которая по тайному договору предназначалась Италии. С другой стороны, Италия, стоявшая накануне финансового краха, продолжала вести переговоры с Америкой о займе. Опасаясь, что конференция подпишет с немцами мир без Италии, Орландо вернулся в Париж.

Германские делегаты были приглашены в Версаль на 25 апреля. В телеграмме подчеркивалось, что германские делегаты вызываются для получения текста прелиминарного мира. Немецкий министр иностранных дел граф Брокдорф-Рантцау ответил, что высылает делегатов, которые будут снабжены полномочиями для принятия проекта договора и передачи его германскому правительству. С целью оттенить оскорбительный тон ответа Брокдорф назвал несколько имен делегатов, и в том числе двух канцелярских служащих. Клемансо спохватился, что зашел слишком далеко: в новой телеграмме он просил выслать делегацию, облеченную полномочиями обсуждать все вопросы, связанные с миром. 28 апреля специальный поезд с германской делегацией во главе с Брокдорф-Рантцау отправился из Берлина.

В Германии знали о разногласиях в лагере Антанты. Генерал-квартирмейстер Тренер пытался установить связь с Англией и Америкой, действуя через подставных лиц. Людендорф через своих агентов предлагал Клемансо создать специальную германскую армию для борьбы с Советской Россией. Эрцбергер также вел сношения с французами, которым развивал план восстановления Бельгии и Северной Франции руками германских рабочих. Заказы должны были быть поделены между французскими и германскими промышленниками, а вся работа вестись под наблюдением и по указаниям французской контрольной комиссии.

Министр иностранных дел Германии, в свою очередь, старался установить связи с представителями Англии и особенно Америки. Германия пыталась возможно шире использовать противоречия в лагере своих противников.

7 мая 1919 г. германская делегация была вызвана в Версаль. Клемансо открыл заседание конференции краткой речью: «Час расплаты настал. Вы просили нас о мире. Мы согласны предоставить его вам. Мы передаем вам книгу мира». Клемансо подчеркнул, что победители приняли торжественное решение «применить все имеющиеся в их распоряжении

средства, чтобы полностью добиться требуемого им законного удовлетворения». Германским делегатам до этого заявили, что никакие устные дискуссии не могут быть допущены и что немецкие замечания должны быть представлены в письменном виде. Немцам был предоставлен срок в 15 дней, в течение которого они могли обращаться за разъяснениями. После этого Верховный совет решит, в какой срок должен последовать окончательный ответ германского правительства.

Пока переводилась речь Клемансо, секретарь мирной конференции француз Дютаста с толстой белой книгой в руках подошел к столу, где сидела германская делегация, и вручил условия мира Брокдорф-Рантцау.

У германского министра были заготовлены два варианта ответа на речь Клемансо: один – на тот случай, если речь Клемансо будет корректной, и второй – если она будет агрессивной. Брокдорф-Рантцау выбрал второй вариант. «От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны, – говорил Брокдорф. – Подобное признание в моих устах было бы ложью».

Германия признает несправедливость, совершенную ею по отношению к Бельгии. Но и только. Не одна Германия совершила ошибку, говорил Брокдорф. Он подчеркнул, что Германия, как и все другие державы, принимает 14 пунктов Вильсона. Таким образом, они являются обязательными для обоих враждующих лагерей. Он поэтому против чрезмерных репараций. «Разорение и гибель Германии, – угрожал Брокдорф, – лишили бы государства, имеющие право на компенсацию, тех выгод, на которые они претендуют, и повлекли бы за собой невообразимый хаос во всей экономической жизни Европы. И победители, и побежденные должны быть начеку, чтобы предотвратить эту грозную опасность с ее необозримыми последствиями». Речь Брокдорфа закончилась вся процедура.

Больше двух дней изучали немцы условия мира. Под первым впечатлением один из делегатов предложил немедленно покинуть Париж. В Берлине была организована демонстрация протеста. 12 мая 1919 г. президент Эберт и министр Шейдеман произнесли речи с балкона перед толпой, собравшейся на улице. Шейдеман кричал: «Пусть отсохнут руки прежде, чем они подпишут такой мирный договор». Но Брокдорфу приказали остаться в Париже. Он пытался вступить в личные переговоры с руководителями конференции, надеясь добиться пересмотра некоторых пунктов договора. Германская делегация посылала ноту за нотой, настаивая на смягчении отдельных условий. Но Клемансо неизменно отвечал отказом. Немцы и здесь использовали свой излюбленный прием, пытаясь

запугать противников революцией. Брокдорф-Рантцау предложил созвать в Версале международный рабочий конгресс для обсуждения вопросов рабочего законодательства. Разумеется, дело было не в защите рабочих интересов. Немцы хотели использовать рабочее движение, чтобы с его помощью повлиять на мирную конференцию. Но Клемансо понял этот план. Он отказался вести какие бы то ни было переговоры о конгрессе.

Из Берлина летели одна телеграмма за другой с протестами против признания Германии ответственной за войну. Германская делегация заявляла в ноте, что не признает только одну свою страну виновницей этого бедствия. Ведь недаром мирная конференция имеет «комиссию для расследования ответственности зачинщиков войны».

Такая комиссия действительно была создана. Немцы, узнав о ее существовании, потребовали сообщить им результаты ее работы.

Клемансо язвительно ответил немцам, что непрерывное стремление Германии свалить с себя вину может быть понято только в том случае, если она действительно чувствует ее за собой. Ведь сама же Германия в ноябре 1918 г. заявила, что она согласна возместить все убытки, происшедшие в результате ее нападения на суше, на воде и с воздуха.

В ответ на довод, что новая Германия не может отвечать за действия старого правительства, Клемансо напомнил 1871 г., когда Германия не спрашивала у Французской республики, желает ли она отвечать за грехи французской монархии. Точно так же и в Бресте Германия заставила новую Россию признать обязательства царского правительства.

20 мая граф Брокдорф попросил продлить срок предоставления ответа. Он не терял надежды сыграть на противоречиях среди союзников и поэтому настаивал на отсрочке. Ему дали 8 дней. Германский посол выехал в Спа. Туда же прибыли представители германского правительства. 29 мая Брокдорф-Рантцау вручил Клемансо ответную ноту Германии. «Прочитав в указанном документе об условиях мира, — писал Брокдорф, — те требования, которые нам предъявила победоносная сила противника, мы ужаснулись». Германия протестовала против всех пунктов мирных условий и выдвигала свои контрпредложения. Немцы соглашались на 100-тысячную армию, но настаивали на принятии Германией в Лигу Наций. Они отказывались в пользу Франции от Эльзаса-Лотарингии, требуя, однако, провести там плебисцит. Они выражали готовность уступить полякам значительную часть Познаньской провинции и предоставить Польше доступ к открытому морю. Они принимали передачу своих колоний Лиге Наций при условии признания также и за Германией права на получение мандата. В качестве репараций Германия соглашалась уплатить 100 млрд

золотых марок, из них 20 млрд до 1 мая 1926 г. Она уступала часть своего флота. Что касается виновности в войне, то Германия настаивала на создании беспристрастной комиссии, которая расследовала бы этот вопрос.

Пока Совет четырех знакомился с германскими контрпредложениями, Брокдорфа посещали неофициальные представители воюющих держав. Были у него и французы, и англичане. У немцев складывалось представление, что противник готов пойти на уступки. Из каких-то источников немцы узнали о разногласиях по вопросу о разоружении. Впрочем, когда 23 мая на Совете четырех обсуждался доклад военных экспертов Верховного совета об ограничении вооружений малых государств, там присутствовало свыше тридцати человек. При таком трудно было сохранить тайну!

Незадолго перед этим совещанием военные эксперты получили указание определить численность войск малых наций пропорционально армии, оставленной Германии и составлявшей 100 тыс. человек. Это означало, что Австрия должна иметь армию в 15 тыс., Венгрия – 18 тыс., Болгария – 10 тыс., Чехословакия – 22 тыс., Югославия – 20 тыс., Румыния – 28 тыс., Польша – 44 тыс. и Греция – 12 тыс.

Союзники Германии не были представлены на конференции, хотя Австрия уже получила приглашение. Они не могли открыто выразить свой протест, но остальные страны и слышать не хотели о таком составе их армий. Американский генерал Блисс, делавший доклад, полагал, что 100 тыс. человек недостаточно для Германии, нужно увеличить армию и соответственно увеличить численность войск малых наций. Но против пересмотра этого вопроса резко выступил Клемансо.

5 июня представители Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии и Греции были приглашены на заседание Совета в квартире Вильсона. На предварительном совещании, после продолжительной дискуссии, они выработали единую линию поведения – отказаться от сокращения армий. Заседание у президента происходило в крайне накаленной атмосфере. Делегаты приглашенных стран категорически настаивали на сохранении своих армий. Напрасно их убеждали Вильсон и Ллойд Джордж. Клемансо не выступал. Делегаты чувствовали его молчаливую поддержку. Соглашение так и не было достигнуто. Делегаты малых стран покинули заседание.

Германия знала об этих разногласиях и надеялась, что они помогут ей добиться уступок. Но ожидания ее не оправдались. 16 июня Брокдорфу вручили новый экземпляр мирного договора. Это была та же толстая книга, в которую теперь от руки были вписаны красными чернилами некоторые

изменения. Франция отказывалась от своего суверенитета в Саарской области в пользу Лиги Наций. Для управления областью назначались пять комиссаров. В Верхней Силезии предназначено было провести плебисцит. В сопроводительной ноте Клемансо подчеркнул, что договор «должен быть принят или отвергнут в том виде, в каком он изложен сегодня». На ответ давалось пять дней. В случае неполучения ответа державы объявят, что перемирие кончилось, и примут те меры, которые сочтут необходимыми, «для того чтобы силой провести и выполнить эти условия». Единственная уступка состояла в том, что немцам по их настойчивой просьбе прибавили еще 48 часов к этим пяти дням.

Немецкая делегация отбыла в Берлин.

Начались заседания германского правительства. Одни министры, в том числе и Брокдорф-Рантцау, предлагали не подписывать мирного договора, надеясь, что разногласия в лагере победителей позволят добиться более мягких условий. Другие настаивали на подписании мирного договора, опасаясь распада империи. Но и те, которые требовали подписания, открыто говорили, что выполнять условия не следует. Запросили мнение Гинденбурга. Он ответил, что армия неспособна сопротивляться и будет разбита, надо сохранить во что бы то ни стало армию и ее верховный штаб. Тайно вели переговоры с французами. Те дали понять, что кайзера и генералов не тронут.

Замечу, что не только французы, но и англичане первоначально мечтали о расправе над кайзером. В 1990-х гг. британская королева Елизавета II фарисейски заявила, что она не посещала СССР из-за того, что-де его руководители причастны к смерти ее родственника Николая II и его семьи. Между тем именно король Георг V и его окружение категорически отказались принять свергнутого царя и его семейство. Вильгельм II находился с Саксен-Кобург-Готской династией, правящей до сих пор в Англии^[15], в той же степени родства, что и Николай II. Тем не менее в 1916–1917 гг. аристократы из партии консерваторов организовали движение «Повесим кайзера». И лишь боязнь большевиков заставила англичан и французов отказаться от этого намерения.

21 июня германское правительство сообщило, что готово подписать мирный договор, не признавая, однако, что германский народ является ответственным за войну. На следующий день Клемансо ответил, что союзные страны не пойдут ни на какие изменения в договоре и ни на какие оговорки и требуют либо подписать мир, либо отказаться от подписания. 23 июня Национальное собрание Германии приняло решение подписать мир без всяких оговорок. Настроение было чрезвычайно напряженное. Боялись,

что Антанта может начать наступление. Какой-то депутат, по свидетельству Эрцбергера, волнуясь по поводу затянувшихся прений, истерически кричал: «Где мой автомобиль? Я должен сейчас же ехать! Сегодня ночью появятся французские летчики!»

28 июня 1919 г. новый министр иностранных дел Германии Герман Мюллер и министр юстиции Белл подписали Версальский мир.

Глава 6. Условия Версальского договора

По Версальскому мирному договору Германия обязывалась вернуть Франции Эльзас-Лотарингию в границах 1870 г. со всеми мостами через Рейн. Угольные копи Саарского бассейна переходили в собственность Франции, а управление областью было передано Лиге Наций на 15 лет, по истечении которых плебисцит должен был окончательно решить вопрос о принадлежности Саара. Левый берег Рейна оккупировался Антантой на 15 лет. Территория на 50 км к востоку от Рейна полностью демилитаризировалась. В округах Эйпен и Мальмеди предусмотрен был плебисцит, в результате они отошли к Бельгии. То же самое относилось и к районам Шлезвиг-Голштейна: они перешли к Дании. Германия признавала независимость Чехословакии и Польши и отказывалась в пользу первой от Гульчинского района на юге Верхней Силезии, а в пользу Польши – от некоторых районов Померании, от Познани, большей части Западной Пруссии и части Восточной Пруссии. Вопрос о Верхней Силезии разрешался плебисцитом. Данциг с областью переходил к Лиге Наций, которая обязалась сделать из него вольный город. Он включался в польскую таможенную систему. Польша получала право контроля над железнодорожными и речными путями Данцигского коридора. Германская территория была разделена «Польским коридором».

Всего от Германии была отторгнута одна восьмая часть территории и одна двенадцатая часть населения. Союзники заняли все германские колонии. Англия и Франция поделили между собой Камерун и Того. Немецкие колонии в Юго-Западной Африке отошли к Южно-Африканскому Союзу. Австралия получила Новую Гвинею, а Новая Зеландия – острова Самоа. Значительная часть немецких колоний в Восточной Африке была передана Великобритании, часть – Бельгии, треугольник Кионга – Португалии. Острова на Тихом океане севернее экватора, принадлежавшие Германии, область Киао-Чао и германские концессии в Шаньдуне стали владениями Японии.

Всеобщая воинская повинность в Германии отменялась. Армия, состоявшая из добровольцев, не должна была превышать 100 тыс. человек, включая контингент офицеров, не превышающий 4 тыс. человек. Генеральный штаб распускался. Срок найма унтер-офицеров и солдат определялся в 12 лет, а для вновь назначаемых офицеров – 25 лет. Все укрепления Германии уничтожались, за исключением южных и восточных.

Самое позднее с 31 марта 1920 г. германская армия не должна будет насчитывать более семи дивизий пехоты и трех дивизий кавалерии.

В каждой пехотной дивизии должно состоять 410 офицеров и 10 830 рядовых, в кавалерийской дивизии – 275 офицеров и 5300 рядовых.

Артиллерия пехотной дивизии должна была состоять из двадцати семи 7,7-см пушек и двенадцати 10,5-см гаубиц, 9 средних и 27 легких минометов. Кавалерийская же дивизия должна была обходиться лишь двенадцатью 7,7-см пушками.

Тяжелой артиллерии полевые части не должны были иметь. Германской армии запрещалось вообще иметь противотанковую и зенитную артиллерию, а также танки и броневики.

Согласно статье 181 договора: «По истечении двухмесячного срока со дня вступления в силу настоящего Договора силы германского военного флота не должны превышать в вооруженных судах:

6 броненосцев типа «Deutschland» или «Lothringen»,
6 легких крейсеров,
12 контр-миноносцев,
12 миноносцев
или равного числа судов для замены, построенных, как это
сказано в статье 190.

Они не должны заключать в себе никаких подводных судов.

Всякие иные военные корабли, поскольку нет противоположного постановления настоящего Договора, должны быть сданы в резерв или получить торговое назначение».

Согласно статье 191: «Постройка и приобретение всяких подводных судов, даже торговых, будут воспрещены Германии».

Германия была лишена права пользоваться дальней радиосвязью.

Согласно статье 197: «В течение трех месяцев, которые последуют за вступлением в силу настоящего Договора, германские радиотелеграфные станции большой мощности в Науэне, Ганновере и Берлине не должны употребляться, без разрешения Правительств Главных Союзных и Объединившихся держав, для передачи сообщений, относящихся к вопросам морского, военного или политического порядка и интересующих Германию или державы, которые были союзницами Германии во время войны. Эти станции могут передавать коммерческие телеграммы, но только под контролем названных правительств, которые установят длину употребляемых волн.

В течение того же срока Германия не должна строить радиотелеграфных станций большой мощности как на своей собственной территории, так и на территории Австрии, Венгрии, Болгарии или Турции».

Ни армия, ни флот не должны были иметь вообще никаких самолетов и даже «управляемых воздушных шаров».

Согласно статье 201: «В течение шести месяцев, которые последуют за вступлением в силу настоящего Договора, изготовление и ввоз воздушных судов, частей воздушных судов, а также двигателей для воздушных судов и частей двигателей для воздушных судов будут воспрещены на всей территории Германии».

Германия фактически теряла суверенитет над своей территорией. Так, все ее аэродромы должны были быть открыты для самолетов союзников, которые могли летать куда угодно и когда угодно. Кильский канал, проходящий в глубину германской территории, должен был быть всегда открыт для торговых и военных (!) кораблей союзников. Были объявлены международными путями реки Эльба, Одер, Неман и Дунай (от Ульма до впадения в Черное море).

Для наблюдения за выполнением военных условий договора создавались три международные контрольные комиссии.

Экономические условия договора сводились к следующему. Особая репарационная комиссия должна была определить к 1 мая 1921 г. сумму контрибуции, которую Германия обязана была покрыть в течение 30 лет. До 1 мая 1921 г. Германия обязывалась выплатить союзникам 20 млрд марок золотом, товарами, судами и ценными бумагами. В обмен за потопленные суда Германия должна была предоставить все свои торговые суда водоизмещением свыше 1600 т, половину судов свыше 1000 т, одну четверть рыболовных судов и одну пятую часть всего своего речного флота и в течение пяти лет строить для союзников торговые суда общим водоизмещением по 200 тыс. т в год.

Захват германского торгового флота представлял открытый акт пиратства. Любопытно, что то же самое союзники проделали и с российским торговым флотом, правда, без каких бы то ни было статей договоров. Сейчас русскоязычные ителлигенты-образованцы умиляются барону Врангелю, который-де сохранил честь русского флага, приведя в Бизерту русский флот под Андреевским флагом. Любопытно, что Врангель увел из Крыма 134 вымпела, один малый миноносец утонул по пути, а вот в Бизерту прибыло около 15 кораблей. Риторический вопрос: куда делись остальные? Да «толкнул» их барон по демпинговой цене, а деньги большей частью разошлись по карманам французских адмиралов и генералов. Ну

конечно, кое-что досталось и самому барону, и его окружению. В Бизерте же оказались никому не нужные изношенные военные корабли. В 1925 г. Наркомфин оценил угнанные Врангелем торговые суда Черного моря в 8 млн. 300 тыс. золотых руб.

Аналогично белые увели и продали весь торговый флот из Мурманска и Архангельска. Адмирал Старк увел целую флотилию из Владивостока в Манилу и там продал американцам.

Помимо всего прочего, Германия в течение 10 лет обязывалась поставлять Франции до 140 млн т угля, Бельгии – 80 млн, Италии – 77 млн. Германия должна была передать союзным державам половину всего запаса красящих веществ и химических продуктов и одну четвертую часть из будущей выработки до 1925 г. Германия отказывалась от своих прав и преимуществ в Китае, Сиаме, Либерии, Марокко, Египте и соглашалась на протекторат Франции над Марокко и Великобритании над Египтом.

Весьма интересны статьи Версальского договора в разделе «Россия и Русские государства». Согласно статье 116: «Германия признает и обязуется уважать, как постоянную и неотчуждимую, независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской Империи к 1-му августа 1914 г.

Согласно с постановлениями, включенными в статьи 259 и 292 частей IX (Финансовые положения) и X (Экономические положения) настоящего Договора, Германия окончательно признает отмену Брест-Литовских договоров, а также всяких иных договоров, соглашений или конвенций, заключенных ею с Максималистским Правительством в России.

Союзные и Объединившиеся державы формально оговаривают права России на получение с Германии всяких реституций и репараций, основанных на принципах настоящего Договора».

Статья вроде бы вполне приличная. Но уже в первой фразе заключена беспредельная наглость и глупость «версальских мудрецов».

К 28 июня 1919 г. по всей России шла Гражданская война, причем воевали не только белые с красными. Войну вели десятки националистических клик с красными, белыми и между собой. Никаких границ еще не было и в помине. Даже опереточные эстонское и латвийское правительства не могли договориться об общей границе, и дело дошло до вооруженных столкновений. Какие же «незалежные» государства должна была признать Германия и какие границы? Как показала история, единства в признании тех или иных границ в пределах бывшей Российской империи не было даже у самих западных союзников.

Статья 116 специально была написана союзниками, дабы заранее поссорить Германию с красной или белой Россией – без разницы.

Что же касается права России на репарации с Германией, то это было издевательство над двумя великими народами. С одной стороны, Россия в войне 1914–1918 гг. понесла людские и материальные потери куда большие, чем Франция, и по справедливости должна была получить большие репарации с Германии. Но, с другой стороны, Германия физически была не в силах выплатить уже наложенные на нее репарации Франции, Англии и Бельгии. Так что же могла получить Россия что большевистская, что деникинская?

Оценивая Версальский договор, Ленин называл его грабительским и зверским: «У Германии он берет уголь, берет молочных коров и ставит ее в условия неслыханного, невиданного рабства»^[16].

Еще более точной стала фраза: Версальский мир «является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты... победивших стран»^[17].

Замечу, что Ленин не был единственным, кто предрекал крах Версальскому миру, нечто подобное высказали десятки дипломатов и политиков Англии, США, Италии и Германии. Мир стал лишь двадцатилетним перемирием.

Глава 7. Возникновение северного очага Второй мировой войны

28 июня 1919 г. двадцатилетнее перемирие наступило только на Западе. На востоке Европы Версальский мир принес войну от снегов Карелии до степей Бессарабии. А иначе и быть не могло. В Версале принимали решения по глобусу с подсказки жуликов-националистов, втершихся в доверие к «вершителям судеб мира». Уже после того как было принято решение о присоединении Богемии к Чехословакии, американский президент Вильсон узнал, что там проживает более трех миллионов чехов. «Три миллиона, – изумился Вильсон. – Любопытно! Масарик^[18] мне никогда об этом не сообщал».

В британском кабинете министров на полном серьезе обсуждали вопрос о предоставлении военной помощи белому генералу... Харькову.

В итоге на востоке Европы объявилось свыше дюжины никогда ранее не существовавших государств. Начался хаос. Уверен, что найдутся образованцы-либералы, которые будут утверждать, что свершилась воля народов, требовавших, все как один, национальной независимости и т. д. Ниже мы увидим, в каких анекдотичных условиях провозглашалась она независимость, как к власти пришли случайные люди – Остапы Бендеры различных национальностей. Главное же то, что без агрессии Антанты за несколько месяцев в Восточной Европе восстановились бы мир и порядок с естественными границами, проведенными с учетом национальностей жителей, географических и исторических факторов.

Вмешательство внешних сил, приведшее к бесчисленным бедствиям для малых народов, хорошо видно на примере Финляндии. Финны с 1809 г. жили в составе Российской империи в привилегированном положении, о котором и мечтать не могла коренная нация – русские и другие народы: татары, чуваш и т. п. В Финляндии было полное самоуправление, налоги шли в подавляющем большинстве на местные нужды, никакой русификации не было и в помине – официальная документация велась на шведском и финском языках. Обязательного призыва рекрутов в русскую армию не было ни в мирное, ни в военное время. В годы мировой войны финская буржуазия сказочно обогатилась на военных заказах, а зажиточные крестьяне и купцы – на контрабанде. Так, к примеру, русское зерно и сахар, равно как и финское масло, шли к кайзеру транзитом через Швецию.

После победы Февральской революции в России в промышленных центрах Финляндии создавались рабочие сеймы, Рабочая гвардия порядка, Красная гвардия. Руководящими революционными органами были Гельсингфорсский сейм рабочих организаций (созданный в марте 1917 г.) и левое крыло Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ), которые сотрудничали с русскими Советами солдатских депутатов, матросскими комитетами Балтийского флота и Советами рабочих депутатов, руководимыми Областным комитетом армии, флота и рабочих Финляндии, с Гельсингфорским комитетом РСДРП(б), с финским национальным районом Петроградской организации РСДРП(б).

Временное правительство 7 (20) марта 1917 г. восстановило автономию Финляндии, но выступило против ее полной самостоятельности.

По требованию Социал-демократической фракции финский сейм принял 5 (18) июля 1917 г. «Закон о власти», ограничивавший компетенцию Временного правительства вопросами военной и внешней политики. Временное правительство при помощи национальной буржуазии разогнало 18 (31) июля сейм. Буржуазия и националисты приступили к созданию вооруженных штурмовых отрядов, получивших название шюцкор (от шведского слова Skyddskar – охранный корпус). Забавно, что в этом вопросе немцы отстали от финнов на 16 лет. У них Schutzstaffeln – охранные отряды (сокращенно – SS) появились только в 1934 г.

В октябре 1917 г. состоялись новые выборы в сейм, прошедшие с многочисленными нарушениями со стороны националистов. В результате буржуазия и националисты получили большинство в сейме.

Правление СДПФ и Исполком профсоюзов Финляндии 26 октября (8 ноября) приветствовали победу Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. 31 октября – 6 ноября (13–19 ноября) в Финляндии происходила всеобщая забастовка за претворение в жизнь экономических и политических требований рабочих. Красная гвардия разоружала отряды буржуазии, занимала административные здания, вокзалы, телеграфные и телефонные станции и взяла на себя охрану общественного порядка. Во многих городах власть фактически перешла к рабочим. Однако Центральный революционный совет (образованный в ноябре) после утверждения сеймом принятых еще летом постановлений о взятии на себя верховной власти и законов о 8-часовом рабочем дне и демократизации системы коммунальных выборов призвал рабочих прекратить забастовку. 13 (26) ноября сейм утвердил сенат во главе с Пером Эвиндом Свинхувудом.

23 ноября (6 декабря) сейм в одностороннем порядке провозгласил Финляндию независимым государством.

18 (31) декабря в Смольном Ленин подписал «Постановление Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндской Республики». В постановлении говорилось: «В ответ на обращение Финляндского Правительства о признании независимости Финляндской Республики Совет Народных Комиссаров в полном согласии с принципами права наций на самоопределение постановляет:

войти в Центральный Исполнительный комитет с предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской Республики
и

б) организовать по соглашению с Финляндским Правительством особую Комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России».

Постановление Совета Народных Комиссаров лично принял в Смольном Пер Эвинд Свинхувуд – премьер-министр новообразованного государства.

Большевистские комиссары не знали, что Свинхувуд еще в декабре 1917 г. вступил в переговоры с немцами и отправил все золото Финляндского банка из Гельсингфорса на север страны. Буржуазное правительство Финляндии в октябре 1917 г. провело тайную операцию по скупке зерна у крестьян по чрезвычайно завышенным ценам. Закупленное зерно было складировано также на севере страны. Услышав о больших закупках зерна по выгодным ценам, крестьяне фактически прекратили продажу зерна в городах по обычным ценам. В стране начался голод.

Предусмотренные Постановлением Совета Народных Комиссаров практические мероприятия по отделению Финляндии от России не успели осуществиться образованием паритетной советско-финляндской комиссии, так как в Финляндии началась гражданская война. В ночь на 10 января 1918 г. [\[19\]](#) начались столкновения шюцкора с вооруженными отрядами финских рабочих (Красной гвардией).

12 января сейм признал шюцкор правительственными войсками. 16 января сенат, получивший от сейма чрезвычайные полномочия, назначил бывшего царского генерала Карла Густава Маннергейма главнокомандующим белой гвардией. В городе Васа (Николайштадт) был создан политический и военный центр контрреволюции.

Карьера Карла Густава Маннергейма началась в кавалергардском полку – личной охране государя. Барон сносно говорил по-шведски и по-

русски, а финского языка не знал вообще.

Как писал финский историк Вейо Мери: «В этот период жизни Маннергейм презрительно, в игривой, свойственной школьникам манере отзывался о финском языке и финноязычных людях. Возможно, это был юмор школьников старших классов. Летом 1905 г. он писал сестре Софи, собиравшейся в Тавастланд учить финский, что это язык чуди. Чудь – историческое название, бывшее в ходу у русских. Маннергейм сожалел, что сестра едет не в Швецию, например, а опять к этим «чухонцам».

После возвращения с войны он ко всему относился так же. Он писал, что собирается поступать в полицию, поскольку в жандармерии можно выслужиться до высоких постов. Маннергейму казалось, что на войне его заслуги не были оценены по достоинству, что его отодвинули в сторону»^[20].

Но до поступления в жандармы дело не дошло. Вернувшись из Маньчжурии в ноябре 1905 г., Маннергейм узнал, что его фамилия значится среди вновь назначенных командиров полков.

Октябрьская революция застала Маннергейма в Одесском военном округе. В конце ноября 1917 г. он попросился в отпуск «на лечение». Переодевшись в штатское платье, Маннергейм едет в Петроград, а 18 декабря того же года ночной поезд из Петрограда привозит Маннергейма в Гельсингфорс. Раз не удалась жандармская карьера, то почему бы не стать вождем «чухонцев» и даже не начать учить их язык?

Почти сразу Маннергейм становится командующим войсками белых финнов. В ходе боевых действий против красных финнов белофинны уже в январе 1918 г. стали совершать вооруженные нападения на части русской армии, дислоцированные в Финляндии.

Задним числом финские политики и историки оправдывали свою агрессию поддержкой большевистского правительства Финляндской Социалистической рабочей республики. Обвинения эти явно не выдерживают критики. Русские войска в Финляндии фактически стали небоеспособными уже осенью 1917 г. Подавляющее большинство русских солдат, находившихся в Финляндии к февралю 1918 г., не имело ни малейшего желания участвовать в гражданской войне, а мечтало лишь спокойно уехать в Россию. Офицеры же в основном крайне отрицательно относились к большевикам, и подозревать их в помощи красным финнам просто нелепо.

Чтобы избежать обвинений в пристрастности, процитирую статью Яльмара Линдера, зятя Маннергейма, опубликованную в Финляндии 28 мая 1918 г.: «То, что происходит в стране, ужасно. Несмотря на запрет

главнокомандующего, расстрелы продолжают беспрерывно. Красное безумство сменилось белым террором. Расстрелы тем более дают впечатление полного произвола, поскольку жертв выбирают и казнят в местах, где не совершалось никаких актов насилия. В лагерях для военнопленных узники мрут как мухи»^[21].

Историк Вейо Мери писал: «Предупредительной мерой и основой более жесткого курса явилось и распоряжение, обещавшее окончательно разделаться с русскими, принимавшими участие в боях. Эти русские служили советниками, пулеметчиками, артиллеристами и штабистами. После взятия Таммерфорса 200 русских было казнено на таммерфорсском вокзале. Среди них оказались белые русские офицеры, прятавшиеся в городе. В Выборге тоже расстреляли взятых в плен русских, в том числе гражданских лиц, мало того, даже поляков, коммерсантов и предпринимателей, поддерживавших белую армию»^[22].

Советское правительство в Петрограде симпатизировало красным финнам, но заявило о своем нейтралитете, опасаясь Германии. Ленин и Троцкий боялись применить силу даже для защиты жизни русских солдат и матросов, а также военного имущества в Финляндии.

В первой декаде января 1918 г. белофинны по льду подошли к ряду островов Аландского архипелага и напали на дислоцированные там подразделения русской армии. Деморализованные солдаты практически не оказывали сопротивления.

С крупными соединениями русских войск или кораблей белофинны действовали более-менее осторожно, а с небольшими изолированными подразделениями чинили расправу по своему усмотрению. Приведу текст весьма характерной телеграммы начальника Або-Аландской шхерной позиции от 16 января 1918 г.: «Г. Васа занят белой гвардией свыше 5000 человек, вооруженной орудиями, пулеметами, нашими винтовками, (под) твердым руководством немецких офицеров. Сопротивление оказать не могу, сам жду захвата. Начальник Або-Аландской шхерной позиции... Он (начальник Або-Аландской шхерной позиции) уже арестован, держались только на радиостанции, района (службы связи) нет. Служба связи вся арестована. Прием, может быть, последний. Дежурный телеграфист».

15 февраля 1918 г. к острову Аланд подошел отряд шведских кораблей. Шведы предъявили русским войскам ультиматум – до 6 часов 18 февраля эвакуировать с Аланда все русские войска на шведских судах в Ревель. Все военное имущество оставить на месте, за исключением «одной винтовки на человека».

Не помогло и вмешательство русского консула в Швеции Вацлава Воровского. В конце концов военное имущество пришлось отдать шведам и белофиннам. Особую ценность представляли береговые батареи Або-Аландской позиции.

Уже в январе 1918 г. в Васе появились десятки шведских офицеров, обучавших белофиннов. Причем многие из них, не стесняясь, ходили по улицам в шведских мундирах.

Внимательный читатель наверняка задаст вопрос, а, собственно, на каком основании эскадра нейтральной Швеции могла войти в российские территориальные воды и предъявлять ультиматум русскому командованию? А на каком основании английские мониторы шли по Северной Двине на Котлас, австрийские мониторы поднимались по Днепру, японские корабли пришли во Владивосток и на Камчатку? Когда государство больно и его вооруженные силы не могут дать сдачи, то охотников пограбить всегда найдется с лихвой. А чем, собственно, шведы хуже немцев, англичан или японцев?

В связи с наступлением немцев в Эстляндии русские эвакуировали Ревель. Батареи крепости Петра Великого частично были взорваны, а большей частью попали в руки немецких и эстонских националистов.

Боевые корабли и транспорты Балтийского флота перешли из Ревеля в Гельсингфорс.

С помощью германской армии белофинны захватили всю страну. 13 апреля на рейд Гельсингфорса вошел отряд германских тральщиков и открыл артиллерийский огонь по городу. Вслед за тральщиками на рейд вошел германский броненосец береговой обороны «Беовульф» и начал стрелять из 240/35-мм пушек. Вечером 12 апреля и в ночь на 13 апреля немцы высадили в Гельсингфорсе большой десант.

Красная гвардия отчаянно сопротивлялась немцам, но к вечеру 13 апреля большая часть зданий, занятая красногвардейцами, была взята. Моряки Балтийского флота соблюдали полнейший нейтралитет. Потери русских были случайными. Так, на госпитальном судне «Лава» был убит случайной пулей врач.

13 апреля на внутренний рейд Гельсингфорса в дополнение к «Беовульфу» вошли дредноуты «Вестфален» и «Позен».

В тот же день, несмотря на протесты русского командования, немцы заняли Свеаборгскую крепость.

14 апреля в Гельсингфорсе начались бесчинства финской белой гвардии. Дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую книгу «Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных

системах», причем для неспециалистов поясню, что это не пропагандистское, а чисто военное издание, и до 1991 г. оно находилось в секретном хранилище. «14 апреля по городу были расклеены объявления о предполагавшемся срочном выселении русско-подданных из Гельсингфорса. Затем начался захват белой гвардией русских судов под коммерческим флагом, что было опротестовано русским командованием. Захватывались главным образом буксиры и тральщики, причем это выполнялось самым бесцеремонным образом: команды выгонялись, имея 5 минут времени для сбора своих вещей, и отбиралась вся провизия. В городе и на кораблях германскими и финляндскими войсками производились аресты русских офицеров и матросов по самым нелепым предлогам. Местные газеты проявляли по отношению к России исключительную злобность и выливали ушатy грязи на все, что так или иначе было связано с русским именем... На госпитальные суда финляндское правительство наложило эмбарго и совершенно не считалось ни с флагом Красного Креста, ни с датским флагом, поднятым после принятия флотилии под покровительство Дании... Все матросы и солдаты, застигнутые в рядах красногвардейцев с оружием в руках, неукоснительно подвергались расстрелу. В одном Таммерфорсе число расстрелянных достигло 350 человек. Здесь было расстреляно, по сведениям из газет, и несколько русских офицеров. В Выборге после его взятия белогвардейцами, кроме непосредственных участников борьбы, погибло несколько десятков русских офицеров, а также воспитанников русских учебных заведений, вовсе не принимавших участия в обороне Выборга красногвардейцами. Русские граждане принуждались к скорейшему оставлению Финляндии не только открытыми репрессиями властей, но и бойкотом, публичными оскорблениями, газетной травлей и условиями жизни, близкими к полному бесправию. Ввиду спешности они при этом теряли все свое имущество, которое за бесценок распродавалось»^[23].

Как видим, расправы в отношении финнов шли по классовому признаку, а в отношении русских – по национальному. По всей Финляндии белофиннами были расстреляны несколько сот русских офицеров, причем большинство из них скрывалось от красных финнов и радостно встретило «освободителей».

В первые же дни после захвата Гельсингфорса, Або и других городов имущество русских купцов и предпринимателей безжалостно конфисковывалось. Германское командование силой оружия защищало русские суда под военным флагом, а все частные суда были захвачены финнами.

Таким образом, массовые репрессии, экспроприация частной собственности и голод начались в Финляндии на несколько месяцев раньше, чем в Советской России. И в строительстве крупных концлагерей белофинны на четыре года опередили большевиков. В 1918 г. по приказу Маннергейма национальным символом Финляндии стала свастика. Свастика появилась на военных самолетах и на бронеобъектах.

Всего же в апреле 1918 г. белофиннами было захвачено русского государственного имущества на 17,5 млрд золотых руб. (в ценах 1913 г.).

После захвата Гельсингфорса германский флот высадил десанты в восточных финских портах Ловиза и Котка. Оттуда немецкие войска двинулись в район Лахта – Тавастгус, где были значительные силы Красной гвардии. К концу апреля объединенные силы немцев и белофиннов сумели окружить красных финнов и принудить их к капитуляции. Значительная часть пленных была расстреляна, остальные отправлены в концлагеря.

25 февраля 1918 г. во всех церквях Финляндии был зачитан указ барона Маннергейма, по которому подлежали расстрелу все, кто «оказывает вооруженное сопротивление законным военным силам страны... уничтожает продовольствие» и вообще все, кто хранит дома оружие без разрешения. По финским чрезвычайно заниженным данным, весной 1918 г. было казнено 8400 красных финнов, среди которых были 364 малолетние девочки. В концлагерях в это время погибли 12,5 тыс. человек.

В лагеря было загнано столько народу, что сенат в мае 1918 г. предложил Маннергейму отпустить простых красногвардейцев, чтобы было кому заняться посевной (в Финляндии в это время свирепствовал голод).

К началу мая в руках белофиннов оказалась вся территория бывшего Великого княжества Финляндского. Но этого верхушке белофиннов было мало – они мечтали о «Великой Финляндии».

7 марта 1918 г., то есть в разгар Гражданской войны, глава финского правительства Свинхувуд заявил, что Финляндия готова пойти на мир с Советской Россией на «умеренных условиях», то есть если к Финляндии отойдут Восточная Карелия, часть Мурманской железной дороги и весь Кольский полуостров.

15 марта генерал Маннергейм подписал приказ о выступлении на завоевание Восточной Карелии трех финских групп вторжения. Маннергейм утвердил «план Валлениуса»^[24], то есть план захвата русской территории по линии Петсамо – Кольский полуостров – Белое море – Онежское озеро – река Свирь – Ладожское озеро.

Маннергейм выдвинул также в связи с началом боевых действий

финских вооруженных сил против Советской России план ликвидации Петрограда как столицы России и превращения города и прилегающей территории городов-спутников (Царское Село, Гатчина, Петергоф и др.) в «свободный город-республику» наподобие Данцига.

18 марта в поселке Ухта, занятом финскими войсками, собрался «Временный Комитет по Восточной Карелии», принявший постановление о присоединении Восточной Карелии к Финляндии.

Целями финского вторжения в Карелию и на Кольский полуостров были не только территориальные приобретения. В Мурманске скопилось огромное количество оружия, продовольствия и различного ценного оборудования. Все это было морем доставлено союзниками в 1915–1918 гг. До революции царская администрация не сумела наладить вывоз всего этого, ну а в годы революции вывоз и вовсе был прекращен.

В конце апреля 1918 г. крупный отряд белофиннов на лыжах двинулся к порту Печенга. По просьбе Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов английский адмирал Кемп приказал посадить отряд русских красногвардейцев на крейсер «Кохране» («Cochrane», водоизмещение 13 550 т, вооружение: 6 – 234-мм, 4 – 190-мм и 24 – 47-мм орудия).

3 мая «Кохране» прибыл в Печенгу, где высадил красногвардейцев. В помощь им капитан крейсера Фарм направил отряд английских матросов под командованием капитана 2-го ранга Скотта.

Первое нападение на Печенгу было произведено финнами 10 мая. Основные же силы финнов атаковали союзников 12 мая. Однако совместными усилиями английским матросам и красногвардейцам (в большинстве своем матросам с крейсера «Аскольд») удалось рассеять и отогнать финнов.

В начале апреля союзное командование послало французский крейсер «Amiral Aube» в Кандалакшу для помощи советским силам в отражении предполагаемого набега финнов. Но крейсер не смог пройти через лед в горле Белого моря. Тогда в Кандалакшу по железной дороге выслали 150 британских морских пехотинцев. Финны решили не связываться с англичанами, и нападение на Кандалакшу было отменено. Таким образом, местным русским властям с помощью англичан и французов удалось отстоять от финнов Кольский полуостров.

15 мая ставка Маннергейма опубликовала «решение правительства Финляндии объявить войну Советской России».

22 мая, обосновывая решение руководства Финляндии начать войну против Советской России на заседании сейма, депутат и один из руководителей финского министерства иностранных дел (позднее, в 1921–

1922 г., вице-премьер) профессор Рафаэль Вольдемар Эрих заявил: «Финляндией будет предъявлен иск России за убытки, причиненные войной ^[25]. Размер этих убытков может быть покрыт только присоединением к Финляндии Восточной Карелии и Мурманского побережья (Кольского полуострова)».

Но тут вмешалась Германия. Ее правительство здраво рассудило, что захват финнами Петрограда вызовет взрыв патриотических чувств населения России. А прямым следствием этого могло стать падение большевистского правительства и установление власти патриотов, сторонников «единой и неделимой России», которые неизбежно объявят войну Германии. Еще 8 марта 1918 г. император Вильгельм II официально заявил, что Германия не будет вести войну за финские интересы с советским правительством, подписавшим Брестский мир, и не будет поддерживать военные действия Финляндии, если та перенесет их за пределы своих границ.

В конце мая – начале июня германское правительство в ультимативной форме предложило Финляндии отказаться от нападения на Петроград. Финскому правительству пришлось смириться, а чересчур ретивого «ястреба» барона Маннергейма 31 мая отправили в отставку.

Как писал финский историк Вейо Мери: «Немцы помешали Маннергейму осуществить его главный замысел – захватить Петербург»^[26].

13 сентября 1918 г. представитель министерства иностранных дел Германии заявил финскому послу в Берлине, что Германия решительно предостерегает Финляндию от нападения на РСФСР, которая занята борьбой с войсками Антанты.

Несколько слов стоит сказать и о государственном устройстве Финляндии. 18 августа 1918 г. парламент, из которого были исключены все левые депутаты, провозгласил Финляндию королевством. А 9 октября парламент избрал королем гессенского принца Фридриха Карла (1868–1940), шурина кайзера Вильгельма, а регентом – Пера Эвинда Свинхувуда, бывшего председателя финского сената.

Однако в октябре 1918 г. положение Германии становится критическим. Воспользовавшись этим, Финляндия 15 октября оккупирует Ребольскую область в Карелии, принадлежащую Советской России.

После Компьенского перемирия белые финны осознали, что поставили не на ту лошадку, и решением парламента от 4 декабря 1918 г. король Фридрих Карл был низложен.

Сразу после капитуляции Германии финские власти сделали поворот

на 180° во внешней политике и стали просить покровительства у «тетушки Антанты». 12 ноября 1918 г. Маннергейм прибыл в Англию, где провел неофициальные переговоры с британскими министрами. В частности, Маннергейм попросил Лондон прислать эскадру на Балтику, и желательно побольше.

Белофинны начали новую войну с Советской Россией. В свое время, определяя границы с Финляндией, Ленин был уверен в победе красных финнов. Война же с белофиннами показала чрезвычайную уязвимость единственной базы Красного флота на Балтике – Кронштадта, и второй столицы России – Петрограда, где тогда было сосредоточено до 70 % оборонных предприятий страны. От финской территории до Кронштадта было около 16 километров, то есть радиус действия корпусной артиллерии, а до Зимнего дворца – около 22 километров. Таким образом, дальнобойная артиллерия могла с территории соседнего государства простреливать всю Северную Пальмиру.

В 40 километрах от Петрограда, на полуразрушенной базе бывшего Российского императорского яхт-клуба, была создана секретная стоянка английских торпедных катеров.

В июне 1919 г. английские торпедные катера совершили 13 походов в Петроград Северным фарватером мимо северных фортов Кронштадтской крепости. Английские торпедные катера заходили в дельту Невы и высаживали диверсантов прямо в черте города. В ночь с 17 на 18 августа английские торпедные катера атаковали корабли Балтийского флота в Кронштадтской гавани. Чтобы добраться до Кронштадта, им потребовалось всего около 30 минут. Итогом нападения стало повреждение линкора «Андрей Первозванный» и потопление разоруженного старого крейсера «Память Азова». В свою очередь, три английских катера были потоплены огнем эсминца «Гавриил».

Маннергейм заявил, что «не вложит меч в ножны, пока вся Карелия не будет включена в состав Финляндии». В итоге война в Карелии закончилась лишь в 1922 г. изгнанием финских войск. Общий ущерб Карелии от оккупации составил 5,61 млн руб. золотом.

После изгнания финнов Карельская Трудовая Коммуна была преобразована 25 июля 1923 г. в Карельскую АССР в составе РСФСР.

Итак, в 1922 г. закончилась первая война Финляндии и России. Начали ее националисты (белофинны) с нападений на русские гарнизоны, на законных основаниях находившиеся на территории Финляндии. Ссылки на то, что-де русские гарнизоны могли представить какую-либо угрозу финскому населению, попросту смешны. К началу 1918 г. русская армия

полностью разложилась, и солдаты были одержимы лишь одним стремлением – домой! Замечу, что такая же картина была на всех фронтах. Солдаты захватывали эшелоны и через несколько дней оказывались во внутренних губерниях России. Если бы вожди националистов хоть немного думали об интересах собственного населения, то они бы могли предоставить русским «золотой мост», и через пару-тройку недель русских вообще бы ветром сдуло с «незалежной» Финляндии.

Но националистам было плевать на интересы своих граждан, у них сработал грабительский инстинкт захватить как можно больше оружия и другого имущества бывшей Российской империи и теперь принадлежавшего его правопреемнику – Советской России.

Россия, связанная путами Брестского мира, действовала крайне нерешительно. Советское правительство фактически предало красных финнов и ограничивалось пассивным сопротивлением финской агрессии. Возможно, кому-то из интеллигентов-образованцев сочетание слов «агрессия» и «Финляндия» будет резать ухо. Но, увы, еще в 1918 г. Маннергейма и К° вовсе не устраивали границы Великого княжества Финляндского, и уже тогда сформировалась доктрина Великой Финляндии. Как мы уже знаем, Маннергейм послал свои войска в Эстонию и Карелию, а от нападения на Петроград его с трудом удержали вначале немцы, а потом Антанта.

Финские историки, естественно, не желают писать правды о войне 1918–1922 гг. и вместо нее создали красивый миф об «освободительной войне». Любопытно, что они начали ее в 1918 г., а как закончить, шулера от истории не знают: одни считают, что освободительная война закончилась в 1918 г., другие – в 1919 г. и т. д.

Ну что ж, если считать первую русско-финскую войну освободительной, то в ходе ее финское население освободилось лишь от тихой и спокойной жизни, которую оно имело в течение 110 лет, находясь под защитой Российской империи и практически ничего не давая взамен. За первую войну Финляндия заплатила многими десятками тысяч убитых, но главное было в другом – мирная патриархальная Финляндия превратилась в милитаристское государство, навязавшее длительный конфликт своему великому соседу.

Согласно Тартускому миру, обе стороны могли иметь на Ладожском озере и впадающих в него реках и каналах военные суда водоизмещением не более 100 т и с артиллерией, не превышающей калибр 47 мм. Финским торговым судам с мирным грузом давалось право свободного прохода по реке Неве в Ладожское озеро из Финского залива и обратно.

Ну а о близости финской границы к Кронштадту и Ленинграду уже говорилось. Риторический вопрос: какое большое государство могло пойти на такие унижительные условия мира? Вспомним, что британские политики три века утверждали, что «Антверпен – это пистолет, направленный в сердце Англии», и готовы были воевать за него. А где Антверпен и где Лондон?

В середине 1980-х гг. я постоянно рылся в архивах Артиллерийского музея в Ленинграде. И вдруг я нашел дело 1922 г. об отправке 57-мм береговых пушек Норденфельда для «противокатерной обороны Волховстроя». Я поначалу не мог понять, зачем где-то на берегах Волхова, в глубине России, возводить береговые батареи для защиты гидроэлектростанции? А потом меня как током ударило – насколько беззащитна была тогда наша страна! Действительно, с территории Финляндии через Вуокскую водную систему могли скрытно пройти на Ладогу не только быстроходные катера, но даже эсминцы, канонерки и подводные лодки. Ну а далее – прорваться вверх по Волхову и разрушить электростанцию, снабжавшую электроэнергией Ленинград и область. Кстати, в 1942 г. на Ладожском озере появились итальянские торпедные катера MAS.

Возникает еще один риторический вопрос: могла ли Советская Россия силой нормализовать свои отношения с Финляндией? Безусловно, да. Конечно, Красная Армия в 1922-м или 1924 г. была несравнимо слабее, чем в 1939 г. Но в начале 1920-х гг. еще не было линии Маннергейма на Карельском перешейке, и около половины населения Финляндии сочувствовало большевикам. Через двадцать лет вырастет новое, оболваненное националистической пропагандой поколение, да и пожилые люди окажутся подвержены постоянному промыванию мозгов. Наиболее же убежденные красные финны умрут в концлагерях.

Глава 8. Прибалтийские лимитрофы

Главу начну с самого слова «лимитрофы», непонятного 99 % молодых читателей. Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий). В Западной Европе самостийные государства, созданные на территории бывшей Российской империи, окрестили лимитрофами по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи.

После Второй мировой войны лимитрофы стали советскими республиками или членами Варшавского договора, и Хрущев велел забыть это слово. В «Большой советской энциклопедии», изданной в 1950-х гг., оно уже отсутствует.

В Прибалтике события развивались по финляндской схеме. В 1917 – начале 1918 г. пришли германские войска. По инициативе германских оккупационных властей 8 марта 1918 г. в Митаве был собран Курляндский ландтаг из 80 делегатов, большинство которых составляли германские дворяне и богатые бюргеры. Ландтаг принял решение о провозглашении под скипетром германского императора и прусского короля Курляндского герцогства.

15 марта Вильгельм II подписал акт о признании Курляндского герцогства самостоятельным государством. 12 апреля в Риге, на объединенном ландесрате Лифляндии, Эстляндии, города Рига и острова Эзель (так называемый совет прибалтийских земель; 58 делегатов, как и в ландтаге, представляли те же социальные слои) было объявлено о создании Балтийского герцогства (в его состав вошло и Курляндское герцогство), об отделении Эстонии и Латвии от России, установлении персональной унии Балтийского герцогства с Пруссией.

Правителем Балтийского герцогства стал Генрих Гогенцоллерн, брат Вильгельма II. Решение ландесрата вызвало противодействие населения и правительства РСФСР. Полномочный представитель РСФСР в Германии в ноте от 26 мая заявил о непризнании Советским правительством решения маленькой группы лиц за волеизъявление всего народа.

На территории Балтийского герцогства были запрещены все партии, профсоюзы и общественные организации, закрыты газеты и журналы. Единственным государственным языком для делопроизводства и обучения в школах стал немецкий. Дерптский университет в Эстонии был объявлен немецким. Немцы вывозили из Прибалтики все хоть сколько-нибудь

ценное, вплоть до древесины и чернозема.

27 августа 1918 г. в Берлине Советская Россия и Германия подписали добавочный договор к Брестскому мирному договору. Согласно статьям этого договора, для облегчения русских торговых сношений через Эстляндию, Лифляндию, Курляндию и Литву с Балтикой устанавливались:

1. Свободный транзитный провоз товаров через них в обе стороны.
2. Низкие железнодорожные и фрахтовые тарифы.
3. Свободное судоходство по Западной Двине (Даугаве), за исключением ряда жандармских правил и постановлений.
4. России должны быть предоставлены в портах Ревеля, Риги и Виндавы (Таллина, Риги и Вентспилса) отдельные свободные гавани (причалные стенки) и складские помещения.

Как видим, и Брестский мир, и Добавочный договор, которые были подписаны Россией, фактически не имевшей армии, под угрозой германского вторжения были нам намного выгоднее, чем позорная капитуляция Горбачева и Ельцина перед прибалтийскими националистами в 1991 г.

Сразу же после революции в Германии в Прибалтике лопнуло марионеточное герцогство и образовались национальные буржуазные правительства. 9 ноября 1918 г. Литовский совет (тариба) сформировал правительство во главе с А. Вольдемаросом.

17 ноября в Риге собрались представители восьми буржуазных партий центристского толка; ни левых, ни правых там не было. Серьезной роли эти партии не играли, в каждую входили лишь по несколько десятков функционеров. Тем не менее это собрание объявило себя Народным Советом – «единственным высшим носителем власти в Латвийском государстве».

На следующий день в рижском драматическом театре председатель Народного Совета объявил о создании Латвийского государства и правительства. «Президентом министров» (так в документе) там же в театре объявили Карла Ульманиса. Он заявил: «Все граждане, невзирая на национальность, призываются на помощь, ибо в Латвии будут обеспечены права всех народов. Это будет государство справедливости, в котором не может быть ни ущемления, ни несправедливости»^[27].

11 ноября в Ревеле было создано правительство из представителей центристских партий «Союза аграриев», «Эстонской трудовой партии» и правых социал-демократов. Премьером стал Константин Пятс, заместителем премьера и министром иностранных дел – Я. Постка. Последние два еще пару лет назад работали адвокатами, Пятс был

присяжным поверенным в конторе Постки.

Обратим внимание, что если Советы выбирала хоть какая-то часть населения – рабочие крупных заводов, воинские части, команды кораблей и т. д., то ни одно из этих правительств не избиралось. Все происходило по простейшей схеме: в годы войны или чуть раньше собирались группы людей, от силы несколько десятков. Затем это объединение назвалось партией. Пока Вильгельм II был у власти, эти господа вели себя тихо и богобоязненно, а затем быстро смекнули, что тевтонцам скоро придется собирать чемоданы. Далее представители этих партий заявлялись в германскую комендатуру – вот мы хотим быть правительством «белым и пушистым». Германские офицеры презирали эту публику, но в сложившейся обстановке вынуждены были терпеть.

Советское правительство аннулировало условия Брестского мира, и части Красной Армии повсеместно перешли демаркационную линию.

24 ноября красные начали бои за Псков, который обороняли три полка 5-й германской дивизии и около трех тысяч белогвардейцев из новосозданной Северной армии. Германские войска, почти не сопротивляясь, отошли к Изборску, и к середине дня 25 ноября красногвардейцы очистили Псков. Белые части разбились на отдельные отряды, отходившие в секторе от Юрьева до Ревеля.

6 ноября 1918 г. полковник Северной армии Генрих фон Неф заключил в Ревеле соглашение с эстонским правительством о совместных действиях. А в середине ноября в Гельсингфорсе (Хельсинки) состоялось совещание белогвардейцев, на котором присутствовал сбежавший из Петрограда генерал Юденич.

Между тем в Ревеле (Таллине) 19 ноября состоялись выборы в Совет рабочих депутатов. Большинство голосов получили большевики. В заявлении Таллинского совета говорилось: «Таллинский совет рабочих депутатов приветствует пролетариат России как могучий авангард всемирной социалистической революции, который, более года борясь в исключительно тяжелых условиях против империалистов всего мира, сумел отстоять свою свободу и обуздать свою буржуазию.

Пролетариат Эстонии все еще находится в тяжелых условиях... Крикуны и агенты буржуазного правительства заявляют, что из английских гаваней в Таллин скоро придут новые отряды усмирителей. Эстонская буржуазия предала нас иностранным насильникам. Эстонская буржуазия вступила в тесную связь с империалистами Англии и Америки. Трудовой же народ Эстонии протягивает братскую руку трудовому народу России для борьбы против общего врага за Эстонскую Советскую Республику»^[28].

По инициативе Совета эстонские рабочие восстановили на фабриках и заводах восьмичасовой рабочий день.

Совет призвал таллинский пролетариат провести 20 ноября однодневную забастовку в знак протеста против нового созыва буржуазного Земского совета. В этой забастовке участвовали около четырех тысяч рабочих.

Советское правительство решило прийти на помощь таллинским рабочим, окончательно выдворить немцев и не допустить ввода туда войск Антанты. Для этого было запланировано наступление сухопутных войск в районе Нарвы, а также два морских десанта – малый в районе Нарвы и большой в районе Ревеля. Однако большой десант был сорван из-за саботажа руководства Главного Управления водного транспорта, которое заявило об отсутствии топлива для транспортов, и Морское ведомство не пожелало выделить достаточно топлива для отряда транспортов.

Воинство Пятса и К° воевать явно не желало. 19 декабря начальник штаба Вирусского (Нарвского) фронта сообщал о массовом паническом отступлении войск на этом фронте: «Здесь солдаты просто бегут, и больше ничего. В бегство их обращают даже 3–4 большевика, и притом совершенно пассивных».

Не лучше обстояло дело и с боеспособностью кайстелийта (местного ополчения). Так, 24 декабря командующий Вирусским фронтом сообщил военному министру буржуазного правительства, что «кайстелийт ни в малейшей степени не отвечает своему назначению... Когда противник приближается на расстояние в 10–20 верст, весь кайстелийт пускается наутек... В вируском кайстелийте насчитывались 2100 человек, сейчас же из них осталось всего тридцать человек, да и то лишь потому, что это школьники и находятся в отдельном вагоне при штабе»^[29].

2 декабря в порт Виндаву прибыли четыре легких крейсера, шесть эсминцев и несколько тральщиков из британской эскадры адмирала Синклера. Следует заметить, что все британские корабли были новейшей постройки. После короткой стоянки британская эскадра двинулась в Ревель.

В ночь с 4 на 5 января 1919 г. на mine подорвался и затонул британский крейсер «Кассандра». Зато британский транспорт «Принцесса Маргарет» сумел выгрузить в Ревеле несколько тысяч винтовок, пулеметы и 76-мм зенитные орудия, которые немедленно были отправлены на фронт.

С 15 декабря 1918 г. британские крейсера и эсминцы начали систематический обстрел красных частей на правом фланге 7-й армии. После 20 декабря к ним присоединилась канонерская лодка «Лембит»

(бывшая русская канонерка «Бобр», захваченная 3 апреля 1918 г. немцами на Аландских островах и переданная ими белоэстонцам).

Балтийский флот, несмотря на подавляющее превосходство по числу кораблей и огневой мощи, не смог оказать достойного отпора англичанам. Отчасти это было связано с ледоставом в районе Кронштадта. (В западной части Финского залива лед встает позже, а то и вообще море не замерзает.) Но главной причиной стали низкий уровень дисциплины военморов и бездарность красного командования.

Англичане и французы перебросили в Эстляндию несколько тысяч солдат, в том числе из числа русских пленных, освобожденных в Германии. Генерал Юденич, командовавший белыми войсками, получил от союзников несколько десятков орудий и танков. Однако под ударами Красной Армии войска Юденича отошли на эстонскую территорию, где частью разбежались, а частью были интернированы.

31 декабря 1919 г. в городе Юрьеве (Тарту) было подписано перемирие между Эстонией и Советской Россией, а 2 февраля 1920 г. там же заключен мир. Согласно его условиям Россия признала независимость Эстонии. Государственная граница между РСФСР и Эстонией устанавливалась в основном по линии старой границы с Эстляндской и Лифляндской губерниями с присоединением к Эстонии двух районов.

Таким образом, к Эстонии прирезывалась от России полоса шириной от 10 до 25 км, проходящая к востоку от старой границы, идущей по естественным рубежам (течению реки Наровы и озерам Чудскому и Псковскому). Эта полоса становилась нейтральной (демилитаризованной) зоной на все время действия договора. Так были отторгнуты исконно русские земли, никогда в истории не принадлежавшие ни Ливонии, ни Швеции, ни иным государствам.

Кроме того, договор 1920 г. содержал статьи о безвозмездном отказе РСФСР от прав на бывшее российское имущество на эстонской территории, о выплате Эстонии золотом 15 млн руб., о возврате в Эстонию культурных ценностей, освобождении Эстонии от ответственности за долговые обязательства России.

Позже эстонские националисты создали миф об «освободительной войне 1918–1920 гг.». На самом деле белоэстонцы вместе с Юденичем, англичанами и финнами шли «освобождать» Петроград, форты Кронштадта и Псковскую губернию. Причем роль эстонских вооруженных сил в этом интернациональном походе была минимальна. Если бы не союзники, с белоэстонской армией могли покончить сами красные эстонцы и латыши.

В Латвии правительство Ульманиса было создано фактически на германские деньги. «Судя по распискам в получении денежных сумм, немецкие оккупационные учреждения за время с 22 ноября 1918 г. по 4 января 1919 г. перевели временному правительству 3 млн 750 тыс. оккупационных марок. То был едва ли не единственный источник финансирования создаваемого госаппарата и армии»^[30].

Ряд авторов утверждают, что Ульманис был «облатышившимся немцем», прибавив к своей фамилии латышское окончание «ис».

18 декабря 1918 г. в Риге нелегально была созвана 17-я конференция партии Социал-демократии Латвии (в марте 1919 г. она была переименована в Коммунистическую партию Латвии – КПЛ). Конференция приняла постановление о подготовке вооруженного восстания. А 4 декабря было создано временное советское правительство во главе с П.И. Стучкой.

Согласно директиве Троцкого от 8 декабря 1918 г., в составе Западной армии была создана Армия Советской Латвии. Фактически армия была создана на базе 1-й латышской стрелковой дивизии и Особой интернациональной дивизии (с 12 февраля 1919 г. – 2-я стрелковая дивизия) и 2-й Новгородской стрелковой дивизии.

Армия Советской Латвии стремительно наступала. 2 января 1919 г. Ульманис со своим кабинетом бежал в Митаву, а на следующий день в Ригу вступили красные латыши.

Весьма любопытен и состав армии буржуазной Латвии, без боя сдавшей Ригу. Это три роты германских добровольцев (ландвера), которыми, кстати, командовали царские офицеры, естественно, немцы по происхождению; рота капитана К.И. Дыдорова, состоявшая из этнических русских, и две (!!!) латышские роты. Всего около 1000 человек. Затем оно воинство пыталось оборонять Митаву, но 8 января драпануло оттуда при одном виде красных частей. К этому времени Ульманис был уже в Либаве, а 11 января вообще покинул Прибалтику.

9 января красные взяли город-крепость Двинск (Динабург), а к концу февраля была очищена вся территория Латвии, за исключением района Либавы.

13-16 января 1919 г. в Риге состоялся 1-й Вселатвийский съезд Советов, который принял конституцию Советской Латвии. Главой ЦИК и Совнархоза избрали Петра Стучку. Помещичьи земли были национализированы, началась подготовка строительства ГЭС на Западной Двине.

Однако в развитие событий в Латвии вновь вмешались немцы. По условиям перемирия с Антантой все германские части должны были

покинуть Прибалтику. Но многие германские военные не хотели покидать Курляндию, где много веков правили германские бароны. Ульманис и его правительство тоже не желали ухода немцев, и по соглашению между представителями Германской империи и правительствам Латвии, заключенному еще в Риге 29 декабря 1918 г., «правительство Латвии согласно признать по ходатайству о том все права гражданства в Латвии за всеми иностранцами, состоящими в армии и прослужившими не менее 4 недель в добровольческих частях, сражающихся за освобождение латвийской территории от большевиков»^[31]. Это соглашение подписали с германской стороны – Виннинг, а с латвийской – председатель Совета министров К. Ульманис и министры Р. Паэгле и Я. Залит. По этому соглашению германские добровольцы, приобретая права гражданина в Латвии, вместе с этим приобретали и права на покупку земельных участков на территории республики.

6 января 1919 г. в Либаве началось формирование русского добровольческого отряда ротмистра князя А.П. Ливена. К концу января его численность достигла 65 человек, а к началу марта – 250 человек. Отряд временно вошел в состав «балтийского ландвера». Чисто формально отряд Ливена был подчинен генералу Деникину.

В начале февраля 1919 г. в Либаву с согласия германского правительства прибыл генерал Рюдегер фон дер Гольц. В 1918 г. он отличился в гражданской войне в Финляндии, а в Курляндии его прозвали Черный рыцарь. С этого времени он стал командиром 6-го резервного корпуса, куда вошли балтийский ландвер и другие германские добровольческие части. Немцы сделали новым главой латвийского правительства пастора Андериевса Ниедра. Пастор безропотно выполнял все указания Черного рыцаря. В 1928 г. в свое оправдание Ниедра писал: «Если бы Германия не дала нам в помощь шестой резервный корпус, то Петр Стучка еще и сейчас сидел бы в Риге».

Всего под командованием Гольца оказались 40–50 тыс. солдат, свыше 95 % из которых были этнические немцы. 26 февраля «корпус» взял Виндаву, где находился небольшой отряд латышских стрелков, не имевших артиллерии.

22 мая 1919 г. войскам фон дер Гольца удалось взять Ригу. Вытеснив красных из Латвии, немцы начали воевать с белоэстонцами. Замечу, что и после изгнания немцев латыши устроили с эстонцами «междусобойчик» из-за спорных территорий и унялись лишь после грозного окрика тетушки Антанты.

В начале июля 1919 г. под сильнейшим натиском Антанты,

угрожавшей блокадой или даже вторжением в Германию, немецким войскам пришлось покинуть Прибалтику.

Однако местные немцы и часть демобилизованных солдат, решивших остаться в Курляндии, в конце августа разогнали опереточное латышское воинство. К ним присоединились около шести тысяч белогвардейцев.

Свято место пусто не бывает, посему и объявился вождь движения – полковник Павел Рафаилович Бермонт. Нашему читателю эта видная фигура Гражданской войны практически неизвестна, поэтому о нем стоит рассказать подробнее.

Жил-был в Тифлисе еврей-ювелир Рафаил Берман. И говорят, жил не хуже других, но, увы, его сын Пейсах не захотел пойти по стопам отца. Впрочем, такая ситуация была у многих евреев-ювелиров. Вспомним хотя бы, как огорчили сыновья главного нижегородского ювелира Мойшу Свердлова. Наш же юный Рафаилович увлекся музыкой. В 1901 г. его призвали в армию и зачислили капельмейстером в 1-й Аргунский казачий хор. Однако хорошего музыканта из Пейсаха не получилось, и он выбирает военную карьеру. Он отличился в Русско-японской войне, получил «Георгия» и первый офицерский чин. Где-то около 1905 г. он крестился и стал Павлом Бермонтом (Бермондтом). Как видим, небольшое удлинение, и фамилия звучит как немецкая. Но этого нашему Рафаиловичу оказалось мало, и он каким-то способом усыновился князем Михаилом Аваловым. Замечу, что в отличие от тех же Рюриковичей в Кахетии числились десятки князей, иной раз не имевших и пары слуг. Среди таковых был и Авалов. Итак, теперь наш Рафаилович на службе был Бермонтом, а при необходимости в иных местах представлялся князем Павлом Михайловичем Аваловым.

При «проклятом царизме» военная карьера Рафаиловича не удалась, и он к февралю 1917 г. дослужился лишь до ротмистра. Первые два года после падения монархии судьба носила нашего героя то в Киев, то в Питер, и вот наконец в Митаве всплыл полковник Бермонт.

В начале октября 1919 г. воинство Бермонта («Западная добровольческая армия») начинает наступление на Ригу.

9 октября Бермонт создает «Комитет управления Латвийского края», то есть местное правительство. Бермонт выпускает свои деньги. В обращение были пущены банкноты достоинством в 1, 5, 10 и 50 марок, всего на общую сумму в 10 млн марок. На одной стороне этих банкнот (их прозвали «аваловки») текст был на немецком языке, а на другой – на русском. Поверх русского текста красовалось изображение двуглавого орла с короной, а внизу немецкого текста – знак германского ордена Железного креста.

Время выпуска «аваловок» значилось: «Митава, 10 октября 1919 г.».

Авалов выпускал и собственные почтовые марки с изображением Ильи Муромца и восьмиугольного креста. Нельзя обойтись и без знамен. В производство пошли флаги: сине-бело-синий фон, в левом углу – маленький русский национальный флаг, посередине – русский герб, в центре которого помещались три отдельных герба – Лифляндии, Курляндии и Эстляндии.

«Западная добрармия» имела под ружьем 51 тыс. человек. Армия располагала сотней пушек, 50 минометами, 600 станковыми пулеметами, сотней аэропланов, тремя бронепоездами и десятью броневиками. Таким образом, Бермонт располагал куда большими силами, чем Юденич, армия которого в конце сентября 1919 г. насчитывала 18,5 тыс. солдат. Кроме того, к Бермонту непрерывно шло пополнение из Германии – люди, оружие, военные материалы. В конце октября военный агент Бермонта в Берлине подпоручик Эберхарт сообщал в Елгаву, что он закупил у германской фирмы «Гуго Стиннес» 12 танков.

8 октября войска Бермонта-Авалова захватили города Двинск и Тукумс, а на следующий день овладели пригородами Риги. Полковник Земитанс со своим штабом в панике бежал из Риги и приказал войскам занять позиции у Югльских озер. 10 октября правительство Ульманиса бежало в Цесис, предварительно сделав заявление, в котором говорилось, что правительство надеется, «что жители Риги с присущим им хладнокровием и любовью к порядку сумеют вынести и это испытание». Народный совет также перебрался в Цесис. В Риге началась паника, и в сторону Юглы потянулись потоки беженцев.

Казалось, что судьба Риги уже предопределена. Но в последний момент Бермонт остановил свои войска и при посредничестве западных союзников решил вступить в переговоры с Ульманисом.

Эта задержка и решила судьбу кампании. К вечеру 10 октября в Ригу прибыли четыре эстонских бронепоезда, а в ночь на 11 октября к крепости Динамюнде подошли четыре британских и четыре французских корабля.

Вмешательство эстонцев в принципе понять можно – с одной стороны, они боялись, что Бермонт, захватив Латвию, займется Эстонией. Ну а с другой стороны, они по-прежнему мечтали отхватить северную часть Латвии. Забегая вперед, скажу, что в последнем они преуспели, и в качестве компенсации за расходы по интервенции Эстония получила латвийский город Валка.

Лондон и Париж одновременно стремились к двум взаимоисключающим целям – подавить большевизм в России и создать

барьер из государств-лимитрофов. Еще 16 января 1919 г. Ллойд Джордж заявил в Париже: «...положение в России очень скверное; неизвестно кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась. Есть даже сообщение, что большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было, что их внутреннее положение сильно, что их влияние на народ теперь сильнее... Но уничтожить его мечом... это означало бы оккупацию нескольких провинций в России. Германия, имея миллионы человек на Восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они взбунтовались бы... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой, – безумие... Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принес бы Лондону Совет»^[32].

Тут, как говорится, лучше не скажешь! И соответственно перед тетушкой Антантой стояла дилемма – или мириться с большевиками, разумеется, стараясь получить более выгодные условия; или решительно поддержать какого-либо энергичного белого генерала: Колчака, Деникина, а за неимением лучшего сошел бы и Бермонт. Кстати, и как стратеги, и как политики Колчак и Деникин были по крайней мере не выше нашего Рафаиловича. А вот помогать белому вождю следовало не войсками (это стало бы ему медвежьей услугой), а деньгами, современным оружием и снаряжением и, что очень важно, обеспечением тылов и флангов от любых националистических бандформирований, начиная от воинства К. Пятса и кончая бухарским ханом.

Однако союзники боялись прихода к власти белого диктатора и воссоздания «единой и неделимой» куда больше, чем Ленина и Троцкого. В результате политика Антанты напоминала действия шизофреника. С одной стороны, она поддерживала белых, а с другой – националистов всех мастей – грузинских, украинских, польских, финских, эстонских и т. д. Европейцам не был понятен менталитет русского человека, от мужика до князя, который, увидев, как ляхи и чухонцы идут на Русь, сам пойдет под знамена не то что Левы Троцкого, но и Стеньки Разина.

5 октября 1919 г. союзная эскадра в составе трех крейсеров и восьми больших эсминцев открыла огонь по Усть-Двинску – стратегически важному предместью Риги, занятому Западной добрармией. Затем корабли союзников бомбардировали занимаемые аваловцами предместья Риги Торенсберг и Гагенсберг. Русско-германская артиллерия отвечала. Общие повреждения кораблей союзников англичане до сих пор не сообщали, известно лишь, что 17 октября крейсер «Дракон» получил попадание снаряда, убившего 9 и ранившего 4 моряков.

В конце концов Бермонт решил вывести свои части из зоны обстрела корабельной артиллерии. Левое крыло русско-германской армии было отведено на хорошо оборудованные Олайские позиции.

Следует заметить, что и артиллерия Западной армии нанесла серьезные повреждения судам Антанты. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные могилы британских и французских моряков в Риге. Теперь «незалежные» власти чуть ли не ежегодно устраивают торжества у этих могил с приглашением представителей флотов Англии и Франции. Однако население Риги понятия не имеет, кто стрелял в антантовцев и в кого они стреляли. Британский адмирал, приехавший в честь очередного поминовения убитых, сделал доклад о событиях октября 1919 г. для узкого круга латышских политиков. Историк Ю.Ю. Мелконов попытался получить в британском посольстве стенограмму выступления адмирала, но ему отказали без указания мотива.

После отхода аваловцев от Риги серьезных боев не было. Русско-германская Западная армия медленно продвигалась в Курземе. 22 октября она захватила Сяды (Салдус), 30 октября – Тальсен (Талси) и Цабельн (Сабиле), 9 ноября – Гольдинген (Кулдигу). 4 и 14 ноября части майора Плеве предприняли атаки в районе Либавы, но были отброшены огнем орудий с британских кораблей.

Сразу после начала наступления аваловцев на Ригу Ульманис послал своих эмиссаров в Варшаву за помощью. Пилсудский обещал помочь, но взамен потребовал Либавский порт и Латгалию. В итоге стороны не сошлись в цене, и Польша сохранила нейтралитет в курляндской оперетте.

Шантаж Антанты заставил германское правительство не только прекратить военные и торговые связи с Бермонтом, но и потребовать от него увести свои войска из Курляндии. Рафаилыч подчинился и начал отход.

Казалось бы, все, конец кровопролитию, русские и немцы без боя хотят уйти в Германию. Но великие латышские стратеги только вошли во вкус. И вот 21 ноября в 5 часов утра латышская артиллерия начала с трех сторон обстрел Митавы. От попадания снаряда возник пожар в старинном замке Бирона, горели гимназия и реальное училище. Всего за час артобстрела в городе вспыхнуло до сорока пожаров.

Как писал Н. Бережанский: «Пожар митавского замка Бирона продолжался трое суток, и замок выгорел дотла, к огромной радости латышей, исторически ненавидевших этот замок.

Митавский замок был построен великим Растрелли, в момент возведения Эрнеста Иоганна Бирона, находившегося тогда в зените своей

славы при дворе Анны Иоанновны, в Курляндские герцоги (1737)»^[33].

Позже латвийские националистические и коммунистические историки будут в унисон обвинять в гибели творения Растрелли... немцев. В книге «Латвия на грани эпох» говорится: «Отступая, бермонтовские «культуртрегеры» сожгли Елгавский дворец, здание Петровской академии, ряд других значительных сооружений»^[34].

Однако пожар Митавского замка показался Ульманису недостаточно эффектным финалом оперетты, и он 25 ноября объявил войну... Германии. Ряд рижских газет вышли с заголовками: «На Берлин». Конечно, Ульманис прекрасно знал возможности своего воинства, но ему так хотелось получить «бабки», пардон, репарации. Однако англичане обалдели от такой наглости «прибалтийского Наполеона» и резко цыкнули. В итоге 1 декабря 1919 г. Ульманис объявил о перемирии и «прекращении войны с Германией».

Правда, 2 декабря латыши все-таки попытались атаковать отходивших аваловцев, но 3 декабря германские войска – егерский батальон и 2-й и 3-й пехотные полки – изрядно наkostenали противнику под Окмянами.

В начале декабря 1919 г. около 20 тыс. русских и немцев аваловской армии спокойно перешли германскую границу и были интернированы в Восточной Пруссии в лагере Альпенгробен.

Любопытно, что многие аваловские офицеры – Фрич, Гудериан, Кюхлер, Клейст, Рабенау, Сикет фон Арним, Штильпнагель, Заломон и другие – стали впоследствии известными военачальниками Третьего рейха. Именно Курляндия стала Тулоном безвестного капитана Гейнца Гудериана.

Предвижу недоумение читателей. Налицо жесткая гражданская война в Прибалтике, агрессия Антанты. А где же злодеи-большевики? И вправду, их нет. Основные силы Красной Армии брошены на Деникина, рвавшегося к Москве, а на Западном фронте тишь да благодать, как с сентября 1939-го по май 1940 г. на линии Мажино.

Действия Антанты в Прибалтике прекрасно показывают, что ради создания барьера против России – царской, советской или деникинской – brave союзники убивали кого угодно: и немцев, и русских белых офицеров, и местных жителей, не желавших жить под властью опереточных персонажей типа Пятса, Ульманиса или Сметоны.

В 1922–1938 гг. СССР проводил очень осторожную внешнюю политику. Наше правительство постоянно шло на уступки в политических и экономических вопросах соседям как на Западе, так и на Дальнем Востоке. Сейчас эти уступки нам кажутся унижительными для великой

державы. Однако большевикам нужна была мирная передышка для того, чтобы восстановить разрушенное войной народное хозяйство, провести коллективизацию и индустриализацию, а также создать современную армию. Кроме того, советское руководство, включая Сталина, в те годы находилось в плену ленинской доктрины, согласно которой главной целью мировой буржуазии является свержение советской власти в России.

Это определило и политику в отношении прибалтийских государств. 28 сентября 1926 г. в Москве был заключен «Советско-литовский договор о ненападении и мирном разрешении пограничных конфликтов», а 4 мая 1932 г. аналогичный договор был заключен в Москве с Эстонией.

Согласно его условиям: «Стороны взаимно гарантируют неприкосновенность границ, определенных мирным договором от 2 февраля 1920 г., и обязуются воздерживаться от нападения одна на другую.

Стороны обязуются не принимать участия в политических соглашениях, направленных явно против другой стороны, а также во враждебных экономических или финансовых коалициях, имеющих целью подвергнуть другую сторону бойкоту»^[35].

Оба договора после их продления имели срок действия – 1945 г. (включительно).

Представляю, как обрадуется читатель-«либерал»: «Вот оно, коварство Сталина, заключил договор о ненападении, а в 1940 г. напал...» Ну, до 1940 г. мы еще дойдем, а вот посмотрим, как выполняла договор Эстония в 1930-х гг.

В феврале 1930 г. в Таллине начались первые переговоры Эстонии и Финляндии о военном сотрудничестве. На этом совещании стороны решили попытаться наглухо забить «окно в Европу», прорубленное Петром Великим, то есть готовились к морской блокаде СССР. Как блокировать? Ведь в 1930 г. Балтийский флот был сильнее как минимум на порядок флотов Финляндии и всех трех прибалтийских республик, вместе взятых.

Да, действительно, в открытом море один линкор «Марат» за полчаса перетопил бы все флоты лимитрофов. Но тут дело было не столько в кораблях, сколько в географии и береговой артиллерии.

Еще в ходе Первой мировой войны Россия в самом узком месте Финского залива, на его южном и северном берегах, построила десятки мощных береговых батарей, вооруженных новейшими орудиями калибра 305 мм, 254 мм, 234 мм, 203 мм и 152 мм. Подавляющее большинство этих батарей в целости и сохранности достались финнам и немцам.

С 1922 г. и финны, и эстонцы затратили большие средства на приведение в порядок береговых батарей и их модернизацию. В итоге при

попытке прорыва корабли Балтийского флота должны были пройти около 100 км под огнем 305-мм орудий, одновременно стрелявших с финского и эстонского берегов и островов. А на расстоянии около 70 км залив с обеих сторон перекрывался огнем 254-мм, 234-мм, 203-мм и 152-мм орудий. В самом узком месте Финского залива по советским кораблям за 5 минут можно было выпустить до 1000 снарядов крупного калибра. Данные о подготовке к заграждению Финского залива были совсем недавно опубликованы профессором Хельсинкского университета Яри Лескиненем.

Обе страны готовились перекрыть залив несколькими рядами минных заграждений. За минными заграждениями на всякий случай должны были дежурить семь современных подводных лодок (пять финских и две эстонские).

Штабы обеих стран до деталей согласовывали проведение операций по заграждению залива. Ежегодно летом начиная с 1930 г. оба флота проводили секретные маневры по постановке минных заграждений. В ходе учений 1936 г. береговые батареи финнов и эстонцев обстреливали реальные цели в центре Финского залива.

Любопытна и позиция нейтральной Швеции. Она еще в 1930 г. заключила секретное соглашение с Финляндией и Эстонией, что в случае их конфликта с СССР она не будет формально объявлять войну России, но пошлет в эти страны свои сухопутные части, корабли и самолеты под видом добровольцев.

Финско-эстонский барьер был неприступен для Балтийского флота как в 1930 г., так и в 1939 г. Это подтвердила и советско-финская война 1939–1940 гг., в ходе которой линкорам и крейсерам Балтийского флота не удалось полностью подавить ни одной финской береговой батареи. «Прорубить окно в Европу» могла только Красная Армия.

Знали ли в Москве о вопиющих нарушениях Эстонией договора о ненападении? Разумеется, знали, но Сталину ничего не оставалось, как до поры до времени прикидываться дурачком, которого легко обвести вокруг пальца.

Определенную опасность для Советского Союза представляли и сухопутные силы государств-лимитрофов. Разумеется, в одиночку они не смогли бы вести боевые действия, а вот в случае большой войны с государствами Европы и нашей страной они вполне могли напасть на своего восточного соседа. Согласно «Записке начальника генштаба Красной Армии наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР» от 24 марта 1938 г., «Финляндия, Эстония и Латвия развертывают 20 пехотных дивизий, 80

танков и 436 самолетов»^[36]. Там же говорилось: «Что же касается Латвии, Финляндии и Эстонии, то при их выступлении или же нарушении Германией их нейтралитета нужно считаться с появлением германских войск на их территориях.

Хотя немцы сейчас и помогают Латвии в строительстве железных дорог, однако железнодорожный транспорт этого государства не позволяет развернуть на его территории большие силы. Все же нужно считаться с появлением на территории Латвии 10–12 германских дивизий. Перевозка этих сил может быть совершена как по железным дорогам, так и морем.

В империалистическую войну германское командование стремилось цементировать армии союзников включением в них своих частей. Поэтому весьма вероятно, что на территории Эстонии и Финляндии появятся германские дивизии.

Армии этих государств, весьма вероятно, будут направлены германским командованием для концентрического удара на Ленинград и вообще на отрезание Ленинградской области от остальной территории СССР»^[37].

Предоставляю читателю самому судить, насколько прогноз, сделанный в марте 1938 г., оправдался летом 1941 г.

Несколько слов стоит сказать о внутренней политике лимитрофов. Начну с того, что никакой демократии в Прибалтике и на дух не было.

Так, в ответ на успехи компартии Эстонии на выборах Госсобрания второго созыва эстонская охранка отметила день смерти Ленина 21 января 1924 г. волной массовых арестов. Были разгромлены и закрыты 185 обществ и организаций, арестовано около 200 левых депутатов разных уровней.

«В 1920-х гг. рост заработной платы эстонских рабочих резко отставал от роста цен. Номинально заработок увеличивался, но реальная зарплата в 1924–1928 гг. была даже намного ниже уровня 1913 г. Кодекс законов о труде, действовавший в Эстонии, был принят еще царским правительством, однако даже он не всегда соблюдался. В марте 1926 г. Государственное собрание Эстонии приняло закон о компенсации за земли, отчужденные у помещиков на основании аграрного закона 1919 г., причем сумма компенсации превышала ту сумму, которую крестьяне когда-то уплачивали помещикам при освобождении от крепостной зависимости. Согласно новому закону, крестьяне, поселившиеся на отчужденных землях, фактически превращались на 60 лет в должников помещиков и их банкиров-посредников (именно такой срок потребовался бы на выплату

компенсаций за землю при среднем доходе крестьянина»^[38].

Правящей партией в Эстонии долгое время был «Союз земледельцев». Вопреки своему названию он представлял в основном интересы крупных собственников и ориентировался на Англию и США. Лидерами «Союза земледельцев» были Константин Пятс и генерал Йохан Лайдонер.

Крупнейшей оппозиционной партией с 1930 г. стал «Союз ветеранов освободительной войны» (в стране их называли партией «вапсов»). Лидерами «Союза...» были Сирк, Ларка и доктор Хялмар Мяэ, позже, в годы гитлеровской оккупации, возглавивший «Эстонское самоуправление». Вапсы боролись за создание фашистской диктатуры по германскому образцу.

Весной 1934 г., накануне выборов главы государства по новой конституции, премьер-министр Пятс решил не испытывать судьбу. Он сменил начальника штаба армии вапса Ю. Тырванду и 12 марта 1934 г. вывел на улицы Таллина войска. Лидеры вапсов были арестованы, их газеты и организации запрещены, в стране объявлено военное положение.

Государственный переворот свершился, в Эстонии была установлена диктатура Пятса, выборы отложены на неопределенный срок, парламент распущен «на летние каникулы», а затем 2 октября вовсе ликвидирован. Все партии были запрещены, а затем принудительно слиты в единый «Отечественный союз» («Изамаалиит»). В результате репрессий численность компартии снизилась до 400 человек.

В 1936 г. в Эстонии был проведен референдум о принятии новой конституции, при подготовке которого правительство издало секретный циркуляр, предназначенный органам исполнительной власти на местах. В циркуляре говорилось, что «к голосованию не надо допускать таких лиц, о которых известно, что они могут голосовать против национального собрания... Их надо немедленно препровождать в руки полиции». На выборах в парламент кандидатов могли выставлять только «общественные комитеты» из членов «Изамаалиита» или «Кайтселиита» (военизированных организаций наподобие национальной гвардии), к тому же под строгим контролем полиции. В 50 округах из 80 выборы вообще не проводились под тем предлогом, что в них все равно выдвинуто по одному кандидату, а значит, и выбирать незачем. Однако там, где выборы состоялись, число голосов, поданных за правительственных кандидатов, составило менее 50 % (например, в Таллине и Вильянди – 10–20 %). Согласно новой конституции, парламент отныне состоял из двух палат: первая палата (Государственная дума) была выборной, вторая (Государственный совет) состояла из людей, которых назначал сам президент или которые входили

туда по должности (в том числе епископы, члены правительства). Президент мог в любое время распустить Государственное собрание или отменить принятые им законы^[39].

Историк М.Ю. Крысин писал: «В 1937 г. было продано с аукциона рекордное число разорившихся крестьянских хозяйств – 7923. Сумма задолженности крестьянских хозяйств в 1940 г. составила 150 млн крон. Зато правительством поощрялась скупка земель крупными собственниками – некоторым из них удавалось сосредоточить в своих руках по 3–4 и более усадеб общей площадью от 100 до 600 гектаров. Например, барон Врангель сосредоточил в своих руках в уезде Вирумаа более 1 тыс. гектаров земель. Таким же путем большинство помещиков вновь восстановило свои владения. Права народа также все более ограничивались, чему служили принятые новым парламентом «Закон об обществах и союзах», «Закон о профессиональных обществах работников и их союзах», «Закон о собраниях» и другие. Вся их деятельность должна была строиться «в государственном духе», любое неодобрение политики правительства вело к их запрету. Полиция имела право под этим предлогом закрыть любую газету или общество. Права профсоюзов были фактически упразднены – любые их акции протеста квалифицировались как «наносящие вред народному хозяйству» или «направленные на достижение политических целей». На основании «Закона о городах» и «Закона об уездах» полномочия бургомистров, волостных и уездных старшин были расширены настолько, что «даже в царской России власть этих должностных лиц не простиралась так далеко».

В довершение всего в 1938 г. были созданы так называемые «лагеря для лодырей» – лагеря для принудительного труда безработных. В них заключали на срок от 6 месяцев до 3 лет всех «шатающихся без работы и средств к существованию». Там для них был установлен тюремный режим, 12-часовой рабочий день и телесные наказания розгами. Говоря о «лагерях для лодырей», так и хочется вспомнить известную детскую сказку, где полицейский в «стране дураков» обвиняет Буратино в совершении «страшного преступления», которое заключалось в том, что тот «беспаспортный и безработный субъект». Что было дальше, всем известно – Буратино бросили... не в лагерь, а в пруд. Однако шутки шутками, а вполне реальные «лагеря для лодырей» в Эстонии, по сути, были прототипом концлагерей и гетто, созданных позднее гитлеровцами по всей Прибалтике»^[40].

В феврале 1922 г. в Риге Учредительное собрание принимает

конституцию. Латвия становится республикой с парламентом (сеймом) из 100 депутатов, избираемых на три года. Провозглашенные в конституции принципы демократии были нарушены уже при подготовке к выборам. Так, избирательные списки кандидатов от профсоюзов были отклонены. Проводились массовые аресты коммунистов и профсоюзных активистов. Только 11 июня 1921 г. было казнено два члена ЦК компартии Латвии и 7 активистов. В результате победили только националистические партии. Из 100 депутатских мест социал-демократы (меньшевики) получили 38, «Крестьянский союз» Ульманиса – 17 мест.

В 1920 г. в Латвии латыши составляли 72,8 % населения, русские – 7,8 %, евреи – 5,0 %, немцы – 3,6 %. Для национального состава населения послевоенной Латвии было характерно заметное увеличение численности русских со 125 тыс. в 1920 г. до 207 тыс. в 1935 г. Численность русскоязычного населения была еще выше. Так, в 1930 г. в Латвии доля русских по национальности составляла 10,6 %, а считали русский язык родным 13,3 %.

Однако с 1920 по 1934 г. количество русских основных школ сократилось в полтора раза при существенном увеличении латышских школ. Одной из причин этого стали принятые в начале 1932 г. «Правила о государственном языке», которые значительно повысили роль латышского языка в управлении и быту.

В ночь с 15 на 16 мая 1934 г. активисты партии «Крестьянский союз» при поддержке армии и военных отрядов «Айзсаргов» совершили государственный переворот.

Было сформировано правительство во главе с Ульманисом. Он немедленно ввел в стране военное положение сроком на 6 месяцев, но позже его продлил на 6 лет. На следующий после переворота день «Айзсарги» устроили в Риге сожжение запрещенных книг по образцу германских штурмовиков. Все политические партии и организации запрещались, а введенное военное положение давало право подавлять все выступления против правительства. Так, 16 мая была расстреляна демонстрация коммунистов, а 17 мая новое правительство, пустив в ход оружие, подавило стачку рабочих деревообрабатывающих предприятий.

Сразу после прихода к власти Ульманис создает целый ряд концлагерей для «инакомыслящих», в основном для коммунистов и лидеров профсоюзов. Один из таких лагерей находился в Лиепае (Либаве), а другой – в Калнциемских каторжных каменоломнях.

Права национальных меньшинств в Латвии были ограничены. Школы национальных меньшинств подчинили общему руководству министерства

просвещения. Оно стимулировало обучение детей в латышских школах. Началась довольно быстрая ассимиляция представителей национальных меньшинств в латышскую среду, особенно в смешанных семьях.

В 1939 г. правительство Ульманиса издало «Закон о предоставлении работы и распределении рабочей силы». Согласно новому закону, без разрешения Центрального управления труда рабочий не мог сам выбирать работу. «В соответствии с законом предприятиям Вентспился, Даугавпился, Лиепай, Елгавы и Риги запрещалось принимать на работу людей, которые в течение последний 5 лет (то есть со дня переворота 1934 г.) не жили постоянно в перечисленных городах. Центральное управление труда в принудительном порядке отправляло рабочих на лесо- и торфоразработки и в кулацкие хозяйства. Зарплата была нищенской – 1–2 лата в день – и позволяла лишь с трудом существовать. Вся страна фактически была превращена в большой концлагерь, и неудивительно, что среди рабочих нередко были случаи самоубийств. Не легче было и положение малоземельных крестьян. Налоги с крестьянских хозяйств составляли 70 % бюджета государства в 1938–1938 гг.»^[41].

17 декабря 1926 г. в Литве произошел государственный переворот, в результате которого была установлена диктатура Анастаса Сметоны. Через 10 дней по приговору военно-полевого суда было расстреляно руководство компартии Литвы.

12 апреля 1927 г. Сметона объявил себя «вождем нации» и окончательно распустил парламент. Вплоть до 1 ноября 1938 г. в стране действовало военное положение.

Итак, судьба всех трех лимитрофов была одинаковой – диктатура, отсутствие нормально функционирующего парламента, запрет политических партий. Советская пропаганда называла эти режимы фашистскими. Я думаю, это явный перебор. Сравнивать лимитрофы с Германией или даже Италией попросту смешно. Ближайшая же аналогия – диктатуры в странах Латинской Америки в 30-40-х гг. XX века.

Глава 9. Речь Посполитая разлива 1918 г

В 1915 г. большая часть Царства Польского была занята войсками Германии и Австро-Венгрии. К началу 1916 г. в Берлине и Вене окончательно осознали невозможность военной победы и начали поиск политических комбинаций с целью заключения почетного мира или по крайней мере изменения военно-политической ситуации в свою пользу. В качестве одной из этих мер, причем второстепенной, было провозглашение 5 ноября 1916 г. самостоятельного Царства Польского. При этом был обойден главный вопрос, интересовавший польскую верхушку, – границы. В качестве органа управления оккупированными польскими территориям в декабре 1916 г. был создан Временный Государственный совет.

12 сентября 1917 г. в Варшаве вместо Временного Государственного совета был создан Регентский совет.

В начале ноября во многих польских городах создаются Советы рабочих депутатов и отряды Красной гвардии. 5 ноября начал свою деятельность Совет в Люблине, 11 ноября – в Варшаве. За короткое время образовались Советы в Радоме, Лодзи, Ченстохове и многих других центрах страны – всего свыше 12 000 Советов. Однако в большинстве Советов преобладали социалисты меньшевистского толка.

7 ноября 1918 г. в Люблине в противовес Советам образовалось «народное правительство» во главе с лидером СДПГиС^[42] И. Дашиньским. Правительство Дашиньского провозгласило создание Польской народной республики. Оно пообещало внести на рассмотрение будущего сейма предложения о национализации ряда отраслей промышленности, проведении аграрной реформы и других прогрессивных преобразований. Но люблинское правительство просуществовало недолго.

14 ноября 1918 г. находившийся в Варшаве Регентский совет передал власть возвратившемуся из Германии в Варшаву Юзефу Пилсудскому.

Юзеф Пилсудский был типичным польским авантюристом. Он не хотел получать ни военного, ни гражданского образования. После окончания гимназии его единственной страстью стала жажда власти. Под влиянием своего брата Бронислава Юзеф связался с подпольными кружками. Оба брата оказались по меньшей мере причастными к боевой эсеровской организации. Их арестовали в Вильно 22 марта 1887 г. по делу «вторых мартистов», то есть участников покушения на Александра III 1 (13) марта 1887 г. в Петербурге. Любопытно, что братья Пилсудские

проходили по одному делу с Александром Ульяновым. Ульянов и Бронислав Пилсудский были приговорены к повешению, но позже царь заменил Брониславу смертную казнь на 15 лет сибирской каторги, а Юзефу в административном порядке вкатили 5 лет ссылки в Восточную Сибирь.

В июне 1892 г. Юзеф Пилсудский возвратился в Вильно и решил «пойти другим путем», то есть связался с националистами. С началом Русско-японской войны он предложил свое сотрудничество японской разведке и даже ездил в Токио. В 1910 г. под эгидой австрийской разведки в Кракове и Львове были созданы польские военизированные отряды, куда немедленно устремился и Пилсудский. В декабре 1912 г. он становится «Главным комендантом всех польских военных сил» в Австро-Венгрии.

В 1914–1917 гг. Пилсудский воюет против России на стороне Австро-Венгрии, командуя 1-й бригадой Польских легионов.

Теперь Пилсудскому был присвоен титул «начальника государства». Надо ли говорить, что при отсутствии сейма, да и вообще конституции, он стал ничем не ограниченным диктатором. Сразу же возник традиционный вопрос о польских границах. Границы на западе в значительной мере определялись в Париже, а вот на востоке царил хаос, и все новые государственные образования были не прочь половить рыбку в мутной воде. Причем, обратим внимание, ни одна из сторон не только не желала проведения на спорных территориях референдума, но даже не пыталась ограничить свои претензии областями, где преобладали ее этнические представители – русские, поляки, украинцы и др.

Так, к примеру, 31 октября 1918 г. украинские националисты захватили город Львов. Утром 1 ноября горожане, проснувшись, обнаружили реющий над ратушей «желто-блакитный» флаг и узнали, что теперь все главные городские учреждения в руках украинцев. Они прочитали на расклеенных на всех углах плакатах, что теперь они являются гражданами украинского государства. Нечто подобное произошло и в других местах Восточной Галиции.

Украинское население восторженно встретило события 1 ноября 1918 г. Евреи признали украинский суверенитет или же оставались нейтральными. Зато поляки, оправившись от потрясения, начали во Львове активное сопротивление. В городе развернулись жестокие бои между украинскими войсками и отрядами польской военной организации буквально за каждый дом. На северо-западе, на границе между Восточной Галицией и собственно польской территорией, поляки захватили главный железнодорожный узел – Перемышль. Тем временем румынские войска овладели большей частью Буковины, Закарпатье оставалось в руках

венгров. И все же большая часть Восточной Галиции еще принадлежала украинцам, настойчиво продолжавшим создавать свое государство.

22 ноября поляки выбили украинцев из Львова. Так началась польско-украинская война. Замечу, что большевики в ней не участвовали. Зато французы перебросили в Польшу 60-тысячную армию Йозефа Галлера. Солдатами в этой армии были поляки, а офицерами – в основном французы, армия была оснащена французским оружием. Франция отправила ее для борьбы с большевиками, а Пилсудский послал ее к Львову. В итоге в апреле-мае 1919 г. польские войска прорвали фронт украинцев у Львова и отбросили их за реку Збруч. 16 июля украинцы («Галицкая армия») перешли через Збруч в Восточную Украину. Вооруженная борьба за Восточную Галицию, стоившая около 15 тыс. жизней украинцам и 10 тыс. полякам, завершилась.

На западе польские националисты неминуемо должны были столкнуться с большевиками. На момент заключения Брестского мира Советская республика не имела регулярных войск, способных противостоять немцам, поскольку царская армия к тому времени окончательно развалилась. Однако уже в марте 1918 г. для объединения управления всеми отрядами был создан штаб Западного участка отрядов завесы. Задача этого штаба в боевом отношении заключалась в охране и обороне западной границы Советской республики, а в организационном отношении предстояло перестроить все эти партизанские отряды и свести их в однотипные регулярные войсковые соединения, согласно декрету о формировании Красной Армии. В результате проведенных мероприятий Западный участок завесы преобразовался в Западный район обороны со штабом в Смоленске.

Осенью 1918 г. в состав Западного района обороны уже входили находившиеся в стадии формирования дивизии: Псковская, 2-я Смоленская и 1-я Витебская, объединенные затем в 17-ю стрелковую дивизию.

Диктатор Пилсудский был слишком умен, чтобы открыто объявить о создании Речи Посполитой «от можа до можа». Ту же идею он решил подать под другим соусом и выдвинул план создания федерации из ряда государств, созданных на территории бывшей Российской империи («от Гельсингфорса до Тифлиса»). Доминировать в этой федерации, естественно, следовало Польше.

В Москве понимали неизбежность столкновения с Польшей, и сразу после революции в Германии (15 ноября 1918 г.) Западный район обороны был преобразован в Западную армию.

В состав Западной армии к моменту начала ее наступления входили: 2-

й округ пограничной охраны (3156 штыков, 61 сабля); Псковская дивизия общей численностью 783 штыка при восьми орудиях; 17-я стрелковая дивизия (5513 штыков, 200 сабель). Всего 10 тыс. штыков и несколько сотен сабель с десятком орудий.

Наступление советской Западной армии в декабре 1918 г. надо скорее назвать продвижением, поскольку она не встречала никакого сопротивления. Поначалу с поляками не было ни мира, ни войны. Из-за отсутствия дипломатических отношений советское правительство попыталось договориться с Пилсудским по линии русского Красного Креста. Предполагалось вначале достигнуть соглашения об обмене военнопленными^[43], а затем – о перемирии. Однако по приказу польского правительства 2 января 1919 г. делегация Красного Креста во главе с Брониславом Весоловским (псевдоним Smutny – Печальный)^[44] в составе четырех человек была арестована в Варшаве и расстреляна в Бельском лесу.

А тем временем части Красной Армии 9 января 1919 г. заняли Вилькомир, а 13 января вступили в Слоним. Лишь в конце января на фронте передовых частей Западной армии появились небольшие конные и пешие части польских легионеров. Но они не могли задержать Западную армию и лишь немного замедляли ее продвижение. К 13 февраля части Западной армии вышли на фронт Поневеж – Слоним – Картузская Береза – железнодорожная станция Иваново (западнее Пинска) – Сарны – Овруч.

По мере продвижения красных частей на запад отряды польских легионеров становились все многочисленнее, а сопротивление их все упорнее.

В январе 1919 г. В.И. Ленин предложил ЦК РКП(б) создать Литовско-Белорусскую советскую социалистическую республику, или «Литбел», как ее позже стали называть. 27 февраля 1919 г. в Вильно (с 1939 г. Вильнюс) на совместном заседании ЦИК Советов Белорусской и Литовской республик был избран Совет Народных Комиссаров во главе с В.С. Мицкявичюсом-Капсукасом. В марте 1919 г. была образована Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (КПЛиБ) и объединены комсомольские организации обеих республик. В «Литбеле» началась национализация промышленности, банков, железных дорог, было введено всеобщее обучение, всеобщая трудовая повинность, равноправие национальностей, церковь отделена от государства, уничтожены сословия и титулы и др.

В решении аграрного вопроса правительство и ЦК КПЛиБ допустили ряд ошибок, таких, как отказ от передачи крестьянам конфискованных

помещичьих земель, ускоренные темпы создания коллективных хозяйств.

18 февраля 1919 г. правительство «Литбела» предложило Польше вступить в переговоры об установлении общей границы. Пилсудский проигнорировал это предложение.

18 февраля 1918 г. под нажимом Франции в Познани было подписано польско-германское перемирие, это позволило полякам перебросить войска на восток. 2 марта 1919 г. польские части генерала С. Шептицкого заняли Слоним, а 5 марта части генерала А. Листовского заняли Пинск.

15 марта 1919 г. командование РККА установило для армий Западного фронта в качестве основной линии фронта линию Рига – Якобштадт – Двинск – Молодечно – Минск – Бобруйск – Жлобин – Гомель. В качестве передового рубежа следовало закрепить за собой линию Туккум – Либава – Поневеж – Вилькомир – Вильно – Ландварово – Лидп – Барановичи – Лунинец.

15 апреля 1919 г. Пилсудский предложил буржуазным националистам Литвы восстановить польско-литовскую унию, но получил фактический отказ. Поэтому, когда 19–21 апреля польские войска под командованием генерала Рыдз-Смиглы выбили из Вильно большевиков, литовские земли попали под юрисдикцию польских оккупационных властей.

После занятия Вильно на советско-польском фронте наступило длительное затишье. Вообще говоря, вопреки мнению некоторых авторов, сплошного фронта в 1919 г. между большевиками и поляками попросту не было, то есть никакого сравнения с линией фронта в 1915–1917 гг. между русскими и немцами быть не может. А в 1919 г. были кое-где локальные линии укреплений, а в основном части противников располагались в населенных пунктах и рядом с ними.

Что же касается Литовско-Белорусской ССР, то она приказала долго жить. 1 июня 1919 г. вооруженные силы «Литбела» вошли в состав Красной Армии. 8-я стрелковая дивизия, 2-я пограничная дивизия и 52-я стрелковая дивизия «Литбела» 9 июня были преобразованы в 16-ю армию.

Затишье 1919 г. было выгодно обеим сторонам. Советская Россия воевала в кольце фронтов с Деникиным, Колчаком, Юденичем и Миллером. Поляки на западе воевали с немцами, а в Галиции – с украинцами. К этому прибавился и сильный неурожай 1919 г. в Польше. В августе 1919 г. в Силезии восстали шахтеры. Регулярные польские войска подавили восстание, но напряжение там не ослабло. В известной мере Пилсудского напугал и марш Деникина к Москве. А Деникин в отличие от ряда белых генералов не только на словах, но и на деле стоял «за единую и неделимую»^[45]. Поэтому Пилсудский в 1919 г. предпочитал видеть в

Москве Ленина и Троцкого, но никак не Деникина.

К концу 1919 г. Красная Армия разгромила деникинские войска. Сам Деникин уехал во Францию, а остатки белогвардейских войск обосновались в Крыму. В марте 1920 г. Пилсудский решил, что настал час воссоздания Великой Польши. Для начала было решено захватить Украину, после чего захват Литвы не представлял особых проблем. 21 апреля 1920 г. Пилсудский подписал соглашение с Симоном Петлюрой, проживавшим в Польше и согласным на все условия ляхов. Через 4 дня польская армия вторглась на Украину. Через две недели пал Киев. Но вскоре контрнаступление Красной Армии привело к полному разгрому поляков, и уже к 13 августа большевики оказались под Варшавой.

Однако усталость красноармейцев, отрыв от баз снабжения, с одной стороны, а также мобилизация всех ресурсов Польши и помощь стран Антанты позволили Пилсудскому переломить ситуацию и нанести большевикам поражение под Варшавой.

В результате обе стороны оказались неспособны к дальнейшему ведению боевых действий. 12 октября 1920 г. в Риге было подписано соглашение о перемирии. Постоянный же мирный договор между Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г., и тоже в Риге. По этому договору государственная граница между Польшей, с одной стороны, и РСФСР, УССР и БССР – с другой устанавливалась по линии г. Дрисса – г. Дисна – 30 км западнее Полоцка – ст. Загатье, откуда граница шла в юго-западном направлении до Радошковичей и Ракова (западнее Минска 30 км), а оттуда поворачивала на юг до истоков реки Морочь и по ней до впадения ее в реку Случ, откуда почти прямо на юг до города Корец в 30 км западнее Новоград-Волынского, затем в юго-западном направлении шла через города Острог, Кунев на Ямполь, откуда в южном направлении проходила через Щасновку – Волочиск – Сатанов – Гусятин до Хотина.

Стороны взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов.

Россия освобождала Польшу от ответственности по долгам и иным финансовым обязательствам Российской империи.

Россия и Украина обязались уплатить Польше 30 млн руб. золотом в качестве польской части золотого запаса бывшей Российской империи и как признание отделения Польши от России.

Россия и Украина возвращали Польше 300 паровозов, 260 пассажирских и 8100 товарных вагонов. Кроме того, Россия оставляла на территории Польши тот подвижной состав, который принадлежал РСФСР и УССР, приспособленный для широкой («русской») колеи и ранее

принадлежавший Российской империи. Этот состав насчитывал 255 паровозов, 435 пассажирских и 8859 товарных вагонов. Таким образом, Россия передала Польше в общей сложности 555 паровозов, 695 пассажирских и 16 959 товарных вагонов. Общая сумма стоимости возвращаемого или передаваемого в виде дара подвижного состава от России для Польши оценивалась в 13 млн 149 тыс. золотых руб. в ценах 1913 г., а общая сумма всего другого железнодорожного имущества, передаваемого вместе с вокзалами, оценивалась в 5 млн 96 тыс. золотых руб., то есть объединенная сумма железнодорожного имущества, поступившего от России в Польшу, составила 18 млн 245 тыс. руб. золотом в ценах 1913 г.

Любопытно, что даже в капитальных трудах польские историки дипломатично не упоминают о требовании Польши на передачу ей всех ценностей, когда-либо вывезенных за время, прошедшее после первого раздела Польши. Поляками были предъявлены требования на многие памятники, хранившиеся в Артиллерийском историческом^[46] и Суворовском музеях. Им отдали 57 пушек XVI–XVIII веков, 67 знамен и штандартов. При тщательном сличении гербов, девизов и других геральдических символов на знаменах и штандартах историк П.И. Белавенец установил, что все они не польские, а шведские, и представил польской стороне такие убедительные доказательства, что поляки от претензий отказались. Но в 1932 г. требование возобновили, и русская сторона, «чтобы не портить отношений», все же несправедливо требуемое отдала.

В Версале союзники решили передать Польше Верхнюю Силезию, которая с 1336 г. принадлежала германским государствам. Перед Первой мировой войной из 2 207 981 жителя Верхней Силезии поляков вместе с полунемцами-полуполяками было 1 169 340 человек, то есть половина.

Польские националисты начали силой вытеснять немцев из Верхней Силезии. Термин «польские националисты» я использую не для красного словца, а дабы подчеркнуть, что насилием занимались пришлые поляки, а значительная часть местных поляков продолжала жить в составе германского государства, а не польского.

С 1919 г. по май 1921 г. на территориях, захваченных поляками, постоянно шли бои с местным населением. Современные польские историки именуют их 1-м, 2-м и 3-м «силезскими восстаниями» и стараются не вдаваться в подробности.

Западные союзники поверили хвастливым ляхам, что Силезия-де чисто польская земля и подавляющее большинство населения мечтает

воссоединиться с Речью Посполитой. Ну что ж, союзники решили «и невинность соблюсти, и капитал приобрести» и сдуру объявили референдум. Голосование 20 марта 1921 г. прошло спокойно и завершилось полной победой немцев: за Германию были поданы 707 393 голоса, за Польшу – 479 365 голосов.

Ну, казалось бы, вопрос решен – Верхняя Силезия должна остаться в составе Германии. Тем не менее в октябре 1921 г. Союзный совет решил передать лучшую часть Силезии панам. Польша приобрела 95 % запасов силезского угля, 49 из 61 антрацитовых копей, все 12 железных рудников, 11 из 16 цинковых и свинцовых рудников, 23 из 37 доменных печей. Германия потеряла 18 % общенациональной добычи угля и 70 % – цинка.

Замечу, что белополяки воевали не только с Красной Армией, Западной Украинской республикой, немцами, но и с литовцами. Формат книги не позволяет подробно рассказать о всех перипетиях этой войны, и я ограничусь борьбой за Вильно (Вильнюс). 31 декабря 1918 г. германские оккупационные войска покидают Вильно. Вместе с ними бежало и литовское буржуазное правительство Вальдемароса.

На следующую ночь город Вильно был захвачен польскими бандформированиями численностью около тысячи человек, так называемыми легионерами. Однако 6 января 1919 г. Красная Армия выбила поляков из города.

15 апреля польское правительство официально предложило Литве восстановить унию, но это не устраивало ни литовских большевиков, ни националистов. 19–21 апреля польские войска генерала Ригл-Смиглы захватили Вильно.

29 апреля 1919 г. польский диктатор Пилсудский обратился с воззванием «К населению бывшего Великого княжества Литовского», в котором пообещал установить свободу «в этом крае». В Виленской декларации, принятой польским сеймом, говорилось: «Отечество Костюшки, Мицкевича и Траугута принадлежит Польше, как часть неделимая».

В ходе контрнаступления Красной Армии 14 июня 1920 г. поляки вновь были выбиты из Вильно. Советское правительство передало город литовскому буржуазному правительству. Отступивший к Варшаве Пилсудский тоже «великодушно передал Вильно Литве».

Антанта признала Вильно столицей Литвы. 7 октября 1920 г. польское и литовское правительства подписали соглашение о демаркационной линии, оставлявшей Вильно за Литвой. Хитрый же Пилсудский задумал решить вопрос с Вильно в духе старых польских традиций, когда король

имел «вечный мир» с соседом, а какой-либо пан Мнишек или Вишневецкий захватывал чужие земли в рамках «частной» войны.

По наущению Пилсудского 9 октября генерал Люциан Желиховский поднял «мятеж», и его дивизия внезапным ударом захватила Вильно и центральную часть Литвы. Пилсудский и К° поломали пару лет комедию с непокорным генералом перед Парижем и Лондоном, а в 1922 г. включили Вильно и Центральную Литву в состав Польши, не оставив им ни на грош какого-либо самоуправления.

Литовское правительство, как могло, протестовало против отторжения этих территорий и даже отказалось устанавливать дипломатические отношения с Польшей. Но поскольку польская армия в 1920-1930-х гг. была сильнейшей в Центральной Европе, идти дальше литовское правительство не решилось.

Русские и советские писатели и историки оказали нашему народу дурную услугу, изображая мир в черно-белых тонах. Классический пример: князь Дмитрий Донской – идеальный правитель, а хан Мамай и князь Олег Рязанский – исчадия ада. Вот так, к великому сожалению, смотрит большинство нашего народа на исторические события и деяния политиков. Захватили ляхи Вильно – жаль бедных литовцев. Увы, правители всех стран-лимитрофов без исключения, от Финляндии до Румынии, были бандитами с большой дороги, всегда готовыми напасть на слабого и украсть все, что плохо лежит.

В итоге литовское правительство, обманутое ляхами, решило отыграться на немцах. Согласно Версальскому договору, город Мемель де-юре оставался в составе Германии и после Версальского мира. Но до выплаты репараций город, крепость и порт передавались под совместное управление союзников-победителей. Так сказать, в залог. Фактически в 1919–1923 гг. городом управляли французы.

Краткая справка. В 1252 г. на берегу Балтийского моря крестоносцы построили замок Мемельбург. В дальнейшем Мемель находился под властью Ливонского ордена, а затем – Пруссии.

В декабре 1922 г. мемельские литовцы создали в крае «Главный комитет по спасению Малой Литвы», как называли тогда Мемельский и Тильзитский районы Восточной Пруссии. 10 января 1923 г. около трех тысяч шауляй (стрелков литовской армии), переодетых в штатское, под видом рабочих, рыбаков, крестьян проникли в Мемель, Шилуте и другие населенные пункты и инициировали там «народное восстание литовцев за присоединение края к Литве». Боевики из «Союза стрелков» разогнали немецкую директорию (исполнительный орган власти в Мемельской

области) и сформировали свою администрацию. Германских войск в Мемельской области не было, а дислоцированный там французский батальон сопротивления не оказал, хотя один француз был убит и двое ранено.

16 января 1923 г. в Мемельский порт вошел польский военный корабль, а на границе началось сосредоточение польских войск. Однако решительный протест СССР удержал Польшу от вторжения в Мемельскую область.

В итоге Мемель остался у литовцев, которые переименовали его в Клайпеду.

16 февраля 1923 г. конференция послов западных государств приняла решение о передаче Литве суверенных прав на Клайпеду и область. При этом Литва была обязана предоставить широкую автономию местным жителям, кроме того, Польша получила право использования Клайпедского порта.

Перепись в Клайпедской (Мемельской) области, предпринятая литовскими властями в 1925 г., показала, что литовцы, несмотря на два года правления, здесь по-прежнему являются меньшинством (26,6 %). Относительное большинство составляли немцы (41,9 %), следующую значительную группу составляли «мемельцы» (24,2 %), остальные жители были представлены евреями, поляками и другими национальностями. Кто такие «мемельцы» («мемельяндеры») – вопрос сложный. Многие считают их потомками пруссов, еще не до конца ассимилированных немцами. Большую роль имело то, что в Литве господствующей религией было католичество, а в Клайпедской области 94 % населения были протестанты.

Во время литовского правления на выборах в Законодательный сеймик Клайпедской области блок немецких партий регулярно получал 22–25 мест из 29, а лишь 4–7 мест доставалось литовским партиям.

Ну а теперь вновь вернемся к Польше. В новое государство, созданное Пилсудским железом и кровью, были насильно загнаны миллионы русских, белорусов, украинцев, евреев и немцев. Поляки составляли около 60 % населения этого государства. Самое любопытное, что поляками считались различные славянские народы – силезцы, мазуры, кашубы, лемки и т. д.

Статистика по мазурам, лемкам, кашубам и другим народам в Польше никогда не велась. Однако даже сейчас, несмотря на 80 лет принудительной ассимиляции, в Польше насчитывается 330 тыс. кашубов и 180 тыс. полукашубов. (Данные Главного правления Кашубо-поморского объединения на 2005 г.). Кашубам не давали учиться в школе на родном языке. Детей, плохо говоривших по-польски, даже в 1950–2005 гг.

отправляли в школы для умственно отсталых. Запрещались газеты на кашубском языке, а их редакторов отправляли за решетку.

Польские власти с самого начала отказались предоставлять посторонним народам хоть какие-то элементы автономии, пусть даже культурной. В Польше должны были жить только поляки, и должна быть единственная конфессия – римско-католическая.

Страшные гонения обрушились на православную церковь. По данным польских историков Дарьи и Томаша Наленча, настроенных, кстати, весьма патриотично, «...некогда униатские, а более ста лет православные церкви на Волини были превращены в католические костелы, и целые деревни стали польскими. Только на Волини к 1938 г. были превращены в костелы 139 церквей и уничтожено 189, осталось лишь 151»^[47].

В качестве примера стоит упомянуть о судьбе кафедрального собора Александра Невского в Варшаве. Он был построен в конце XIX века на добровольные пожертвования. Стены и своды украшали мозаики, выполненные под руководством В.М. Васнецова. Самая большая мозаика «О Тебе радуется» имела площадь 1000 кв. м. Интерьер украшали 16 яшмовых колонн, подаренных Николаем II. Собор вмещал до 3000 молящихся. Колокольня, напоминавшая московскую Ивана Великого, возвышалась над городом на 73 м. Наверху ее была устроена популярная у туристов смотровая площадка. И вот с 1920 по 1926 г. поляки с большим трудом разломали этот величественный храм. Украшения собора были разворованы. Позже несколько мозаичных фрагментов украсили костел Марии Магдалины в предместье Праги, а яшмовые колонны собора в конце концов установили над могилой маршала Пилсудского в Кракове.

Замечу, что собор Александра Невского в отличие от храма Христа Спасителя никому не мешал. И в 1926 г. противником польских панов была не царская Россия, а атеистический Советский Союз. Разумные политики могли сделать этот собор символом борьбы против «безбожного большевизма», местом общения белогвардейских элементов и т. д. Но ненависть ясновельможных панов к православию и всему русскому затмила политическую целесообразность.

Прочитую официальную «Историю Беларуси», изданную в Минске в 2004 г.: «Поляки отрицали саму идею белорусской государственности или автономии. Борец за независимость Польши Пилсудский делил, как известно, народы на «исторические» и «неисторические». Белорусов он рассматривал как нацию неисторическую. Западной части Беларуси, или по тогдашней польской терминологии, «восточным крессам» была уготована участь отсталой окраины в польском государстве, аграрно-сырьевого

придатка более развитых регионов коренной Польши, экономика которой неоднократно переживала кризисы.

Глубокими и затяжными были кризисы 1924–1926 и 1929–1933 гг. В это время на западнобелорусских землях количество предприятий сократилось на 17,4 %, рабочих – на 39 %. Рабочие здесь получали зарплату в 1,5–2 раза меньше, чем в центральных районах Польши. При этом она к 1933 г. по сравнению с 1928 г. уменьшилась на 31,2 %»^[48].

В Западной Белоруссии крестьяне-бедняки составляли 70 % населения, тем не менее на государственные земли и на земли русских владельцев, вынужденных покинуть Польшу, власти селили так называемых «осадников».

Осадники – это «расово-чистые» поляки, участники войны 1919–1921 гг. «Они получали на льготных условиях или бесплатно земельные участки от 10 до 45 га и селились на хуторах. Всего в западную часть Беларуси из этнической Польши было переселено 300 тыс. человек...

В 1939 г. около 35 % населения оставалось неграмотным. Если в 1927 г. легально издавались 23 белорусские газеты и журнала, то в 1930 г. их стало 12, а к 1939 г. остались только пропольские и клерикальные издания. Власти выискивали всякие причины, чтобы закрывать белорусские издательства, библиотеки, клубы, избы-читальни»^[49].

Осадники направлялись не только в Белоруссию, но и на Украину. Только в Восточной Галиции и Волыни поселились свыше 200 тыс. осадников.

С лета 1930 г. участились нападения украинцев на дома польских помещиков и осадников. Только летом 1930 г. в Восточной Галиции было сожжено 2200 домов поляков. Армейские части заняли там около 800 сел и разграбили их. Было арестовано свыше двух тысяч украинцев, из которых почти треть получила большие тюремные сроки^[50].

К началу 1926 г. экономическое положение Польши существенно ухудшилось. Этим воспользовался маршал Пилсудский^[51], устроивший 12 мая военный переворот. После трехдневных боев путчисты заняли Варшаву. Законное правительство В. Витоса было свергнуто. Президентом Польши стал ставленник Пилсудского И. Мосницкий, фактическим же правителем вновь стал «первый маршал».

В свое время Наполеон бросил крылатую фразу: «Можно прийти к власти на штыках, но сидеть на них нельзя». Престарелому маршалу нужны были какие-то идеи. И вот его советники подсунили идею «санации», то есть оздоровления нации. Но, увы, «санация» оказалась

пустой болтовней, она не могла решить ни экономических, ни социальных проблем и тем более сплотить население Польши в единую нацию.

В 1931 г. Пилсудский официально ввел в стране военно-полевые суды. За один только 1931 г. по политическим мотивам польские власти арестовали 16 тыс. человек, а в 1932 г. по тем же мотивам были арестованы уже 48 тыс. человек.

Польская верхушка не могла дать стране ни экономических, ни социальных реформ, в результате самым действенным продолжал оставаться старый лозунг: «От жога до жога».

Этим и объясняется двойственность внешней политики Польши в 20-30-х гг. XX века. С одной стороны, дипломаты делали попытки нормализовать отношения с великими соседними державами. Так, 25 июля 1932 г. заместитель наркома иностранных дел Николай Крестинский и заместитель министра иностранных дел Стефан Патек подписали в Москве пакт о ненападении. А 26 января 1934 г. в Берлине министр иностранных дел Иосиф Липский и Фрейхер фон Нейтрат подписали «Германо-польскую декларацию о необращении к силе». Замечу, что ни в пакте, ни в декларации не было ни слова о польских границах.

А между тем никто в Польше не снимал лозунга о возвращении границ 1772 г. В сентябре 1930 г. польский министр иностранных дел Залесский сказал президенту данцигского сената: «Данцигский вопрос может разрешить лишь польский армейский корпус». И это говорилось о Данциге, который был населен немцами и несколько столетий принадлежал Пруссии, но волею Антанты был сделан «вольным городом». Поляки неоднократно устраивали провокации – и военные, и экономические, чтобы спровоцировать захват «вольного города». Польские политики открыто требовали присоединения к Польше «Восточной Пруссии и Силезии». Несколько раз министр и даже президент страны называли Балтийское море Польским морем.

Германский разведчик и историк Оскар Райле писал о польском министре иностранных дел Беке^[52]: «Все больше и больше Бек склонялся к тезисам историка Адольфа Боженского, который провозглашал политику кровопролития как единственно верную для Польши. Он задумал с помощью держав Запада снова ввергнуть Европу в большую войну. Поскольку Первая мировая война дала Польше самостоятельность и вернула часть исконных польских земель, следовало надеяться, что другая большая война подарит Польше остальные территории, на которые она могла притязать»^[53].

Замечу, что после смерти Пилсудского (12 мая 1935 г.) Бек в Польше, будучи министром иностранных дел, значил куда больше, чем быстро сменявшиеся премьеры и президенты с труднопроизносимыми фамилиями. Поэтому западная пресса до сентября 1939 г. польское правительство именovalo правительством Бека.

О Польше 1930-х гг. хорошо сказано в книге испанского историка Карлоса Кабальеро «Неизвестные фашизмы» (Carlos Caballero «Los Fascismos desconicidos 1919–1945 CEDADE», Madrid 1982, перевод А.М. Иванова): «Режим полковников» был ни фашистским, ни полуфашистским. Это была псевдофашистская авторитарная бюрократия без идеологии и массовой поддержки.

Главной оппозиционной силой была Национальная Партия Романа Дмовского, радикальная антинемецкая, с сильным фашистским крылом, антисемитская, «пужадистская» по своим социально-экономическим установкам, она в то же время выступала за демократические свободы, в то время как молодежное движение все больше склонялось к фашизму. Молодежь была настроена империалистически, выступала за восстановление Польши «от моря до моря». Отношение к Гитлеру было двойственным: им восхищались и хотели сделать, так же, как он, чтобы разбить его. Национальная партия превращалась под влиянием молодежи в филофашистское движение. Была введена коричневая униформа, салют поднятой рукой и даже «гусиный шаг».

Но были также экстремисты, которые считали Национальную партию умеренной. Самые радикальные из них откололись и образовали «Радикальный национальный лагерь». Они выступали за прямое действие. Более интеллектуальной группой была «Фаланга» – последователи испанского национал-синдикализма. Обе эти группы устраивали столкновения в университетах и еврейские погромы. В 1933 г. Юзеф Гралла создал так называемую «Национал-социалистическую партию трудящихся» (с 1937 г. «Национально-социальная партия»). Ее символом была свастика»^[54].

Предоставлю читателям самим решать, как характеризовать Польшу 20-30-х гг. XX века. В качестве демократической и миролюбивой страны, ставшей жертвой Германии, или «уродливого детища Версальского пакта», как назвал ее нарком иностранных дел Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР в ноябре 1939 г.?

Англия и Франция снабжали страны-лимитрофы самыми новейшими видами вооружения – истребителями, бомбардировщиками, танками, подводными лодками, эсминцами. В случае мобилизации под ружье

планировалось поставить почти все взрослое население лимитрофов, включая женщин. Характерный пример – Финляндия. По первому приказу «фас» англо-французских хозяев лимитрофы были готовы напасть на СССР.

Читатель-либерал скривится в ухмылке: «Сталинская пропаганда». Ну что ж, соглашусь. Действительно, в советской пропаганде хватало вранья. Но, увы, не в этом случае.

В 1927 г. в западных районах нашей страны развернулось строительство мощнейших укрепрайонов – Карельского, Полоцкого, Мозырского и Киевского. На строительство их требовалось 40 млн. руб. Кроме того, велась подготовка к строительству Псковского и Лепельского укрепрайонов. В эту сумму не входят заказы на изготовление многих сотен казематных орудий, пулеметных установок и т. п.

Любопытная деталь: Карельский укрепрайон находился рядом с финской границей, и это понятно – он прикрывал Ленинград. Но Мозырский и Киевский укрепрайоны находились в глубине территории СССР, за многие десятки километров от границы.

Риторический вопрос: если Советскому Союзу было нечего опасаться мирных демократических соседей, то зачем велось сооружение столь дорогостоящих укреплений? От немцев? Но, увы, в 1927 г. рейхсвер не представлял серьезной угрозы для Красной Армии.

Итак, строительство укрепрайонов в СССР является еще одним неопровержимым подтверждением того, что лимитрофы создавались Антантой для нападения на советские республики и были постоянной угрозой для СССР.

Глава 10. Лоскутная республика

Еще одним детищем Антанты стала Чехословацкая республика. Как и почти везде в Восточной Европе, там не было ни референдума, ни свободных выборов. В октябре 1918 г. в Праге собралась группа людей, объявивших себя Национальным комитетом. Деморализованные властные структуры империи вошли в контакт с этим самозванным комитетом. И вот 28 октября Пражский Национальный комитет объявил о создании Чехословацкой республики, а сам комитет был преобразован во Временное национальное собрание.

В новоявленной республике чехов было чуть более 50 %, немцев – 25 % и словаков – 18 %. Причем ни немцы, ни словаки не желали жить под властью чехов. Замечу, что с 1620 г. Чехия была владением австрийских Габсбургов, и само понятие «Чехия» было лишь географическим (равноценным Богемии и Моравии). Триста лет на этой земле хозяевами были немцы. А в областях Дойчебемен и Судетенланд немцы всегда были абсолютным большинством.

Уже 29 октября немецкое население попыталось отделиться от самопровозглашенной республики, но вооруженные отряды чехов подавили сопротивление немецкого меньшинства.

16 июня 1919 г. в городе Прешове была провозглашена Словацкая Советская республика. Под ее контролем оказались две трети территории Словакии. Но Словацкое государство просуществовало недолго – в начале июля чешские войска захватили Словакию.

Стоит заметить, что оппозицию чешскому владычеству в Словакии составили не только левые, но и правые. В начале 1920-х гг. была создана Словацкая Народная партия, активно поддерживаемая местной католической церковью. Народная партия боролась за независимую Словакию.

История показала, что союз чехов и словаков возможен лишь под дулами пушек Англии и Франции, а позже в присутствии советских танков. Исчезло давление Запада, и в марте 1939 г. Словакия обрела независимость. Ушли советские танки, и Словакия вновь развелась с Чехией.

В еще более худшем положении, чем словаки, оказались немцы. Формально по конституции 1920 г. Чехословакия брала на себя обязательства соблюдать права и защищать интересы жителей, отличающихся от большинства населения по расе, языку или религии. Но

уже в ней обещания широкой автономии или в крайнем случае предоставление коллективных прав немцам удивительным образом исчезли, как исчезло все, что было обещано немцам при провозглашении ЧСР. Короче, при выработке этой новой конституции победил чешский радикальный национализм – немцам было отказано в праве иметь какие бы то ни было органы немецкого самоуправления, кроме как на коммунальном уровне. Двух чиновников-немцев чешские законы заставляли говорить между собой по-чешски!

Не был назначен немецкий министр по делам землячества (для контроля над соблюдением прав нацменьшинства). Немецкий язык не был признан вторым государственным.

«У нас в Праге издавна сосуществовали две обособленные в культурном отношении общины: чешская и немецкая. Понятно, что в отношениях между ними существовала известная напряженность. Выражалась она в том, что чехи не хотели замечать немцев, а немцы – чехов. Одни просто отказывались признавать существование других. Жили бок о бок – но ни в каком смысле не смешивались. По выходным чехи прогуливались по одним улицам, а немцы – по другим. Даже христианские храмы те и другие посещали разные. Но к немецкой общине примыкали евреи – примыкали по языку, ибо говорили по-немецки. По религии и обычаям они были чужды и тем, и другим... Еще в тридцатые годы, когда я был студентом, весь этот старинный уклад существовал в своей узаконенной традицией неприкосновенности».

Эти слова написаны не нацистом, а евреем – ученым и правозащитником Эдуардом Гольдштюкером.

Наибольшего накала этот конфликт достиг в Судетах, на границе с Германией. Здесь жили почти исключительно богемские немцы, их численность достигала 3 млн человек. Их родной язык, культура, самый стиль жизни – все это немедленно оказалось под угрозой. Новое государство не предоставило им ни тени местной автономии. Вся администрация и полиция были укомплектованы из чехов, совершенно не говоривших по-немецки. Для занятия малейших должностей в общественном секторе знание чешского стало обязательным. Чужой язык насаждался насильственно.

Мало того, в начале 1926 г. в Чехословакии возникла мощная партия «Фашистское национальное общество», которое потребовало проведения репрессий против немецких автономистов, очищения чешской экономики от немцев и евреев, активного бойкота всего немецкого, устраивали нападения на кинотеатры, где шли немецкие фильмы.

Любопытно, что «фюрером» чешских фашистов стал генерал Гайда. Сей колоритный персонаж достоин отдельного рассказа. Гайда, настоящее имя которого Рудольф Гейдель, родился в 1892 г. В Первую мировую войну служил унтер-офицером в австрийской армии. В 1915 г. перешел на сторону черногорских войск, а затем переехал в Россию, где объявил себя офицером. С весны 1918 г. Гайда – командир 7-го полка Чехословацкого армейского корпуса. Он один из инициаторов и руководителей Чехословацкого корпуса мятежа 1918 г. С сентября 1918 г. генерал-майор, командующий 2-й чехословацкой дивизией, с октября – Екатеринбургской группы. С января 1919 г. – генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией; в июле (после провала наступления колчаковских войск) смещен Колчаком с поста и «вычеркнут из списков русской армии». В ноябре во Владивостоке Гайда возглавил выступление оппозиционных Колчаку правоэсеровских и буржуазно-либеральных группировок.

В Чехословакию Гайда прибыл 11 февраля 1920 г. Еще в 1918 г. ему удалось захватить значительную часть золотого запаса России. Сколько золота он привез в Чехословакию, неизвестно, но в его руках оказались большие суммы, потраченные на создание фашистской партии. В Чехословакии Гайда занимает пост начальника Генерального штаба, но 14 августа 1926 г. его увольняют из армии за экстремистские выступления против правительства. Гайда в 1926 г. угрожал государственным переворотом, если судетские немцы войдут в правительство, обличал чешского президента Эдуарда Бенеша за его масонскую ориентацию и требовал создания «сильного государства». Члены этой организации носили черные рубашки.

Любопытно, что русская фашистская партия на Дальнем Востоке предоставила себя в распоряжение генерала Гайды, вступила во Всеславянскую фашистскую общину в Праге и объявила генерала Гайдю вождем фашистов всех славянских народов.

В 1926 г. Гайде так и не удалось организовать марш «чернорубашечников» на Прагу, а в последующие годы популярность «Фашистского национального общества» значительно уменьшилась.

Чешские правители не только угнетали национальные меньшинства, но и вели безграмотную национальную политику. Промышленность попала в большинстве своем под власть зарубежного капитала. Так, знаменитый на весь мир военный концерн «Шкода» попал под контроль французского военного концерна «Шнейдер-Крезю».

В 1929 г. Чехословакию охватил промышленный кризис. С 1929 по 1933 г. безработица, по официальным данным, возросла в 27 раз. В разгар

кризиса в стране с семью миллионами самодеятельного населения имелось около 1,3 млн полностью безработных служащих и промышленных рабочих. По данным официальной статистики, общая задолженность сельского хозяйства с 1930 по 1933 г. возросла с 30 до 50 млрд крон. Преобладающая часть этих долгов приходилась на долю трудящихся крестьян, многие из которых лишь формально оставались собственниками своих хозяйств. За годы кризиса полностью развалились десятки тысяч крестьянских хозяйств. Только за 1933 г. более чем у 160 тыс. крестьянских хозяйств за долги было конфисковано имущество и распродано с молотка^[55].

Естественно, что чешское правительство поддерживало прежде всего чешских предпринимателей и фермеров. В результате две трети безработных составляли немцы. «В 1932–1933 гг. острая нужда и голод охватили целые районы страны и проявились особенно сильно в Словакии и Закарпатской Украине»^[56].

В 1920-х гг. большинство немцев, проживавших в Чехословакии, поддерживали социал-демократов, которые робко просили у Праги дать судетским немцам хоть какую-то автономию.

В 1933 г. была создана Судетско-немецкая партия (СНП), возглавляемая школьным учителем физкультуры Конрадом Генлейном. СНП требовала автономии Судетов или превращения Чехословакии в федеративное государство. Судетско-немецкая партия Генлейна на парламентских выборах 1935 г. в северо-западных районах Чехословакии вышла на первое место.

Однако чешский президент Эдуард Бенеш вновь категорически отказал немцам в автономии и продолжил политику закручивания гаек.

Жертвами чешского национализма стали не только словаки и немцы, но и русины. Согласно статье 81 Версальского договора, в состав Чехословакии следовало включить «автономные территории русинов к югу от Карпат». Кто же такие русины и почему о них молчали советские историки?

Исторически сложилось так, что в Закарпатье сохранился реликт – осколок Древней Руси. Племена восточных славян с незапамятных времен населяли Закарпатье. В середине IX века Закарпатье вошло в состав Великоморавского государства. В 60-х – 70-х гг. IX века большая часть закарпатцев приняла крещение от Византии. Видимо, в этом лично участвовали братья Кирилл и Мефодий.

В связи с ослаблением Великоморавской державы Закарпатье на

несколько десятилетий попало под протекторат Древнерусского государства. А в 896 г. в Закарпатье впервые вторглись племена венгров. Как гласит венгерская хроника второй половины XII века, венгры разбили войско славянского князя Лабореца и овладели его столицей – городом Ужгородом. По некоторым сведениям, первоначально Ужгород назывался Унгоград по названию реки Унг, что по-славянски означает «быстрая». Позже название Унг трансформировалось в Уг, а затем – в Уж.

Во времена владычества венгерских королей население Закарпатья оставалось славянским и именовало себя русскими. В 1393 г. из Подолии в Закарпатье прибыл князь Федор Корианович с русской дружиной. Он был изгнан из Великого княжества Литовского Витовтом и поступил на службу к венгерскому королю, который дал Федору во владение Унгоград с окрестностями.

В 1526 г. (после битвы при Могаче) Западная Венгрия вместе с Угорской Русью отошла под власть Австрии. В 1614 г. начинается и по 1649 г. продолжается отчаянная борьба православных карпатороссов против попыток унии. Первое время униаты просто изгонялись ими, однако в 1649 г. 63 священника-русина подписали документ об унии с Римом, после чего подтвердились обструкции со стороны народа. Карпаторусское национальное движение сразу же активизировалось при малейших послаблениях австрийской ассимиляторской политики. (Вена считала, что русины будут противостоять польскому влиянию.)

Так, как только императрица Мария-Терезия разрешила преподавать в униатских семинариях на русском языке и произносить проповеди по-русски, сразу же начали свою просветительскую деятельность знаменитые карпаторусские «будители» – Иван Орлай (1770–1829), Михаил Балудянский (1764–1847), Петр Лодий (1764–1829), Юрий Гуца-Венелин (1802–1839) и др. Из-за австрийских репрессий, учиненных императором Леопольдом II, эти «будители» переселились в Россию. Лодий стал ректором Санкт-Петербургского университета, Балудянский – воспитателем великого князя (будущего императора Александра I). Орлай – доктор философии Кенигсбергского университета, почетный член Российской академии наук, действительный член общества Истории и Древностей Российских – важен для нас как первый карпаторусский историк. Его статья «История о карпато-россах, или О переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся» («Северный вестник», 1804 г.) стала национальным катехизисом подкарпатских русинов.

В ноябре 1918 г. русины по всему Подкарпатья стали создавать свои

органы власти – Советы (Рады). Как правило, они избирались, но были случаи, когда и назначались высшестоящими органами. В некоторых местах, например в Волотвине, были две Рады: рабочая, избранная шахтерами, и сельская. В Вилоке также было две Рады – железнодорожная и крестьянская, а в Мукачеве – своя Рада у рабочих и своя у сельскохозяйственных батраков. В Берегове была Рада рабочих и Рада солдат. В Сваляве была создана объединенная Рада рабочих и крестьян.

К концу ноября 1918 г. в Подкарпатье уже функционировало около 500 Рад. По своему политическому и социальному составу они сильно разнились – от рабочих до националистов. Образовывались окружные и комитатские Рады. Среди последних своей активностью выделялась Угочанская Рада в Севлюше, установившая контроль за всей жизнедеятельностью людей – от решения экономических вопросов до школьных и культурных дел.

Однако чехи направили в Подкарпатье своих «легионеров», и после упорных боев сопротивление русинов было сломлено. Подкарпатская Русь была присоединена к Чехословацкой республике согласно международному договору, подписанному 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермене Великой Антантой и присоединившимися к ней державами, с одной стороны, и представителями Чехословацкой республики – с другой. От имени Чехословакии договор был подписан доктором Бенешем, ставшим позже президентом страны.

Сен-Жерменским договором Подкарпатской Руси была гарантирована «полнейшая степень самоуправления, совместимая с понятием единства Чехословакии» (статья 10). Подкарпатской Руси должен был быть предоставлен свой собственный законодательный сейм (в ведение которого должны были входить все вопросы, касающиеся языка, школы и вероисповеданий, местной администрации, и все другие вопросы, определенные законами чехословацкого государства) и автономное правительство, ответственное перед сеймом (статья 11). Во главе администрации должен был быть губернатор, назначаемый президентом республики и ответственный перед карпаторусским сеймом (статья 11). Чиновники в Подкарпатской Руси должны назначаться по возможности из местного населения (статья 12). Сен-Жерменский договор гарантировал Подкарпатской Руси право быть соответствующе представленной в чехословацком парламенте (статья 14). Контроль за выполнением договора вменялся Лиге Наций (статья 14).

Все эти установления были проигнорированы Чехословакией. Вопреки договору русинские территории были разделены между субъектами

федерации: их часть (так называемая Пряшевская Русь с 250 тыс. карпатороссов) была присоединена к Словакии. Никакого сейма создано не было. На руководящие должности в администрации назначались чехи. Чехословацкое правительство начало проводить искусственную украинизацию Карпатской Руси, видя в этом средство для отсрочки предоставления автономии и ослабления национально-культурного единства карпатороссов.

Уже в 1918–1922 гг. пражские власти поняли, что сделать из русинов чехов в обозримом будущем невозможно, и начали их украинизировать.

Чешское правительство старалось, чтобы все культурно-просветительное и школьное дело на Закарпатской Руси было бы в руках украинских националистов. Русский литературный язык был изгнан из всех школ. Конечно, были многие школы, которые не подчинились приказу министерства школ и народного просвещения и целых двадцать лет учили на традиционном русском литературном языке, за что Прага все время существования Чехословакии преследовала их.

«Сразу же после возникновения Подкарпатской Руси чешское правительство поручило галицкому самостийнику Ивану Панькевичу написать грамматику, по которой бы составлялись все учебники для наших школ и язык которой считался бы литературным для нашего края. Он написал грамматику галицкого полонизированного наречия. Вышеупомянутый уже В. Пачовский написал на этой «мове» «Исторію Подкарпатскої Руси», а Владимир Бирчак составил учебник по истории карпаторусской литературы – «Литературні стремлення Подкарпатської Руси».

В этих книгах злопамятных авторов осмеивалось и предавалось позору все прошлое нашего племени, вся его идеология и стремление слиться воедино хотя бы в культурном и религиозном отношении с остальным русским народом. «Самостийники лезли из кожи вон, чтобы уничтожить в народе те идеалы, то чувство единства с русскими в России, которые только и могли спасти наш народ в тысячелетней оторванности от полной денационализации»^[57].

Правительство специально выписывало и командировало в Закарпатье галицийских самостийников. Вплоть до 1937 г. было запрещено преподавание в школах на русском языке. Самостийники имели в Чехословакии три учебных заведения, финансируемых правительством, русины – ни одного. Галицкие самостийнические издательства, культурные общества также финансировались за счет государства, в то время как, к примеру, профессор Г.Ю. Геровский, авторитетнейший карпаторусский

лингвист, находился в 1936 г. под домашним арестом.

Невзирая на систематическую двадцатилетнюю политику насильственной украинизации, осуществлявшейся силами чешского правительства, римско-католической церкви, социал-демократов и коммунистов, результаты украинизации к 1938 г. оказались ничтожными. Из восьми депутатов и сенаторов, представлявших русинов в чехословацком парламенте, семеро были русские патриоты, и только один, избранный чешскими и мадьярскими избирателями, считал себя украинцем. На Пряшевской Руси, переданной Словакии, все население голосовало за депутатов-русофилов. «Украинцы» даже не осмеливались выдвигать своих кандидатов. А на референдуме, проведенном на Подкарпатской Руси в 1938 г., 76 % опрошенных высказались за русский литературный язык как язык официальный, язык преподавания и т. д.

Итак, Чехословакия оказалась такой же «тюрьмой народов», как и Польша. Разница была лишь в том, что в Чехословакии к 1938 г. остались какие-то элементы демократического устройства, которые позже дадут повод западным и советским историкам представлять ее тихой овечкой, ставшей жертвой кровожадного тевтонского волка.

Глава 11. На пути к Великой Румынии

В декабре 1917 г., пользуясь деморализацией и бегством русской армии, румынские войска начали наступление на Бессарабию под видом выполнения приказа командующего румынским фронтом генерала Щербачева об охране складов и дорог и восстановлении порядка. Щербачев таким путем надеялся завершить разоружение революционных войск и помочь Каледину, Краснову и другим в борьбе против Советов. Активную помощь румынским войскам оказывали войска Центральной Рады. Продвижение румынских войск в Бессарабии встречало вооруженный отпор со стороны отходящих революционных частей и населения. После боев 13 (26) января 1918 г. был занят Кишинев, затем другие города. Продвижение румынских войск сопровождалось расправами над крестьянством, захватившим после Октября помещичьи земли.

В октябре 1918 г. начался развал Австро-Венгерской империи. Румынские националисты ликовали. 18 октября в Будапеште, в парламенте, зачитали декларацию о суверенных правах румынского народа Трансильвании, а 31 октября в Араде организовался Румынский национальный совет Трансильвании, отказавшийся выполнять распоряжения венгерского правительства. Во второй половине ноября в Трансильвании прошли выборы в Великое национальное собрание, которое открылось 1 декабря в Абла-Юлии. 23 ноября румынская армия вступила на территорию Трансильвании и продвинулась до верховьев реки Муреш.

18-24 ноября в Буковину были введены румынские войска. 28 ноября Генеральный конгресс Буковины в составе 74 местных румын, 7 немцев, 6 поляков и 13 лояльных к Румынии украинцев принял решение «безусловно присоединиться» к Румынии.

18 ноября австро-германские войска ушли из Северной Бессарабии, а румынский премьер Маргиломан приказал по телеграфу румынским войскам перейти нейтральную границу на севере Бессарабии и занять ее до Хотина.

Понятно, что большевики тоже не сидели сложа руки. 7 марта 1919 г. советские войска заняли Бердичев и Казатин, 10 марта – Херсон, 14 марта – Николаев, 15 марта – Житомир и Умань, 18 марта – Винницу, 20 марта – Жмеринку, 30 марта – Вапнярку.

30 марта 1919 г. на фронте Новая Ушица – Могилев-Подольский – Ямпль была развернута 1-я отдельная Бессарабская бригада, которая 24

апреля вошла в состав 1-го Украинского фронта.

17 апреля красные вступили в Каменец-Подольск, 18 апреля заняли Раздельную, Тирасполь, Овидиополь, 20 апреля – Дубоссары, 23 апреля – Маяки, тем самым обеспечив бесперебойное снабжение Одессы водой.

22 апреля 1919 г. командующий 1-й Украинской армией докладывал, что «весь левый берег Днестра от Белочь в 20 верстах севернее Рыбница до устья с переправами в наших руках. Петлюровские банды ушли за Днестр, часть их разоружена. Румынские части прорвались в Галицию. Три румынских монитора обстреливали Овидиополь и берег лимана до Бугаза, разбили и увезли в этом районе все лодки, баржи»^[58].

5 мая 1919 г. на территории Тираспольского уезда Херсонской губернии и Балтского и Ольгопольского уездов Подольской губернии большевики создали Бессарабскую Советскую Социалистическую республику – БССР. (Эти земли сейчас принадлежат Приднестровской республике.) Столицей республики стал город Тирасполь.

С 11 мая части советских 2-й и 3-й Украинских армий несколько раз пытались форсировать Днестр. 27 мая красные даже было взяли Бендеры, но вскоре были оттуда выбиты и переправились на левый берег Днестра.

К середине июля 1919 г. ситуация на Бессарабском фронте стабилизировалась. Однако в связи с наступлением Деникина и активностью банд на Украине советским войскам к началу октября пришлось уйти с левого берега Днестра. В сентябре самораспустилось и правительство Бессарабской Советской Социалистической республики.

А тем временем бессарабский вопрос рассматривался на мирной конференции в Версале. Страны Антанты предложили Румынии провести плебисцит в Бессарабии по поводу присоединения ее к Румынии. Однако румынские представители категорически возразили, сославшись на то, что большинство населения и без того согласно на объединение с Румынией. Министр иностранных дел Братиану заявил, что он «в принципе... не против любого плебисцита в Бессарабии, поскольку Бессарабия, во-первых, является румынской как с исторической, так и с этнической точек зрения, во-вторых, она в условиях полной свободы выразила желание объединиться с Румынией, в-третьих, плебисцит способствовал бы сохранению атмосферы неуверенности и беспокойства»^[59].

«В конце концов Румыния согласна на плебисцит, – закончил Братиану, – но при условии проведения аналогичных мероприятий в других странах». Это был сильный аргумент. Антанта практически нигде не проводила плебисцитов и референдумов, кромсая карту Европы по своему

усмотрению.

После разгрома Деникина части Красной Армии 13 февраля 1920 г. заняли Тирасполь и Парканы и вышли к Днестру. В тот же день у Аккермана были разбиты остатки Добровольческой армии, отступившие из Одессы к Днестру, чтобы уйти в Бессарабию, однако румыны их не пропустили за реку.

К 18 февраля 1920 г. все левобережье Днестра от Рыбницы до Черного моря было занято частями Красной Армии. Однако начинать полномасштабную войну с Румынией из-за Бессарабии советское правительство не спешило. В тылу советских войск, в Крыму, оказалась врангелевская «Русская армия», а на западе поляки начали наступление на Белоруссию и Украину.

Не надеясь на свою армию, румынское правительство лихорадочно искало опору на Западе. В октябре 1920 г. у румын родился план создания Малой Антанты – союза восточноевропейских стран, в который вошли бы Польша, Чехословакия, Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). Английскому и французскому правительствам, создававшим в тот момент «санитарный кордон» в Восточной Европе, сей план пришелся по душе.

Желая поддержать Румынию, союзные страны 28 октября 1920 г. подписали Парижский протокол, согласно которому: «Англия, Франция, Италия, Япония и Румыния, полагая, что в интересах всеобщего мира в Европе важно ныне же обеспечить над Бессарабией суверенитет, отвечающий пожеланиям населения и гарантирующий меньшинствам этническим, религиозным и по языку должную защиту;

полагая что с точки зрения географической, этнографической, исторической и экономической присоединение Бессарабии к Румынии вполне оправдывается;

полагая, что население Бессарабии выразило желание видеть Бессарабию присоединенной к Румынии;

полагая, наконец, что Румыния добровольно выразила желание дать прочные гарантии свободы и справедливости, без различия расы, религии или языка, соответственно договору, подписанному в Париже 9 декабря 1919 г., жителям Румынского королевства в его прежних границах, равно как жителям вновь присоединенных территорий, решили заключить настоящий договор.

Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что они признают суверенитет Румынии над бессарабской территорией, лежащей между нынешней границей Румынии, Черным морем, течением Днестра и его

устья до места, где он перерезывается бывшей границей между Буковиной и Бессарабией и этой бывшей границей»^[60].

Румыния присвоит свое подданство всем жителям Бессарабии, бывшим подданным Российской империи. Бывшим же русским подданным, проживавшим в Бессарабии, предоставлялось в течение двух лет после вступления договора в силу право оптации в пользу России.

Советская Россия и Украина направили в Париж, Лондон, Рим и Бухарест протест: «Советские республики Россия и Украина, узнав, что подписан договор о присоединении Бессарабии к Румынии, объявляют, что не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, состоявшееся без их участия, в отношении Бессарабии и что они никоим образом не считают себя связанными этим договором, заключенным другими правительствами»^[61].

В ответ румынское правительство заявило о Бессарабии, что «эта провинция, столь же румынская, сколь и остальная часть королевства, от которого она была отделена актом произвола 1812 г., воссоединилась с Родиной-матерью по своей собственной воле, выраженной ее представителями». И так как это присоединение признано великими державами, «вопрос о воссоединении Бессарабии с Румынией окончательно закрыт, и Румынское Правительство впредь обсуждать его не намерено»^[62].

Румыны нагло ввали. После воссоединения с «родиной-матерью» из Бессарабии только в 1919–1925 гг. бежали 350 тыс. человек, то есть более 10 % населения страны. Основное число этих людей уходило в Украинскую ССР, на левый берег Днестра, но часть уезжала в Америку (преимущественно в Бразилию).

Постановлением ЦИК УССР от 12 октября 1924 г. была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая республика (МАССР) из части территории Балтского и Одесского округов Одесской губернии и Тульчинского округа Подольской губернии. Границей МАССР на западе и юго-западе была объявлена линия рек Прут и Дунай. Таким образом, в состав МАССР формально входила и Бессарабия, оккупированная в то время Румынией. Левобережье реки Днестр, на котором фактически существовала советская власть, занимало 8288 кв. км.

Административным центром республики до 1929 г. был город Балта, а в 1929–1940 гг. – Тирасполь. Официальной же столицей республики считался город Кишинев, расположенный на территории Бессарабии.

В связи с тем что Франция дала гарантии территориальному статус-

кво Румынии, наркомат иностранных дел СССР 2 октября 1926 г. через посольство СССР в Париже заявил, что «...народы СССР, равно как и все население Бессарабии, никогда не соглашались и никогда не согласятся считать законной оккупацию Бессарабии, равно как и ее аннексию Румынией».

В 1934 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Румынией, но его позиция в отношении Бессарабии не претерпела изменений: эта территория так и продолжала считаться незаконно оккупированной советской территорией, и на административно-политических картах СССР она окрашивалась тем же цветом, что и вся остальная территория Союза, но заштриховывалась синей или фиолетовой сеткой, указывавшей на состояние этой области под румынской оккупацией.

Несколько слов стоит сказать о румынской монархии. В отличие от остальных лимитрофов королевство существовало с 1866 г. Основателем династии стал Кароль I. Настоящее его имя Карл, он был представителем боковой (шведской) ветви немецких князей Гогенцоллернов. Когда в 1866 г. румынская знать предложила Карлу стать королем, тот служил в городе Кобленце капитаном в прусском драгунском полку. Фердинанд I (племянник Кароля I) женился на принцессе Марии Саксен-Кобург-Готской, родной сестре Виктории Федоровны, жены великого князя Кирилла Владимировича, того самого, который в 1923 г. объявил себя императором всероссийским.

20 июля 1927 г. король Фердинанд I умер. По закону ему должен был наследовать 34-летний сын Кароль. Но, увы, о его похождениях можно было составить не один десяток детективных романов. Кароль страдал довольно редкой болезнью – приапизмом^[63], а также эротоманией. В довершение всего он был бисексуал. Видимо, на принца оказал дурное влияние его гувернер швейцарец Мерле, о гомосексуализме которого при дворе узнали слишком поздно.

В 1918 г. принц Кароль женился в Одессе на проститутке Иоане (Зизи) Ламбрино. Узнав о браке сына, король Фердинанд произнес единственное слово: «Негодяй». Зизи выслали в Париж и пообещали платить ежемесячно солидное пособие с тем, чтобы она только не появлялась в Румынии, а принца отправили на гауптвахту на целых 75 суток.

Выйдя с гауптвахты, принц на время притих. И в 1921 г. он наконец-то составляет приличную партию – вступает в брак с принцессой Еленой, дочерью греческого короля Константина. Вскоре у них родился сын Михай. Но буквально через несколько месяцев – новый мезальянс! На автогонках

эффектная женщина бросает в его машину букет цветов! Это была 27-летняя Елена Лупеску, которая затем оставалась рядом с Каролем до конца его дней.

В 1925 г. Кароль выехал в Лондон на похороны английской королевы Александры, где вновь сошелся с Лупеску и отказался возвращаться в Бухарест. В декабре того же года король Фердинанд лишил его права на наследование престола. Около четырех лет принц-плейбой Гогенцоллерн вместе со своей подругой прожил в Италии и Франции как обычный обыватель под именем Кароля Караимана. Среди прочих занятий бывшего принца – участие вместе с Еленой Лупеску в съемках американского кинофильма, посвященного его собственным амурным похождениям.

В итоге на престоле оказался сын Кароля шестилетний Михай I, при котором был назначен Регентский совет, в состав которого вошли четыре человека, включая королеву-мать и румынского патриарха. Правление малолетки продолжалось только три года. В 1930 г. пришедшая к власти партия цэрэнистов пригласила на престол Кароля. Тот немедленно вернулся в Румынию и провозгласил себя королем Каролем II, а девятилетнему сыну в утешение присвоил титул «великого воеводы Алба-Юлии».

Огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику королевства оказывала Елена Лупеску. Замечу, что законная жена короля Елена Греческая находилась в эмиграции. В результате интриг Лупеску в Румынии сменилось не менее двадцати правительств. В 1938 г. Кароль II отменил конституцию, распустил парламент и политические партии, провозгласив «королевскую диктатуру». Вместо них осенью 1938 г. была создана фашистская партия – «Фронт национального возрождения». В том же 1938 г. министром обороны был назначен 56-летний генерал Йон Антонеску.

Румынские власти имели территориальные претензии к СССР, в частности, территория между реками Южный Буг и Днестр, включая города Балту, Винницу и Одессу, считались румынской областью Транснистрией (Заднепровьем).

Ежегодно торжественно отмечался день аннексии Бессарабии. Последний раз летом 1940 г. с большой помпой была отмечена 22-я (дата-то не круглая!) годовщина захвата Румынией Бессарабии. В Кишинев по сему поводу прибыл в полном составе совет министров, а затем и сам король. Тогда румынский король еще раз официально подтвердил, что Одесса является исконно румынским городом.

Глава 12. Вашингтонская конференция 1921–1922 гг. по ограничению морских вооружений

12 ноября 1922 г. в Вашингтоне торжественно открылась конференция по ограничению морских вооружений. Организаторы конференции были намерены использовать всплеск послевоенных пацифистских настроений в своих политических целях.

Конференцию открыл американский президент Уоррен Гардинг. «Переговоры будут словами народов, уставших от войны, – заявил он. – Мы ни в ком не подозреваем врага. Ничье самолюбие не должно быть унижено, никакая национальность не должна быть подавлена, мы надеемся установить лучший порядок, который вернет спокойствие миру. Наша конференция, – продолжал Гардинг, – свидетельствует о пробужденной совести у цивилизации XX века. Истомленный мир жаждет новых отношений, и человечество требует прочного мира. Разоружением морских сил будет устранена величайшая угроза новой войной»^[64].

В ходе первого рабочего заседания конференции инициативу проявил американский госсекретарь Чарльз Юз. От имени американского правительства он внес предложения: прекратить постройку сверхмощных военных кораблей; исключить из строя определенное число старых судов; принять во внимание существующую силу военного флота держав, представленных на конференции, и установить определенный тоннаж для их линейных судов. Юз предложил в течение десяти лет после подписания соглашения не строить вовсе линейных кораблей, по истечении же этого срока строить линкоры только для замены выбывающих из строя.

Еще Юз предложил установить общее водоизмещение крупного флота по 500 тыс. т для Англии и для Америки и 300 тыс. т для Японии. Новые линкоры не должны были превышать 35 тыс. т каждый. Для легких же судов устанавливались следующие ограничения: для Англии и Америки – по 450 тыс. т, а для Японии – 270 тыс. т. Тоннаж подводных лодок для Америки и Англии определялся по 90 тыс. т, для Японии – 40 тыс.

Что же касается морских вооружений Италии и Франции, то Юз предложил отложить обсуждение этого вопроса, ибо минувшая война внесла в положение обеих стран некоторые изменения.

Основные мотивы предложений янки были достаточно ясны. Америка была заинтересована в том, чтобы временно приостановить строительство своего флота, поскольку не имела для него ни необходимых кадров, ни достаточного числа баз. Помимо этого, американцы добивались ограничения водоизмещения линкоров потому, что крупные суда не могут проходить через Панамский канал.

По предложению Юза Англия должна была в течение трех месяцев по подписании соглашения прекратить постройку линейных кораблей, исключить из строя 19 линкоров и оставить 22; Америка – прекратить постройку, исключить из строя 30 линкоров и оставить 18; Япония – отказаться от постройки 8 кораблей, уничтожить 7 новых линкоров, 10 старых судов и свести число крупных кораблей к 10.

Эти предложения американского госсекретаря произвели сенсацию на конференции. По рассказам одного из свидетелей, когда Юз говорил, что Англия должна прекратить строительство кораблей типа «Король Георг V», английский адмирал Битти вышел из себя. «Лорд Битти, – писал автор книги о конференции, – подался вперед в своем кресле, напоминая бульдога, дремавшего на солнце у порога и получившего пинок ногой от дерзкого прохожего... То был исторический момент заседания»^[65].

Предложения Юза вызвали переполох и споры среди делегатов. Ведь три крупнейшие морские державы должны были уничтожить свои корабли общим водоизмещением около 2 млн т, уже построенные и еще находящиеся на стапелях. За обедом, данным президентом Гардингом в честь делегатов конференции, один из английских гостей шепнул сидевшему рядом японцу: «В конце концов, мы с вами являемся островными империями, поэтому у нас имеется общая точка зрения на морские вопросы».

Понять нервную реакцию англичан нетрудно. Ведь в течение более чем ста лет британское адмиралтейство придерживалось так называемого «двойного стандарта». Согласно ему, британский флот должен был быть сильнее двух самых сильных флотов мира. Но по здравом размышлении англичане решили поддержать предложение США. За годы мировой войны Англия построила огромный военный флот, требовавший от государства невероятных расходов. Да и предположение, что США станут противником Англии, было весьма маловероятно.

Исходя из вышесказанного, глава британской делегации лорд Бальфур согласился с предложением Юза. Вслед за ним выразили согласие представитель Японии барон Като и французский делегат Аристад Бриан.

Казалось бы, что между делегатами достигнуто соглашение. Но

декларации официальных делегатов оказались лишь данью дипломатическому приличию, и как только делегаты перешли к конкретному обсуждению вопроса, вскрылись острые разногласия между державами. Японцы решили изменить пропорции тоннажа крупного флота для США, Англии и Японии 5: 5: 3, предложенные Юзом, в свою пользу, и они должны были составить соотношение 10: 10: 7. Американцы тут же пригрозили японцам, что если они будут упорствовать, то США начнут строить по четыре корабля на каждый японский корабль. Тогда японцы решили согласиться с американским предложением, но с оговоркой, что на Тихом океане Америка не будет строить военно-морских баз. Юз возразил на это, что не может дать никаких гарантий в отношении укрепления Гавайских островов. Начались длительные переговоры, основные вопросы решались на закрытых заседаниях четырех держав – США, Англии, Франции и Японии. Французы требовали права постройки десяти новых броненосцев водоизмещением в 35 тыс. т каждый. Юз же соглашался разрешить Франции строить корабли общим водоизмещением только 175 тыс. т. В конце концов французские делегаты уступили.

Не менее острым был и спор между делегатами о строительстве подводных лодок. Уступив США в вопросе о соотношении тоннажа крупных кораблей и отказавшись от принципа абсолютного господства на море, Англия хотела компенсировать себя сокращением строительства подводного флота. В нем она видела главную угрозу своим надводным кораблям, особенно со стороны Франции.

Юз предлагал оставить общий тоннаж подводного флота для США и Англии – по 90 тыс. и для Японии – 40 тыс. В Америке вообще велась кампания за полное уничтожение имевшихся подводных лодок и запрещение постройки новых, и одним из аргументов было потопление «Лузитании».

О подводных лодках делегаты спорили более недели. Английские представители согласились с предложениями Юза, но французы высказались категорически против не только уничтожения подводных лодок, но и сокращения их тоннажа и требовали для Франции также 90 тыс. т. Делегат Сарро заявил: «Французское правительство не может согласиться ни с планом уничтожения подводного флота, ни с общим сокращением тоннажа подводных лодок... ни с ограничением тоннажа отдельной подводной лодки, ибо для Франции подводные лодки являются оружием, которое может обеспечить безопасность ее территории. В крайнем случае французская делегация может лишь пойти на то, чтобы пользоваться подводными лодками в ограниченном числе»^[66].

Итальянцы и японцы поддержали французов. Англичане же выступили против. Британский делегат Бальфур выступил с речью: «Опыт мировой войны подчеркнул колоссальную угрозу подводного флота для Англии. Англия могла бороться с германским подводным флотом лишь благодаря отсутствию у Германии достаточного числа баз; к тому же район действия подводных лодок был в то время менее велик, чем теперь. Франция, имеющая базы повсюду, может представить, обладая большим подводным флотом, во много раз большую опасность для Англии, чем Германия»^[67].

На это французы ответили не без сарказма: «Англия хотела бы упразднить подводные лодки, но на это мы не согласны. Но если Англия пожелает упразднить линейные корабли, то мы немедленно же согласимся и на упразднение подводного флота... Англия не намерена никогда использовать свои линейные корабли против Франции. Она держит их, по всей вероятности, для ловли сардинок. Пусть же она разрешит и бедной Франции строить подводные лодки... для ботанического исследования морского дна»^[68].

Американцы в этом споре поддержали англичан. Юз напомнил, что конференция-то имеет целью сокращение вооружений, а Франция требует для себя увеличения тоннажа подводного флота, и предложил установить для Франции лимит в 60 тыс. т. Французы ответили, что запросят по телеграфу свое правительство.

На следующий день Сарро заявил, что Франция не может согласиться на лимит ниже 90 тыс. т, и стало ясно, что французы уступать не намерены.

6 февраля 1922 г. делегаты США, Англии, Японии, Франции и Италии подписали трактат «об ограничении морских вооружений», согласно которому устанавливались следующие соотношения размеров линейного флота: США, Англия, Япония, Франция, Италия – 5: 5: 3: 1,75: 1,75.

При обсуждении этого трактата японцы требовали сохранить достраивающийся линкор «Мутсу» взамен устаревшего линкора «Сеттси», и японцы добились согласия на то, чтобы их флот получил два линкора «послеютландского типа»^[69]. Американцы также получили право построить два современных линкора, при этом разобрав свои устаревшие корабли. Таким образом, в американском флоте теперь должно было насчитываться пять кораблей «послеютландского типа». У англичан имелся лишь один такой современный корабль, и они получили право постройки еще двух линкоров, сдав при этом на лом четыре старых корабля.

В итоге Англия получила право иметь двадцать линкоров общим

водоизмещением 558 950 т, США – восемнадцать линкоров (525 850 т), Япония – десять линкоров (301 320 т), Франция – десять линкоров (221 170 т), Италия – десять линкоров (182 800 т).

Державы, подписавшие соглашение, обязывались не покупать и не строить линкоры водоизмещением более 35 тыс. т и не вооружать их орудиями калибром более 16 дюймов (406 мм). Общий тоннаж линейных кораблей, могущий подлежать замене, не должен был превышать: для США и Англии – 525 тыс. т, для Японии – 315 тыс. т, для Франции и Италии – по 175 тыс. т. Таким образом, Англию вынудили отступить от ее принципа иметь флот, равный соединенному флоту двух сильнейших морских держав.

Трактатом также устанавливался общий тоннаж авианосцев. Для США он составил 136 тыс. т, для Англии – 135 тыс. т, для Японии – 81 тыс. т, для Франции и Италии – по 60 тыс. т. Трактатом воспрещалось договаривающимся странам покупать или строить авианосцы водоизмещением более 27 тыс. т. Хотя допускалось строительство авианосцев водоизмещением до 33 тыс. т, но при условии, что таких авианосцев будет не более двух и общий тоннаж всех авианосцев державы при этом не превысит разрешенного трактатом. Запрещалось вооружать авианосцы орудиями калибра более 8 дюймов (203 мм).

Трактатом запрещалась постройка легких крейсеров водоизмещением более 10 тыс. т и установка на них более чем 8-дюймовых орудий.

Вашингтонский договор вступил в силу 17 августа 1923 г. Благодаря ему из почти трех десятков линкоров, заложенных ведущими морскими державами, с 16-дюймовой артиллерией у США оставалось три линкора (типа «Колорадо» водоизмещением 33,6 тыс. т, восемь 406/45-мм орудий), у Японии – два линкора («Нагато» и «Мутсу»^[70] водоизмещением по 33 тыс. т, вооруженных восемью 410/45-мм орудиями)^[71].

Англичане вообще остались без линкоров с 16-дюймовой артиллерией, но в соответствии с договором 1922 г. 28 декабря 1922 г. заложили два новых линкора, названные в честь знаменитых адмиралов «Нельсон» и «Родней». Их водоизмещение было объявлено 35 тыс. т, а фактически составляло 38 тыс. т. Вооружение: девять 406/45-мм и двенадцать 152-мм орудий. «Нельсон» вступил в строй 10 сентября 1927 г., а «Родней» – 10 ноября того же года.

Линкоры типа «Нельсон» имели на носу три трехорудийные 406-мм башни. Однако ограничение тоннажа 35 тыс. т вынудило английских судостроителей пожертвовать скоростью, сократив ее до 23 узлов.

Ограничение в водоизмещении привело к еще ряду недостатков этих линкоров, благодаря чему «адмиралов» в британском флоте стали именовать «сестрицами-уродками» («ugly sisters»).

Неудача с «адмиралами» привела к тому, что правительства Англии, Франции и Италии решили уменьшить калибр с 16 дюймов до 15, а то и до 14 дюймов, чтобы иметь хорошее бронирование, скорость порядка 30 узлов и уложиться в разрешенные договором 35 тыс. т.

Так, французы в декабре 1932 г. заложили линейный крейсер^[72] «Дюнкерк», а в сентябре 1934 г. – однотипный «Страсбург». Водоизмещение их составляло 35,5 тыс. т, то есть практически соответствовало Вашингтонскому соглашению. Линкоры были вооружены восемью 330-мм пушками в двух носовых четырехорудийных башнях. Корабли имели большую скорость хода – 31 узел, дальность плавания их достигала 7500 миль. «Дюнкерк» вошел в строй в мае 1934 г., а «Страсбург» – в декабре 1938 г.

Затем по той же схеме, то есть с двумя четырехорудийными башнями на носу, французы заложили 22 октября 1935 г. в Бресте линкор «Ришелье». Он был вооружен восемью 381/45-мм и двенадцатью 152/55-мм пушками. Причем впервые в истории 152-мм пушки были приспособлены для зенитной стрельбы.

История создания тяжелых зенитных орудий очень интересна, поэтому я останавлиюсь на ней подробнее. По проекту универсальные трехорудийные 152-мм установки на «Ришелье» должны были иметь угол вертикального наведения -10° ; $+90^{\circ}$. Но по ряду технических причин реализовать это не удалось, и первоначально угол возвышения этих пушек не превышал $+75^{\circ}$, лишь после нескольких лет эксплуатации его удалось довести до $+85^{\circ}$. Тем не менее эти пушки можно считать полноценными зенитными орудиями. Вес снаряда составлял 54 кг, начальная скорость 870 м/с, скорострельность одного ствола 8 выстр./мин. Приводы наведения обеспечивали горизонтальную скорость 12 град./с и вертикальную – 8 град./с.

Франция официально заявила, что «Ришелье» соответствует договору 1922 г., и его водоизмещение не превышает 35 тыс. т. На самом же деле полное водоизмещение корабля достигало 47 458 т.

Вслед за «Ришелье» французы заложили однотипные линкоры «Жан Бар» (12 декабря 1936 г.) и «Клемансо» (18 января 1939 г.). Строительство линкоров сильно затянулось, и в строй «Ришелье» вошел 15 июня 1940 г., а «Жан Бар», спущенный на воду 6 марта 1940 г., недостроенный, принял участие в боевых действиях. Полностью же его ввели в строй в 1949 г.

«Клемансо» так и остался недостроенным на стапелях.

Итальянцы в 1918 г. и без ограничений договора 1922 г. отказались от достройки четырех линкоров типа «Франческо Карачиоли» водоизмещением 34 тыс. т с восемью 381/40-мм орудиями. У них просто не хватило средств ввести их в строй.

В результате у Муссолини осталось четыре линкора – «Джулио Цезаре», «Конте де Кавур», «Андреа Дориа» и «Кайо Джулио» – со стандартным водоизмещением 25 тыс. т и двенадцатью 305-мм орудиями каждый.

В 1934 г. было принято решение рассверлить 305-мм пушки до калибра 320 мм. Таким образом были получены 320/43,8-мм пушки М1934. Угол возвышения их был доведен до +27°. В ходе модернизации в 1934–1938 гг. «Джулио Цезаре» и «Конте де Кавур» получили по десять 320-мм орудий (за счет снятия центральной трехорудийной башни), было значительно усилено зенитное вооружение и улучшено бронирование. Водоизмещение кораблей после модернизации достигло 30 тыс. т. Линкоры «Андреа Дориа» и «Кайо Джулио» прошли аналогичную модернизацию в 1937–1940 гг.

Понятно, что Муссолини, постоянно называвший Средиземное море «нашим морем», не мог ограничиться столь слабыми линейными кораблями. 28 октября 1934 г. в Генуе и Триесте были заложены два новых линкора – «Литторио» и «Витторио Венето» – водоизмещением 45 тыс. т. Надо ли говорить, что итальянские власти официально объявили, что водоизмещение их не превышает 35 тыс. т. Линкоры были вооружены девятью 381/45-мм пушками в трех башнях и двенадцатью 152-мм пушками в четырех башнях. Максимальная скорость хода этих кораблей составляла 31,3 узла.

В 1938 г. итальянцы заложили еще два однотипных линкора – «Рома» и «Империо». «Литторио» был введен в строй 6 мая 1940 г., «Витторио Венето» – 28 апреля 1940 г., «Рома» – 14 июня 1942 г., а «Империо» был спущен 15 ноября 1939 г., но в строй его ввести не удалось. 20 февраля 1945 г. он был потоплен в гавани Триеста американскими бомбардировщиками.

Лорды британского адмиралтейства тоже решили «сохранить приличия» и в 1937 г. заложили пять линкоров типа «Кинг Джордж V» водоизмещением 35 тыс. т. На самом же деле тоннаж их оказался от 44 510 до 45 360 т. Первоначально эти корабли должны были быть вооружены двенадцатью 356/50-мм пушками в трех четырехорудийных башнях. Однако после нескольких усилений броневой защиты остойчивость

корабля заметно уменьшилась, и англичане, помня урок «Кэптэна»^[73], решили облегчить корабль, заменив четырехорудийные башни «В» на двухорудийные. В итоге «Король Джордж» получил всего десять 356-мм пушек. Кроме того, он имел шестнадцать 133-мм универсальных орудий в четырех башнях.

Головной линкор «Кинг Джордж V» вошел в строй британского флота 11 декабря 1940 г., а следующие четыре корабля – с 31 марта 1941 г. по 22 июня 1942 г.

В 1938 г. англичане решили окончательно отбросить «фиговый листок» соглашений 1922 г. и начали проектировать линкор стандартным водоизмещением в 47 тыс. т, вооруженный девятью 406-мм орудиями. Первые два корабля такого типа – «Темарайр» («Temeraire») и «Лайон» – были заложены соответственно 1 июня и 4 июля 1939 г. Но началась Вторая мировая война, и работы по этим линкорам были законсервированы.

Первые два новых линкора – «Норт Каролина» («Северная Каролина») и «Вашингтон» – американцы заложили 27 октября 1937 г. и 14 июня 1938 г. соответственно. Формально их водоизмещение должно было быть 35 тыс. т, а фактически их полное водоизмещение составляло 46 770 т. Корабли были вооружены девятью 406/45-мм пушками главного калибра и двадцатью универсальными 127/38-мм пушками. Скорость хода линкоров составляла 28 узлов.

«Вашингтон» был полностью закончен в марте 1941 г., а «Норт Каролина» – в августе того же года.

За ними последовали четыре линкора типа «Саут Дакота» («Южная Дакота»), заложенные с 5 июля 1939 г. по 1 февраля 1940 г. Главный калибр, универсальные орудия и скорость хода у них остались без изменений по сравнению с «Норт Каролиной», было лишь улучшено бронирование.

В 1937 г. в Японии было завершено проектирование самых крупных в мире линкоров «Ямато» и «Мусаси». Эти линкоры имели самую толстую в мире броню и самые мощные 460/45-мм (18-дюймовые) пушки «тип 94». Вес 460-мм бронебойного снаряда составлял 1460 кг, начальная скорость 780–785 м/с, а дальность стрельбы – 42 км.

Суперлинкор «Ямато» со стандартным водоизмещением 67 123 т и полным водоизмещением 71 659 т был заложен 4 ноября 1937 г. и введен в строй 16 декабря 1941 г., а его sister ship (однотипный корабль) «Мусаси» соответственно 29 марта 1938 г. и 5 августа 1942 г. Третий линкор этой серии «Синано» был заложен 4 мая 1940 г. Но в июле 1942 г. после поражения японцев у острова Мидуэй командование императорского флота

решило переделать его в авианосец. В этом качестве он и вошел в строй 19 ноября 1944 г.

Обзор строительства линкоров и линейных крейсеров я закончу рассказом о германских кораблях. На них следует остановиться подробнее, поскольку германское судостроение очень сильно повлияло на наши судостроительные программы.

Как уже говорилось, по условиям навязанного Германии в 1919 г. Версальского договора ей разрешалось иметь «опереточный ВМФ» в составе шести старых броненосцев: три типа «Дойчланд» («Deutschland») («Шлезен», «Шлезвиг-Гольштейн» и «Ганновер») и три типа «Брауншвейг» («Брауншвейг», «Эльзас» и «Гессен»). Запрещалось иметь на кораблях орудия калибром свыше 11 дюймов (280 мм). Версальским договором предусматривались жесткие ограничения для германского флота и на будущее. В классе броненосцев Германии разрешалось иметь в строю только шесть кораблей водоизмещением не более 10 тыс. т каждый. Замена одного корабля другим разрешалась не ранее истечения двадцатилетнего срока службы первого, считая с момента спуска. Но союзники не учли, что к моменту подписания Версальского договора у Германии оставались только старые броненосцы, спущенные на воду в 1902–1906 гг., то есть немцы уже в 1922 г. могли начать строить новые корабли, а к 1926 г. полностью обновить свой броненосный флот.

Союзники надеялись, что немцы построят хорошо защищенные броненосцы береговой обороны, предназначенные для действий в пределах Северного и Балтийского морей. И действительно, в 1928 г. в Германии было объявлено о строительстве броненосцев (panzerschiffe) типа «А».

Новый корабль под названием «Дойчланд» был заложен 5 февраля 1929 г. на верфи Дейчеверке в Киле. Однако он оказался не броненосцем береговой обороны, а новым типом корабля, представлявшим нечто среднее между тяжелым и линейным крейсером. Его вооружение состояло из шести 280/52,4-мм пушек SKC/28, помещенных в двух трехорудийных башнях Drh LC/28, и восьми 150/54,7-мм SKC/28^[74] в одноорудийных башнях MPL C/28.

Таким образом, «Дойчланд» мог легко разнести в щепки любой «вашингтонский» крейсер водоизмещением 10 тыс. т, вооруженный 203-мм орудиями. Поэтому на Западе его прозвали «карманным линкором». Замечу, что такое эффектное название надолго прилепилось к этим кораблям, хотя в Германии их так никогда не называли.

Максимальная скорость «Дойчланда» составляла 28 узлов, то есть он легко мог уйти от любого линкора того времени. Корабль предназначался

для рейдерства в отдаленных участках Мирового океана и имел огромную дальность плавания – 19 тыс. миль при 10-узловом ходе. Все это достигалось за счет установки восьми дизелей фирмы «Ман» общей мощностью 56 800 л. с. Таким образом, «Дойчланд» стал первым в мире крупным военным кораблем, оснащенным дизельным двигателем. Полное водоизмещение броненосца составляло около 16 200 т.

«Дойчланд» вступил в строй 1 апреля 1933 г. Вслед за ним в 1931–1935 гг. были построены еще два однотипных корабля – «Адмирал Шеер» и «Адмирал граф Шпее». После начала войны Гитлер заявил командующему флотом гроссадмиралу Редеру: «Я не хочу, чтобы однажды мне доложили, что «Германия» погибла». И «Дойчланд» 15 ноября 1939 г. был переименован в «Лютцов».

27 апреля 1935 г. Германия официально заявила о начале строительства 12 подводных лодок малого водоизмещения, тем самым окончательно поставив крест на ограничениях Версальского договора. Одновременно для успокоения англичан Гитлер выступил 21 мая в рейхстаге с речью, посвященной, помимо прочего, планируемому морскому соглашению. Эту речь благосклонно восприняли в Великобритании. Британское правительство выразило готовность приступить к заключительной стадии переговоров, и 2 июня 1935 г. в Лондон отправилась немецкая делегация.

18 июня 1935 г. было подписано морское соглашение между Англией и Германией. Это выглядело как обмен нотами между руководителями делегаций.

По условиям договора суммарный тоннаж германского флота не мог превышать 35 % суммарного тоннажа флота Великобритании и ее доминионов – Канады, Южно-Африканского Союза, Австралии, Индии, Новой Зеландии. Это соотношение определялось как постоянное и касалось кораблей всех основных классов, за исключением подводных лодок. Превышение тоннажа в каком-то одном классе, допущенное по обоюдному согласию сторон, следовало компенсировать уменьшением тоннажа в каком-то другом классе.

В классе подводных лодок Германия в рамках все тех же суммарных 35 % могла иметь тоннаж, равный тоннажу подводного флота Содружества, однако добровольно обязалась в течение ближайших семи лет не превышать 45 % этого тоннажа. Для максимального использования отведенного немцам тоннажа им позволялось слегка округлять показатели водоизмещения отдельных кораблей, не слишком отклоняясь от общего соотношения 35 %.

Отныне германский флот мог руководствоваться следующими лимитами тоннажа при создании кораблей основных классов:

линкоры – 183 750 т (7 кораблей по 26 тыс. т);
авианосцы – 41 980 т (два корабля по 21 тыс. т);
тяжелые крейсеры – 51 380 т (5 крейсеров по 10 тыс. т);
легкие крейсеры – 67 270 т (11 крейсеров по 6 тыс. т);
эсминцы – 52 500 т (35 эсминцев по 1,5 тыс. т);
подводные лодки – 23 715 т (47 лодок по 500 т).

В марте и мае 1935 г., еще до заключения англо-германского договора, Гитлер приказал заложить два линкора – «Гнейзнау» и «Шарнхорст». Полное водоизмещение их составляло 38 900 т. Оба они были вооружены девятью 280-мм пушками SKC/34 в трех башнях Drh LC/28, двенадцатью 150-мм пушками SKC/28 в двухорудийных башнях Drh LC/34 и четырнадцатью 105-мм орудиями SKC/33 в универсальных двухорудийных установках LC/31. Скорость хода заложенных линкоров официально была объявлена 28 узлов, и только в ходе войны союзники узнали, что фактически она составляла 31 узел.

1 июля 1936 г. в Гамбурге на верфи «Блом и Фосс» был заложен самый сильный линкор Германии (из введенных в строй) «Бисмарк». Официально и он имел водоизмещение 35 тыс. т, но уже по проекту его стандартное водоизмещение составляло 42 тыс. т, а полное – 51 тыс. т. Вооружение его состояло из восьми 380-мм пушек SKC/34, размещенных в четырех башнях 38-cm Drh LC/34. Средний калибр был представлен двенадцатью 150-мм пушками SKC/28 в шести башнях 15-cm Drh LC/34, а также шестнадцатью универсальными 105-мм пушками SKC/33 в восьми установках LC/37. Скорость хода линкора составляла 30,5 узла.

26 октября 1936 г. был заложен «систер-шип» «Тирпиц». В строй эти линкоры вошли уже в ходе войны: «Бисмарк» – 24 августа 1940 г., а «Тирпиц» – 25 февраля 1941 г.

Кроме того, к 1 августа 1939 г. на плаву достраивались тяжелые крейсеры «Принц Ойген» («Принц Евгений» спущен на воду 22 августа 1938 г.), «Зейдлиц» (спущен на воду 19 января 1939 г.) и «Лютцов» (спущен на воду 1 июля 1939 г.). По плану все эти достраивающиеся на плаву корабли должны были войти в строй в 1940–1941 гг., кроме «Зейдлица» и «Лютцова», которые предполагалось ввести в строй в 1942 г.

В 1938–1939 гг. Германия приступила к строительству огромного надводного флота. 14 апреля 1939 г. на верфи «Блом и Фосс» в Гамбурге и

«Дешимаг» в Бремене были заложены два линкора нового проекта под литерными обозначениями «Н» и «J». Как правило, немцы присваивали названия кораблям при спуске их на воду, а до этого корабли строились под литерными обозначениями. Шла подготовка к закладке еще четырех таких линкоров: «K», «L», «M» и «N». Стандартное водоизмещение этих кораблей должно было составлять 56 440 т, а полное – 62 600 т. Орудиями главного калибра должны были стать восемь 406/52-мм пушек SKC/34 системы Круппа в четырех башнях. К 1 сентября 1939 г. 40-см (406-мм) пушки прошли полигонные испытания и были запущены в серийное производство. Всего, по разным данным, немцы изготовили от 12 до 19 таких орудий. Впервые после «карманных линкоров» немцы решили вернуться к установке дизелей, которые должны были обеспечивать 30-узловой ход.

В 1938 – начале 1939 г. были закончены проекты еще более мощных линкоров. Так, например, линкоры проекта H44 должны были иметь стандартное водоизмещение 131 тыс. т, вооружение должно было состоять из восьми 508-мм орудий в четырех башнях. Дизельная установка должна была обеспечивать линкору скорость хода не менее 30 узлов.

Кроме линкоров, в состав германского флота должны были войти и линейные крейсера. Так, в начале 1939 г. были отпущены средства на постройку трех линейных крейсеров водоизмещением 31 650/35 400 т (стандартное/полное), вооруженных шестью 38-см пушками SKC/34 в трех башнях Drh LC/34 (тех же, что и на «Бисмарке»). На 1 сентября 1939 г. были подготовлены к закладке три линейных крейсера – «O», «P» и «Q».

Начало Второй мировой войны сорвало строительство германского большого флота.

Советская военно-морская мощь вообще не учитывалась Вашингтонским соглашением 1922 г. И действительно, наш флот был не только мал по сравнению с флотами ведущих держав, но и технически малобоеспособен.

Лишь 20 мая 1936 г. в Лондоне начались англо-советские переговоры по ограничению морских вооружений. Британское адмиралтейство терялось в догадках относительно советской программы строительства «Большого флота». С одной стороны, лорды как огня боялись появления советских линкоров в Атлантике, а с другой – были не прочь увидеть их на Дальнем Востоке в качестве противовеса японскому флоту.

30 июля 1936 г. было заключено предварительное советско-британское соглашение на следующих условиях:

1. СССР получил право иметь в общей сумме столько линкоров и

крейсеров, сколько имеет наименьший флот среди четырех великих морских держав, подписавших второй Лондонский договор.

2. СССР может построить до 1 января 1943 г. для европейской части страны два линкора с 406-мм орудиями и семь крейсеров со 180-мм орудиями.

3. Качественные ограничения Лондонского договора станут обязательными для СССР только в том случае, если Германия не будет строить корабли, выходящие за их пределы.

4. Советский Тихоокеанский флот свободен от любых ограничений (в том числе от обязанности информировать о его составе) до тех пор, пока Япония не вернется к соблюдению положений договора.

А что же происходило на самом деле на верфях России?

В ходе выполнения первого пятилетнего плана существенно вырос экономический и оборонный потенциал страны. Теперь появилась реальная возможность приступить к усилению военно-морских сил республики. При этом новые корабли требовались не только для существующих флотов, но и для новых. Так, в апреле 1932 г. был создан Тихоокеанский флот, а в июне 1933 г. – Северный^[75].

11 июля 1933 г. вышло постановление Совета Труда и Оборона (СТО) «О программе военно-морского строительства на 1933–1938 гг.». Этой программой предусматривалось строительство 872 боевых единиц, в том числе 369 подводных лодок и 503 надводных корабля и катеров, а также восстановление и модернизация линкоров «Фрунзе» и «Парижская коммуна», учебного крейсера «Ворошилов», минного заградителя «Штандарт» и учебного судна «Полярная звезда». Планировалось также построить 143 вспомогательных судна для ВМС РККА и 26 кораблей для морской погранохраны («флота ОГПУ»), включая два крейсера погранохраны, два сторожевых корабля и девять быстроходных тральщиков.

Из тяжелых кораблей, заложенных по этой программе, к 22 июня 1941 г. в строй вошли два крейсера проекта 26 и два крейсера проекта 26-бис, вооруженных девятью 180-мм пушками.

26 июня 1936 г. Совнаркомом были утверждены «Программы крупного морского судостроения» на 1937–1943 гг. Для четырех основных морских театров предполагалось построить 8 линкоров типа «А», 16 линкоров типа «Б», 20 легких крейсеров, 17 лидеров, 128 эсминцев, 90 больших, 164 средних и 90 малых подводных лодок. Большинство судов предназначалось для Тихоокеанского и Балтийского флотов (общим водоизмещением по 415,1 и 400 тыс. т соответственно), за ними следовал Черноморский

(352,6 тыс. т) и Северный (139,6 тыс. т). На подводные лодки приходилось 18,3 % тоннажа будущего флота, а среди надводных кораблей 53,2 % тоннажа приходилось на линейные корабли, 11,2 % – на крейсера и около 17,2 % – на эсминцы.

Обратим внимание, что советское руководство хотело иметь два типа линкоров – «А» и «Б». Линкоры типа «А» должны были иметь стандартное водоизмещение 35 тыс. т. Разумеется, никто не собирался укладываться в договор 1922 г., просто цифра 35 тыс. т потребовалась для дезинформации других держав. На самом деле по проекту 23, разработанному в 1936 г., линкоры типа «А» должны были иметь стандартное водоизмещение 45,9 тыс. т, а полное – 51 тыс. т. Вооружение линкоров типа «А» должно было состоять из девяти 406-мм пушек в трех башнях и двенадцати 152-мм пушек в двухорудийных установках. Скорость хода линкоров проектировалась около 30 узлов.

Эскизных проработок линкоров типа «Б» было много, но основным выбрали проект 64, разработанный в 1937 г. Стандартное водоизмещение линкора типа «Б» по этому проекту должно было составлять 48 тыс. т, а полное – 53 тыс. т. Вооружение должно было состоять из девяти 356-мм пушек в трех башнях и двенадцати 152-мм орудий. Скорость хода – 29 узлов.

Линкоры типа «Б» предназначались для борьбы с линейными крейсерами противника, например, с французским «Дюнкерком» или германским «Шарнхорстом».

Для линкоров типа «Б» на заводе «Большевик» (№ 232) была спроектирована мощная 356/54-мм пушка. Вес ее тела составлял 117,6 т. При весе снаряда 750 кг и заряда 300 кг начальная скорость составляла 940 м/с. Три такие пушки устанавливались в башне МК-12, имевшей лобовую броню толщиной 495 мм. Однако к 356/54-мм пушки и установки МК-12 остались на бумаге^[76].

Линкор типа «Б» по своим размерам был близок к линкору типа «А», но сильно уступал ему по мощности артиллерии главного калибра и броневой защиты. Одиесся линкоров типа «Б» закончилась в начале 1938 г., когда было принято решение строить только линкоры типа «А».

Закладка головного линкора проекта 23, получившего название «Советский Союз», состоялась 15 июля 1938 г. на большом открытом стапеле Балтийского завода (№ 189) в Ленинграде. К этому моменту технический проект хоть и был в целом одобрен, но еще не утвержден.

Второй линкор, названный «Советская Украина», был заложен в

Николаеве на «нулевом» стапеле завода им. Марти (№ 198)^[77] 31 октября 1938 г.

Вместо еще двух линкоров, назначенных к постройке 10 января 1937 г. на заводах № 189 и № 200 (Николаевский судостроительный завод им. 61 коммунара), закладка которых не состоялась из-за неготовности стапелей, в 1939 г. на заводе № 402 (Северный машиностроительный завод в г. Молотовске^[78]) решили строить два линкора для Тихоокеанского флота. 21 декабря 1939 г. в северном доке цеха № 50 этого завода был заложен линкор «Советская Белоруссия», а 22 июля 1940 г. в южном доке – линкор «Советская Россия».

Плановая стоимость строительства одного линкора была определена в 1180 млн руб., в том числе: работы верфи – 390 млн руб., материалы – 330 млн руб., контрагентные поставки – 460 млн руб. Стоимость одной тонны стандартного водоизмещения при этом составляла 19 950 руб.

К 22 июня 1941 г. готовность линкора «Советский Союз», строившегося на заводе № 189 (Ленинград), составляла 21,1 %, а линкора «Советская Украина» (завод № 198, Николаев) – 17 %. Оба линкора предполагалось окончательно сдать в 1945 г.

Теперь перейдем к строительству крейсеров для океанского флота. Постановлением Комитета обороны от 15 августа 1937 г. взамен линкоров типа «Б» было решено построить тяжелый крейсер^[79], вооруженный девятью 254-мм, восемью 130-мм и восемью 100-мм орудиями.

1 ноября 1937 г. промышленности были выданы новые «Тактико-технические требования к тяжелому крейсеру» проекта 69, утвержденные начальником Морских Сил РККА флагманом флота 1-го ранга М.В. Викторовым.

В конце 1937 – начале 1938 г. в КБ завода «Большевик» был создан проект 254/55-мм пушки Б-48, предназначенной для тяжелых крейсеров проекта 69. Ствол пушки Б-48 был лейнирован. При весе снаряда 270 кг и весе заряда 96 кг начальная скорость по проекту составляла 880 м/с. Три пушки Б-48 размещались в башнях МК-13, имевших лобовую броню 185 мм, боковую – 80 мм и броню крыши – 100 мм.

Однако до изготовления пушек Б-48 дело не дошло. Напуганные строительством в Германии линейного крейсера (линкора) «Шарнхорст» с десятью 280-мм пушками, наши военморы уговорили правительство увеличить калибр орудий на проекте 69 с 254 мм до 305 мм. Это и было оформлено протоколом Комитета обороны от 29 июня 1938 г.: «Во изменение постановления КО от 13/15 августа 1937 г. № 87сс установить

для проекта тяжелого крейсера следующее основное тактико-техническое задание: вооружение 9-12-дюймовых орудий, броня (борта) до 250 мм, водоизмещение от 30 до 31 тыс. т, скорость от 31 до 32 узлов»^[80].

В соответствии с утвержденным «Планом закладок кораблей ВМФ на 1939 г.» в марте 1939 г. заводам № 194 (Ленинград) и № 200 (Николаев) выдали наряды на строительство по проекту 69 двух тяжелых крейсеров, определив срок сдачи их заказчику – 1943 г. На заводе № 194 был отремонтирован самый большой (южный) стапель, а на заводе № 200 ускорили строительство нового стапеля № 3.

5 ноября 1939 г. на заводе № 200 был заложен тяжелый крейсер «Севастополь». Любопытно, что головной тяжелый крейсер проекта 69 «Кронштадт» заложили на заводе № 194 лишь 30 ноября. Крейсера проекта 69 начали строить так же, как и линкоры проекта 23, без окончательно утвержденного технического проекта. Лишь 12 апреля 1940 г. Комитет обороны утвердил техпроект тяжелого крейсера.

Боюсь, что рассказ о попытке ограничения морских вооружений и ее крахе уже навел скуку на читателей-гуманитариев. Тем не менее именно подробности кораблестроительных программ ведущих государств мира крайне важны для понимания событий межвоенного периода и определения зачинщиков Второй мировой войны.

Начну с того, что крах Вашингтонского соглашения 1922 г. и последующих Лондонских соглашений был предопределен заранее. Чтобы обеспечить прочный мир, нужны не бумаги об ограничении вооружений, а договоренность об учете политических и военных интересов всех великих держав. И если говорить, раздел сфер влияния. А когда государство «А» говорит государству «Б», что все соседи «Б» являются «зоной жизненных интересов» государства «А», а само государство «Б» не может вообще иметь зон интересов за пределами своих границ, то любые соглашения об ограничении вооружений не стоят той бумаги, на которой они написаны. Тут спорную ситуацию может разрешить лишь война, причем не обязательно государства «А» с государством «Б», а, например, государства «А» с государствами «С», «Д» и т. д.

Ограничения вооружений выполнимы лишь тогда, когда обе стороны довольны статус-кво.

Но вернемся к судостроительным программам конца 1930-х гг. Можно долго спорить о том, насколько были искренни в своих выступлениях Гитлер и Сталин, призывавшие к мирному разрешению всех европейских споров. В речах обоих, равно как и западных лидеров, действительно было много демагогии. Но зачем СССР и Германия строили огромные флоты со

сроками готовности в 1943–1946 г.? Ведь огромные суммы, отпущенные на строительство суперлинкоров и тяжелых крейсеров, можно было потратить на танки, авиацию, сухопутную артиллерию и т. п. И советский, и германский генштабы прекрасно понимали, что суперлинкоры бесполезны в континентальной европейской войне.

Вывод один – ни Гитлер, ни Сталин не собирались начинать мировую войну ранее 1943 г. Другой вопрос, что они учитывали возможность нападения на них западных держав и были готовы принять вызов.

Глава 13. Советско-германское военно-политическое сотрудничество

21 августа 1919 г. страны Антанты потребовали от Германии воздерживаться от посылки кораблей в советские порты, запретить банкам осуществлять операции с Россией, прекратить с ней почтовую, телеграфную и радиотелеграфную связь. Советское правительство передало по радио 20 октября 1919 г. адресованную германскому правительству ноту, в которой оно решительно предупреждало Берлин о серьезных последствиях для Германии в случае ее присоединения к блокаде. В заключение в ноте указывалось, что советское правительство будет считать присоединение к блокаде сознательно враждебными действиями и оставляет за собой право принять соответствующие мероприятия, которые оно найдет нужными. Германское правительство не могло не считаться с этим предупреждением. Оно пыталось лавировать, выбирая для себя наиболее выгодные обстоятельства.

11 декабря 1922 г. заключительное заседание конференции премьер-министров союзных стран в Лондоне признало «неудовлетворительным» план «урегулирования» репараций, предложенный германским премьером Куно. 26 декабря репарационная комиссия вновь констатировала умышленное невыполнение Германией своих обязательств по репарациям. Речь шла о срыве поставок Германии угля и леса Франции в 1922 г. 10 января 1923 г. Франция, воспользовавшись очередным срывом поставок угля и леса, что установила репарационная комиссия, 9 января 1923 г. решила идти по пути сепаратных действий. Французское правительство заявило, что посылает в Рур контрольную комиссию для обеспечения регулярного поступления репарационных платежей. Комиссию должны были сопровождать войска для охраны гарантии выполнения ее задач. К решению Франции присоединилась Бельгия.

На следующий день, 11 января, французские и бельгийские войска вступили в Рур. Это было начало оккупации Рура. Советский Союз был единственным государством, решительно выступившим в связи с оккупацией Рура в защиту Германии, позиция советского правительства была изложена в Обращении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к народам всего мира, принятом 13 января 1923 г. «В этот критический момент, – говорилось в документе, – рабоче-

крестьянская Россия не может молчать. Верная своей всегдашней борьбе против империализма, своей всегдашней защите права народов на самоопределение и своим призывам к разоружению, она и на этот раз поднимает свой голос негодования и протеста против совершенного правительством Франции преступления». В конце концов французские войска были выведены из Рура. Не последнюю роль в этом сыграла и позиция советского правительства.

В конце 1920 г. германская и советская стороны потихоньку начали контакты и в военной области. В советское время сведения о военном сотрудничестве между Германией и СССР в 1920–1941 гг. публиковались крайне фрагментарно и очень неохотно. Поэтому 99,99 % нашего населения о них попросту не знало. Лично я входил в 0,01 %, но не из-за своей прозорливости, а потому что с детства любил листать старые альбомы с семейными фото, где мой дедушка Василий Дмитриевич был запечатлен в Эссене, Берлине, Дюссельдорфе и других городах как до прихода Гитлера к власти, так и после. Служил он при нашем полпредстве приемщиком. Ну а что он там принимал, я догадывался уже лет в двенадцать.

С 1990 г. в России поднялся «девятый вал» скандальных «разоблачений», написанных дилетантами, ставившими своей целью не анализ сотрудничества двух ведущих военных держав, а охаивание истории нашей страны. Суть подобных пасквилей заключается в примитивном тезисе: вот какой плохой Сталин, да и все русские вообще, которые пошли на контакт с врагом рода человеческого – немецкими фашистами. Вот, к примеру, пассаж из книги Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуева «Фашистский меч ковался в СССР» (М.: Советская Россия, 1992. С. 23): «Вполне резонно может возникнуть возражение, что-де шел двусторонний процесс, что Красная Армия училась у более подготовленного учителя. Но ведь, с одной стороны, закулисные сделки за спиной мировой общественности носят печать безнравственности. А с другой – судьбы советских командиров высшего и среднего звена, стажировавшихся в Германии, окажутся трагическими. Почти все они будут уничтожены, а полученные ими в Германии военные знания и опыт навсегда канули в Лету. (Здесь лежит ключ к разгадке репрессий в отношении многих деятелей РККА.) В то же время знания и опыт, приобретенные германскими специалистами, не пропали и в полной мере нашли применение в противоборстве с Красной Армией».

Фраза о «закулисных сделках за спиной мировой общественности» – типичный шулерский прием. Почему с 1853 по 1914 г. русским царям было

позволено совершать «закулисные сделки» с Германией за чьей-то спиной, а вот с 1922 г. Сталину уже нельзя? Ситуация изменилась? Так почему с 1922 по 1941 г. «закулисные сделки» с Германией в виде покупки и продажи оружия и военных технологий совершали в широких масштабах США, Швеция, Голландия, Испания (до Франко и после), Швейцария, Италия, Турция, Китай, Япония, страны Южной Америки, прибалтийские государства и др.? Почему им можно, а нам нет?

Да просто там нет Дьковых и Бушуевых. Некому в США стенать и каяться по поводу совместных с Германией работ в области химического оружия в 1920-1930-х гг. Некому в Швеции ругать своих премьеров 1920-1940-х гг., которые позволили германским фирмам проектировать и изготавливать в Швеции запрещенные Версальским договором артсистемы, подводные лодки и другое вооружение. Почему там массовая печать не пестрит статьями о том, что-де в 1939–1945 гг. не менее трети германской военной техники было сделано из шведского железа?

Следует ли из сказанного, что в западных странах факты сотрудничества с Германией в предвоенный период держатся в секрете? Да нет, конечно! Подробные сведения об этом периодически печатаются в специальных военно-исторических открытых изданиях, но за редким исключением не выплескиваются в виде сенсации в массовую печать и на телевидение.

Само по себе название «Фашистский меч ковался в СССР» является наглой провокацией. Из этой фразы логически следует, что Германия свое оружие создавала в СССР, и если Сталин не разрешил бы это сделать, то не было бы Второй мировой войны. Таким образом, получается, что в гибели более чем пятидесяти миллионов человек виноват СССР.

16 апреля 1922 г. в итальянском городке Рапалло недалеко от Генуи рейхсминистр Вальтер Ратенау и народный комиссар иностранных дел Георгий Чичерин подписали советско-германский договор. Суть договора состояла во взаимном отказе от всех претензий, связанных с Первой мировой войной.

Согласно 3-й статье: «Дипломатические и консульские отношения между Германией и РСФСР немедленно возобновляются». В хозяйственном и торговом отношениях между двумя государствами должен был действовать принцип наибольшего благоприятствования.

В 5-й статье говорилось, что «оба правительства будут в доброжелательном духе взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран. В случае принципиального урегулирования этого вопроса на международном базисе они вступят между собою в

предварительный обмен мнений. Германское правительство объявляет о своей готовности оказать возможную поддержку сообщенным ей в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь».

Именно 5-я статья и послужила правовой основой военно-технического сотрудничества обеих стран. Замечу, что Рапалловский договор оказался достаточно долговечным. Формально он оставался в силе до 22 июня 1941 г.

24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор «О дружбе и нейтралитете». В статье 2 договора сказано, что в случае нападения на одну из договаривающихся сторон, несмотря на ее миролюбивый образ действий, третьей державы другая сторона должна будет соблюдать нейтралитет. Кроме того, статьей 3 договора устанавливалось взаимное обязательство сторон не примыкать к коалиции, образованной третьими державами с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон.

Еще до подписания договора в Рапалло немцы тайно создали в начале 1921 г. «Особую группу Р» («Sondergruppe R», где R означает Russland, то есть Россия). Возглавлял группу майор Фишер. Единственной задачей «Зондергруппы Р» была организация связей с Советской Россией в военно-промышленной сфере. Летом 1921 г. члены «группы Р» посетили Москву, а в сентябре 1921 г. советская делегация во главе с членом ЦК РКП(б) К. Радеком и руководителем наркомата внешней торговли Л.Б. Красиным с ответным визитом вылетела в Берлин. В результате этих встреч в начале 1922 г. между РСФСР и Германией был подписан договор, где говорилось, что «руководство Красной Армии гарантирует Германскому Генеральному Штабу возможность перевода в РСФСР трех германских заводов по выбору Германского Генерального Штаба». И далее: «Армия РСФСР будет иметь возможность полностью использовать продукцию вышеупомянутых заводов».

Рассказ о советско-германском сотрудничестве я начну с первого крупного «прокола». В 1924 г. рейхсвер через фирму «Метахим» заказал СССР 400 тыс. 76, 2-мм (3-дюймовых) патронов для полевых пушек. Читатель может возразить, а зачем немцам русские 76,2-мм снаряды, когда у них был свой конструктивно иной 75-мм снаряд для полевых орудий? Дело в том, что Версальским договором было оставлено небольшое число 75-мм и 105-мм полевых орудий для рейхсвера, а остальное союзники потребовали сдать.

Союзники запомнили, что в ходе войны и особенно во время

оккупации в 1918 г. немцы захватили не менее 6 тыс. исправных русских 76,2-мм орудий образца 1902 г., не уступавших германским полевым пушкам. Несколько сотен русских орудий было использовано в эффективных зенитных установках, как, например, в 7,62-см Sockel-Flugabwehr Kanone L/30, созданной в 1917 г. с использованием качающейся части от 3-дюймовой полевой пушки образца 1902 г.

Германские 75-мм патроны к ним не подходили, и посему рейхсвер обратился к СССР. Советские заводы выполнили заказ, и в 1926 г. последний патрон был передан «Метахиму». Однако обстоятельства сделки стали известны германским социал-демократам, которые подняли страшный вой в прессе и тем серьезно навредили германско-советскому сотрудничеству. Вообще говоря, германские социал-демократы были крайне враждебно настроены как к СССР, так и к коммунистической партии Германии, за что получили от руководства Коминтерна кличку «социал-фашисты», прилипшую к ним на долгие годы.

Замечу, что германские социал-демократы вовсе не были противниками перевооружения Германии, просто они старались по любому случаю нагадить коммунистам, которые, в свою очередь, платили им той же монетой. Так, в 1926 г. социал-демократы единогласно проголосовали в рейхстаге за ассигнование кредитов на строительство броненосцев типа «А». На самом деле к закладке готовился «карманный линкор» «Дойчланд». Теперь коммунисты голосовали против и напустились на «социал-предателей», состоявших на службе милитаристов.

Однако в 1920-х гг. главной сферой сотрудничества между РСФСР и Германией стала авиация. С 1922 по 1925 г. в Германии Советская Россия приобрела около пятисот самолетов фирмы «Фоккер».

Доставка «фоккеров» в СССР происходила в атмосфере строжайшей конспирации. Прочитую донесение М.В. Фрунзе от советского агента в Берлине Якова Флиманса от 17 апреля 1925 г.: «150 «фоккеров» готовы к отплытию. Они находятся на пароходе в Голландии и заадресованы в Рио-де-Жанейро. Их переадресуют в Ленинград. Необходимо только, чтобы Вы срочно (лучше телеграфно) сообщили адрес какой-нибудь частной экспедиционной фирмы в Ленинграде, так как неудобно адресовывать груз на какое-нибудь государственное учреждение».

В 1921 г. советские представители вступили в переговоры с фирмой «Юнкерс» на предмет поставок в Россию самолетов и передовых технологий. Фирма «Юнкерс» первая в мире наладила серийное производство металлических самолетов из дюралюминия. Обшивка крыльев и фюзеляжа делалась из тонких гофрированных дюралюминиевых

листов, а внутренняя конструкция состояла из сваренных между собой стальных труб. Советских представителей не смутило, что фирма запросила за металлические самолеты в полтора-два раза больше, чем другие фирмы за деревянные аналоги.

Всего в СССР было 49 импортных экземпляров «юнкерсов». А в Советском Союзе, в Центральном парке-складе «Добролета», где ремонтировались германские машины, из советского кольчугалюминия было построено пять новых экземпляров F-13. Два F-13 установили на поплавковые шасси наподобие Ju 20. Одна из этих машин в 1923 г. осуществляла платные полеты на Москве-реке у Сельскохозяйственной выставки.

Следует заметить, что самолеты типа «Юнкерс F-13» экспортировались в 33 страны мира, в том числе в США, Колумбию, Италию и др.

Весной 1922 г. между советским правительством и фирмой «Юнкерс» был заключен предварительный договор о передаче фирме в аренду завода в Филях для производства своих машин. Помимо этого, фирма «Юнкерс» обязалась содействовать СССР в организации добычи алюминия и производства дюралюминиевых сплавов на территории страны, чтобы создать основу для выпуска собственных металлических самолетов. Еще фирме «Юнкерс» предлагалось наладить в СССР производство авиамоторов.

Германское военное руководство во главе с фон Сектом в 1922 г. подписало с фирмой «Юнкерс» секретное соглашение о выдаче ей безвозмездной ссуды в качестве страховки от технического риска, связанного с организацией производства самолетов в СССР. Соглашение это было строго законспирировано, многие ключевые слова в тексте были зашифрованы. Так, военное министерство Германии называлось «Особой группой», Российское правительство обозначалось как Р.Р., а фирма «Юнкерс» – NN, город Дессау, где находились заводы «Юнкерс», назывался в тексте соглашения Лейпциг, а слово «самолет» заменено словом «ящик».

Получив финансовые гарантии своего военного правительства, фирма дала согласие на дополнительные условия Советского Союза. Первую часть ссуды в 40 млн марок фирма «Юнкерс» получила сразу же после подписания договора с советским правительством, а уже через месяц ей было выделено еще 100 млн марок на развитие самолетостроения в СССР. И в последующие два года фирма продолжала получать крупные дотации.

В 1924 г. фирма «Юнкерс» предложила СССР новый трехмоторный бомбардировщик. Он был создан на базе нового пассажирского

металлического самолета-моноплана «Юнкерс G-23». В его закрытой кабине размещались 8 человек с багажом. Запас топлива обеспечивал G-23 дальность полета свыше тысячи километров при крейсерской скорости 140 км/час. Чтобы обойти запрет на создание многомоторных самолетов в Германии, фирма «Юнкерс» начала собирать их на дочерних фирмах в Швеции.

Советская авиация тогда еще не имела средних бомбардировщиков, и предложение фирмы «Юнкерс» было принято, а бомбардировщик получил обозначение ЮГ-1. Помимо СССР, этот бомбардировщик под названием К-30 приобрели ВВС Швеции и Турции.

22 апреля 1927 г. фирма «Дорнье» и советское акционерное общество «Металлоимпорт» (подставная контора для закупки немецких металлических самолетов для ВВС РККА) заключили двусторонний договор на покупку двадцати летающих лодок «Валь» и комплекта запчастей на десять таких самолетов. По просьбе советской стороны вместо моторов «Лоррен-Дитрих» были установлены немецкие моторы BMW VI, как более мощные, надежные и экономичные. Фирма обязалась с октября 1927 г. по май 1928 г. поставить в СССР все заказанные машины и запчасти. Стоимость заказа составила 875 150 долларов.

Так как Версальским договором в Германии запрещалось изготавливать самолеты класса «Валь», заказанные машины построили в Италии на заводе Клаудиса Дорнье в Марина-ди-Пиза. Оттуда их морем переправили в один из черноморских портов. Самолеты были построены без двигателей, которые потом отдельно купили у фирмы BMW. В приемке и сборке самолетов участвовал Р.Л. Бартини, служивший в то время инженером на одной из черноморских эскадрилий.

Из прибывших летающих лодок в СССР было сформировано две эскадрильи (60-я и 63-я), базировавшиеся в бухте Голландия в Севастополе. Две машины были переведены в морскую авиацию Балтийского флота в состав 66-го авиаотряда, базировавшегося в Гребном порту в Ленинграде.

В начале 1930-х гг. советские заказы спасли фирму «Хейнкель» от банкротства. В начале 1930 г. к Хейнкелю прибыл сам заместитель командующего ВВС СССР Алкснис с предложением изготовить летающую лодку корабельного базирования и катапульту к ней. Хейнкель согласился, позже он писал: «Я еще ни от одного человека не слышал, чтобы русские нарушали договор или оказались неплатежеспособными».

Как уже говорилось, по условиям Версальского договора Германия не могла иметь военной авиации и соответственно готовить военных летчиков. Делали это немцы тайно в спортивных авиашколах, частных

авиаклубах и в центре подготовки пилотов гражданской авиации. Однако подготовить таким образом полноценные кадры для ВВС было невозможно. Это и привело руководство рейхсвера к идее создания секретных авиашкол за рубежом, где германские летчики смогли бы осваивать авиационное оружие и тактику боя в условиях, приближенных к реальным. СССР был идеальным местом для такой школы как из-за обширности своей территории, так и из-за закрытости ее для журналистов и разведчиков стран Антанты.

15 апреля 1925 г. в Москве было подписано сверхсекретное соглашение о создании совместной авиашколы в городе Липецке. Любопытно, что даже в самом тексте соглашения названия сторон были засекречены: Управление Военно-воздушных сил РККА именовалось «Р.Л.», а «зондергруппа R» – «С. г. М.».

В июне 1925 г. из германского порта Штеттин в Ленинград отправился пароход «Гуго Стиннес-IV» с пятьюдесятью упакованными в ящики истребителями «Фоккер D XIII» для Липецкой авиашколы. Доставка оборудования была сверхзасекречена даже по советским меркам. Техника и оборудование перевозились как коммерческие грузы через специально созданное акционерное общество «Метакхим». Немецкие летчики прибывали в СССР под видом туристов или представителей частных фирм, одеты они были, естественно, в гражданскую одежду или советскую форму без знаков различия. Немецкое авиационное подразделение в советских документах обозначалось как «4-й авиационный отряд 38-й авиаэскадрильи ВВС РККА», а немецкий персонал был зашифрован под словом «друзья». В немецких документах авиашкола в Липецке зашифровывалась как «научно-испытательная авиационная станция» или просто «станция».

Курс обучения летчиков-истребителей был рассчитан на четыре недели интенсивных полетов. Численность учебной группы составляла шесть-семь человек. В 1927–1928 гг. подготовили 20 пилотов. Затем учебные группы увеличили, и с 17 апреля по 5 октября 1931 г. сделали два выпуска – 21 летчика. Всего с 1925 по 1933 г. подготовили 120 немецких летчиков-истребителей. Тридцать из них являлись участниками Первой мировой войны, двадцать – бывшими гражданскими пилотами. Контингент поздних выпусков значительно «помолодел», асы войны уступили место юношам 1906–1912 гг. рождения.

В Липецке обучались будущие асы фашистской Германии Блюмензаат, Гейец, Макрацки, Фосо, Теецмани, Блюме, Рессинг и другие. По мнению немцев, уровень подготовки пилотов, выпущенных в 1929 г., оценивался как «хороший», в 1931 г. – «очень хороший».

Осенью 1933 г. Липецкая школа была закрыта. Ряд наших авторов не мудрствуя лукаво связывают это с приходом к власти Гитлера. Однако связь между этими событиями лишь косвенная. Дело в том, что к 1933 г. контроль западных держав за соблюдением статей Версальского договора в Германии ослаб, а военная и политическая мощь страны возросла.

Выпуск Липецкой школы в 1933 г. составил всего 15 человек. 18 августа аэродром в Липецке был возвращен ВВС РККА, а через несколько дней в Москву, а оттуда в Германию вылетели базировавшиеся в Липецке самолеты «Юнкерс» W 33, K 47 и A 48 с немецкими летчиками и наиболее ценным оборудованием на борту. Последние представители рейхсвера покинули Липецк 14 сентября 1933 г.

Нашим ВВС немцы оставили 15 истребителей «Фоккер D XIII», несколько автомобилей и другое имущество. На месте бывшей Липецкой авиашколы была создана Высшая военно-техническая школа ВВС РККА, затем преобразованная в летный центр по испытаниям боевых самолетов.

Работа Липецкой авиашколы внесла значительный вклад в развитие ВВС обеих стран. Однако не следует переоценивать роль школы. Не будь ее, немцы нашли бы место и способ подготовки своих летчиков, пусть даже с несколько большими материальными затратами. Так, только в 1932 г. в секретных военных авиашколах в Брауншвейге и Рехлине было подготовлено не менее двух тысяч пилотов.

Весьма деликатный вопрос – сотрудничество СССР и Германии в области отравляющих веществ. Отсутствие современной технической базы, технологии производства отравляющих веществ и соответствующих специалистов (за годы Первой мировой войны Россия произвела всего 3650 т отравляющих веществ, а Германия – 68 100 т) вынудило руководство наркомата обороны обратиться за помощью к Германии.

В 1923 г., заключив секретный контракт с управлением вооружений рейхсвера, известный немецкий химик Хуго Штольценберг стал создавать военно-химическое производство. В том же году в Берлине и Москве военным министерством Германии основывается так называемое «Общество содействия промышленным предприятиям» («ГЕФУ»), предназначенное для скрытого финансирования и координации немецкой военно-промышленной активности в СССР. В качестве прямого партнера этой организации создается советское оборонное предприятие «Метахим». Его задачей являлось совместное производство химических удобрений и отравляющих веществ – фосгена и пирита.

На деньги рейхсвера (24 млн марок) Штольценберг запустил в Германии две химические фабрики, на которых в области создания

отравляющих веществ работали лучшие специалисты. Однако мало кому было известно, что половина выделенной суммы была предназначена для строительства еще одного химического объекта в небольшом поселке Иващенко (ныне город Чапаевск Самарской области). Завод мощностью до 4 т иприта в день должен был быть построен в 1926 г., а его проектная стоимость превышала 30 млн руб. Функции «ГЕФУ» по части химии взяло на себя акционерное общество «Берсоль», управляемое Х. Штольценбергом. Это название получил и завод в Иващенко.

Труды немцев в «Берсоле» не пропали даром: на вооружение РККА в конце 1920-х гг. были приняты 76-мм, 107-мм и 152-мм снаряды, начиненные ипритом и другими отравляющими веществами. В отчете ВОХИМ за 1927 г. указывалось, что «вводятся на вооружение... 16- и 32-кг аэрохимические бомбы, приборы для распыления ОВ с самолетов... и, таким образом, в ближайшее время техника химических средств РККА в основных направлениях приблизится к уровню западноевропейских армий».

Летом 1925 г. Германией вместе с другими странами был подписан Женевский протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. 2 декабря 1927 г. к протоколу присоединился и Советский Союз, 5 апреля 1928 г. грамота о его ратификации ЦИК была передана послом В. Довгалеvским на хранение правительству Французской республики^[81].

Но ни Германия, ни СССР не собирались прекращать гонку химических вооружений. Однако автор не склонен гневно обличать правительства этих стран хотя бы по двум причинам. Во-первых, все ведущие в военном отношении страны, как то: Англия, Франция, США и др., продолжали гонку химических вооружений. А во-вторых, Женевский протокол запрещал применение ОВ, а его производство, хранение и научные исследования в области ОВ и химической защиты запрету не подлежали. Так что формально ни Россия, ни Германия не нарушали Женевский протокол. Германия лишь нарушала статьи Версальского договора, но правомочность этого договора оспаривали оба государства.

В 1926 г. СССР и Германия договорились о создании на территории России секретного полигона для испытаний химического оружия. Поначалу некоторые опыты шли на химическом полигоне под Оренбургом, а с 1928 г. – у деревни Шиханы, расположенной в 130 км севернее Саратова, рядом с Вольском.

На немецком языке в связи с трудностью произношения поселок стал

называться Чиханами, а испытательный объект – «Томка»^[82].

Химическое управление РККА намеревалось испытывать на полигоне новые средства и методы применения ОВ артиллерией, авиацией, газометами, а также новые способы и средства дегазации зараженной техники и местности. Аналогичные цели преследовала и немецкая сторона.

Любопытен текст советско-германского договора по объекту «Томка». Несмотря на то что сам договор имел гриф «совершенно секретно», стороны в нем обозначались буквами «М» и «В». Русское Акционерное общество по борьбе с вредителями и применением искусственных удобрений именовалось «М», а германское Акционерное общество по использованию сырья – «В».

Согласно договору: «Подготовительные работы хозяйственного и технического характера 1929 г. производятся подготовительным персоналом, направляемым обеими сторонами. Подготовительный персонал должен прибыть в Томку до 5 мая 1929 г.».

Летом 1933 г. германский персонал покинул «Томку». После отъезда «гостей» интенсивность работ на полигоне Шиханы несколько снизилась, однако за его функционированием по-прежнему следило командование РККА и выделяло определенные средства на его развитие, исходя из возможностей наркомата.

2 октября 1926 г. в Москве начальник разведуправления штаба РККА Берзин и генерал фон дер Лит-Томзен, представлявший рейхсвер, подписали совершенно секретное соглашение об организации совместной танковой школы в Казани^[83]. В целях конспирации советская сторона в соглашении именовалась КА, а германская – ВИКО.

Советско-германская танковая школа в секретных документах именовалась «Кама», а для советского населения объявили, что в этом районе летом 1928 г. были организованы «Технические курсы Осоавиахима». «Крыша» была очень удобной, в те годы в школах Осоавиахима действительно молодежь училась ездить на танках, автомобилях, мотоциклах, бегать по полю в противогазах и т. д. Так что у непосвященного человека, случайно увидевшего «прикладные занятия», вряд ли возникли бы какие-то сомнения в том, что сей объект принадлежит Осоавиахиму.

Начальником школы стал полковник рейхсвера Раббе. Согласно донесению Берзина Ворошилову, к началу января 1929 г. на курсах имелись: 1 опытный танк в разобранном виде; 6 легковых автомашин; 3 грузовые автомашины; 3 трактора разных систем; 2 мотоцикла. В начале

весны ожидалось прибытие:

5 легких танков, из них 3 с броней; 2 средних танков; 2 легковых автомашин («хорьх» и «ситроен»); 2 грузовых автомашин;

3 тракторов.

Какие же танки имелись на «Каме»? В 1928–1932 гг. германские фирмы «Крупп», «Даймлер-Бенц» и «Рейнметалл» построили три типа средних и три типа легких танков. Собирались эти танки в основном в Швеции в филиалах германских фирм. В целях конспирации средние танки именовались «Groß-Traktor», то есть тяжелый трактор, а легкие танки – «Leichttraktor», то есть легкий трактор.

«Легкий трактор», изготовленный фирмой «Рейнметалл» в 1928 г., весил около 9 т и имел мотор в 100 л. с. Вооружение его состояло из одной 37/45-мм пушки «Рейнметалл» и пулемета. Толщина брони – до 13 мм. Скорость хода по шоссе – до 35 км/час.

«Тяжелый трактор» фирм Круппа и «Рейнметалл» весил 19,5 т и был оснащен мотором в 250 л. с. Вооружение его состояло из двух пушек калибра 75 мм и 37 мм. Скорость хода по шоссе достигала 30 км/час. Броня была противопульная толщиной до 13 мм.

Замечу, что эти и другие опытные танки 1928–1932 гг. обладали рядом конструктивных недостатков и так и остались опытными образцами.

Серийные германские танки Т-I, Т-II, Т-III и Т-IV ни внешне, ни в конструктивном отношении не имели ничего общего с опытными танками 1928–1932 гг. Другой вопрос, что командование вермахта в целях дезинформации с 1936 по 1940 г. периодически показывало опытные танки, выдавая их за серийные, состоявшие на вооружении.

Есть данные, что советская сторона передала немцам на «Каму» две танкетки «Карден-Лойд» Mk. VI, закупленные в Англии для нужд РККА. Однако утверждение, что немцы создали свой серийный танк Т-I на базе этих танкеток, представляет вымысел безграмотных журналистов.

К лету 1933 г. работа курсов по разным причинам перестала устраивать обе стороны. 30 июня 1933 г. начальник школы Гехер, сменивший Раббе, был вызван в германское посольство в Москве, где получил инструкцию, что курсы ТЕКО (так к этому времени стали называть «Каму») ликвидируются в течение трех месяцев.

У либеральных историков стало модой гиперболизировать значение танковой школы в Казани. Мол, там учился сам Гудериан. На самом деле для обеих стран это была буквально капля в море. СССР в начале 1930-х гг. уже выпускал танки тысячами, и они как минимум не уступали по своим характеристикам германским «легким и тяжелым тракторам»,

использовавшимся в «Каме».

До начала Второй мировой войны участие Германии в строительстве Красного флота было крайне незначительным. Во-первых, в 1920-х и начале 1930-х гг. советское руководство отдавало приоритет не строительству новых, а достройке и модернизации старых кораблей – линкоров типа «Севастополь», крейсеров типа «Светлана» и эсминцев типа «Новик». К концу 1920-х гг. они уже морально устарели и были существенно слабее входивших в строй новых кораблей в Европе, США и Японии. Единственным их преимуществом была высокая степень готовности. Главным же зарубежным поставщиком корабельного оружия и механизмов для Красного флота с середины 1920-х гг. до 1939 г. была Италия, не связанная унижительными статьями Версальского мира.

До 1939 г. немцы не строили для СССР кораблей, ограничиваясь поставками различного рода оборудования. Вот, к примеру, план закупок оборудования в Германии на 1935 г. в счет кредита на 200 млн марок. Среди оборудования фигурирует «телемеханическая система катера». Надо полагать, она предназначалась для катеров типа Г-5 «волнового управления» (то есть управления по радио). Далее шли 90 штук стереодальномеров с 4-метровой базой для батарей береговой обороны, 25 дальномеров с 3-метровой базой, 2 ночных дальномера с 2-метровой базой, турбины фирмы «Дешимаг» мощностью в 45 000 л. с., прицелы для высотного торпедометания, 9-метровые перископы для подводных лодок и т. д.

Наибольшую роль германские поставки до 1 сентября 1939 г. сыграли в строительстве советских подводных лодок. В 1922 г. СССР закупил несколько дизелей MAN6 45/42 у фирмы «Ман» (г. Аусбург) для первых советских тепловозов Э^{эл}2. Дизель развивал мощность 1200 л. с. при 450 об./мин. в течение часа, а в течение длительного времени его мощность составляла 1100 л. с. Дизели хорошо себя проявили в эксплуатации, и новую партию таких дизелей закупили для тепловозов Э^{мх}3. При этом часть дизелей была втайне от немцев поставлена на первые советские подводные лодки типа «Декабрист» I серии.

Кроме того, на «Декабристах» были использованы фрикционные муфты германской фирмы «Бамар», которые соединяли дизель и электродвигатель. Замечу, что на лодках I серии были использованы не только германские агрегаты, но и механизмы французской фирмы «Рато» и швейцарской фирмы «Броун-Бовери». Причем всем фирмам наши заказчики твердили, что-де это нужно для объектов народного хозяйства, на

что следовал вопрос: на сколько метров погружаются эти ваши «народнохозяйственные объекты»?

Рабочие чертежи подводной лодки Е-2, разработанные фирмой «Дешимаг», были использованы при строительстве советских подводных лодок типа «Сталинец» (IX серии).

В 1929 г. фирма «Рейнметалл» для контактов с СССР создала подставную контору в стиле «Рога и копыта» – общество с ограниченной ответственностью «Бюро для технических работ и изучений» (БЮТАСТ).

Согласно постановлению Совнаркома от 6 августа 1930 г., начальник Государственного оружейно-пулеметного объединения Будняк и глава БЮТАСТА Гуго Фройденштейн подписали в Берлине секретный договор. Согласно ему, фирма БЮТАСТ должна была помочь СССР организовать валовое производство шести артиллерийских систем: 7,62-см зенитной пушки; 15,2-см мортиры; 3,7-см противотанковой пушки; 2-см и 3,7-см зенитных автоматов и 15,2-см гаубицы. Все орудия были, естественно, конструкции фирмы «Рейнметалл». Таким образом, немцы предоставили СССР лучшие опытные образцы своих артиллерийских систем. Кстати, все эти артсистемы, кроме 7,62-см зенитной пушки (немцы перешли вскоре на калибр 88 мм для зенитных орудий), были запущены в Германии в массовое производство в середине 1930-х гг. и успешно действовали на всех фронтах Второй мировой войны.

На базе германских орудий были созданы 37-мм и 45-мм танковые пушки, 76-мм и 85-мм зенитные пушки. По вине бюрократов завода № 8 (им. Калинина) было сорвано производство 20-мм и 37-мм зенитных автоматов «Рейнметалла». У нас их выпускали под названиями 2К и 4К.

Подводя итог, замечу, что советско-германское военное сотрудничество в 1921–1941 гг. было достаточно эффективно и выгодно обоим государствам. Однако представлять дело так, что Россия или Германия не смогли бы создать свой военный потенциал без партнера, просто нелепо. В это время и СССР, и Германия имели десятки других партнеров в области военного сотрудничества. А боевое применение германской и советской техники в войнах в Китае и Испании дало на порядок больше пользы, чем все испытания в Липецке, Казани и иных местах.

В целом роль военного сотрудничества СССР в 1921–1941 гг. была существенно ниже, чем в царской России в 1855–1914 гг.

Глава 14. Германская проблема 1922–1938 гг

В 1919 г. Германия была разоружена и обобрана. О грабеже Германии и Австрии хорошо написал Ленин: «Война путем Версальского договора навязала такие условия, что передовые народы оказались на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и несправности, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил. Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов».

И Ленин не преувеличивал – Германия попадала в самое настоящее рабство. Даже Черчилль признавал: «Экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными».

Мало того, Германия была оболгана правительствами и СМИ Антанты. До сих пор англосакские СМИ, расписывая ужасы германских концлагерей и ГУЛАГА, предпочитают помалкивать о концентрационных лагерях смерти, устроенных англичанами в начале XX века в ходе Англо-бурской войны и на севере России в 1918 г. Условия заключения там были на порядок хуже, чем в германских концлагерях 1933–1939 гг.

Приведу лишь один характерный пример британской пропаганды. В ходе войны лондонская газета «Таймс» опубликовала о якобы созданной в Германии «фабрике по переработке человеческих трупов, из которых немцы извлекают различные вещества для военных целей и даже пищевые продукты в виде суррогатов мяса».

Затем появилась еще более ужасная ложь о том, что немцы скормливают свиньям трупы солдат, убитых на Восточном фронте. Самое забавное, что это сообщение в 1917 г. стало поводом для объявления Китаем войны Германии.

Естественно, что после войны все эти факты не подтвердились. Мало того, два бойких британских журналиста признались, что это они выдумали байку о германских свиньях, питающихся трупами солдат.

Германия физически не могла выплатить огромные репарации западным державам. Это стало предлогом для оккупации Рура французской армией, начатой 11 января 1923 г. На территории Рура проживали 10 % населения Германии, производилось 40 % стали, 70 % чугуна и добывалось

88 % угля всей страны.

После оккупации Рура в Германии резко обостряется экономический кризис. Добыча каменного угля, производство чугуна и стали в течение года сокращаются почти наполовину по сравнению с предыдущим годом. Реальная заработная плата рабочих стала на 30–60 % ниже довоенной.

Инфляция достигла невиданных размеров. В июле 1923 г. золотая марка стоила 262 тыс. бумажных марок, а 5 ноября – уже 100 млрд!

Советский Союз стал единственным государством в мире, которое публично осудило оккупацию Рура французскими империалистами. 13 января ВЦИК принял обращение «К народам всего мира в связи с оккупацией Францией Рурской области». В обращении говорилось, что французский империализм совершил преступление в отношении немецкого народа, и указывалось, что «в эти решающие дни рабоче-крестьянская Россия снова подымет голос негодующего протеста против безумной политики империалистической Франции и ее союзниц. Снова и с особой энергией она протестует против подавления права германского народа на самоопределение».

20 января 1923 г. Президиум ВЦСПС постановил оказать материальную поддержку рурским рабочим в размере 100 тыс. руб. золотом. Всероссийский союз горняков перевел 10 тыс. руб. золотом. Горняки Урала отчислили заработок за воскресную работу, а рабочие Харьковского автомобильного и паровозостроительного завода – 20 % месячного заработка. ЦК Союза горняков послал 160 вагонов зерна. Кроме того, из СССР различными организациями было послано 1400 т ржи и отдельно два парохода с продовольствием. Всего населению Рурской области из России было доставлено свыше 8 тыс. т зерна. Надо ли говорить, что наше правительство отдавало последнее, вспомним голод в Поволжье в 1922 г.

22 января 1923 г. Компартия Германии публично призывает: «Разобьем Пуанкаре в Руре и Куно на Шпрее» (Пуанкаре и Куно – премьер-министры Франции и Германии).

Еще в 1919 г. в Мюнхене была создана «Национал-социалистическая германская рабочая партия». В 1920 г. ее вождем стал Адольф Гитлер.

В экономике Германии в 1924–1928 гг. наступила временная стабилизация. Но в 1929 г. начался экономический кризис. Произошло резкое падение производства. Общий объем промышленного производства в 1932 г. по сравнению с 1929 г. сократился на 40 %. Количество безработных, по официальным данным, увеличилось с 2 млн человек в 1928 г. до 5,5 млн в 1932 г. 44,7 % промышленных рабочих Германии не

имели работы. Кроме того, многие рабочие имели укороченный рабочий день. Общий доход рабочих и служащих сократился с 44,5 млрд марок в 1929 г. до 25,7 млрд марок в 1932 г.

10 сентября 1926 г. Германия вступила в Лигу Наций. В значительной степени это было связано с обсуждением в Лиге проблемы разоружения. Для этого в Лигу пригласили представителей государств, в ней не состоявших, как то: Германию, СССР и США. На заседании комиссии по разоружению германский представитель граф Бернсторф заявил: «Принимая во внимание, что германский народ ныне полностью разоружен и что состояние его военных сил не гарантирует ему национальной безопасности, предусмотренной статьей 8 устава Лиги Наций, ясно, что все остальные государства, подписавшие Версальский договор, должны приступить к разоружению». Если же общее разоружение неосуществимо, заключал Бернсторф, то равенство Германии с другими державами должно быть достигнуто на иной основе: она должна получить право вооружаться наравне со всеми.

Французский проект, представленный комиссии, содержал требование создания «в интересах мира» интернациональной армии. Французские правящие круги хотели, чтобы подобная армия могла быть использована против Германии и СССР. Английский проект содержал план сокращения авиации и подводного флота.

Развернувшаяся дискуссия между представителем Англии лордом Сесилем и делегатом Франции Полем Бонкуром коснулась вопросов разоружения и гарантий безопасности, а также так называемого «военного потенциала». Французский делегат требовал учета не только вооружений, но и всех экономических ресурсов, которые могут быть использованы каждой страной во время войны. Лорд Сесиль возражал, настаивая лишь на ограничении вооружений, а не всех хозяйственных ресурсов страны. В результате дискуссии Поль Бонкур предложил передать все проекты в редакционную комиссию с тем, чтобы она нашла «такую формулу, с которой все могли бы согласиться».

Первые три сессии подготовительной комиссии положительных результатов не дали. Вопрос о конвенции по разоружению должен был разрешиться на 8-й сессии Лиги Наций в сентябре 1927 г. За неделю до открытия сессии подал в отставку английский представитель в Лиге, известный сторонник разоружения лорд Сесиль.

В письме к премьеру Болдуину лорд Сесиль мотивировал свою отставку тем, что инструкции, которые он получил, «трудно сочетаются с возможностью действительного успеха работы комиссии». «Мы будем

иметь на берегах Женевского озера 9-ю, 10-ю, 12-ю сессии. Будем совещаться в течение ряда лет, пока война, к несчастью, не прервет этой работы», – заявлял он.

Проект Международной конвенции по разоружению был разработан подготовительной комиссией и обсуждался лишь в первом чтении. Он состоял из нескольких разделов со множеством статей, параграфов, пунктов и примечаний. Отдельные статьи его были представлены в двух и даже трех вариантах. В проекте не было никаких конкретных цифр. Каждому государству предоставлялось право определить свой уровень вооружений в зависимости от безопасности страны, от ее международных обязательств и географического положения. Все это давало возможность свести вопрос о разоружении к бесконечным спорам и фактическому саботажу разоружения.

Советская делегация, прибывшая в Женеву 30 ноября 1927 г., внесла демагогический проект. В нем предлагалось распустить весь личный состав сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, уничтожить боеприпасы и прочие средства вооружения, прекратить сборы для обучения военному делу, отменить законы об обязательной военной службе, закрыть военные заводы, прекратить отпуск средств на военные цели и т. п.

В ответ представитель Франции Поль Бонкур не без иронии выразил благодарность советской делегации за ее «ценные предложения». «Советская делегация своим появлением в Женеве дает образец неопенимого сотрудничества, ибо в ее лице мы имеем строгого судью, который не даст нам почить на лаврах». Но сессия не может согласиться с критикой советской делегации, которая еще не разобралась во всей запутанности и сложности проблемы. Советский проект слишком прост: флот пустить ко дну, аэропланы взорвать, солдат распустить по домам... Лига Наций отказывается от столь упрощенного подхода к вопросу.

В конце концов западные дипломаты разработали пакт Бриана-Келлога, где был сформирован принцип отказа от войны как орудия национальной политики.

23 июня 1928 г. правительство США разослало текст договора об отказе от войны всем участникам Локарнских соглашений и британским доминионам. Вскоре он был принят всеми государствами, приглашенными стать участниками пакта: Германией (12 июля), Францией (14 июля), Италией (15 июля), Польшей (17 июля), Бельгией (18 июля), Великобританией (18 июля), Японией (20 июля), Чехословакией (20 июля).

Церемония подписания пакта Келлога была проведена 27 августа 1928 г. в Париже с участием представителей Англии, Бельгии, Германии,

Италии, Польши, Франции, Чехословакии и Японии. В первой статье пакта договаривающиеся стороны заявляли, что они «исключают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях». Вторая статья гласила, что при урегулировании или разрешении всех могущих возникнуть между сторонами споров или конфликтов должны всегда применяться только мирные средства. Наконец, третья статья устанавливала, что пакт открыт для присоединения всех других государств: сообщения о таком присоединении будут приниматься правительством США.

6 сентября 1928 г. пакт был подписан СССР.

26 сентября 1928 г. Лига Наций приняла Генеральный акт по арбитражу для мирного урегулирования конфликтов. Этот договор предусматривал судебную и арбитражную процедуры рассмотрения и урегулирования конфликтов между участниками пакта Келлога.

В 1922–1938 гг. главной внешнеполитической целью советского правительства было поддержание мира. Это не лозунг, а горькая необходимость. Советский Союз действительно был окружен врагами, стремившимися к захвату наших земель. По всему периметру русской границы были желающие поживиться. Среди них – Финляндия, прибалтийские лимитрофы, Польша, Румыния, Турция, претендовавшая на Крым и Кавказ, басмачи на юге, Япония на востоке.

До 1934 г. наркомат иностранных дел лавировал между западными державами и Германией, но с 1934 г. стал выступать за союз с Францией.

Германское правительство вело аналогичную политику с 1922 г. по 1933 г. Что же касается нацистов, то они предпочитали разыгрывать антисоветскую карту. Однако у них периодически прорывалась «хула на оба ваших дома». Так, 12 декабря 1931 г. Гитлер в «Deutsche Allgemeine Zeitung» написал: «Французский милитаризм вместе с русским большевизмом представляет в настоящее время одну из величайших опасностей для спокойного развития человечества».

16 июня 1932 г. в городе Лозанне (Швейцария) открылась международная конференция по вопросу выплаты Германией репарационных платежей. Немцы требовали полного прекращения всех выплат. В конце концов был принят компромиссный вариант. Лозаннская конференция закончилась подписанием 9 июля 1932 г. соглашения о выкупе Германией за три миллиарда золотых марок своих репарационных обязательств с погашением выкупных облигаций в течение 15 лет. Лозаннский договор, или, как его называли, «Заключительный пакт», был подписан Германией, Францией, Англией, Бельгией, Италией, Японией,

Польшей и британскими доминионами.

На выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 г. национал-социалисты получили 11,8 млн голосов, социал-демократы – 8,1 млн, коммунисты – 5,8 млн голосов.

30 января 1933 г. президент Германии Гинденбург назначает Гитлера рейхсканцлером, а через два дня распускает рейхстаг и назначает новые выборы.

5 марта состоялись новые выборы, на которых национал-социалисты получили 43,9 % голосов, а в блоке с национальной народной партией и «Стальным шлемом» – абсолютное большинство: 51,9 %. Социал-демократы вместе с коммунистами набрали 30,6 % голосов. Таким образом, формально Гитлер пришел к власти вполне демократичным путем.

Нравится нам этот или нет, но с приходом Гитлера к власти начался резкий рост экономики Германии. Безработица была полностью ликвидирована. С 1936 по 1939 г. объем общего промышленного производства вырос на 27 %, за 1939 г. Германия произвела 24 млн т чугуна (что составило 22 % общемирового производства), 22,3 млн т стали (24 %), 333 млн т каменного угля (17 %), а по производству искусственного каучука и металлообрабатывающих станков заняла устойчивое первое место. Экспорт черных металлов Германией превысил подобный американский показатель в четыре раза!

Нацисты обеспечили рост заработной платы рабочих и служащих при стабильности цен. Для небогатых граждан был запущен в производство автомобиль ДКВ, позже известный как «фольксваген-жук». Продавать эти машины планировалось в кредит, каждый желающий получал бы в свое полное владение «жука» и еженедельно в течение неполных четырех лет платил бы за него 5 марок в неделю. При ежемесячной средней зарплате в 400 марок платить из них 20 марок за автомобиль совсем не обременительно!

Специально строились пассажирские лайнеры для круизов рабочих.

Увы, это не пропаганда. Не зря же немцы, жившие в Польше, Чехословакии, Австрии и других странах, так мечтали присоединиться к Германии.

Советская и западная пропаганда представляла приход нацистов к власти в Германии каким-то кошмаром. Террор гестапо, непрерывные массовые аресты и т. п. Да, действительно, для каких-то политических и национальных групп населения наступили плохие времена.

Но вот любопытный взгляд со стороны. Готовя материалы для одной из моих книг, я подробно ознакомился с жизнью аристократической части

русской эмиграции. До августа 1939 г. никто из них не имел никаких проблем, пересекая германскую границу и проживая там. Ни в одном из писем или мемуаров я не нашел жалоб на ухудшение жизни в Германии после 1933 г. Как ездили и жили в Германии в 1920–1932 гг. наши русские великие и прочие князья, графини, актрисы и т. д., так все и осталось в 1933–1939 гг.

Один из западных журналистов сострил: «С 1933 по 1939 г. никто из политиков не говорил о мире больше, чем Гитлер». Действительно, тема мира и стабильности в Европе стала ведущей в речах германских политиков.

Уже 1 февраля 1933 г. новое германское правительство определяло цели внешней политики Германии в двух пунктах: 1) «утверждение права на жизнь» и 2) «восстановление свободы». Оба этих пункта сводились к общему требованию «равноправия» Германии, в особенности в вопросе о вооружении. Германское правительство, гласила декларация, считает своим долгом добиваться отмены дискриминации в отношении Германии и «равноправия» как «инструмента мира».

В интервью, данном корреспонденту газеты «Daily Mail» 7 февраля 1933 г., Гитлер заявлял, что «Версальский договор является несчастьем не только для Германии, но и для других народов». Он надеется, что пересмотра его будут требовать не только немцы, но и весь мир. Главное же, в чем он видит опасность, – это коммунизм.

Советская пропаганда не осталась в долгу, и с начала 1933 г. до августа 1939 г. Гитлер объявляется главным «поджигателем войны».

6 февраля 1933 г. правительство СССР предложило ввести в международную практику определение «агрессор». Предложение это являлось попыткой установить те конкретные случаи и предлоги, которые могут быть использованы нападающей стороной как оправдание агрессии. Советский проект конвенции об определении агрессии содержал перечисление таких действий, которые все государства рассматривали бы как акт агрессии. Статья вторая конвенции давала определение «нападающей стороны в международном конфликте». Нападающей стороной или агрессором предлагалось считать государство, которое совершает одно из следующих действий:

- «1. Объявление войны другому государству.
2. Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства.
3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, на суда или на

воздушные суда другого государства.

4. Морскую блокаду берегов или портов другого государства.

5. Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованы на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергшегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства»^[84].

Предложение, явно неплохое и вполне пригодное для нашего смутного времени начала ХХІ века. Увы, это предложение было провалено, равно как и все планы по разоружению или хотя бы по ограничению сухопутных сил в Европе.

Середина 30-х гг. ХХ века ознаменовалась заключением множества пактов и мирных договоров, иной раз довольно странных.

Так, 2 сентября 1933 г. в Риме был подписан советско-итальянский пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете. Замечу, что этот договор не был чисто декларативным. С конца 1920-х гг. в числе потребителей советской нефти Италия занимала то первое, то второе место, уступая Германии и Англии. Так, в 1927–1928 гг. СССР поставил в Италию 494 тыс. т нефтепродуктов. В свою очередь, Италия поставляла Советскому Союзу военные и гражданские самолеты, торпеды неаполитанского и фиумского заводов, 100-мм зенитные артиллерийские установки фирмы «Минизини», приборы управления артиллерией и т. д. На итальянских верфях были построены для Черноморского флота лидер «Ташкент», для морских сил НКВД – сторожевые корабли «Дзержинский» и «Киров». Возьмем, к примеру, легенду советского флота – крейсер «Киров». Конструкцию корабля и башни главного калибра сделали по итальянскому проекту. Главная силовая установка – котлы и турбины – поставлены фирмой «Ансальдо»; источники электроэнергии – турбогенераторы – фирмой «Франко-Този»; дизель-генератор – опять «Ансальдо».

Куда более декларативными были многочисленные пакты о ненападении, заключенные СССР: 21 января 1932 г. – с Финляндией, 5 февраля 1932 г. – с Латвией, 4 мая 1932 г. – с Эстонией, 25 июля 1932 г. – с Польшей, 29 ноября 1932 г. – с Францией.

14 октября 1933 г. Германия вошла в Лигу Наций. 15 ноября 1933 г., пригласив к себе польского посла Липского, Гитлер предложил заключить польско-германское соглашение об «исправлении» Версальского договора в части, касающейся границ с Германией.

После этого свидания было опубликовано сообщение о том, что обе

страны приступают к непосредственным переговорам по всем германо-польским проблемам «для консолидации мира в Европе» и что они отказываются «от применения силы в своих взаимных отношениях».

С таким же предложением обратился Гитлер в эти дни и к Чехословакии. Однако президент Бенеш отказался от сепаратных переговоров без согласия своей союзницы – Франции. Напротив, Пилсудский и польский министр иностранных дел полковник Бек быстро восприняли идею германской дипломатии.

Результатом явилось соглашение между Германией и Польшей от 26 января 1934 г., заключенное на 10-летний срок. Генеральные штабы обоих государств разрабатывали планы совместной войны против СССР.

Ряд германских газет пытались объяснить это ухудшение советско-германских отношений тем, что Советский Союз якобы изменил свою ориентацию и стал сторонником Франции и защитником Версальского договора.

В ответ Сталин, выступая на XVII съезде партии, заявил: «Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний»^[85].

После прихода Гитлера к власти Германия стала быстро освобождаться от пут Версальского договора. 19 февраля 1934 г. германский министр авиации Геринг заявил корреспонденту британской газеты «Daily Mail», что Германия должна иметь свой «оборонительный воздушный флот» в размере от 30 до 40 % общей воздушной силы своих четырех соседей – Франции, Бельгии, Чехословакии и Польши.

29 марта 1934 г. был опубликован военный бюджет Германии на 1934–1935 гг. Это был последний обнародованный немцами бюджет. Он предусматривал увеличение расходов на военно-воздушный флот, запрещенный Версальским договором, с 78 млн марок до 210 млн марок; расходы на рейхсвер возрастали с 344,9 млн марок до 574,5 млн.

Британское правительство в дипломатическом порядке обратило внимание германского правительства на допускаемое им нарушение Версальского договора. Ответ немцев носил явно издевательский характер.

Он гласил, что Версальский договор ограничивает германское вооружение, а не германские расходы на вооружение.

17 апреля 1934 г. французское правительство направило Великобритании ноту, в которой заявило о необходимости вновь поставить вопрос о безопасности Франции, которую оно не отделяет от безопасности других европейских держав. В ноте говорилось: «Фактически германское правительство, не ожидая результатов переговоров, пожелало поставить нас перед своим решением продолжать перевооружение во всех видах и в том объеме, который оно определяет по собственному усмотрению, пренебрегая постановлениями Версальского договора».

Министр иностранных дел Франции Барту заявил: «Если мы сделаем этот роковой шаг, нам предъявят в скором времени новые, более обширные требования. В один прекрасный день мы должны будем наконец остановиться. Лучше сделать это сейчас, пока козыри еще в наших руках».

Участники Восточного регионального пакта должны были по идее Барту оказывать друг другу всякую помощь, в том числе и военную, в случае нападения какого-либо агрессора на одного из них. Обязательства взаимной помощи и гарантии границ европейских государств должны были дать и те государства, которые не принадлежали к восточноевропейским странам, – Англия, Франция, Италия и Бельгия. Таким образом, Барту стремился создать единый союз европейских стран против Германии.

Чтобы заручиться поддержкой Англии, Барту посетил Лондон. Французская журналистка Женевьева Табуи, сопровождавшая министра во время поездки, пишет о приеме Барту в Лондоне: «Однако в Лондоне нас ожидал холодный душ – французский посол в Лондоне поспешил предупредить Барту о том, что последний не в фаворе у англичан».

Британское министерство иностранных дел послало своим послам в Берлине и в Варшаве директиву следующего содержания: «Великобритания полностью одобряет новый пакт, и ее дипломатам даны инструкции уведомить об этом соответственно по месту своего поста».

Окрыленный Барту решил лично объехать столицы Польши, Румынии, Югославии и Чехословакии, чтобы договориться о новом пакте с правительствами этих стран. Особенно беспокоила Барту позиция Польши. Поэтому 21 апреля 1934 г. он и выехал в первую очередь в Варшаву. Сопровождавшая Барту в его поезде Женевьева Табуи рассказывает, что Барту решил принять приглашение маршала Пилсудского в ответ на имевший место год назад визит министра иностранных дел Польши полковника Бека, чтобы выяснить, «как Варшава примет решение вступить в союз со своим злейшим врагом – Россией».

«Дела между Польшей и Францией обстояли не слишком хорошо, – пишет Табуи. – Полковник Бек ратовал за польско-германскую дружбу на всем протяжении времени со дня подписания 26 января германо-польского договора.

– Я боюсь, что господа в Варшаве любят немцев больше, чем русских, – сказал мне Барту почти сразу же, как только наш поезд вышел с Северного вокзала. – Я буду резок с маршалом Пилсудским по вопросу о Восточном Локарно. Все-таки я обеспокоен их отношением к нему. Что вы думаете, мадам Табуи?

– Я также обеспокоена, господин министр, – сказала я»^[86].

Журналистка рассказала Барту о настроениях польской дипломатии, рассчитывавшей на дружбу с Германией после подписания германо-польского пакта. «Отныне Польша не нуждается во Франции, – сказал в Берлине в беседе с Табуи польский посол в Германии граф Липский. – Она также сожалеет о том, что в свое время согласилась принять французскую помощь ввиду цены, которую будет вынуждена платить за нее».

Липский заявил, что о «Восточном Локарно сейчас не может быть и речи». «Это было бы признанием слабости по отношению к Москве, – сказал он. – Германская экспансия пойдет в другом направлении, и мы в безопасности. Теперь, когда мы уверены в планах Германии, судьбы Австрии и Богемии не касаются Польши»^[87].

По поводу этих надежд Польши спастись от гитлеровской агрессии, направив ее на СССР, французская журналистка заметила Липскому: «Как мало вы знаете Германию!»

Выслушав рассказ Табуи, Барту тревожно покачал головой. Тревога его не была лишена оснований. Встреча Барту с маршалом Пилсудским 21 апреля положительных результатов не дала. Пилсудский был расположен поддерживать добрые отношения с Германией в соответствии с недавно подписанным договором. Расставаясь с Пилсудским, Барту был явно встревожен. «Я не мог его переубедить», – с огорчением говорил он.

26 апреля 1934 г. Барту прибыл в Прагу. Здесь вместе с министром иностранных дел Бенешем и с престарелым президентом Чехословакии Масариком он обсудил международные проблемы, в которых были заинтересованы обе стороны. По вопросу о разоружении стороны сошлись на признании невозможности поддерживать политику, которая под прикрытием равноправия привела бы к усилению вооружения Германии.

29 мая 1934 г. на открытии новой сессии генеральной комиссии конференции по разоружению состоялась встреча Барту с главой советской

делегации Литвиновым. При этом был подвергнут обсуждению вопрос о заключении восточноевропейского пакта взаимной помощи. Такой пакт должен был объединить СССР, Германию, Польшу, прибалтийские страны и Чехословакию.

Все перечисленные государства должны были в случае войны оказывать друг другу военную помощь. Французское правительство принимало на себя обязательство гарантировать этот пакт. Со своей стороны правительство СССР обязывалось взять на себя гарантии выполнения Локарнского пакта, из которого должны быть устранены всякие антисоветские тенденции.

Советское правительство охотно приняло предложение Барту. Еще до этого, 28 марта 1934 г., оно предложило Германии в целях улучшения взаимоотношений между Германией и СССР подписать протокол, которым оба правительства обязались бы воздерживаться от каких бы то ни было действий, могущих нанести прямой или косвенный ущерб независимости или неприкосновенности пограничных с ними прибалтийских стран.

Правительство Германии отклонило советское предложение. Отказалось оно и от присоединения к общему Восточному пакту. В объяснении оно хладнокровно заявило, что, «поскольку германское правительство не преследует никаких агрессивных целей, оно и не нуждается в оборонительных пактах».

Польский министр иностранных дел Бек на предложение присоединиться к Восточному пакту дал уклончивый ответ, явно внушенный из Берлина. Он заявил, что Польша согласится участвовать в Восточном пакте лишь в том случае, если в нем примет участие Германия. Кроме того, Польша отказывается принять на себя какие бы то ни было обязательства в отношении Литвы. Наконец она не может гарантировать и границ Чехословакии до тех пор, пока Венгрия не будет участником общего пакта.

15 сентября 1934 г. по инициативе французской дипломатии правительства тридцати государств – членов Лиги Наций обратились к советскому правительству с телеграммой, в которой указывалось, что «задача поддержания и организации мира, являющаяся основной целью Лиги Наций, требует сотрудничества всех государств. Ввиду этого нижеподписавшиеся приглашают Союз ССР вступить в Лигу Наций и принести свое ценное сотрудничество».

Советское правительство приняло обращенное к нему приглашение тридцати государств. Сообщая об этом председателю 15-й Ассамблеи, наркомат иностранных дел СССР писал в своем ответе на приглашение:

«Советское правительство, которое поставило главной задачей своей внешней политики организацию и укрепление мира, никогда не оставалось глухим к предложениям международного сотрудничества в интересах мира. Оно расценивает приглашение как действительное желание мира со стороны Лиги Наций и признание необходимости сотрудничества с Союзом ССР»^[88].

18 сентября 1934 г. общее собрание Лиги Наций постановило принять СССР в Лигу и включить его представителя в Совет Лиги в качестве постоянного члена. Только три государства – Голландия, Португалия и Швейцария – голосовали против этого решения.

Германская разведка устроила несколько неудачных покушений на Барту. Тем не менее его убийство было лишь вопросом времени. 9 октября 1934 г. Барту ехал на автомобиле по марсельской улице вместе с югославским королем Александром. Внезапно к автомобилю подскочил террорист и в упор расстрелял министра и короля. Сам он был зарублен саблей офицером конвоя. Французская фемида два года вела расследование, но так и не нашла организаторов двойного убийства.

Новым министром иностранных дел Франции стал Пьер Лаваль. Он родился в семье трактирщика в Оверни, окончил Парижский университет, стал адвокатом. Лаваль был участником многочисленных крупных афер и к 1934 г. стал миллионером, хозяином нескольких провинциальных газет, собственником доходнейшего поместья «Ла Корьбер» в Нормандии, обладателем увесистого пакета акций минеральных вод Виши, обитателем аристократической виллы «Санд» в одном из наиболее изысканных районов Парижа.

Лаваль, как и его коллеги из французского кабинета министров, вел непоследовательную политику, состоявшую из угроз и уступок Берлину и Риму. В конце 1934 г. французское правительство внесло в палату депутатов законопроект об увеличении срока военной службы до двух лет. 1935 г. стал первым годом пятилетнего периода так называемых «*annees creuses*», то есть «оскудевших призывов», связанных с резким снижением уровня рождаемости в 1915–1919 гг. ^[89]. Французский законопроект от 11 марта 1935 г. снижал призывной возраст с 21 года до 20 лет, а также предусматривал задержание в армии контингентов, подлежащих призыву, начиная с апреля 1935 г. до 1939 г. включительно.

Германская печать подняла шум по поводу законопроекта французского правительства. 13 марта 1935 г. последовало полуофициальное заявление правительства Германии, что отныне оно

считает себя свободным от обязательств, запрещавших ему создание военной авиации. Спустя три дня, 16 марта, с большой помпой был опубликован декрет о введении в Германии всеобщей воинской повинности. В тот же день Гитлер обратился с воззванием к германскому народу: введение всеобщей воинской повинности он обосновал требованиями национальной безопасности Германии в ответ на решение французского правительства об увеличении срока военной службы. Впрочем, приличия ради Гитлер торжественно обязывался «перед германским народом и всем миром» не превращать национальное перевооружение Германии в «орудие военной агрессии», а использовать его исключительно как «орудие обороны и сохранения мира».

Правительства Франции и Англии заявили протест против открытого нарушения Германией условий Версальского договора. Гитлер отклонил эти протесты.

Усиление германской военной мощи заставило правительства Англии и Франции искать союза с СССР. 28 марта 1935 г. министр иностранных дел Англии Антоний Иден прибыл в Москву в сопровождении советского посла в Лондоне. Он имел длительную беседу со Сталиным, Молотовым и наркомом иностранных дел. В сообщении ТАСС от 1 апреля 1935 г. были изложены итоги этой встречи. Обе стороны сошлись на признании, что «в нынешнем международном положении более чем когда-либо необходимо продолжать усилия в направлении создания системы коллективной безопасности в Европе, как это предусмотрено англо-французским коммюнике от 3 февраля 1935 г. и в согласии с принципами Лиги Наций».

Из Москвы Иден отправился в Варшаву. Очевидно, английская дипломатия не желала придать своим переговорам в Москве только двусторонний характер. Она опасалась вызвать раздражение не только в Берлине, но и в Париже. В Варшаве английский дипломат пробыл с 1 по 3 апреля. Он был принят президентом Мосьцицким, маршалом Пилсудским и министром иностранных дел полковником Беком. Иден попытался выяснить отношение руководителей польской внешней политики к проекту Восточного пакта. Но старый маршал Пилсудский не пожелал распространяться на эту тему. Он ворчливо посоветовал англичанам «заниматься лучше своими колониями, а не европейскими делами». Так по крайней мере злорадно сообщала германская печать.

Полковник Бек оказался более словоохотливым, чем маршал Пилсудский. С холодной любезностью и не без высокомерия он разъяснил Идену, что польское правительство намерено проводить самостоятельную внешнюю политику. Договорами о ненападении с СССР, с одной стороны, и

с Германией – с другой оно надеется обеспечить спокойствие и на восточной, и на западной своей границе. Восточный пакт неприемлем для Польши. Он ставит ее перед неизвестностью. Ведь никто не может предсказать, улучшит ли он или испортит те хорошие отношения, которые установились у Польши с ее соседями.

Было очевидно, что польское правительство остается на почве берлинского соглашения Гитлера – Липского от 26 января 1934 г.

Попытался договориться с Россией и Лаваль. По его мнению, заключение франко-советского пакта должно было повысить международный удельный вес Франции и побудить Германию договариваться с ней на более выгодных для французской дипломатии условиях. А к соглашению с Германией Лаваль стремился упорно и последовательно. Дипломат де Бринон непрерывно сновал между Парижем и Берлином. В кругах, близких к французскому министру иностранных дел, уже во второй половине апреля 1935 г. проговаривались, что Лаваль заручился согласием Гитлера на «тур вальса с СССР».

2 мая 1935 г. был заключен франко-советский договор о союзе и взаимопомощи.

Статья 1 этого договора подчеркивала, что действие пакта о взаимопомощи между СССР и Францией распространяется лишь на те случаи, когда одна из договаривающихся сторон явится «предметом угроз или опасности нападения со стороны какого-нибудь европейского государства». Формулировкой этой статьи французская дипломатия стремилась предупредить возможность вовлечения Франции в вооруженные конфликты, которые могли бы возникнуть, например, между Советским Союзом и Японией на Дальнем Востоке.

Франко-советский договор и приложенный к нему протокол подписания устанавливали важный международный прецедент: отныне отсутствие рекомендаций Совета Лиги по вопросу о действиях против агрессора не должно будет служить препятствием для выполнения сторонами обязательств взаимной помощи.

Параграф 4 протокола гласил, что «переговоры, результатом которых явилось подписание настоящего договора, были начаты первоначально в целях дополнения соглашения о безопасности, охватывающего страны северо-востока Европы, а именно СССР, Германию, Чехословакию, Польшу и соседние с СССР балтийские государства». Поэтому наряду с данным договором «должен был быть заключен договор о помощи между СССР, Францией и Германией, в котором каждое из этих трех государств должно было обязаться к оказанию поддержки тому из них, которое явилось бы

предметом нападения со стороны одного из этих трех государств»^[90].

Прошу прощения у читателя за длинные и нудные цитаты. Но без них авторские выводы могут показаться советской агиткой. Договор показал, что французские правящие круги не хотят поставить заслон «германской агрессии», о которой они так много разглагольствовали, а, в свою очередь, советские дипломаты пошли на подписание договора, руководствуясь французской пословицей: «За неимением лучшего спят с женой».

Глава 15. Аншлюс

Нас со школьной скамьи учили, что аншлюс (по-немецки – воссоединение) – это насильственный захват Австрии Гитлером. Мол, пришли злые немецкие нацисты и вовлекли добродушных австрийцев в свои коварные чело́веконенавистнические планы.

На самом деле идея аншлюса с Германией витала в Австрии еще с осени 1918 г. Аншлюс – вовсе не маниакальная идея австрийца Гитлера, а результат чаяний большей части австрийских немцев.

21 октября 1918 г. немецкие депутаты всей Австро-Венгрии заявили о создании Немецкой Австрии. А четыре судетские немецкие провинции, после 28 октября включенные в состав Чехословацкой республики, тотчас заявили о своей независимости от ЧСР. Все они провозгласили себя частью Немецкой Австрии, а, кроме того, немецкое большинство Йиглавы, Брно и Оломоуца также заявило о подобном желании.

После 28 октября 1918 г. во вновь провозглашенной ЧСР насчитывалось 3 123 568 немцев на 8 760 937 чехов, словаков и русинов. На восемь граждан «титულიной» нации – три «инородца»! Вдобавок «нацменьшинство» еще вчера было правящей нацией! Антанта заложила такую мину под фундамент Чехословакии, которая просто не могла не взорваться.

12 ноября 1918 г. Национальное собрание Австрии провозгласило Австрию составной частью Германской республики. Это был первый аншлюс. 22 ноября четыре судетские немецкие провинции были приняты Национальным собранием в состав Немецкой Австрии.

И только в конце ноября чешские войска выступили против немецких провинций и к концу года заняли их окончательно.

2 марта 1919 г. между Германией и Австрией был заключен секретный договор (Берлинский протокол) о присоединении Немецкой Австрии к Германии, если мирный договор не запретит аншлюс.

Понятно, что Антанта категорически запретила аншлюс, что и было закреплено в Версальском и Сен-Жерменском договорах. А 4 октября 1922 г. западные державы приняли так называемый Женевский протокол, запрещавший аншлюс даже в форме экономического союза Австрии с Германией.

Тем не менее 19 марта 1931 г. австрийский вице-канцлер Шобер и германский министр иностранных дел Курциус подписали соглашение о

едином таможенном законе, о согласованных тарифах и об уничтожении таможенной границы между обоими государствами.

В речи от 30 марта 1931 г. Шобер мотивировал заключение австро-германского таможенного союза безрезультатностью панъевропейской конференции и необходимостью урегулировать европейский хаос путем «региональных соглашений» якобы в соответствии с меморандумом Франции от 17 мая 1930 г.

Шобер и Курциус пытались прикрыться не только французской инициативой. Германская дипломатия попробовала было уверить и Англию, что соглашение от 19 марта 1931 г. целиком идет навстречу ее интересам. Ведь Англия менее, чем Франция и Италия, заинтересована в неприкосновенности status quo в Центральной Европе. Ей даже выгодно поддержать Германию против Италии; иначе она может толкнуть Германию на образование германо-итало-русского блока.

Однако французское правительство решительно выступило против таможенного союза Австрии с Германией. Англия, добиваясь от Германии уступок в вопросе о морских вооружениях, поддержала Францию. Вопрос об австро-германском таможенном союзе был передан сначала в Лигу Наций, а затем в Постоянный международный трибунал. Одновременно, 16 мая 1931 г., был опубликован французский меморандум с изложением «конструктивного плана» экономического и финансового оздоровления Австрии.

В этом документе Франция требовала, чтобы Австрия «не отказывалась от своей независимости без одобрения Лиги Наций», а европейским государствам она предлагала «помочь Австрии достигнуть экономического процветания».

5 сентября 1931 г. Постоянный международный трибунал вынес восемью голосами против семи решение, что таможенный союз несовместим с договорными обязательствами Австрии.

За два дня до решения суда, 3 сентября, Шобер и Курциус заявили об отказе их стран от таможенного союза.

Вторая половина 1931 г. ознаменовалась тяжелым экономическим кризисом в Австрии. Обанкротился ряд крупнейших банков, свыше 500 тыс. человек остались без работы. Результатом стало усиление австрийской национал-социалистической партии. Если на выборах 1930 г. за нацистов в Вене проголосовали 27 тыс. человек, то 24 апреля 1932 г. — уже 201 тысяча.

Важно отметить, что аншлюсу препятствовали не только Франция и Англия, но и фашистская Италия. Муссолини имел виды на южную часть

Австрии и находился в хороших личных отношениях с австрийским канцлером Дольфусом.

В августе 1933 г. Энгельберт Дольфус с женой Альвиной несколько дней гостили на вилле Муссолини в Риччионе. Оба политика хорошо отдохнули, плавая на лодках и яхтах. «Я дам понять в Берлине, что Австрию следует оставить в покое», – заявил дуче и передал два миллиона шиллингов Дольфусу на антинацистскую пропаганду.

Дело в том, что тогда Муссолини был буквально одержим идеей создания Дунайской конфедерации, куда должна была вступить и Австрия. Главенствующую роль в конфедерации, естественно, должна была играть Италия.

В 1933 г. канцлер Дольфус ввел в Австрии режим личной диктатуры. Он опирался на христианско-социальную партию и другие клерикальные силы. По указанию канцлера парламент объявил о «самороспуске». Были запрещены выборы в муниципальные советы и ландтаги и все политические собрания. Подверглись запрету социал-демократическая организация «Шуцбунд», коммунистическая и национал-социалистическая партии.

12 февраля 1934 г. в городе Линце (на родине Гитлера) полиция попыталась произвести обыск в здании, принадлежавшем социал-демократической партии. Шуцбундовцы встретили полицейских огнем. По всей Австрии начались столкновения. На стороне полиции действовали вооруженные отряды «Хаймвера» – штурмовые отряды, созданные клерикалами на итальянские деньги.

Фактически 12–16 февраля в Австрии состоялась гражданская война. В ходе боев только в Вене погибли свыше двух тысяч человек и ранены около двух тысяч. Среди убитых оказалось много женщин и детей.

20 июня 1934 г. в Вене был назначен суд над семью национал-социалистами, обвиненными в хранении взрывчатых веществ. Им грозила смертная казнь. В стране было неспокойно, и Дольфус отправил свою семью на виллу Риччиони к Муссолини.

В ночь на 25 июня один отряд национал-социалистов захватил государственную радиостанцию в Вене, а другой отряд – дворец канцлера. Дольфус был смертельно ранен в горло. Однако армия не поддержала нацистов, и путч был быстро подавлен.

Через несколько часов после начала путча Муссолини отдал приказ о переброске четырех отборных итальянских дивизий на Бреннерский перевал к австрийской границе. Дуче опасался вторжения германских войск в Австрию. «Пусть попробуют сунуться, – заявил Бенито. – Мы

покажем этим господам, что с Италией шутки плохи».

Послы Англии и Франции одновременно выступили в Берлине с энергичными представлениями, напоминая правительству Гитлера о международных гарантиях независимости Австрии. Гитлер вынужден был сделать хорошую мину при плохой игре. От своего имени и от имени президента Гинденбурга он послал в Вену телеграмму с выражением соболезнования по поводу убийства Дольфуса. Германский посол Рит был отозван из Вены. В Вену был назначен чрезвычайным послом фон Папен. В письме, адресованном ему, Гитлер поручал «вести отношения с германо-австрийским государством в нормальные и дружественные рамки». Папен освобождался от обязанностей члена германского правительства и направлялся в Вену в качестве личного эmissара Гитлера, которому он непосредственно и подчинялся. Назначение Папена состоялось без предварительного согласования с австрийским правительством. 15 августа 1934 г. Папен явился в Вену, вручил свои верительные грамоты президенту Микласу и тотчас же отбыл «в отпуск» в Берлин, чтобы выждать, пока рассеется тяжелое впечатление после убийства Дольфуса.

На заседании Лиги Наций 12 сентября 1934 г. новый австрийский канцлер Шушниг заявил о твердой решимости Австрии защищать свою свободу. С другой стороны, Барту добился подписания 27 сентября 1934 г. англо-франко-итальянской декларации о необходимости сохранения независимости и целостности Австрии.

В начале 1936 г. Гитлер решил ввести войска в Рейнскую область. В качестве повода он использовал ратификацию франко-советского договора французской палатой депутатов 27 февраля 1936 г.

7 марта 1936 г. в германское министерство иностранных дел были приглашены послы Англии, Франции, Бельгии и Италии. Здесь министр Нейрат передал им меморандум германского правительства, который гласил: «В интересах естественного права народа защищать свои границы и сохранять свои средства обороны германское правительство восстановило с сегодняшнего дня полную и неограниченную суверенность империи в демилитаризованной зоне Рейнской области». Ознакомив послов с содержанием меморандума германского правительства, Нейрат сообщил им об отказе от Локарнских соглашений и о занятии Рейнской зоны германскими войсками.

В тот же день, 7 марта, три германских пехотных батальона вступили в Рейнскую область. Одновременно опубликован был меморандум германского правительства, где доказывалось, что первой нарушила локарнские обязательства Франция, заключив договор с Советским

Союзом.

Отсюда делался вывод, что локарнско-рейнский пакт «практически прекратил свое существование». Поэтому германское правительство и решило восстановить свой полный и неограниченный суверенитет в демилитаризованной зоне Рейнской области.

Меморандум заявлял, что германское правительство готово заключить пакт о ненападении между Францией, Бельгией и Германией сроком на 25 лет. Согласно оно и на заключение с западными державами воздушного пакта. Германия может даже вернуться в Лигу Наций, «если вопросы о колониальном равенстве и об отделении пакта Лиги Наций от Версальского договора станут предметом дружественных переговоров».

Утром 7 марта собрался и французский кабинет. После заседания Фланден принял послов Англии, Италии и Бельгии, Вечером кабинет снова собрался на совещание вместе с генеральным штабом. На заседании начальник генштаба Жорж Мандель выступил с требованием немедленной мобилизации. Деа, Фланден и большинство министров возражали против этого предложения. Было решено потребовать созыва чрезвычайной сессии Совета Лиги Наций и совещания держав, гарантировавших Локарнские соглашения.

Любопытно, что командиры батальонов, введенных в Рейнскую область, имели приказ: если здесь появятся французские войска, боя не принимать и немедленно отступить на свою территорию.

Британский кабинет также протестовал против ввода германских войск в Рейнскую область, но был против каких-либо военных действий. 11 марта 1936 г. британский министр иностранных дел Иден официально предложил германскому правительству, поскольку ремилитаризацию Рейнской зоны оно считает вопросом германского престижа, оставить там только «символическое количество» войск, дав обязательство не увеличивать этого контингента и не возводить в зоне никаких укреплений. На следующий день Иден получил ответ германского министерства иностранных дел. Никаких дискуссий на тему о кратковременном или длительном ограничении германского суверенитета в Рейнской зоне, гласил он, фюрер не принимает; он может только обещать на время переговоров не увеличивать количество войск в зоне и не продвигать их дальше к границам Франции и Бельгии.

Заседание Совета Лиги Наций открылось в Лондоне 14 марта, Фланден просил Совет констатировать факт нарушения Германией статьи 43 Версальского договора. Одновременно он предлагал передать на рассмотрение Гаагского международного трибунала поднятй Германией

вопрос о несовместимости франко-советского пакта с обязательствами Локарнского соглашения. Предложение Фландена было поддержано бельгийским премьером Ван-Зееландом.

17 марта 1936 г. в Совете выступил народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов. Он напомнил членам Лиги, что защита международных договоров является обязанностью Лиги Наций. Нельзя сохранить Лигу, если она не будет выполнять своих собственных постановлений; тем самым она приучит агрессоров не считаться с ее предостережениями.

Германия явно преследует захватнические цели. Ради них германские войска заняли и Рейнскую зону. Совершенно очевидно, что Германия готовится к нападению на СССР. «Весь смысл выступлений господина Гитлера и его предложений в области международной политики, – говорил Литвинов, – сводится к организации похода против народов представляемого мною государства, к объединению против них всей Европы, всего мира. Пусть его агрессия фактически метит на ближайшее время в другие страны, пусть его атаки на Советский Союз являются лишь дымовой завесой для подготовки агрессии против других государств, но уже то обстоятельство, что он выбирает для этой цели мишенью своих беспрестанных атак Советский Союз и что он это сделал опять в связи с нарушением Локарнского договора, дает мне право открыто и с особой силой говорить о сущности агрессивной внешней политики господина Гитлера».

18 марта в Совете выступил Иден. Он заявил, что вторжение немецких войск в Рейнскую зону представляет собой нарушение Версальского договора. Однако оно не является угрозой миру и «не вызывает той непосредственности акции, которая предусмотрена при известных условиях Локарнским договором». С некоторыми оговорками Иден поддержал предложение Франции и Бельгии.

Как и следовало ожидать, итальянский делегат Гранди занял двусмысленную позицию.

В итоге вопрос о вводе войск в Рейнскую область попросту заболтали, благо воевать из-за этого желающих не было.

25 ноября 1936 г. Германия и Япония подписывают «антикоминтерновский пакт». Содержание японо-германского соглашения сводилось к трем основным пунктам. В первом обе стороны взаимно обязывались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него борьбу в тесном сотрудничестве. Второй пункт обязывал стороны принимать необходимые

меры борьбы и «против тех, кто внутри или вне страны, прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала». В третьем пункте устанавливался срок действия соглашения – пять лет. Особое значение имел второй пункт соглашения. Он давал возможность договаривающимся сторонам под предлогом борьбы против Коминтерна вмешиваться в дела других государств.

9 ноября 1937 г. Италия присоединилась к «антикоминтерновскому пакту». За это она получила со стороны Японии признание аннексии Абиссинии. В свою очередь, Германия и Италия официально признали правительство Манчжоу-Го.

Новый договор держав «оси» даже английской консервативной прессой оценивался как «тяжело вооруженный союз», не имеющий прямого отношения к борьбе против коммунизма. «Три державы отнюдь не объединились просто для борьбы с опасностью коммунизма, – писал в декабре 1937 г. английский журнал «Time and Tide». – Намерены ли они пойти войной на Советский Союз? Не исключено, если бы им представилась такая возможность. Но пакт в основном имеет другие цели... Для Японии война против СССР трудна, завоевание Китая также сопряжено с большими трудностями. Наиболее легким направлением для Японии является южное – на Аннам и Голландскую Ост-Индию».

«Все, что можно сказать, – писал французский журналист Пертинакс в газете «Echo de Paris», – это то, что Советский Союз, быть может, менее затрагивается итало-германской системой, чем Британская империя. Три договорившиеся страны не могут выступить с прямой атакой против Советского Союза; зато каждая из них может поразить Англию и ее владения. Германия может бросить воздушный флот на Лондон, Италия угрожает Египту, Япония – Гонконгу и Сингапуру. Это касается также и Франции».

Сталин на XVIII съезде ВКП(б) заявил: «Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидная «ось Берлин – Рим», то есть некоторая геометрическая формула насчет оси. (Смех.)

Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидный «треугольник Берлин – Рим – Токио», то есть маленькое увлечение геометрией. (Общий смех.)

Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! «Мы»

ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте «антикоминтерновский пакт», заключенный между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господ аггрессоры, хотя нетрудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко. (Смех.)»^[91].

Самым важным следствием подписания Италией антикоминтерновского пакта было ее согласие на аншлюс. Разумеется, дуче с тяжелым сердцем расстался с идеей Дунайской федерации. Но зато фюрер обещал помочь ему в другой, куда более грандиозной затее – сделать Средиземное море итальянским озером. «Наше море», – откровенно говорил на митингах Муссолини.

В самой Австрии происходила поляризация сил. Коммунисты и социал-демократы выступали против аншлюса. Причем руководство последних было не против самой идеи, ведь только в октябре 1933 г. социал-демократы исключили призыв к аншлюсу из своей программы, а против союза с Гитлером. С другой стороны, все большая часть населения Австрии тяготела к воссоединению с другой частью немецкого народа. Не будем забывать, что свыше тысячи лет население Германии и Австрии входило в состав Священной Римской империи, и лишь в XIX веке северные немецкие земли отошли к Пруссии, а позже – к Германской империи. Немалую роль сыграли экономический подъем и повышение благосостояния рабочих в рейхе на фоне экономического застоя и снижения уровня жизни населения Австрии.

В январе 1938 г. правительство Шушнига распустило венскую организацию национал-социалистов и даже арестовало ее руководителя, который являлся негласным представителем Гитлера в Австрии.

Эти мероприятия Шушнига вызвали немедленный отпор Гитлера. В Вену был послан фон Нейрат. При его встрече австрийские национал-социалисты организовали шумную демонстрацию. Шушниг решил не остаться в долгу. При отъезде Нейрата устроена была не менее внушительная демонстрация австрийского «отечественного фронта». Храбрость Шушнига объяснялась отчасти его расчетами на поддержку Муссолини. Но встреча главы австрийского правительства с дуче принесла Шушнигу горькое разочарование. Муссолини выразил уверенность, что Гитлер не предпримет никаких «поспешных действий», он советовал своему гостю пойти на соглашение с Германией.

11 февраля 1938 г. Шушниг был вызван к Гитлеру в Берхтесгаден.

Принимая на следующий день австрийского канцлера, Гитлер даже не предложил ему сесть. Он обрушился на Шушнига с угрозами, требуя безоговорочного принятия своих условий. «Вы не должны обсуждать эти условия, – командовал Гитлер. – Вы должны их принять, как я вам указываю. Если вы будете противиться, вы вынудите меня уничтожить всю вашу систему».

Шушниг пытался было прервать поток угрожающих слов Гитлера. Но это привело фюрера в совершенное неистовство. «Вы что, не верите мне? – завопил он. – Я вас раздавлю!.. Я величайший вождь, которого когда-либо имели немцы, и на мою долю выпало основать Великую Германскую империю с населением в 80 млн. Я преодолел уже самые невероятные трудности, а вы думаете остановить меня. Моя армия, мои самолеты, мои танки ждут лишь приказа». Не дав Шушнигу опомниться, Гитлер вызвал генерала Кейтеля и потребовал, чтобы он немедленно доложил о числе моторизованных частей, стоящих на австрийской границе и готовых перейти ее по первому приказу.

Секретарь всунул Шушнигу в руки заранее написанные требования Гитлера. Канцлеру было предложено наедине просмотреть этот проект «соглашения». Но прежде чем Шушниг успел закончить чтение, его снова вызвали к Гитлеру. Здесь с новыми угрозами ему было заявлено, чтобы он не рассчитывал на помощь Италии, Франции и Великобритании: пусть он не строит себе никаких иллюзий. После этого австрийский канцлер был отпущен. Вечером того же дня с Шушнигом беседовали Риббентроп и австрийский министр иностранных дел Гвидо Шмидт. Они предложили Шушнигу подписать соглашение, в основу которого были положены следующие требования: 1) полная амнистия всем австрийским национал-социалистам; 2) назначение министром общественного порядка и безопасности лидера австрийских националистов Зейс-Инкварта; 3) предоставление австрийским национал-социалистам права легального существования и свободной деятельности. Шушнигу приказано было дать ответ к 18 часам 15 февраля 1938 г. Но австрийский канцлер уклонился от этого. Он выехал из Берхтесгадена, не подписав соглашения.

Шушниг обратился за помощью к ведущим державам Европы. Но, увы, все молчали. 28 февраля выступил в палате общин британский премьер Чемберлен и заявил, что «мероприятия австрийского правительства, последовавшие за встречей в Берхтесгадене 12 февраля, по мнению правительства его величества, не противоречат обязательствам, принятым на себя Австрией по Сен-Жерменскому договору».

Тогда Шушниг решил прибегнуть к последнему средству: он назначил

на 13 марта плебисцит по вопросу о независимости Австрии. Но тотчас же австрийскому канцлеру из Берлина предъявлены были два ультимативных требования. Ему предложено было немедленно отменить плебисцит и столь же безотлагательно подать в отставку. Шушниг медлил с ответом. Трижды Берлин повторял свое приказание.

Наконец 11 марта 1938 г. Шушнигу был вручен формальный ультиматум: если германские требования не будут выполнены, в тот же день в 19 ч. 30 мин. 200 тыс. германских войск перейдут австрийскую границу. Когда срок ультиматума уже истекал, Шушниг выступил по радио и сообщил австрийскому народу о своем уходе. Он заявил, что вынужден уступить насилию во избежание напрасного кровопролития. Немедленно после Шушнига обратился к населению по радио и Зейс-Инкварт. Он потребовал, чтобы в случае вступления в Австрию германских войск им не было оказано никакого сопротивления. Сам Зейс-Инкварт был назначен новым канцлером Австрии. В тот же день около 6 часов вечера первые части германских войск вступили на австрийскую территорию.

Генерал Гудериан писал: «Идея с флагами и украшениями на танках оказалась удачной (Гудериан добился разрешения Гитлера украсить германские танки флагами и зеленью). Народ видел, что у нас дружеские намерения, и нас везде встречали радушно. Ветераны Первой мировой войны с наградными знаками на груди приветствовали нас, когда мы проезжали мимо. На каждой остановке танки засыпали цветами, а солдатам давали хлеб. Им пожимали руки, целовали, люди плакали от счастья. Не случилось ни одного неприятного инцидента, омрачившего бы событие, которого долгие годы с нетерпением ждали обе стороны. Дети одной нации, в течение многих десятилетий разделенной нерадивыми политиками надвое, наконец-то смогли объединиться... Улицы были полны счастливых и возбужденных людей. Поэтому неудивительно, что появление первых немецких солдат послужило сигналом к всеобщей бурной радости. Авангард промаршировал мимо Оперы вслед за австрийским военным оркестром и в присутствии командира Венской дивизии австрийской армии генерала Штумпфля. По окончании марша военных на улице снова началось массовое веселье. Меня несли на руках, пуговицы с моей шинели оторвали на сувениры. Нас встречали очень дружелюбно»^[92].

В 8 часов утра 12 марта Гитлер вылетел из Берлина в Мюнхен, и в 15 ч. 40 мин. он был уже на австрийской территории – в Браунау. В 20 ч. вечера фюрер прибыл в свой родной город Линц, где его приветствовал австрийский министр общественной безопасности Зейс-Инкварт. В своей ответной речи Гитлер заявил: «И если однажды судьба принудила меня

покинуть этот город, чтобы стать вождем рейха, то она же возложила на меня миссию. Этой миссией могло быть только присоединение моей любимой родины к германскому рейху. Я верил в это, я жил и боролся ради этого, и я считаю, что теперь эту миссию выполнил». Зейсс-Инкварт заявил Гитлеру, что 88-я статья Сен-Жерменского договора, закрепляющая независимость Австрии и делающая Лигу Наций гарантом этой независимости, отменена. Фюрер в ответ торжественно объявил, что Австрия будет присоединена к Германии и это будет утверждено плебисцитом. Он дал своей родине в составе Третьего рейха новое название – Остмарк.

В Вене Гитлер принял фашистский парад и объявил, что в Австрии будет проведен плебисцит. 13 марта правительство Зейс-Инкварта опубликовало официальный закон, объявлявший Австрию «германским государством». Одновременно таким же законодательным актом в Берлине было утверждено включение Австрии в состав Германской империи.

Шесть австрийских дивизий вошли в состав вермахта с сохранением воинских званий и выслуги лет. Австрийцы стали полноценными и полноправными гражданами рейха (немцы, разумеется; остальные, как и в Германии, стали «подданными»). Нигде и ни в чем права австрийского немца ни на йоту не были меньше прав немца из Саксонии или Ганновера.

В проведенном новой властью плебисците более 90 % населения Австрии проголосовали за аншлюс.

15 марта 1938 г., выступая в венском дворце Хофбург. Гитлер заявил: «Я объявляю германскому народу о выполнении самой важной миссии в моей жизни».

Считать аншлюс агрессией может только неосведомленный человек или жулик. Никакого сопротивления вводу германских войск не было, ни один человек не ушел партизанить в Альпы.

Какова же была реакция на аншлюс в мире? Муссолини заявил, что «Италия воздерживается от вмешательства во внутренние дела Австрии». Когда же на австро-итальянской границе, в Бреннере, появились немецкие войска, Муссолини постарался истолковать это как... демонстрацию прочности итало-германского союза. Гитлер оценил по заслугам усердие своего партнера. Он телеграфировал дуче: «Я никогда не забуду того, что вы сделали 11 марта». Муссолини пришлось ответить: «Моя позиция основана на дружбе наших обеих стран, воплощенной в оси». Выступая после этого 16 марта 1938 г. в палате депутатов, Муссолини заявил, что он никогда не обещал поддерживать независимость Австрии «ни прямым, ни косвенным путем, ни письменно, ни устно».

14 марта вопрос о присоединении Австрии к Германии обсуждался в английской палате общин. Чемберлен информировал парламент, что английский и французский послы представили германскому правительству протест против насильственных действий в Австрии. Германский министр иностранных дел отказался принять протест, он ответил, что взаимоотношения Германии и Австрии представляют внутреннее дело германского народа и что третьи государства не имеют к этому делу никакого отношения.

В палате общин Чемберлен заявил, что действия Германии «заслуживают серьезного осуждения». Однако 2 апреля 1938 г. правительство Чемберлена формально признало захват Австрии Германией.

Захват Австрии не встретил надлежащего отпора и во Франции, которая переживала очередной правительственный кризис.

Громы и молнии метала лишь Москва. 21 сентября 1938 г. на пленуме Лиги Наций советский представитель гневно клеймил аншлюс и предложил создать систему коллективной безопасности для обуздания агрессии.

Глава 16. Судетский кризис

Прежде чем перейти к знаменитому судетскому кризису, надо сказать пару слов о забытом кризисе в марте 1938 г., который мог легко перейти в мировую войну. Наши современные историки не зря забыли сей кризис – он просто не укладывался в прокрустово ложе идеологических догм: во всем виноваты немцы. А тут как на грех немцы и «поджигатель войны» Гитлер были уж совсем «не при делах».

Начнем по порядку. 14 февраля 1938 г. Гитлер предупредил польское правительство о воссоединении с Австрией. Бек и компания ничего не имели против аншлюса, но при этом решили сами сорвать куш и присоединить к себе Литву.

И вот 11 марта, то есть в день, когда германские войска вступили в Австрию, поляки находят на литовской границе труп своего солдата. Кто это мог сделать? Ну конечно же, злыдни-литовцы.

«В Польше начались антилитовские демонстрации. На литовской границе сосредоточивались польские войска. В ночь на 17 марта 1938 г. польское правительство через своего дипломатического представителя в Таллине предъявило литовскому правительству ультиматум. Оно требовало заключения конвенции, гарантирующей права «польского меньшинства» в Литве, а также отмены параграфа литовской конституции, провозглашающей Вильно столицей Литвы. Польская военщина грозила в случае отклонения ультиматума в течение 24 часов проделать «марш на Каунас» и оккупировать Литву.

Польско-литовский конфликт угрожал перерасти в войну в Восточной Европе. Дипломатические представители Великобритании и Франции ограничились пожеланиями, чтобы Польша и Литва воздержались от насильственных действий. Только советское правительство оказало активное содействие мирному урегулированию польско-литовского конфликта. Оно довело до сведения польского посла в Москве, что советское правительство рекомендует Польше не посягать на свободу и независимость Литвы. В противном случае оно денонсирует без предупреждения польско-советский пакт о ненападении и в случае вооруженного нападения на Литву оставит за собой свободу действий. Благодаря этому вмешательству советской дипломатии опасность вооруженного конфликта между Польшей и Литвой была предотвращена. Поляки ограничились свои требования к Литве одним пунктом –

установлением дипломатических отношений – и отказались от вооруженного вторжения в Литву»^[93].

Адмирал Нельсон в свое время ввел формулу: Fleet in being, то есть флот одним своим существованием влияет на военную и политическую ситуацию. В марте 1938 г. Красная Армия одним своим существованием предотвратила войну в Европе. Увы, она не могла предотвратить раздел Чехословакии.

Еще перед вторжением германских войск в Австрию Гитлер 20 февраля 1938 г. выступил в рейхстаге с программной речью, где обещал объединить «10 млн немцев, живущих по ту сторону границы». В ответ начальник штаба чехословацкой армии генерал Крейчи опубликовал сообщение о принимаемых чехословацким правительством мерах обороны. «Мы знаем о возможности нападения на нашу республику без формального объявления войны, и наша армия вполне подготовлена к тому, чтобы такая война не захватила нас врасплох», – заявлял генерал. Чехословацкое правительство намеревалось перенести военные заводы «Шкода» в глубь страны, ввести круглосуточную работу на своих восьми авиационных заводах, завершить планы мобилизации промышленности и продовольственных ресурсов. Чехословакия была полна решимости сопротивляться до конца в борьбе за свою независимость.

Гитлер еще в 1937 г. принял окончательное решение о расчленении Чехословакии. 24 июня 1937 г. верховное командование вермахта приняло директиву «О единой подготовке вооруженных сил к войне», где говорилось, что вермахт должен внезапно осуществить вторжение в Чехословакию и чтобы при этом на западе оставался только минимум сил в качестве тылового прикрытия этой наступательной операции. Цели и задачи этой операции состояли в следующем: разгромив чехословацкую армию и овладев Богемией и Моравией, заблаговременно и на весь период войны ликвидировать угрозу нападения Чехословакии с тыла, чтобы развязать себе руки для ведения войны на Западе и отнять у русской авиации важнейшую часть ее операционной базы, которую Советы могли бы создать на территории Чехословакии.

Сразу же после оккупации Австрии резко возросла активность судетских немцев в Чехословакии.

В самой Чехословакии усиливалось влияние судетской партии Генлейна. Так, на выборах 19 мая 1935 г. за нее проголосовали 64 % этнических немцев.

19 декабря 1935 г. ушел в отставку престарелый президент Чехословакии Масарик. Его преемником стал Эдуард Бенеш. Новый

премьер-министр, лидер словацких аграриев Милан Годжа, который вел переговоры с руководителями немецкого меньшинства, в подписанной 18 февраля 1937 г. декларации обещал удовлетворить их требования относительно равного представительства в общественных организациях и равных пособий по безработице. Тем не менее в феврале 1938 г. Гитлер объявил, что Третий рейх является «защитником всех немцев, являющихся подданными другого государства». Месяцем позже Германия осуществила аннексию Австрии. 14 апреля 1938 г. Генлейн выдвинул так называемую Карлсбадскую программу (Карловарские требования), содержащую требование полной автономии для Судетской области, самоуправление для проживающих в Чехословакии немцев и радикального изменения всей государственной системы.

Советские историки многие десятилетия скрывали от народа, что вместе с Германией территориальные претензии к Чехословакии выдвигала и Польша.

Поляки претендовали на Тешинскую Силезию. Очередной всплеск античехословацких настроений в Польше произошел в начале 1934 г., когда пресса развернула массированную кампанию о возвращении исконных польских земель. А осенью 1934 г. польская армия на границе с Чехословакией провела большие военные маневры, в ходе которых отрабатывались действия в случае распада Чехословакии или ее капитуляции перед Германией.

Во второй половине 1935 г. польско-чехословацкие отношения еще больше охладели. Оба посла отправились «в отпуск»: чехословацкий в Варшаве – в мае, а польский в Праге – в октябре 1935 г. 23 февраля 1938 г. Бек на переговорах с Герингом заявил о готовности Польши считаться с германскими интересами в Австрии и подчеркнул заинтересованность Польши «в чешской проблеме».

Польское правительство по аналогии с партией Генлейна создало 26 марта 1938 г. в Тешине «союз поляков», целью которого было отделение этой области от Чехословакии. В начале мая 1938 г. правительство Польши сосредоточивает в районе Тешина три дивизии и одну бригаду пограничных войск.

12 мая СССР заявил о готовности поддержать Чехословакию при условии прохода Красной Армии через Польшу или Румынию. Надо ли говорить, что правительства Польши и Румынии категорически отвергли предложение СССР.

С начала мая к чехословацкой границе стали стягиваться германские войска. В ходе загадочного инцидента на границе погибли два немецких

солдата. 20 мая чехословацкое правительство объявило в стране частичную мобилизацию. Прага пообещала небольшие уступки немецкому меньшинству.

В мае-июне 1938 г. в ходе муниципальных выборов в Чехословакии более 90 % этнических немцев проголосовали за судетскую партию.

12-13 сентября сторонники Генлейна устроили вооруженный путч с целью захвата власти в Судетской области. Однако благодаря четким действиям полиции и армии беспорядки были быстро подавлены.

23 сентября в Чехословакии была объявлена всеобщая мобилизация. Еще 3 сентября во Франции были призваны 300 тыс. резервистов, 4 сентября отменены отпуска в гарнизонах на восточной границе, 5 сентября линия Мажино была полностью приведена в боевую готовность. 22 сентября шесть французских дивизий были выдвинуты на границу Германии. В ночь на 24 сентября были призваны еще 600 тыс. резервистов и переброшено к границе 14 дивизий. К 28 сентября были мобилизованы полтора миллиона человек, а на германской границе развернуто 37 пехотных дивизий, 13 кавалерийских бригад и 29 танковых полков. Всего во французской армии насчитывалось более 1275 танков.

В составе вооруженных сил Великобритании имелось 20 дивизий и 2 бригады, всего около 400 тыс. человек, а также 375 танков и 1759 самолетов первой линии.

В СССР в середине лета 1938 г. готовились к помощи Чехословакии. 26 июня советское правительство приняло решение о реорганизации военно-территориальных структур Красной Армии и формировании шести армейских групп в Белорусском и Киевском военных округах.

Согласно приказу наркома обороны № 0151 от 26 июля 1938 г. Белорусский военный округ был переименован в Белорусский особый военный округ. В его составе были сформированы: на базе управления IV стрелкового корпуса – Витебская армейская группа, в которую вошли войска, расположенные на территории Витебской и Минской областей; а на базе управления V стрелкового корпуса – Бобруйская армейская группа, в которую вошли войска, расположенные на территории Могилевской, Гомельской и Полесской областей.

Согласно приказу наркома обороны № 0152 от 26 июля 1938 г. Киевский военный округ был переименован в Киевский особый военный округ, а в его составе были сформированы: Житомирская армейская группа (на базе управления VIII стрелкового корпуса), войска которой дислоцировались на территории Черниговской, Киевской и Житомирской областей; Винницкая армейская группа (на базе управления XVII

армейского корпуса), в которую вошли войска, расположенные на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей, а также Одесская армейская группа (на базе управления VI стрелкового корпуса), в которую вошли войска, расположенные на территории Николаевской области и Молдавской АССР. Также в состав Киевского особого военного округа вошла кавалерийская армейская группа в составе II и IV кавалерийских корпусов.

Польша же готовилась к нападению на Чехословакию в союзе с Германией. В сентябре 1938 г. на Волыни прошли крупные маневры польской армии, в которых участвовали пять пехотных дивизий, одна кавалерийская дивизия, одна мотобригада и одна бригада легких бомбардировщиков. Под прикрытием этих маневров польские войска стягивались к Тешину. На чехословацкой границе поляки развернули отдельную оперативную группу «Шлёнск» в составе 4-й, 21-й и 23-й пехотных дивизий, Великопольской и 10-й моторизованных кавалерийских бригад под командованием генерала В. Бортновского. К 1 октября 1938 г. эта группировка насчитывала 35 966 человек, 270 орудий, 103 танка, 9 бронемашин и 103 самолета.

К этому времени в Красной Армии насчитывалось 18 664 танка и 2 741 бронемашина, из которых 3609 танков и 294 бронемашины находились в войсках Белорусского особого военного округа, а 3644 танка и 249 бронемашин в войсках Киевского особого военного округа.

28 сентября 1938 г. нарком обороны доложил советскому правительству о готовности направить в Чехословакию из Белорусского военного округа 16-ю авиационную бригаду в составе 56-го и 54-го среднебомбардировочных авиаполков и 58-ю авиационную бригаду в составе 21-го и 31-го истребительных авиаполков; из Киевского военного округа – 10-ю (33-й среднебомбардировочный авиаполк) и 69-ю (17-й и 43-й истребительные авиаполки); из Харьковского военного округа – 60-й среднебомбардировочный авиаполк. Всего 548 боевых самолетов.

Всего же на 1 октября 1938 г. авиационная группировка Калининского, Белорусского и Киевского особых военных округов насчитывала 2 690 самолетов.

Для сравнения: к 1 апреля 1938 г. вермахт располагал 15 213 орудиями и минометами и 1983 танками (из них Т-I – 1468 машин, Т-II – 443, Т-III – 43 и Т-IV – 30 машин). В вермахте имелись 51 дивизия и одна кавалерийская бригада, а летом 1938 г. были созданы восемь резервных дивизий.

Таким образом, Красная Армия одна могла в сентябре 1938 г.

разгромить объединенные армии Германии и Польши. Но советское правительство не желало действовать в одиночку, не зная заранее дальнейших намерений Франции и Англии. Кроме того, не следует забывать, что в июле-августе 1938 г. Красная Армия вела тяжелые бои на озере Хасан и была на грани большой войны с Японией.

Англия и Франция не пожелали идти на серьезный конфликт с Гитлером. Ради этого семидесятилетний английский премьер Невилл Чемберлен рискнул впервые в жизни сесть на самолет и отправился в Берлин. В тот же день, 15 сентября 1938 г., Чемберлен и его коллеги Вильсон и Стрэнг были приняты Гитлером в Берхтесгадене. Здесь состоялась трехчасовая беседа английских гостей с хозяином. Гитлер потребовал окончательного и полного «самоопределения» судетских немцев. Чемберлен попросил отсрочки для ответа на это требование: он сослался на необходимость вернуться в Лондон, чтобы принять решение, согласованное британским правительством с Францией и Чехословакией.

В тот же день состоялась беседа Геринга с английским послом Гендерсоном. Геринг самоуверенно заявил: «Германия подождет еще одной второй и окончательной встречи (с Чемберленом. – А.Ш.), но что она вообще тянуть больше не намерена... Если же Англия начнет войну против Германии, то трудно представить исход войны. Одно только ясно, – угрожающе добавил Геринг, – что до конца войны не много чехов останется в живых и мало что уцелеет от Лондона».

По возвращении в Лондон Чемберлен пригласил туда на совещание главу французского кабинета Эдуарда Даладье и министра иностранных дел Франции Жоржа Боннэ.

Второй раз Чемберлен полетел к Гитлеру 22 сентября. В тот же день в Годесберге состоялась его встреча с Гитлером. Британский премьер сообщил фюреру, что вопрос о судетских немцах решен английским и французским правительством в точном соответствии с пожеланиями Германии.

Чемберлен ожидал, что Гитлер выразит ему свое удовлетворение, но совершенно неожиданно услышал совсем другое. «Очень сожалею, – заявил Гитлер, – но теперь это нас не устраивает». Тут же Гитлер пояснил, чего он хочет. Оказалось, он требует, чтобы заодно удовлетворены были территориальные притязания Венгрии и Польши, с которыми Германия связана дружественными отношениями. В большом замешательстве Чемберлен заявил, что новые требования Германии должны быть подвергнуты обсуждению. На этом его беседа с Гитлером прервалась. Ночью Чемберлен заявил осаждавшим его корреспондентам: «Я не могу

сказать, что положение безнадежно».

21 сентября 1938 г. Польша направила Чехословакии ноту с требованием решения проблемы польского национального меньшинства в Тешинской Силезии.

22 сентября польское правительство экстренно сообщает о денонсировании польско-чехословацкого договора о национальных меньшинствах, а через несколько часов объявляет Чехословакии ультиматум о присоединении к Польше земель с польским населением. От имени так называемого «Союза силезских повстанцев» в Варшаве была совершенно открыто развернута вербовка в «Тешинский добровольческий корпус». Формируемые отряды «добровольцев» направляются к чехословацкой границе, где устраивают вооруженные провокации и диверсии.

23 сентября советское правительство предупредило польское правительство, что в случае если польские войска, сконцентрированные на границе с Чехословакией, вторгнутся в ее пределы, то СССР будет считать это актом невызванной агрессии и денонсирует пакт о ненападении с Польшей. Вечером этого же дня последовал ответ польского правительства. Тон его был по обыкновению заносчив. Оно объясняло, что проводит некоторые военные мероприятия лишь в целях обороны.

24 сентября 1938 г. газета «Правда» № 264 (7589) публикует статью «Польские фашисты готовят путч в Тешинской Силезии». Позже, в ночь на 25 сентября в местечке Коньске близ Тршинца поляки забросали ручными гранатами и обстреляли дома, в которых находились чехословацкие пограничники, в результате чего два здания сгорели. После двухчасового боя нападавшие отступили на польскую территорию. Аналогичные столкновения происходили в ту ночь и в ряде других мест Тешинской области.

25 сентября поляки совершили налет на железнодорожную станцию Фриштат, обстреляли ее и забросали гранатами.

Вечером 26 сентября Гитлер выступил в берлинском «Шпортпаласе» с новыми угрозами против Чехословакии. «Если к 1 октября Судетская область не будет передана Германии, я, Гитлер, сам пойду, как первый солдат, против Чехословакии». Одобрительно упомянув об усердии Чемберлена, якобы стремящегося «сохранить мир», Гитлер повторил заявление, которое делал всякий раз, когда готовился к новому акту агрессии: «После того как судетско-германский вопрос будет урегулирован, мы не будем иметь никаких дальнейших территориальных претензий в Европе... Нам чехи не нужны».

27 сентября польское правительство выдвигает повторное требование о «возвращении» ей Тешинской области. В течение всей ночи почти по всех районах Тешинской области были слышны ружейная и пулеметная перестрелка, взрывы гранат и т. д. Наиболее кровавые стычки, как сообщало Польское телеграфное агентство, наблюдались в окрестностях Богумина, Тешина и Яблункова, в местечках Быстрице, Коньска и Скшечень. Вооруженные группы «повстанцев» неоднократно нападали на чехословацкие склады оружия, польские самолеты ежедневно нарушали чехословацкую границу. В газете «Правда» за 27 сентября (№ 267) на первой странице публикуется статья «Безудержная наглость польских фашистов».

28 сентября вооруженные провокации поляков продолжаются. В газете «Правда» за 28 сентября публикуется статья «Провокации польских фашистов».

29 сентября польские дипломаты в Лондоне и Париже настаивают на равном подходе к решению судетской и тешинской проблем, польские и немецкие военные договариваются о линии демаркации войск в случае вторжения в Чехословакию. В чешских газетах описываются трогательные сцены «боевого братства» между германскими фашистами и польскими националистами. На чехословацкий пограничный пост близ Гргавы напала банда из 20 человек, вооруженных автоматическим оружием. Атака была отбита, нападавшие бежали в Польшу, а один из них, будучи раненым, попал в плен. На допросе пойманный бандит рассказал, что в их отряде много немцев, живущих в Польше.

29 сентября Чемберлен в третий раз сел в самолет и отбыл в Германию. В 12 ч. 45 мин. в Мюнхене в Коричевом доме открылась конференция полномочных представителей Германии, Великобритании, Франции и Италии. Германия была представлена Гитлером, Англия – Чемберленом, Франция – Даладье, Италия – Муссолини. Переговоры закончились около двух часов ночи. Условия Годесбергского меморандума были приняты полностью. Чехословакии предлагалось передать Германии все пограничные с ней районы. Таким образом, речь шла не только о Судетской области, но и о районах, пограничных с бывшей Австрией. Передаваемые районы Чехословакия должна была очистить в срок с 1 по 10 октября. Все военные сооружения, находившиеся в этих областях, передавались Германии. В соглашении указывалось также на необходимость «урегулировать» вопрос о польском и венгерском национальных меньшинствах в Чехословакии. Таким образом, имелось в виду отторжение от Чехословакии еще некоторых частей ее территории в

пользу Польши и Венгрии. После «урегулирования» этого вопроса оставшейся части Чехословакии должны быть предоставлены гарантии Англии, Франции, Германии и Италии против неспровоцированной агрессии.

Судьба Чехословакии решалась в Мюнхене без всякого ее участия. Чешский посланник и представитель министерства иностранных дел Чехословакии прибыли в Мюнхен лишь для того, чтобы «ожидать результатов конференции». Ни тот, ни другой не были допущены в зал совещания.

Перед отъездом из Мюнхена Чемберлен посетил Гитлера и подписал с ним следующую декларацию: «Мы, германский фюрер, имперский канцлер и британский премьер-министр... согласились в том, что вопрос об англо-германских отношениях имеет первостепенную важность для обеих стран и для всей Европы. Мы считаем, что соглашение, подписанное вчера вечером, равно как и англо-германское морское соглашение, символизируют волю обоих наших народов никогда впредь не воевать друг с другом».

В ту же ночь британский посол в Германии Невиль Гендерсон в упоении успехом своей миротворческой деятельности в Берлине восторженно писал Чемберлену: «Миллионы матерей будут благословлять ваше имя за то, что вы спасли их сыновей от ужасов войны».

Гитлер, провожая гостей, сказал Риббентропу: «Это ужасно, какие передо мной ничтожества!» Несколько позже, в выступлении о Мюнхенском соглашении, Риббентроп заявил: «Неслыханное достижение. Вы думаете, что я сам полгода назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы поднесена на блюде ее друзьями?... То, что произошло, может произойти лишь один раз в истории». Риббентроп особо выделил роль Чемберлена: «Этот старик сегодня подписал смертный приговор Британской империи, предоставив нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение». А Муссолине, как обычно, грубовато сказал: «Теперь фашизм не остановится. Карты надо не переплетать, а оставлять их несброшюрованными»^[94].

1 октября 1938 г. германские войска вступили в Чехословакию. Они беспрепятственно заняли не только Судетскую область, но и ряд районов и городов, где почти не было немецкого населения.

По приказу своего правительства чехословацкие войска 1 октября начали отход с польской границы, а на следующий день польские войска оккупировали район Тешина, где на тот момент проживали 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов и словаков. Таким образом, Польша увеличила у себя

процент неполяков, но зато за счет присоединения столь экономически развитого района увеличила производственные мощности своей тяжелой промышленности почти на 50 %.

28 ноября окрыленные успехом Бек и К° потребовали передачи им Чехословакией Моравской Остравы и Виткович. Однако Гитлер отказал им в довольно категорической форме.

В октябре 1938 г. польское правительство устроило «национальный триумф» в Польше по случаю захвата Тешинской области. Юзеф Бек награжден орденом «Белого орла». Кроме того, благодарная польская интеллигенция присвоила ему звания почетного доктора Варшавского и Львовского университетов. Польская пропаганда захлебывается от восторга. 9 октября «Газета Польска» писала: «...открытая перед нами дорога к державной, руководящей роли в нашей части Европы требует в ближайшее время огромных усилий и разрешения неимоверно трудных задач».

Глава 17. Развал Чехословакии

На территорию Чехословакии претендовали не только немцы с поляками, но и венгры. В речи по радио 1 октября 1938 г. венгерский премьер-министр Имреди заявил, что интересы венгерского меньшинства в Чехословакии «обойдены». Венгрия претендовала на южную часть Словакии и на Карпатскую Украину.

Еще в 1935 г. в венгерском генеральном штабе был создан 5-й отдел для подготовки особых отрядов нерегулярных войск, которые выполняли бы задачу расширения границ, восстановления исторической Великой Венгрии – так называемой империи Святого Иштвана. Позже эти отряды стали называться «гвардией обороны» (Rongyas garda) и на 90 % состояли из резервистов. Под руководством 5-го отдела генштаба по решению правительства было создано 19 стрелковых батальонов. К 1938 г. их осталось восемь, и они в полной готовности ждали вторжения в Закарпатье.

Руководитель Венгерского телеграфного агентства, пожизненный член Верхней палаты государственного собрания и министр внутренних дел в правительствах Дюлы Гембёша и Калмана Дарани Миклош Козма 1 октября 1938 г. записал в своем дневнике, что его вызвал премьер-министр Бела Имреди и предложил взять на себя политическое руководство подрывной деятельностью в Закарпатье, то есть руководство «гвардией оборванцев», созданной по типу разбойничьих шаяк и укомплектованной прежде всего нилашистами и жаждущей приключений молодежью, сбитой с толку шовинистической пропагандой. Миклош Козма согласился^[95].

И начиная с 5 октября эти группы стали нелегально перебрасываться через границу на территорию Закарпатской Украины для проведения там диверсий.

2 октября 1938 г. британский министр иностранных дел Эдвард Галифакс написал венгерскому посланнику в Лондоне Дьёрдю Барце письмо, в котором выразил надежду, что «венгерское и чехословацкое правительства решат вопрос венгерского меньшинства мирным путем». В тот же день Барце в ответном письме сообщил, что в Праге уже предприняты определенные шаги, и просил оказать влияние на Чехословакию для благоприятного Венгрии решения вопроса.

10 октября военный атташе Венгрии Бела Лендьел доносил из Варшавы в Будапешт начальнику генштаба, что начальник польского

генштаба акции в Закарпатье, начатые с севера, считает польской задачей, а параллельные действия венгерских и польских «отрядов добровольцев» нецелесообразными и поэтому решил направить в Ужгород и Мукачево отдельные отряды под руководством офицеров, но переодетые в гражданскую одежду, как это было уговорено с венграми. По другим дорогам поляки забросят в Русинию группы добровольцев под видом патрулей для проведения там террористических акций. Это будет предпринято после развертывания борьбы венгерских «добровольцев».

Начальник польского генштаба не одобрил венгерское предложение доставить венгерских добровольцев воздушным путем в Польшу, чтобы они с севера, то есть с польской территории, вошли в Закарпатье. В телеграмме от 11 октября говорилось, что «эти задачи выполняют поляки». В новой шифрограмме Лендзел со слов начальника генштаба Польши доносил, что поляки неизменно стоят на позиции договоренностей между Беком и Чаки, то есть оказание полной дипломатической поддержки, а в военной области – совместные действия в рутенском вопросе. Они готовы разместить четыре батальона пограничников восточнее от перевала Дукля и по просьбе венгров принять участие в акции нерегулярными войсками.

В районе Камарно и Запара шли ожесточенные бои с диверсионными группами из Венгрии и Польши.

27 октября Будапешт и Прага решили обратиться к Берлину и Риму с просьбой быть арбитрами в венгеро-чехословацком споре. 28 октября германский министр иностранных дел Риббентроп прибыл в Рим.

На тот момент германское правительство не соглашалось на передачу Венгрии всей территории Закарпатской Украины и нуждалось в единых действиях с Муссолини и его министром иностранных дел Чиано. Между Германией и Италией имелись разногласия по вопросу венгерских территориальных требований. Если Муссолини поддерживал все требования хортистов, то Гитлер хотел свести их к минимуму и был против создания венгеро-польской границы. Кроме того, Гитлер, желая быть вершителем судеб Восточной Европы, был против итало-германского арбитража. Переговоры Риббентропа с Чиано, а затем с Муссолини были в основном посвящены венгерским территориальным требованиям. Риббентроп своей главной задачей считал помешать реализации польско-венгерского требования о передаче Западной Украины и установления общей границы между Польшей и Венгрией, поскольку это означало бы, что Италия против воли Германии помогла Венгрии в осуществлении ее планов.

В конце концов вопрос о венгерских претензиях к Чехословакии было

решено передать на «венский арбитраж». 2 ноября 1938 г. в Вене в Бельведерском дворце состоялся арбитраж. В качестве арбитров присутствовали германский и итальянский министры иностранных дел – Риббентроп и Чиано. От Венгрии в Вену были приглашены министр иностранных дел Калман Каня, министр культуры и просвещения Пал Телеки, статс-секретарь премьер-министра Тибор Патаки и начальник канцелярии министра иностранных дел Иштван Чаки; от Чехословакии – министр иностранных дел Франтишек Хвалковский, премьер-министр Словакии Йозеф Тисо и премьер-министр Западной Украины Августин Волошин.

Как уже говорилось, чехи оказали большую помощь «украинствующим» и сделали все для подавления русинов, в итоге к власти в Закарпатье пришли украинские националисты во главе с Волошиным.

Совещание открыл Риббентроп, затем выступил Чиано. Оба министра поздравили друг друга, глав делегаций Венгрии и Чехословакии и определили свои задачи: на этнической основе (во всех немецких документах употреблялся термин «этнографической») установить «окончательную границу» между Венгрией и Чехословакией и решить связанные с этим вопросы. Чиано выразил уверенность в успехе усилий арбитров, в результате чего «родятся в Средней Европе новый строй и новая эпоха», основанные «на справедливости между нациями», такие, о которых «мы всегда мечтали и к которым мы всегда стремились».

Арбитраж выслушал представителей Венгрии и Чехословакии, но Риббентроп отказался даже впустить в зал заседаний представителей автономных территорий – Словакии и Закарпатья.

Решение первого «венского арбитража» Риббентропа – Чиано было зачитано вечером 2 ноября 1938 г. По венгерским данным, в состав Венгрии было передано всего 1 040 401 человек, в том числе венгров – 879 007 человек, немцев – 10 010 человек, словаков – 123 864 человека, русинов – 19 891 человек и 8829 людей других национальностей.

В Береговском округе к Венгрии были присоединены русинские села Нижние и Вышние Ремета, население которых более чем на 90 % состояло из русинов. Русинским было и село Квасово. Нижний Коропец, Подзамчье, Ключарки (в Мукачевском округе), Тростник, Вербовец (в Волокском округе) были селами с абсолютным преобладанием русинского населения, но все равно отошли к Венгрии. Современник событий А. Борканюк сообщает, что таких русинских сел было до сорока, а историк В. Худанич считает, что более сорока.

Решением «венского арбитража» чехословацким властям

предписывалось в период с 5 по 10 ноября 1938 г. эвакуироваться с предназначенных Венгрии территорий, а венгерским властям – в тот же период их оккупировать.

Правда, Германия формально сохранила Закарпатье в качестве автономной республики в рамках чехословацкого государства. Сделала она это для того, чтобы, во-первых, создать барьер между Польшей и Венгрией и, во-вторых, иметь коридор, связывавший ее с Румынией. Но оставшееся в составе Чехословакии Закарпатье не имело достаточного количества железных и шоссейных дорог и необходимой экономической базы, а также лишилось основных сельскохозяйственных угодий.

Несмотря на решение «венского арбитража», поляки и венгры желали захватить все Закарпатье. 14 ноября 1938 г. чехи обнаружили отряд поляков, двигавшийся в направлении Валлвое – Синевир. 20 ноября у Торуня (долина реки Рика) чехи убили шестерых польских диверсантов.

Еще не закончилась венгерская оккупация юго-западных районов Закарпатья, а польский МИД по дипломатическим каналам уже подталкивал венгерское правительство воспользоваться замешательством и хаосом в Чехословакии и захватить все Закарпатье. Так, начальник политического отдела МИДа Тадеуш Кобылянский уверял, что «цели можно достичь только быстрыми действиями», которые необходимо начать сразу после 10 ноября, поскольку позже это будет уже невозможно.

8 ноября польский министр иностранных дел Юзеф Бек вызвал к себе венгерского посланника Хори и заявил, что Польша уже несколько месяцев выступает в защиту «венгерского дела», имея в виду установление общей венгеро-польской границы. Причем польское правительство действует не только дипломатическим путем, но и весь польский народ поддерживает его. И Бек хотел бы знать, что Венгрия намерена предпринять после 10 ноября. Бек уверил Хори, что он вовсе не желает оказывать давление на венгерское правительство, но из-за существующих между их двумя государствами отношений, тесной кооперации и его искренних дружеских чувств к Венгрии Бек считает, что имеет право просить конкретного ответа на поставленный им вопрос. Это нужно и для того, чтобы согласовать с ним политику Польши, определить дипломатическую работу и свое поведение. Вначале Бек заявил, что, каким бы ни был ответ венгерского правительства в вопросе Русинска, он согласится с ним. Но и венгерское правительство должно понять, что «нам в этом вопросе нужна ясность». Бек предложил Хори несколько вариантов дальнейших действий. Так, например, в Чехословакии сейчас царил хаос, причем не только в Закарпатье, но и по всей стране. Так что Венгрия, используя эту ситуацию,

может незамедлительно решить все вопросы. Бек предлагал и другой вариант – развернуть мощную пропаганду и одновременно вести не очень масштабную, но зато регулярную диверсионную работу. Однако затем обязательно должна была последовать сильнейшая диверсионная акция. И если венгерское правительство считает возможным отложить акцию на более поздний срок, то может вступить в силу обещание гарантии границ Чехословакии, внутри страны может начаться консолидация и т. д., что может потребовать больших жертв и свести к минимуму возможность осуществления венгерского плана вообще.

Министр иностранных дел Венгрии Калман Каня к этому времени уже знал, что его агент в правительстве Подкарпатской Руси – Бродий сидит в пражской тюрьме, а новое правительство во главе с Волошиным в те дни эвакуировалось из Ужгорода в новую столицу Хуст. Поэтому, получив сообщение Хори о ходе переговоров, он 9 ноября в ответной шифрограмме писал: «Не исключено, что сегодняшнее русинское правительство после оккупации Ужгорода и Мукачева попросит ввести венгерские войска для поддержания порядка на оставшейся территории. В таком случае венгерское правительство готово послать туда войска для поддержания порядка и подавить возможное сопротивление». А если нет, то тогда следует продолжить совместную с Польшей диверсионную деятельность. Ввод венгерских войск на территорию Карпатской Украины в случае их приглашения предполагает участие и польских войск, так как война может перекинуться за пределы Закарпатья.

9 ноября венгерский военный атташе в Варшаве Бела Лендьел передал начальнику польского генштаба Вацлаву Стахевичу предложение венгерского генштаба бросить в бой четыре польских корпуса, что, как сообщал Хори, «вызвало здесь большое удивление». В полночь Хори вызвал к себе начальник кабинета Бека Михал Любеньский и зачитал ему директивы, предназначенные для польского посланника в Будапеште Леона Орловского. В директивах говорилось, что Польша считает пожелания Венгрии невыполнимыми. Тогда Хори попросил немедленной аудиенции у Бека. Последний объяснил венгерскому посланнику, что пожелания венгерского генштаба нельзя удовлетворить уже хотя бы из-за невозможности тайно и быстро мобилизовать такое количество польских войск. Просьба эта вызвала удивление и потому что венгерское правительство, ранее считавшее возможным достижение своих целей дипломатическими путями, не предъявляя своих требований на Карпатскую Украину, вдруг требует использовать польские войска по всему фронту.

Бек считал, что использование Польшей военной силы более бы навредило, чем принесло пользу. Однако Польша будет усиливать диверсионную деятельность в Закарпатье, и Бек хотел бы знать, какие конкретные дипломатические шаги намерено предпринять венгерское правительство, чтобы помочь ей в этом. Польское правительство постарается сдержать Румынию, если дело дойдет до вооруженного конфликта с Чехословакией.

Венгерский министр иностранных дел Калман Каня сообщил Хори, что венгерский генштаб просил поддержки четырех польских корпусов только в том случае, если контрнаступление чехословацкой армии не ограничилось бы Закарпатьем, а на Карпатской Руси венгерскому генштабу потребовалась бы помощь только одного польского корпуса.

Однако Бек не особенно поверил Кане и 11 ноября снова спросил у Хори, действительно ли планируется ввод регулярных войск, на что посланник ответил утвердительно.

19 ноября 1938 г. венгерский военный атташе подполковник Ласло Сабо был принят Муссолини. Он проинформировал дуче о плане Венгрии силой захватить все Закарпатье и попросил 100 итальянских истребителей для защиты Будапешта и ряда военных заводов. Венгры боялись ударов чехословацкой авиации. Муссолини пообещал послать в Венгрию 100 истребителей.

Вечером 20 ноября Чиано позвонил Риббентропу, рассказал о намерениях венгерского правительства и запросил Берлин о разрешении на перелет ста итальянских истребителей в Венгрию через австрийскую территорию. Риббентроп возмущенно заявил, что Германия никакого согласия венгерскому правительству не давала, а напротив, советовала Венгрии воздержаться от намеченной акции.

21 ноября германский посол вручил венгерскому правительству ноту, в которой указывалось, что нападение на Закарпатье означало бы нарушение решений «венского арбитража» и тем самым нанесло бы ущерб авторитету двух держав-арбитров. Помимо этого, Германия напоминала о возможности вооруженного сопротивления чехословацкой армии, что ввело бы Венгрию в критическое положение, а Германия в настоящий момент не имеет возможности оказать ей помощь.

Правительство же Карпатской Руси после решения «венского арбитража» перенесло свою столицу из Ужгорода в Хуст и начало налаживать жизнь в оставшемся в составе Чехословакии своем автономном крае. 22 ноября 1938 г. Национальное собрание Чехословацкой республики внесло изменение в конституцию страны, приняв конституционный закон

об автономии Подкарпатской Руси.

Западная пресса широко обсуждала проблемы Закарпатья, показывая при этом полнейшую безграмотность. В связи с этим 23 ноября руководитель отдела печати МИДа Венгрии Бела Сент-Иштвани направил в Берн швейцарскому посланнику Ласло Величу любопытный материал, в котором утверждалось, что украинское движение по своему характеру политическое. Авторы этой статьи под словом «украинец» подразумевали всех малороссов, которые ставили перед собой цель создания сорокамиллионной Великой Украины от Кавказа до Карпат и даже до реки Попрад. Само слово «Украина» означает только «страна», и авторы делают вывод: «Следовательно, слово «украинец» не этническое, а политическое». Далее в статье говорилось, что проживавшее в Югославии, Буковине, Галиции и Подкарпатье население, разговаривавшее на отличавшемся от русского славянском языке, назвало себя руссами, русинами, русияками. В противоположность великороссам, развивавшим язык из московского диалекта, и близко стоявшим к ним белорусам их еще обычно называли малороссами. Средневековые источники называли их «рутенами», и это название восприняли в австрийском и венгерском языках, чтобы отличить их от великороссов.

«Чехословацкое правительство длительное время поддерживало украинское направление, чтобы ослабить русское, за которым стояло и много провенгерских элементов. Все чехословацкие партии, входившие в правительство, за исключением панславистских чешских национальных демократов и партии национальных социалистов склонялись в сторону украинского направления. Так, экспонентом чешской католической народной партии был Августин Волошин, а социал-демократов – Юлий Ревай»^[96].

Замечу, что суждение это несколько поверхностно, но в принципе верно. Еще в Австро-Венгерской империи «украинец» означало приверженец политической партии, а не национальность.

13 января 1939 г. страны оси официально обратились к Венгрии с предложением о присоединении к блоку. Иштван Чаки от имени правительства принял это предложение, поблагодарил явившихся к нему посланников Германии, Италии и Японии и 14 января доложил об этом своему правительству. В тот же день Чаки вместе с премьер-министром Белой Имреди на заседании правительства предложил присоединиться к антикоминтерновскому пакту, и венгерское правительство приняло такое решение.

Польша по-прежнему подталкивала Венгрию к военной акции в

Закарпатье. Дошло до того, что сотрудники польского МИДа в конце 1938 – начале 1939 г. заявляли, что если Венгрия не проявит настойчивости в карпато-украинском вопросе, то Польша сама его решит.

3 января 1939 г. временный поверенный в делах Венгрии в Варшаве Йозеф Криштоффи в своем донесении обратил внимание на то, что в новогоднем номере «Gazeta Polska» за 1939 г. проскользнула мысль, уже высказанная заведующим политическим отделом польского МИДа Тадеушем Кобылянским: Польша сама решит карпато-украинский вопрос.

В конце 1938 – начале 1939 г. Гитлер все еще не решил, что делать с Закарпатьем. Риббентроп, Розенберг, Канарис и их сторонники были за превращение Закарпатья в Пьемонт Великой Украины, плацдарм для похода на восток против СССР, а Константин Нейрат и некоторые другие видные военные, в том числе и Геринг, хотели передать Карпатскую Русь Венгрии и таким образом расширить плацдарм Германии для похода на восток. Гитлер же колебался. С одной стороны, Германия в военном отношении еще не была готова к экспансии, и рейхсканцлер видел своей задачей только вытеснить СССР из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии. Но с другой стороны, после ухода с поста президента Чехословацкой республики Бенеша новое правительство стремилось к установлению с Германией дружественных отношений, и Гитлер в то время учитывал возможность с помощью чехословацкого правительства сделать своим вассалом всю страну, а чтобы чехи стали более покладистыми, он продолжал поддерживать сепаратистские движения в Словакии и Карпатской Украине.

В Польше же набирали силу сторонники захвата всего Закарпатья. Так, 24 февраля 1939 г. группа депутатов и сенаторов польского сейма (всего 16 подписей) из юго-восточной части страны направила военному министру генералу Тадеушу Касижицкому и президенту республики меморандум. 10 марта Касижицкий передал этот текст в МИД Польши. Там посчитали, что меморандум отражает общественное мнение и настроение палат сейма.

Авторы меморандума возмущались: что происходит в Польше? Украинские депутаты подали в сейм требование о предоставлении автономии. Закарпатская Украина с ярым врагом Польши Августином Волошиным превратилась при поддержке Германии в Пьемонт Великой Украины. И если учитывать выступления и статьи Альфреда Розенберга, то Германия пойдет на Польшу для создания Великой Украины. Если Польша заняла бы Закарпатскую Украину тогда, когда Германия – Судеты, то у Волошина не было бы 90 % голосов (на выборах в сейм) и откликов во всем мире с картами Великой Украины, куда включен и Краков.

Этот очаг войны надо потушить. И авторы меморандума предлагали, как именно: «Наше войско и правительство должны занять Закарпатскую Украину. Мы сначала мыслили разделить этот край между Польшей, Румынией и Венгрией, но ход событий убедил нас, что это не решение проблемы и Польша должна занять этот край полностью по следующим причинам.

Во-первых, назревает конфликт оси Берлин – Рим – Токио, как и конфликт Париж – Лондон – Вашингтон. Нам нужно определить, какую позицию занять нам.

Во-вторых, нельзя допустить, чтобы Германия захватила Словакию и Закарпатскую Украину, а также Буковину и Бессарабию. По мнению членов польского сейма, Карпаты – линия обороны лишь в том случае, если обоими склонами их владеет одно государство (Австрия владела Галицией) и для защиты с юга нам нужно занять не только Закарпатскую Украину и Словакию, но и часть Австрии...

Не надо бояться, что захват Закарпатской Украины прибавит Польше новые хлопоты, ибо она представляет угрозу для польской безопасности независимо от того, кому она достанется: Чехословакии, Венгрии или Румынии, которые находятся под влиянием Гитлера. Закарпатская Украина станет безопасной в одном случае – если ее захватит Польша»^[97].

Проблема же с населением решалась просто: где было 6 млн русинов, будет 6,5 млн. Это ровным счетом ничего не меняет. Раз в Польше есть Пинское, Волынское, Тернопольское, Львовское и Станиславское воеводства, населенные в основном украинцами, то будет еще одна аналогичная административная единица. Причем авторы меморандума считали, что это большие хлопоты, но одновременно и еще большие выгоды, куда большие, чем владение колониями.

Далее авторы излагали свои взгляды на экономические выгоды, подчеркивая, что Подкарпатская Русь – «очень богатый край. В Южных Карпатах в долине Тисы много прекрасных уголков отдыха. Минеральные воды. Климат. Около Севлюша, Хуста, Мукачева много винограда и других фруктов. «Подкарпатская Русь может стать большим огородом для Польши». Определяется это в очень многих миллионах злотых.

Богатые леса, две большущие химические фабрики. Соль в Солотвино и другие руды. Гранитовые скалы для строительства дорог. Есть залежи марганца, меди и серебра. Тиса – рыбная река. «Это здоровье, замешанное на золоте».

В меморандуме описывался венгерский гнет, бедность населения – дома без пола, постелей и так далее – и сделан вывод: присоединение

Закарпатской Украины к Венгрии было бы несчастьем для народа, что вызовет будущий бунт.

Когда Польша овладеет Закарпатской Украиной, то она «станет нашим часовым за Карпатами». «Наша армия и администрация были бы глазами и ушами Речи Посполитой».

Поскольку природные богатства этой земли велики, а плотность населения невысока, к тому же край лишен права иметь свою интеллигенцию, так что даже при предоставлении населению полного культурного и хозяйственного развития можно было бы на территории Закарпатской Украины в кратчайший срок поселить по крайней мере 100 тыс. поляков (войско, полиция, администраторы, инженеры, дорожные техники, учителя общих и средних школ, врачи, лесная и пограничная служба, различные общественные службы: железная дорога, почта, банки и так далее. Не менее шахтеров, квалифицированных рабочих, огородников, ремесленников). «Без больших расходов на этой территории можно иметь большие результаты». В случае войны население этой территории увеличило бы мощь «нашей армии». Четыре железнодорожные линии связывают этот край с Польшей. «Живет там очень добрый мирный народ, называется русинами»^[98].

Прошу прощения у читателя за столь подробное изложение польских претензий. Но паны столько вали, что в головах большинства россиян тезис «Польша – жертва германской агрессии» стал аксиомой.

А тем временем в Словакии росло движение за полное отделение от чехов. В начале 1939 г. Гитлер принял решение окончательно расчленив Чехословакию и стал поддерживать словацких сепаратистов. Словацкое правительство выдвинуло ряд требований, а именно: увеличить число мест для Словакии в центральном правительстве, в том числе и в общих министерствах, создать самостоятельную армию и т. д. Но переговоры зашли в тупик, так как чехословацкое правительство посчитало эти требования вымогательством. А 28 февраля 1939 г. в Берлин прибыли с визитом два словацких министра – Фердинанд Дурчанский и Микулаш Пружинский, и это совсем вывело из себя Прагу.

8 марта 1939 г. в Праге начались переговоры между представителями центральной власти и словаками. По выдвигаемым словаками экономическим требованиям еще можно было достичь компромисса. Но чешская сторона потребовала от словацких министров ясного ответа, хотя ли словаки оставаться в составе единого государства и если да, то готовы ли решительно прекратить в Словакии пропаганду отделения. Словаки Сидор и Тепланский ответили, что по этому вопросу нет единства и в

самом словацком правительстве. Часть министров выступают за сохранение связей с Прагой, а остальные – за переход Словакии под протекторат Германии, глава же правительства Йозеф Тисо колеблется.

7-8 марта в Братиславе состоялись переговоры между главой словаков Йозефом Тисо и Артуром Зейс-Инквартом – представителем Германии. Последний предложил Словакии провозгласить независимость и вступить в таможенный и финансовый союз с Германией. Тисо согласился. Началась подготовка к объявлению независимости Словакии, намеченному на 12 марта.

Чешская разведка узнала об этих планах, и президент Чехословакии Гаха отправил в отставку братиславское правительство. Чешские войска заняли основные города Словакии, а в Братиславу вошли танки. Гитлера не устраивало силовое решение вопроса, и он потребовал вывести войска. 10 марта чешские войска были выведены. Власть в Братиславе перешла в руки словацкой гвардии Андрея Глинки. 11 марта было сформировано новое, второе правительство Тисо.

12 марта Гитлер, подражая Цезарю, заявил: «Жребий брошен». На следующий день словацкий премьер был вызван в рейхсканцелярию, где услышал от фюрера следующее заявление: «Чехословакия обязана исключительно Германии тем, что ее не перекроили окончательно». Со стороны рейха «была проявлена исключительная сдержанность», однако чехи не оценили этого. «За последние недели положение стало невыносимым. Опять возродился дух Бенеша», – продолжал Гитлер. Словаки тоже сильно расстроили немецкого канцлера. «После Мюнхена он поссорился со своими друзьями – венграми, не позволив им захватить Словакию, поскольку полагал, что она хочет быть независимой. Сейчас он вызвал Тисо, чтобы выяснить этот вопрос в самые короткие сроки. Вопрос ставился так: хочет Словакия быть независимой или нет? Это вопрос не дней, а часов. Если Словакия хочет быть независимой, он поддержит ее и даже даст ей гарантии. Если она будет колебаться и откажется отделиться от Праги, то судьба ее решится в результате событий, ответственность за которые он не несет», – сказал Гитлер.

Тут вошел Риббентроп и вручил фюреру донесение, в котором говорилось, что венгерские войска начали продвижение к границам Словакии. Гитлер пересказал Тисо содержание донесения и выразил надежду, что Словакия быстро примет решение. Тисо же попросил «извинить его, если после всего сказанного канцлером он не сможет дать ответ сразу», и добавил, что словаки докажут, что они достойны благоволения фюрера.

14 марта 1939 г. Словакия впервые в истории была провозглашена независимым государством. Ее премьер-министром остался Йозеф Тисо, а вице-премьером стал Войтех Тука.

Утром 12 марта Гитлер сообщил венгерскому посланнику в Берлине Стояли о своем согласии на оккупацию Закарпатья венгерскими войсками.

14 марта в 15 часов венгерское правительство через посланника в Будапеште Милоша Кобра передало ультиматум чехословацкому правительству, в котором упомянуло о своем признании независимости Словакии и потребовало в течение 24 часов начать эвакуацию чешских и моравских войск с территории Карпатской Украины, в полной мере обеспечить сохранность имущества венгерских подданных и лиц национальных меньшинств. На выполнение этого ультиматума венгерское правительство давало 12 часов.

В 6 часов вечера 14 марта Августин Волошин выступил в Хусте по радио. Он сказал, что решением словацкого сейма было провозглашение независимости Словакии. В связи с этим изменилось и международное положение Закарпатья, которое «нашим сеймом будет официально провозглашено независимым государством». Но правительство Волошина уже «теперь провозглашает нашу независимость». Прага отреагировала на это отказом защищать Закарпатье.

В тот же вечер Волошин от имени правительства Карпатской Украины отправил в Берлин телеграмму, прося «принять к сведению провозглашение нашей самостоятельности под покровительством Германской империи». Чтобы потянуть время, правительство Германии попросило Волошина направить просьбу в письменном виде, что и было сделано. Но ответа не последовало. В Хусте вновь обратились к Берлину, сообщая, что из-за провозглашения независимости Словакии Карпатская Украина не имеет возможности оставаться в составе Чехословакии.

15 марта в Хусте на заседании сейма была провозглашена независимость Закарпатья, а Волошина избрали его президентом.

В это время президент Чехословакии Гаха попросил Гитлера о встрече. В 22 ч. 40 мин. 14 марта Гаха и министр иностранных дел Чехословакии Хвалюковский прибыли на берлинский вокзал. И уже поздно вечером Гитлер принял их в новом огромном здании рейхсканцелярии. Гитлер сразу же в ультимативной форме потребовал, чтобы Гаха немедленно подписал заранее заготовленный документ, по которому Чехия становилась протекторатом Германии, а Словакия объявлялась самостоятельной. При этом Гитлер заявил Гахе, что германские войска в данный момент уже начали оккупацию Чехословакии.

Гитлер заявил, что «в шесть утра немецкой армии предписано двинуться со всех сторон на территорию Чехии, а немецкой авиации занять чешские аэродромы. При этом возможны два варианта. Если вступление немецких войск встретит сопротивление, то это сопротивление будет подавлено путем применения грубой силы. Если же вступление немецких войск пройдет мирно, то фюреру будет легче предоставить Чехословакии автономию и определенную национальную свободу, а чехам – привычный для них образ жизни...

Это последняя добрая услуга, которую он может оказать чешскому народу... Возможно, визит Гахи предотвратит самое худшее... Время идет. В шесть часов немецкие войска вступят на территорию Чехословакии. Ему неловко говорить об этом, но каждому чешскому батальону противостоит немецкая дивизия. Он посоветовал бы сейчас Гахе с Хвалковским удалиться и обсудить, что делать»^[99].

Но совещаться чехам не потребовалось, и Гаха сразу же ответил Гитлеру, что «положение ясно. Сопротивление было бы безумием. Но что сейчас, в 2 часа ночи, когда до вторжения осталось всего четыре часа, он может предпринять, чтобы чешский народ не оказал сопротивления?» Гитлер нашелся: «Если не подпишете, немецкие бомбардировщики превратят Прагу в кучу мусора и золы!»^[100].

Тут Гахе стало плохо, и он потерял сознание. Явившийся личный врач фюрера доктор Моррель сделал ему укол, после чего президент пришел в себя. Он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы взять телефонную трубку, которую ему вложили в руку, и поговорить с Прагой по каналу, заказанному Риббентропом. Гаха пересказал чешскому правительству разговор с Гитлером и посоветовал немедленно подчиниться требованиям немцев.

15 марта в 3 ч. 55 мин. по берлинскому времени Гаха подписал капитуляцию Чехословакии. Там говорилось: «Берлин. 15 марта 1939 г. Сегодня фюрер принял президента Чехословакии доктора Гаху и министра иностранных дел Чехословакии доктора Хвалковского по их просьбе. На встрече присутствовал министр иностранных дел фон Риббентроп. На встрече, прошедшей в доверительной атмосфере, обсуждалось серьезное положение, сложившееся в Чехословакии в результате событий последних недель. Обе стороны высказали единодушное мнение, что их усилия должны быть направлены на поддержание спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что для достижения этой цели и мирного урегулирования он готов верить судьбу

чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха. Фюрер выслушал это заявление и выразил намерение взять чешский народ под защиту германского рейха и гарантировать ему автономное развитие в соответствии с национальными традициями»^[101].

15 марта в 6 часов утра немецкие войска вступили на территорию Богемии и Моравии. Никакого сопротивления им оказано не было, и уже в тот же вечер Гитлер был в Праге. В своей приветственной речи он заявил: «В течение тысячелетий провинции Богемия и Моравия являлись частью жизненного пространства для немецкого народа... Чехословакия продемонстрировала свою неспособность выжить и пала жертвой распада. Германский рейх не может более терпеть беспорядки на этих землях... Сегодня, следуя закону самосохранения, он полон решимости восстановить основы разумного порядка в Центральной Европе. Тысячелетняя история доказала, что именно на немецкий народ благодаря величию его духа и отличительным качествам возложена эта миссия»^[102].

На следующий день Гитлер объявил о создании протектората Богемия и Моравия, который должен был получить автономию и самоуправление. Это означало, что теперь чехи окончательно попали под власть Гитлера. Вся полнота власти передавалась рейхспротектору, его статс-секретарю и главе гражданской администрации, которые назначались фюрером. Чтобы умиротворить общественное мнение Англии и Франции, Гитлер вспомнил об «умеренном» Нейрате и назначил его протектором. А главой гражданской администрации и статс-секретарем были назначены лидеры судетских нацистов Конрад Генлейн и Карл Герман Фран соответственно.

16 марта Гитлер получил от словацкого премьера Тисо телеграмму. Составлена она была, естественно, в Берлине. И немецкие войска сразу же вошли в Словакию и «взяли ее под защиту» рейха.

18 марта Гитлер прибыл в Вену, чтобы одобрить «Договор о защите», который 23 марта подписали в Берлине Риббентроп и Тука. Договор этот включал в себя секретный протокол, по которому Германия получала право использовать мощности словацкой экономики. Теперь Словакия становилась вассалом Третьего рейха.

Один высокопоставленный французский политик сказал: «Фюрер властвует сегодня над массой в восемьдесят миллионов человек. Прежняя Священная Римская империя германской нации восстановлена. А с Чехией, как говорил Бисмарк, «Германия держит в своих руках всю Европу»^[103].

15 марта британский премьер-министр Чемберлен заявил в палате общин: «Оккупация Богемии германскими вооруженными силами началась

сегодня в шесть часов утра. Чешский народ получил от своего правительства приказ не оказывать сопротивления». Затем Чемберлен сказал, что, по его мнению, гарантия, данная им Чехословакии, уже недействительна, и продолжил: «Таково было положение до вчерашнего дня. Однако оно изменилось, поскольку словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной. Эта декларация дает конец внутреннему распаду государства, границы которого мы намеревались гарантировать, и правительство Его Величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством... Естественно, что я горько сожалею о случившемся. Однако мы не допустим, чтобы это заставило нас свернуть с нашего пути. Будем помнить, что чаяния народов всего мира по-прежнему сосредоточены в надежде на мир»^[104].

15 марта 1939 г. чешские войска начали покидать Закарпатье, куда тремя колоннами уже вступали венгерские войска. Местные ополченцы численностью около четырех тысяч человек пытались остановить венгров в долине реки Тисы. По данным венгерских архивов, в боях русинские ополченцы потеряли 230 человек убитыми и 450 человек пленными. Погибли 160 венгерских военнослужащих и около 400 были ранены.

15 марта правительство Волошина разбежалось. Любопытно, что официально Венгрия объявила о вторжении своих войск в Закарпатье лишь 16 марта. В этот день регент Миклош Хорти официально отдал приказ по войскам о наступлении на Карпатскую Украину, в котором выразил уверенность, что гонимые освободят «русских братьев, вернут их в империю святого Иштвана».

Тут претензии к Закарпатыю вновь предъявили поляки и румыны. Любопытен ответ Вернле – венгерского представителя в Праге: «Венгрия намерена занять всю Русь».

Британский Форин оффис благосклонно отнесся к оккупации Венгрией Закарпатья. Невиль Чемберлен заявил, что после падения Чехословакии это внутренний вопрос Венгрии и они не могут вмешиваться в него. А в июле 1939 г. английское правительство признало аннексию Карпатской Украины Венгрией, считая ее *res judicata*, то есть решенным делом.

Глава 18. Так что же случилось с Чехословакией?

Взгляд советских и нынешних «демократических» историков на развал Чехословакии в 1938–1939 гг. хорошо известен читателю, поэтому я не буду повторять их сентенции. Гораздо интереснее «марксистский» подход к ним Троцкого. 10 октября 1938 г. в статье «Свежий урок» Лев Давыдович писал: «Рая, однако, не наступило. Зато наступило нечто очень похожее на ад. Версальский мир душил Европу. Протекционизм душил хозяйство. Война за «демократию» открыла эру окончательного упадка демократии. Мир стал беднее и теснее. Одно государство за другим сворачивало на путь фашистской или милитаристской диктатуры. Международные отношения становились все более угрожающими. Вместо разоружения пришли такие программы милитаризма, которые накануне прошлой войны показались бы кошмаром. Первые схватки новых кровавых конфликтов разразились уже в разных частях света. Именно этот момент Коминтерн выбрал для того, чтобы отречься от последних остатков интернационализма и провозгласить задачей новой эпохи союз пролетариата с загнивающими империалистскими демократиями «против фашизма»...

Отказ Франции и Великобритании от защиты империалистских интересов чешской буржуазии привел не только к расчленению Чехословакии, но и к крушению ее политического режима. На этом опыте обнаружилось в химически чистом виде, что чехословацкая демократия была не выражением «народной воли», а лишь аппаратом приспособления чешского монополистического капитала к державам-покровительницам. Как только отпало военное покровительство, демократический механизм оказался не только не нужен, но и вреден, ибо угрожал лишними трениями с Гитлером. Верхушка чешской буржуазии немедленно же создала новый аппарат империалистического приспособления в виде военной диктатуры...

Во время критической сентябрьской недели раздавались, как передают, голоса даже на левом фланге социализма в том смысле, что в случае «единоборства» между Чехословакией и Германией пролетариат должен будет хотя бы и в союзе с Бенешем помочь Чехословакии спасти свою «национальную независимость». Этот гипотетический случай не наступил: герои чехословацкой независимости, как и следовало ожидать,

капитулировали без боя. Нельзя, однако, в интересах будущего не отметить здесь грубейшую и опаснейшую ошибку несвоевременных теоретиков «национальной независимости».

Даже помимо своих международных связей Чехословакия представляет насквозь империалистское государство. Экономически в ней царит монополистский капитал. Политически чешская буржуазия господствует (скоро надо будет, может быть, сказать: господствовала) над несколькими угнетенными национальностями. Война даже со стороны изолированной Чехословакии велась бы, таким образом, не за национальную независимость, а за сохранение и, если возможно, расширение границ империалистской эксплуатации.

Войну между Чехословакией и Германией, даже если бы другие империалистские государства не вмешались сразу, недопустимо было бы рассматривать вне того переплета европейских и мировых империалистских отношений, из которых эта война могла вспыхнуть как эпизод. Месяцем или двумя позже чешско-немецкая война – если бы чешская буржуазия хотела и могла воевать – вызвала бы почти неминуемо вмешательство других государств. Было бы поэтому для марксиста грубейшей ошибкой определять свою позицию на основании сегодняшних конъюнктурных дипломатических и военных группировок, а не на основании общего характера социальных сил, стоящих за этой войной.

Сотни раз мы повторяли незаменимый и неоценимый тезис Клаузевица: война есть продолжение политики другими средствами. Чтобы определить в каждом конкретном случае исторический и социальный характер войны, надо руководствоваться не впечатлениями и гаданиями, а научным анализом той политики, которая предшествовала войне и обусловила ее. Эта политика, начиная с первого дня образования лоскутной Чехословакии, имела империалистский характер.

Можно возразить, что, помимо отделения судетских немцев, венгров, поляков, может быть, и словаков, Гитлер не остановится перед закабалением самих чехов и что в этом случае их борьба за национальную независимость будет иметь все права на поддержку пролетариата. Такая постановка вопроса не что иное, как социал-патриотический софизм. Какими конкретными путями пойдет дальнейшее развитие империалистских антагонизмов, мы не знаем. Полный разгром Чехословакии, конечно, вполне возможен. Но возможно и то, что, прежде чем этот разгром успеет совершиться, вспыхнет европейская война, в которой Чехословакия окажется на стороне победителей и примет участие в новом расчленении Германии. Неужели же роль революционной партии

есть роль сиделки при «пострадавших» гангстерах империализма?...

Империалистская война, с какого бы угла она ни началась, будет вестись не из-за «национальной независимости», а ради передела мира в интересах отдельных клик финансового капитала. Это не исключает того, что попутно империалистская война может улучшить или ухудшить положение той или другой «нации»; точнее сказать, одной нации за счет другой...

Муссолини и его ближайшие сотрудники являются, надо думать, атеистами, то есть не верят ни в Бога ни в черта. Великобританский король и его министры погрязают в средневековых предрассудках и верят даже в чертову бабушку. Это не значит, однако, что война между Италией и Англией будет войной науки против религии. Атеист Муссолини будет изо всех сил разжигать религиозные страсти мусульман. Благочестивый протестант Чемберлен будет, с своей стороны, искать помощи папы и т. д. Республика в календаре человеческого прогресса стоит выше монархии. Значит ли это, что война республиканской Франции, скажем, против монархической Голландии из-за колоний была бы войной республики против монархии? Мы уже не говорим о том, что в случае национальной войны тунисского бея против Франции прогресс был бы на стороне варварского монарха, а не республики. Гигиена занимает важное место в человеческой культуре. Однако, когда дело идет об убийстве, вопрос о том, вымыл ли убийца предварительно руки, не имеет решающего значения. Подменять реальные цели враждебных империалистских лагерей политическими или моральными абстракциями значит не бороться за демократию, а помочь хищникам маскировать захваты, грабежи и насилия. В этом и состоит сейчас главная функция Второго и Третьего Интернационалов.

Подавив советские массы и порвав с политикой международной революции, кремлевская клика стала игрушкой империализма. Во всем основном дипломатия Сталина за последние пять лет была только отражением и дополнением дипломатии Гитлера. В 1933 г. Сталин изо всех сил навязывался Гитлеру в союзники. Но протянутая рука оказалась отвергнута, так как Гитлер в поисках дружбы Англии выступал как спаситель Германии и Европы от большевизма. Тогда Сталин поставил своей задачей доказать капиталистической Европе, что Гитлер ей не нужен, что большевизм не заключает в себе никакой опасности, что правительство Кремля есть домашнее животное, которое умеет стоять на задних лапах. Так, отталкиваясь от Гитлера, вернее, оттолкнутый им, Сталин стал постепенно лакеем и наемным убийцей на службе стран сытого

империализма».

Ну что ж, если отбросить патологическую ненависть Льва Давыдовича к Сталину и вообще к советской стране, то нельзя не отметить, что в «Свежем уроке» содержатся дельные мысли. Вспомним предсказание Троцкого, что Чехословакия может оказаться в стане победителей и участвовать в разделе Германии. Так и случилось в 1945 г. Миллионы немцев были депортированы из Судет, а тысячи или скорее десятки тысяч мирных жителей убиты чешскими «партизанами последнего дня»^[105].

Англия и Франция запутались в своих политических планах. Им всегда было плевать на титульную нацию лимитрофов, созданных Версальским договором, то есть на поляков, чехов, литовцев и т. д. Германия и Россия поднялись с колен, и теперь западные правительства просто не знали, что делать. Красная Армия при нейтралитете, то есть даже без помощи Запада, осенью 1938 г. могла покончить с польской и германской армиями. Но такой вариант событий меньше всего устраивал Лондон и Париж.

Версальская система не могла не рухнуть, и теперь развитие событий в Восточной Европе могло пойти по двум сценариям: или Германия и Россия наведут там свой порядок, то есть вернут свои позиции 1914 г., или эти обе великие державы начнут войну между собой. Понятно, что Лондон и Париж жаждали именно второго варианта. Их дипломаты и разведчики делали все, чтобы вновь столкнуть лбами Германию и Россию.

Глава 19. Польский вопрос

Зимой 1938/1939 г. германское и польское правительства вели переговоры о военном союзе, направленном против СССР.

28 декабря 1938 г. в беседе советника посольства Германии в Польше Рудольфа фон Шелии с только что назначенным посланником Польши в Иране Я. Каршо-Седлевским последний заявил: «Политическая перспектива для европейского востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определенно стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения. Он, Каршо-Седлевский, подчинит свою деятельность в качестве польского посланника в Тегеране осуществлению этой великой восточной концепции, так как необходимо в конце концов убедить и побудить также персов и афганцев играть активную роль в будущей войне против Советов».

В декабре 1938 г. был составлен доклад 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска Польского, где говорилось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России»^[106].

26 января 1939 г. в состоявшейся в Варшаве беседе с министром иностранных дел Германии Риббентропом министр иностранных дел Польши Юзеф Бек заявляет: «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю».

Однако эти переговоры с германской стороны были блефом, о чем поляки догадались лишь в конце марта.

20 марта 1939 г. министру иностранных дел Литвы Юозасу Урбшису был вручен так называемый «ультиматум Риббентропа» – требования Германии вернуть Мемельскую область. В противном случае немцы грозили восстанием местных «фольксдойче», а если хоть один из них будет убит в ходе беспорядков, то в Литву войдут части вермахта. На следующий

день Сметона принял условия Риббентропа. 22 марта германо-литовский договор о воссоединении Мемельской области с Германией был подписан.

Посланник Литвы в Москве Ю. Балтрушайтис сообщил о подробностях этих переговоров наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову 29 марта 1939 г.: «Риббентроп обращался с Урбшисом весьма грубо, вручив ему проект соглашения и потребовав немедленного подписания. Когда Урбшис стал возражать, Риббентроп заявил, что Ковно будет сровнен с землей и что у немцев все для этого готово»^[107].

Между тем сам Гитлер утром 22 марта прибыл на «карманный» линкор «Дойчланд» и вышел в море из Свинемюнде курсом на Мемель. В 1 ч. 30 мин. 24 марта на «Дойчланде» уже в море получили радиogramму о подписании договора. Утром броненосец вошел в Мемель. Гитлер с триумфом въехал в город и в 14 ч. 30 мин. выступил в местном театре с речью.

Любопытно, что правительство Литвы решило обратить потерю Клайпеды в свою пользу. 4 мая 1939 г. литовский посланник в Берлине Казис Шкирпа по заданию литовского правительства обсудил с начальником отдела Прибалтики в МИДе Германии В. Грундхерром вопрос о возвращении Литве Виленской области в случае начала германо-польской войны.

23 марта 1939 г. был заключен германо-румынский договор «Об укреплении экономических связей». Теперь поставки нефти и продовольствия из Румынии были гарантированы рейху. Это было крайне важно, поскольку почти весь товарооборот Румынии и Германии шел по Дунаю или по железным дорогам, то есть морская блокада союзников не могла быть эффективной. В эти же дни победой Франко закончилась Гражданская война в Испании.

События в Восточной Европе не могли не произвести отрезвляющего воздействия на дипломатов Англии и Франции. Уже 6 февраля 1939 г. Чемберлен поспешил смягчить свое неуклюжее декабрьское заявление о том, будто бы Англия не имеет договорных обязательств об оказании помощи Франции. «Общность интересов, связывающих Францию и нашу страну, такова, – заявил глава английского правительства, – что всякая угроза жизненным интересам Франции, откуда бы она ни исходила, неизбежно заставила бы нашу страну немедленно прийти на помощь Франции».

21 марта 1939 г. в Лондон прибыл французский президент Лебрен. На следующий же день, 22 марта, британское и французское правительства обменялись нотами, содержащими взаимные обязательства об оказании

друг другу помощи в случае нападения на одну из стран.

В статье, опубликованной 9 марта 1939 г. в газете «Daily Telegraph and Morning Post», Черчилль писал: «От Балтики и до Черного моря развернулось широкое движение за решительное сопротивление агрессивным устремлениям Германии. Теперь страны Восточной Европы, полностью сознавая опасность, которая им грозит со стороны Германии, проявляют готовность встать на защиту своей независимости».

Черчилль указывал, что самым могущественным фактором в борьбе против германской агрессии является СССР. «Мы, – писал он в той же статье, – быть может, не в состоянии еще взвесить и учесть всю силу и мощь Советского Союза; но нет никакого сомнения в том, что СССР – огромное государство, которое неуклонно проводит политику мира».

Как уже говорилось, западная разведка и СМИ всеми силами пытались спровоцировать германо-советский конфликт. По этому поводу в «Правде» 22 марта 1939 г. было опубликовано сообщение ТАСС: «Заграничная печать распространяет слух, будто советское правительство предлагало Польше и Румынии свою помощь на случай, если они сделаются жертвами агрессии. ТАСС уполномочен заявить, что это не соответствует действительности. Ни Польша, ни Румыния за помощью к советскому правительству не обращались и о какой-либо угрожающей им опасности его не информировали. Верно лишь то, что 18-го сего месяца британское правительство, уведомив советское правительство, что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией, запрашивало о возможной позиции советского правительства при такой эвентуальности. Советское правительство в ответ на этот вопрос выдвинуло предложение о созыве совещания представителей наиболее заинтересованных государств, а именно Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР. Такое совещание, по мнению советского правительства, давало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников. Британское правительство нашло, однако, это предложение преждевременным».

Со своей стороны англичане 18 марта запросили правительство СССР, согласно ли оно подписать совместную декларацию правительств Англии, Франции, СССР и Польши против агрессии и предусмотреть в ней обязательства консультации между этими странами. Правительство СССР ответило, что «такая декларация не решает вопроса». Тем не менее оно не возражало и против декларации.

Вскоре в Лондоне было официально объявлено, что проект декларации четырех держав будет обсужден с польским министром иностранных дел

Беком, когда он прибудет в Лондон. Но польское правительство отказалось подписать декларацию. Английская дипломатия ничего не предприняла, чтобы побудить Польшу изменить такую позицию. Обсуждение проекта декларации было отложено. В связи с этим даже консервативная печать в Англии отмечала «комизм положения», когда министр иностранных дел Галифакс 19 марта отказался принять советское предложение о созыве совещания шести миролюбивых держав на том основании, что созыв такой конференции будет затяжным делом. Между тем через неделю после отказа Бека подписать декларацию тот же Галифакс предложил отложить обсуждение проекта «немедленных и срочных действий» еще на 10 дней.

Как выяснилось тогда же из бесед Чемберлена и Галифакса с приехавшим в Лондон французским министром иностранных дел Боннэ, последний также не был расположен подписывать общий с Советским Союзом документ. Боннэ уверял Чемберлена, что в интересах безопасности гораздо более необходимо укрепить англо-французский союз, чем заключать какие бы то ни было блоки с СССР. Эти внушения встречали в Форин оффис сочувственный прием. 23 марта 1939 г. в ответ на запрос в палате общин Чемберлен заявил, что правительство Великобритании не намерено вступать в блоки со странами, имеющими специфический внутренний режим. Заявление Чемберлена означало, что его дипломатия воздерживается от сближения с Советским Союзом якобы из соображений идеологического порядка.

31 марта Чемберлен заявил в палате общин, что в случае, если Польша подвергнется нападению и сочтет необходимым оказать сопротивление, Англия выступит ей на помощь. 3 апреля Чемберлен подтвердил и дополнил свое заявление парламенту. Он сообщил, что на помощь Польше против агрессора вместе с Англией выступит и Франция. В этот день в Лондоне уже находился польский министр иностранных дел Бек. В результате его переговоров с Чемберленом и министром иностранных дел лордом Галифаксом английский премьер выступил 6 апреля в парламенте с новым сообщением. Он заявил, что между Англией и Польшей достигнуто соглашение о взаимной помощи.

21 марта 1939 г. германское правительство предложило Варшаве заключить новый договор. Суть его состояла в трех пунктах. Во-первых, возвращение Германии города Данцига с окрестностями. Во-вторых, разрешение польских властей на строительство в «Польском коридоре» экстерриториальной автостреды и четырехколейной железной дороги. Это было крайне необходимо для экономики Восточной Пруссии, которая, согласно Версальскому договору, была связана с остальной Германией или

по морю, или через польскую территорию. Причем в 1930-е гг. поляки год от года увеличивали сборы за проезд. (Уж больно ситуация напоминает положение Калининграда в 2008 г.!)

Третьим пунктом немцы предложили полякам продление действия существовавшего германо-польского пакта о ненападении еще на 15 лет.

Нетрудно понять, что германские предложения никак не затрагивали суверенитет Польши и не ограничивали ее военную мощь. Данциг и так не принадлежал Польше и был населен в подавляющем большинстве немцами. А строительство автостреды и железной дороги было в общем-то рутинным делом.

Тем не менее 26 марта правительство Бека отвергло германские предложения. Мало того, в Польше были призваны три возраста резервистов.

«Людей охватил энтузиазм. В тот же день демонстранты выбили стекла в домах некоторых немцев в Познани и Кракове, а также в здании немецкого посольства в Варшаве. Участники демонстрации перед зданием посольства кричали: «Долой Гитлера! Долой немецких псов! Да здравствует польский Данциг!» Ходили слухи, что в Верхней Силезии уже начались бои. Многие считали войну неизбежной. Почти никто не сомневался в том, какую позицию займет в этом случае немецкое национальное меньшинство.

28 апреля 1939 г. Гитлер объявил о расторжении польско-германского пакта о ненападении.

Первыми жертвами неизбежной реакции Польши на данное событие снова оказались местные немцы. Немецкие сельскохозяйственные кооперативы были распущены, ряд немецких школ (их и до этого уже было немного) закрыли, местные немцы – активисты культурных учреждений – были арестованы. В середине мая в одном из городков, где на 40 тыс. поляков приходилось 3000 немцев, во многих немецких домах перебили утварь, разгромили несколько магазинов. В середине июня были закрыты все немецкие клубы, еще продолжавшие действовать к тому времени»^[108].

15 апреля 1939 г. через своего посла в Москве Чемберлен запросил советское правительство, согласно ли оно дать односторонние гарантии Польше и Румынии?

17 апреля 1939 г. Литвинов вручил британскому послу официальное предложение советского правительства. В нем говорилось:

«Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5-10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против

любого из договаривающихся государств.

Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств...

Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия».

По этому поводу Уинстон Черчилль писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: «Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею» – или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути».

4 мая 1939 г. Черчилль опубликовал заявление: «Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без содействия со стороны России. Самое главное – нельзя терять времени».

В ходе дебатов в парламенте Черчилль сказал: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским советским правительством? Единственная цель союза – оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении? Почему вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну!.. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней по мере возможности...»

16 мая консерватор Адаме выступил в палате общин с запросом, «намерено ли английское правительство заключить пакт о взаимопомощи и взаимной гарантии между Англией, Францией и Россией?» Чемберлен уклонился от ответа. Не ответил он и на запрос депутата Нокса: «Обеспечивают ли Англия и Франция совместные гарантии для защиты независимости и целостности Советской России против агрессии?» Когда депутат Будби попробовал добиться разъяснения, почему столь важные переговоры с СССР ведутся дипломатическим путем, а не путем личных встреч между руководителями обеих стран, Чемберлен не промолвил ни слова.

На заседании палаты общин 19 мая лейборист Дальтон спросил Чемберлена: «Не будет ли целесообразнее для ускорения переговоров, медлительность которых вызывает беспокойство, послать в Москву

Галифакса, чтобы он мог непосредственно вести переговоры с Молотовым?»

Вопрос Дальтона приобретал особую остроту, ибо напоминал, что сам Чемберлен, Галифакс и другие представители английского правительства не раз совершали паломничества к Гитлеру. Что касается Москвы, то английское правительство явно предпочитало вести там переговоры через посредство второстепенных уполномоченных.

Под новым градом запросов премьер наконец разомкнул свои уста:

– Я должен быть осторожным и не допускать ничего такого, что осложняет положение, – заявил он. – То, что я сказал, обозначает, что нам приходится обращаться не к одному лишь русскому правительству. Мы должны иметь в виду и правительства других стран.

Реплика с места: – Италии?

Чемберлен: – Больше мне нечего сказать.

Ллойд Джордж: – Однако крайне важно знать, какие же намечены пути?

Чемберлен: – Это важно для Ллойда Джорджа.

Ллойд Джордж: – Это бессмыслица. Это важно для страны, при чем тут Ллойд Джордж?»

«Без России, – доказывал Ллойд Джордж, выступая в тот же день в прениях по внешней политике в палате общин, – наши гарантии Польше, Румынии и Греции являются безрассудными». По мнению оратора, положение Англии при данной обстановке хуже, чем оно было в 1914–1918 гг. Тогда можно было мобилизовать миллион бельгийских солдат для использования их в Египте, Палестине и Месопотамии. Тогда одна Франция могла выставить 500 тыс. солдат из Индокитая. Теперь ни Англия, ни Франция не имеют таких ресурсов. «Как мы сможем воевать без России, – вопрошал Ллойд Джордж, – если Япония на этот раз будет против нас? Вы нуждаетесь в СССР, – обращался оратор к скамьям правительства, – но вы не хотите союза с ним».

«Не только должно быть принято полное сотрудничество с Россией, – вторил этим выступлениям Черчилль, – но и прибалтийские страны – Латвия, Эстония и Финляндия – должны присоединиться к пакту. Эти страны с их двадцатью дивизиями могут получить дружественную русскую поддержку оружием и другими видами помощи. Нет иного способа поддержать Восточный фронт, кроме активного содействия России».

Отвечая на возражения оппозиции, Чемберлен с раздражением заявил: «Мы не собираемся покупать мир ценой таких уступок, которые ведут к дальнейшим требованиям».

26 мая 1939 г. Ллойд Джордж выступил во французской газете «*Le Soir*» с резкой статьей, обвиняя Чемберлена и Галифакса в прямом нежелании заключить соглашение с Советским Союзом. «Чемберлен ездил в Рим, – возмущался Ллойд Джордж, – чтобы посетить Муссолини и почтить его официальным признанием захвата Эфиопии, а также чтобы сказать ему, что не станет чинить препятствий итальянской интервенции в Испании. Почему же в Москву послан лишь один чиновник Форин оффис, который представляет Англию в столь могущественной стране, предложившей нам свою помощь? На это может быть дан только один ответ: Невиль Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желают никакого соглашения с Россией»^[109].

Под влиянием все возраставшей оппозиции англо-французские уполномоченные в Москве получили 27 мая 1939 г. инструкцию форсировать переговоры.

1 июля 1939 г. французский министр иностранных дел Жорж Боннэ обратился к Гитлеру с нотой, переданной через германского посла в Париже Вельчека. Нота предупреждала, что насильственное изменение status quo в Данциге вызовет вооруженное сопротивление Польши, а это повлечет за собой применение франко-польского соглашения о взаимной помощи.

Риббентроп ответил на французскую ноту письмом, в котором напоминал о германо-французской декларации от 6 декабря 1938 г. Эта декларация предусматривала «необходимость взаимного уважения жизненных интересов обеих стран». Ссылаясь на свои переговоры с Боннэ в Париже в день опубликования франко-германской декларации, Риббентроп писал: «Я настойчиво указывал на Восточную Европу как на сферу немецких интересов; вы же, в полном противоречии с вашими нынешними утверждениями, подчеркивали тогда со своей стороны, что позиция Франции в отношении восточноевропейских вопросов со времени Мюнхенской конференции существенно изменилась». Риббентроп нагло упрекал Боннэ в прямой «измене». Он заявлял, что Германия решительно отклоняет «вмешательство Франции в сферу немецких жизненных интересов». На этом основании германское правительство не находит возможным обсуждать с французским правительством вопросы немецко-польских отношений. Если же Франция будет поддерживать Польшу в данцигском вопросе, то фюрер преисполнен решимости «защищать немецкие интересы всеми средствами, находящимися в его распоряжении».

23 июля 1939 г. советское правительство предложило немедленно начать переговоры о заключении военной конвенции. Хотя Англия и

Франция были вынуждены согласиться на посылку своих военных миссий, последние не торопились с приездом и прибыли в Москву только 11 августа. Английская миссия не имела полномочий от своего правительства для подписания соответствующих соглашений. Она состояла из второстепенных лиц и имела инструкции «свести военное соглашение к возможно более общим условиям».

Иную позицию занимала советская делегация, возглавляемая К.Е. Ворошиловым. Она заявила, что СССР готов выставить против агрессора 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5000 тяжелых орудий, 9-10 тыс. танков, 5–5,5 тыс. бомбардировщиков и истребителей. В ответ английская делегация указала, что Англия сможет выставить лишь пять пехотных и одну моторизованную дивизию. Советский план предусматривал, что в случае нападения Германии на Англию и Францию Советский Союз выставит 70 % от вооруженных сил, выставленных Англией и Францией против Германии.

В случае нападения Германии на Польшу и Румынию Советский Союз обязывался послать столько же войск, сколько Англия и Франция, а Польша и Румыния – все свои силы.

В случае нападения Германии на Советский Союз через Финляндию, Латвию или Эстонию Англия и Франция должны будут послать 70 % от количества сил, выставленных СССР, и немедленно выступят против агрессора; Польша также примет участие в боевых операциях.

Советская делегация подчеркнула, что Советский Союз, не имеющий общих границ с Германией, может оказать помощь Англии, Франции, Польше и Румынии только при условии прохода его войск через территорию Польши и Румынии. Однако Англия и Франция не считали необходимым оказать воздействие на Польшу, чтобы преодолеть ее упорный отказ в случае войны с Германией пропустить советские войска через свою территорию.

Нежелание Польши в столь ответственный момент пропустить советские войска объясняется двумя причинами. Во-первых, это боязнь восстания белорусов и украинцев, которые при виде советских танков пошлют помещиков и осадников к известной матери.

18 августа французский министр иностранных дел Боннэ запросил польского посла в Париже Ю. Лукасевича о причинах отказа в пропуске советских войск. Тот ответил, что «Бек никогда не позволит русским войскам занять те территории, которые мы у них забрали в 1921 г. Пустили бы вы, французы, немцев в Эльзас-Лотарингию?» На это Боннэ заметил, что угроза столкновения с Германией делает «для вас необходимой помощь

Советов». В ответ Лукасевич заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!» Тем не менее он пообещал передать запрос французского правительства в Варшаву. А на следующий день, 19 августа, Бек заявил французскому послу, что «у нас нет военного договора с СССР, мы не хотим его иметь».

Вот и вторая причина отказа – «польская кавалерия за неделю возьмет Берлин!» Только этим можно объяснить одновременный отказ от помощи СССР и новый этап польского давления на Данциг.

Как писал Оскар Райле: «Еще 29 июля вольный город направил Польше ноту протеста, в которой предъявил претензии польским таможенникам, увлекавшимся рукоприкладством. Одна данцигская газета воспользовалась случаем, чтобы потребовать применения репрессий против польских таможенников, при исполнении своих служебных обязанностей выходивших за предписанные им по договору рамки.

Ходацкий, дипломатический представитель Польши в Данциге, по согласованию с министром иностранных дел Беком в ответ на это вручил 4 августа 1939 г. президенту сената вольного города ультиматум. В нем говорилось, что Польша перекроет импорт всех иностранных продуктов питания в Данциг, если правительство вольного города до 18 часов 5 августа не даст твердого согласия, что в будущем оно никогда не станет вмешиваться в дела польских таможенников. Впрочем, последние в дальнейшем при исполнении своих обязанностей в Данцигской области будут носить оружие.

Содержание ультиматума означало не более не менее как угрозу, что Польша намеревается взять измором население вольного города Данцига, если его правительство не выполнит польских требований, поскольку в области вольного города производилось небольшое количество продуктов питания для населения.

По требованию Гитлера Грейзер, президент сената вольного города, следующим утром встретился с дипломатическим представителем Польши и заявил ему, что данцигское правительство подчиняется ультиматуму. Гитлер опасался, что ультиматумом Польша желает спровоцировать конфликт с Германией, и пока пытался сохранить мир...

6 августа, в День легионов Пилсудского, польский маршал Рыдз-Смиглы произнес в Кракове большую праздничную речь. Он заверил, что Польша готова отвечать за все последствия в споре вокруг Данцига. Тогда толпа как по команде закричала: «Отдайте нам Данциг! Отдайте нам Данциг!» Годами ведшаяся психологическая война против Германии переживала апогей...

14 августа польские власти начали массовые аресты немцев в Верхней Силезии. Тысячи арестованных в принудительном порядке отправлялись в глубь страны. Тысячи других пытались бежать в Германию. Немецкие предприятия и благотворительные организации закрывались, немецкие общества потребкооперации и торговые объединения распускались. Панический страх охватил всех немцев, пока еще проживающих в Польше»^[110].

С какими же силами поляки собирались идти на Берлин?

В феврале 1939 г. польское командование приступило к разработке плана войны с Германией, получившего кодовое название «Захуд». По этому плану предусматривалось развернуть 39 пехотных дивизий, 3 горнопехотные, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованные бригады.

Все польские войска были объединены в семь армий и четыре отдельные оперативные группы. На границах Восточной Пруссии на рубежах рек Бобр, Нарев и Висла была развернута группа «Нарев» (командующий генерал Ч. Млот-Фиялковский) в составе двух пехотных дивизий, Сувалковской и Подлаской кавалерийских бригад. В районе Млавы – армия «Модлин» (командующий генерал Э. Пшедзимирский-Крукович) в составе четырех пехотных дивизий, Новогрудской и Мазовецкой кавалерийских бригад и двух бронепоездов № 15 «Смерч» и № 13 «Генерал Соснковский». Каждый бронепоезд имел в своем составе по две бронедрезины «Татра». У них в тылу располагалась оперативная группа «Вышкув» в составе трех пехотных дивизий. Эти группировки должны были не допустить вторжения немецких войск, наступавших из Восточной Пруссии.

В «Польском коридоре» развертывалась армия «Поможе» (командующий генерал В. Бортновский) в составе пяти пехотных дивизий, Поморской кавалерийской бригады и бронепоезда № 14 «Падеревский» с задачей удерживать Данциг и не допустить прорыва войск противника на соединение с группировкой в Восточной Пруссии.

На границе с Германией развертывались (с севера на юг) армия «Познань» (командующий генерал Т. Кутшеба) в составе четырех пехотных дивизий, Великопольской и Подольской кавалерийских бригад, двух бронепоездов № 11 «Данута» и № 12 «Познанский», армия «Лодзь» (командующий генерал Ю. Руммель) в составе четырех пехотных дивизий, Волынской и Кресовской кавалерийских бригад, бронепоездов № 52 «Пилсудский» и № 53 «Смелый»; и самая мощная армия «Краков» (командующий генерал А. Шиллинг) в составе шести пехотных дивизий,

Краковской кавалерийской бригады, 10-й кавалерийской бронебригады и двух бронепоездов № 51 «Маршалок» и № 54 «Грозный».

Во втором эшелоне в районе Томашув-Любельский, Кельце разворачивалась армия «Пруссы» (командующий генерал С. Домб-Бернацкий) в составе шести пехотных дивизий, Виленской кавалерийской бригады и бронепоезда «Бартош Гловацкий».

Южную границу Польши охраняла армия «Карпаты» в составе трех резервных пехотных дивизий и формируемой бронебригады. В резерве главного командования в районе Модлин, Варшава, Люблин находилась армия «Люблин» (командующий генерал Пискор) в составе трех пехотных дивизий и Варшавской моторизованной бригады. В некоторых источниках она называется группой генерала Пискора.

На востоке была организована оперативная группа «Полесье» (командующий бригадный генерал Ф. Клееберг), которая должна была прикрыть Польшу со стороны границы с СССР. Внутри армий образовывались свои оперативные группы, обычно в составе двух пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады.

Согласно плану, Польша к началу войны должна была отмотилизовать тридцать кадровых, девять резервных пехотных дивизий, пять пехотных и одиннадцать кавалерийских бригад и две бронемотоброты, что должно было составить около полутора миллионов человек. Но к 1 сентября 1939 г. численность польских войск составляла 840 тыс. человек. Не успели полностью отмотилизоваться 21-й батальон легких танков, три роты танков сопровождения, два бронепоезда и более двадцати соединений пехоты и кавалерии.

Любопытно, что и наши, и польские авторы, описывая войну 1939 г., все, как один, молчат о польском химическом оружии. Лишь в закрытом отчете интенданта 1-го ранга П.Д. Фадеева о подъеме судов польской флотилии рассказывается о подъеме стальной баржи К-13, принадлежавшей Пинской флотилии и затопленной поляками на 71-м км Припяти. Там водолазы ЭПРОНа обнаружили большое количество химических снарядов. Еще одна минно-химическая баржа с отравляющим веществом была поднята в октябре 1939 г. силами Днепровской военной флотилии. Это была самоходная баржа «Матва» (бывшая К-5) водоизмещением 61 т. Баржа была оснащена одним бензиновым двигателем мощностью 120 л. с. и имела скорость 13 км/час. Вооружение ее составлял один 13,2-мм пулемет. На барже размещалось 160 речных мин типа «Рыбка» (еще из запасов русского Военного ведомства), а также склад химических снарядов и другого химического вооружения. Так что есть все

основания полагать, что к 1 сентября 1939 г. польская армия была готова применить химическое оружие против СССР.

Польские генералы утверждали, что они готовы к войне.

Глава 20. Московский договор

29 июня 1939 г. газета «Правда» опубликовала большую статью под названием «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Там говорилось: «Англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии зашли в тупик. Несмотря на предельную ясность позиции Советского правительства, несмотря на все усилия советского правительства, направленные на скорейшее заключение пакта о взаимопомощи, в ходе переговоров не заметно сколько-нибудь существенного прогресса...

Англо-советские переговоры в непосредственном смысле этого слова, то есть с момента предъявления нам первых английских предложений 15 апреля, продолжаются уже 75 дней, из них советскому правительству потребовалось на подготовку ответов на различные английские проекты и предложения 16 дней, а остальные 59 ушли на задержку и проволочки со стороны англичан и французов. Спрашивается: кто же в таком случае несет ответственность за то, что переговоры продвигаются так медленно, как не англичане и французы?

Известно далее из практики заключения международных соглашений, подобных англо-франко-советскому, что та же самая Англия заключила пакт о взаимопомощи с Турцией и Польшей в течение очень короткого времени. Отсюда следует, что, когда Англия *пожелала* заключить договоры с Турцией и Польшей, она сумела обеспечить и надлежащие темпы переговоров...

Не так давно польский министр иностранных дел Бек в интервью, данном им одному французскому журналисту, между прочим, совершенно недвусмысленно заявил, что Польша ничего не требовала и ни о чем не просила в смысле предоставления ей каких бы то ни было гарантий от СССР и что она вполне удовлетворена тем, что между Польшей и СССР имеется недавно заключенное торговое соглашение. Все это говорит о том, – заключал автор статьи, – что англичане и французы хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они тоже за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдет, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на

такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру».

Под статьей стояла подпись: «Депутат Верховного Совета СССР А. Жданов», то есть формально это была точка зрения отдельного депутата. Но Андрей Александрович Жданов был еще и секретарем Ленинградского обкома ВКП(б), а также членом Политбюро. Ясно, что на публикацию статьи Жданов не мог не получить санкции Сталина. Как видим, и содержание, и тон статьи должны были служить серьезным предупреждением правительствам Англии и Франции, но, увы, были ими проигнорированы.

В конце мая 1939 г. Япония начала наступление на реке Халхин-Гол. Советское правительство всеми силами старалось избежать тотальной войны с Японией, поэтому и МИД, и контролируемая властями пресса именовали бои на Халхин-Голе провокациями, в крайнем случае конфликтом. На самом деле это была война, вполне сравнимая по масштабам с германско-польской войной в сентябре 1939 г. На реке Халхин-Гол Красная Армия использовала танков больше, чем их было во всей польской армии. Потери японцев в два раза превышали потери германской армии в сентябре 1939 г.

13 июля министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп отправил письмо министру иностранных дел Франции, в котором говорилось: «На историческое, исключительное по своему значению предложение фюрера об урегулировании вопроса о Данциге и об окончательной консолидации германо-польских отношений правительство Польши ответило угрозами начать войну, которые можно охарактеризовать лишь как странные. В данный момент невозможно понять, окажется ли польское правительство благоразумным и пересмотрит ли оно эту своеобразную позицию. Однако до тех пор пока Польша занимает такую неразумную позицию, здесь можно только сказать, что на любое нарушение Польшей территориальной целостности Данцига или на любую несовместимую с престижем Германской империи провокацию со стороны Польши ответом будет немедленное выступление германских войск и уничтожение польской армии».

18 июля немцы в очередной раз вступили в секретные переговоры с англичанами. С германской стороны переговоры вел «экономист в штатском» некий Вольфат, а с британской – сэр Горас Вильсон, сэр Джозеф Болл и другие. Прочитую служебную записку от 24 июля 1939 г. Сэр Горас представил проект Программы германо-английского сотрудничества, в которой говорилось, что к сотрудничеству можно привлечь и Россию «в

том случае, если политика Сталина будет развиваться соответствующим образом». Как должна была вести себя Россия – нетрудно догадаться.

С весны 1939 г. по май 1941 г. правящие круги Англии готовили сговор с Гитлером за счет Советского Союза. Недаром значительная часть британских правительственных документов до сих пор засекречена, хотя по закону их положено было открыть через 30 лет. Переговоры с нацистами вели не только лорды, но и члены королевской династии. Замечу, что в Англии правила и сейчас правит германская Ганноверская династия. Сам король Эдуард VIII заявил, что все его капли крови – немецкие. Другой вопрос, что из политических соображений Ганноверская династия в 1917 г. переименовала себя в Виндзорскую по месту расположения королевского дворца. Переписку с правительством Германии члены династии вели через своих родственников – принцев Вольфганга и Филиппа Гессенских. Причем Филипп имел членский билет нацистской социалистической партии за № 53, то есть входил в руководство Рейхом.

Замечу, что в Лондоне работал целый ряд блестящих наших разведчиков, занимавших высокое положение в Великобритании. Так что Сталин был хорошо осведомлен о германо-британских контактах.

В 4 ч. 45 мин. утра 15 августа 1939 г. шифровальщик германского посольства в Москве разбудил посла графа фон Шуленбурга и вручил ему срочную телеграмму министра иностранных дел фон Риббентропа.

В телеграмме говорилось: «Прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее:...интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности... У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств...

Имперское правительство и советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 г. эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям...

Имперский министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть

в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера господину Сталину».

В сложившейся ситуации Сталин принял единственное решение, соответствовавшее интересам СССР, и согласился принять в Москве Риббентропа.

19 августа 1939 г. посол Шуленбург направил в Берлин текст советского пакта о ненападении.

20 августа в 16 ч. 55 мин. Гитлер отправил Сталину телеграмму:

«Господину Сталину, Москва.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел господин Молотов...

Я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола».

Ровно через сутки Сталин отправляет ответ:

«21 августа 1939 г.

Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами...

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа. И. Сталин».

23 августа 1939 г. Молотов и Риббентроп в Москве подписали Договор о ненападении между Германией и СССР. На следующий день газета «Правда» опубликовала текст договора. Наиболее интересными там были статья II: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу», и статья IV: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или

косвенно направлена против другой стороны».

Кроме того, стороны подписали и секретный дополнительный протокол к договору. Сей протокол является предметом длительных споров, и я вынужден привести его текст полностью:

«При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Полностью этот протокол был опубликован в начале так называемой «перестройки» и сразу же вызвал дикие вопли «совков», перекрасившихся в демократов и срочно попрятавших партбилеты^[111]. «Ах, какой ужасный протокол, да еще секретный!» Увы, невдомек нашим «совкам», что секретные приложения к договорам вечны как мир. Почему-то никто не предлагает рассекретить все статьи Тильзитского (1807 г.) мира, которые старательно прячут наши дипломаты.

В приступе русофобии наши либералы даже коверкают русский язык, благо он для большинства из них не родной. Например, уже много веков

существует порядок называть договоры по месту их подписания, а не по именам подписантов. Никто не поймет, что такое договор Наполеона – Александра, зато все знают Тильзитский мир 1807 г., равно как Ништадтский, Парижский, Брестский мир, Мюнхенское, Ялтинское, Потсдамское соглашение и т. д. А вот наши русофобы уже после войны Московский договор называли пактом Молотова – Риббентропа.

В июле 2007 г. в кулуарах студии «Интервидения» важный политический комментатор гневно клеймил пакт Молотова – Риббентропа. Я его в шутку спросил, что он думает о пакте Литвинова – Пилсудского. Тот долго отмалчивался, а в конце концов сказал, что он устал и забыл. Я напомнил, что речь идет о Рижском договоре 1920 г., тогда сей персонаж расплылся в улыбке – он-де сей пакт прекрасно знает.

Критики Московского договора 1939 г. выступают исключительно с традиционными «совковыми» постулатами – «Правительство СССР действует в интересах народов всего мира» и «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее». Но нельзя же быть таким идиотом, чтобы путать пропагандистские лозунги и реальность. Почему все правительства мира заботятся о своих собственных интересах, а бедная Россия должна заботиться обо всем мире? Да, действительно, Сталин с начала 1920-х гг. до августа 1939 г. боялся возникновения мировой войны и справедливо полагал, что она в любом случае коснется СССР, и всячески противодействовал изменению статус-кво в мире.

Опять же надо различать коммунистическую пропаганду о победе мировой революции и реальные планы советского правительства. Споры нет, СССР оказывал материальную поддержку коммунистам в различных странах. Но она не шла ни в какое сравнение с помощью СССР буржуазным правительствам Китая (Чан Кайши), Испании и Чехословакии, куда были посланы сотни самолетов, танков и артсистем.

Риторический вопрос: почему Сталин не мог предположить, что война закончится в ноябре-декабре 1939 г. соглашением между Германией и западными союзниками? Кто в Париже и Лондоне мог предположить, что Польша будет вдребезги разбита за две-три недели, а Франция с Бельгией, Голландией да еще с английской армией – за четыре-пять недель? А если бы такой эксперт и нашелся, то его немедленно упекли бы в психушку.

В 1939 г. в Англии не думали о Дюнкерке, а планировали вторжение в Норвегию и операцию «Катерин». В ходе последней английская эскадра в составе четырех линкоров типа «Роял Соверен» и других кораблей должна была войти в Балтийское море и навести страх на проклятых «бошей». Надо ли приводить дальнейшие примеры уровня мышления западных

военных теоретиков?

А почему Сталин не мог, подобно западным теоретикам, предположить, что война на Западе по образцу Первой мировой будет носить позиционный характер, благо французы на весь мир раструбили о неприступности линии Мажино. Таким образом, через два-три года позиционной войны противники были бы измотаны, а Красная Армия, не сделав ни одного выстрела, могла бы диктовать свои условия. Кому могло хоть в страшном сне привидеться, что армии Польши, Франции, Англии, Голландии, Бельгии, Норвегии, Греции и другие не только разбегутся перед немцами, но и галантно отдадут им в полной целостности и сохранности все вооружение, а заводы всей Европы, включая «нейтральную» Швецию, начнут работать на Третий рейх?

Подписав договор с Германией, Молотов одним росчерком пера покончил с боевыми действиями на Дальнем Востоке. В секретной телеграмме временного поверенного в делах СССР в Японии Н.И. Генералова, отправленной из Токио в Москву 24 сентября 1939 г., говорилось: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. Вчера и сегодня происходил непрерывный обмен визитами, и этот факт оживленно обсуждался членами правительства, двора и тайного совета».

Спору нет, поражение японцев у реки Халхин-Гол оказало нужное действие. Но результат этого поражения стал бы катастрофой для, скажем, польской или финской армии, но для Японской империи это была просто неудачная операция, а попросту говоря, булавоочный укол. И именно договор с Германией положил конец необъявленной войне на Дальнем Востоке. Замечу, что кроме крупных сражений на озере Хасан и на реке Халхин-Гол на советско-маньчжурской границе с 1937 по сентябрь 1939 г. периодически происходили боевые столкновения. А вот после подписания договора и вплоть до 8 августа 1945 г. на границе стало относительно тихо.

Договор 1939 г., как и договоры 1918 и 1807 гг., был вынужденным и, как все вынужденные договоры, носил временный характер. И пока еще ни один из критиков договора не предложил разумной альтернативы действиям советского руководства. На кого работало время в 1939–1941 гг., вопрос спорный, и он ждет исследования объективных историков, а не придурков, для которых Пилсудский, требовавший вернуть границы 1772 г., то есть 150-летней давности, герой, а Гитлер и Сталин, решившие восстановить границы двадцатилетней давности и вернуть земли, столетиями принадлежавшие Германии и России и отнятые у них силой,

злодеи.

Многие мудрецы говорили: «Практика – критерий истины». Если Молотов и Риббентроп в 1939 г. злодейским договором установили столь несправедливые границы, то кто мешал в 1991–2008 гг. соответствующим странам не поменять свои границы до состояния на август 1939 г.? Ведь изменили же границы в Германии и Чехословакии, причем мирно и ко всеобщему удовлетворению. Странно, почему все хулители договора 1939 г. в Польше, прибалтийских странах и т. д. «падают до ниц», как говорят поляки, перед границами, проведенными такими «редисками», как Молотов и Риббентроп?

Глава 21. Сентябрьская война

Скрытое мобилизационное развертывание польских войск было начато еще 23 марта 1939 г., то есть почти за полгода до германского вторжения. В основу этих мероприятий был положен мобилизационный план «W» от апреля 1938 г., предусматривавший скрытую мобилизацию в мирное время. 13–18 августа польское командование объявило о мобилизации еще девяти соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. 26 августа начались перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развертывания. В этот день был получен приказ о выдвигании отобилизованных соединений в намеченные районы сосредоточения. 30 августа был дан приказ армиям и оперативным группам первого эшелона о занятии исходного положения.

Однако из-за безалаберности польских генералов мобилизационный план был выполнен к утру 1 сентября 1939 г. лишь на 60 %. В первые же дни сентября численность польской армии была доведена примерно до 3,5 млн. человек. Приводимые же в различных источниках цифры в 840 тыс. человек и т. д. занижены и не учитывают вспомогательных частей, а главное, мобилизованных резервистов.

Мобилизация германской армии началась гораздо позже – 25 августа 1939 г. Процитирую авторитетное справочное издание «Сухопутная армия Германии 1933–1943»: «Начатая 25 августа 1939 г. скрытая мобилизация вооруженных сил по варианту «X» в основном не коснулась экономики. Было воспрещено лишь проведение таких мер, которые могли бы осложнить ее мобилизацию в будущем, хотя, как показала действительность, это распоряжение практически было невыполнимо. Частичные мероприятия, проведение которых было предписано 25 августа военно-промышленным штабом ОКВ (Главным штабом вооруженных сил) военно-промышленным инспекциям, были направлены на быстрое повышение производственной мощности отдельных предприятий военной промышленности. Однако общий план развертывания производства на случай войны не вступил в силу. Лишь в части, касавшейся военно-морского флота, началась реализация целого ряда мероприятий, предусматривавшихся упомянутым планом...

3 сентября, когда война распространилась также на Запад, был издан приказ о мобилизации экономики, согласно которому теоретически вступал в силу план развертывания производства в военное время. Однако в

приказе снова содержались ограничения, заключающиеся в том, что предписывалось проведение только самых необходимых мероприятий в области экономики»^[112].

Из этих скучных фраз следует очень важный вывод – Гитлер не собирался начинать мировую войну. Ввод войск в Польшу представлялся германскому руководству в качестве локальной (малой) войны. Наподобие захвата Италией Абиссинии, Японией – ряда северных районов Китая, а в конце XX века – вторжения американских войск в Ирак, войск НАТО – в Югославию и т. п. Поэтому-то и не была начата 25 августа мобилизация промышленности, да и после 3 сентября Гитлер был почти уверен в возможности заключения мира с западными державами.

Перед самым началом военных действий Англия и Франция пытались в очередной раз договориться с Гитлером. 21 августа англичанам и французам стало известно, что Риббентроп собирается вылететь в Москву, где должен быть подписан германо-советский договор. Чемберлен на этот раз снова лететь к Гитлеру не решился. Однако уже 22 августа британский посол в Берлине Гендерсон получил письмо премьера для передачи фюреру. Чемберлен заверял, что заключение германо-советского договора не может повлиять на позицию Великобритании в отношении Польши. «Какова бы ни была сущность германо-советского соглашения, – заявлял английский премьер-министр, – оно не в состоянии изменить ту позицию Великобритании в отношении обязательства перед Польшей, которую правительство его величества неоднократно разъясняло публично и которой оно решило придерживаться». Чемберлен доказывал, что споры с Польшей можно уладить без войны. Англия готова принять на себя посредничество в этом деле. Нужна лишь некоторая «пауза» во взаимных обвинениях Германии и Польши. После этого можно будет начать переговоры с ними при помощи нейтрального посредника.

23 августа Гендерсон был вызван к Гитлеру, который вручил ему официальный ответ на письмо Чемберлена. Документ содержал следующие положения: «1) Германия хотела мира и согласования интересов с Англией в Европе. 2) Данциг и «Польский коридор» должны принадлежать Германии. Это давно признано в самой Англии многими политическими деятелями и учеными. 3) Германия пыталась мирно разрешить вопрос с Польшей; Англия этому помешала. 4) Английские гарантии вызвали со стороны поляков «зверства» против немцев. 5) Германия предупреждала Польшу, что не может терпеть провокаций и ультиматумов данцигскому сенату. 6) Гитлер согласен, что война с Англией будет долгой, однако Германия к этому готова. 7) Если Англия и Франция будут продолжать

военные приготовления, в Германии будет произведена всеобщая мобилизация. 8) Мир в Европе может быть спасен не Германией, а теми, кто повинен в «преступлениях Версаля».

«Я всю жизнь стремился к англо-германской дружбе, – жаловался Гитлер Гендерсону, – но поведение английской дипломатии, по крайней мере до сих пор, убедило меня в бесполезности этих попыток»^[113].

Коснувшись советско-германского договора от 23 августа, Гитлер заявил Гендерсону, что Германии не придется вести войну на два фронта. «Россия и Германия не будут больше воевать друг против друга ни при каких обстоятельствах».

30 августа после полуночи Гендерсон попросил нового приема у Риббентропа. Посол только что получил ответ британского правительства на ноту Гитлера. В ответе сообщалось, что правительство Великобритании согласно с необходимостью повести переговоры в ускоренном порядке; при этом оно выражает пожелание, чтобы во время переговоров не предпринимались никакие военные действия и чтобы до разрешения спорных вопросов в Данциге сохранялось status quo.

В ответ Риббентроп зачитал последние германские предложения. Они сводились к тому, что Данциг немедленно возвращается Германии; вопрос о «Польском коридоре» решается плебисцитом, в котором участвуют немцы, жившие на этой территории до 1 января 1918 г., родившиеся там, а также высланные оттуда. Польские власти, чиновники и полиция должны быть удалены из этой области к моменту плебисцита.

Западные союзники и поляки не рискнули отвергнуть германские предложения и не выдвигали контрпредложения, то есть попросту тянули время. Бек заявил: «Польша предпочитает Данциг миру»^[114]. В Англии и Франции шли лихорадочные военные приготовления.

Следует отметить, что поляки в пику Гитлеру усилили давление на Данциг и преследовали немцев в Польше.

«В середине августа поляки в качестве предупредительной меры провели сотни арестов среди местных немцев. На немецкие издательства и органы печати наложили запрет. 24 августа восемь немцев, арестованных в Верхней Силезии, были расстреляны по пути в тюрьму». Сия цитата не из речей Геббельса, а из монографии голландского антифашиста Луи де Ионга^[115].

В первые же дни войны польская армия потерпела полное поражение. Уже 3 сентября, то есть на третий день войны, маршал Рыдз-Смиглы, главнокомандующий польскими вооруженными силами, отдал приказ

Главному штабу: «В связи со сложившейся обстановкой и комплексом проблем, которые поставил ход событий в порядок дня, следует ориентировать ось отхода наших вооруженных сил не просто на восток, в сторону России, связанной пактом с немцами, а на юго-восток, в сторону союзной Румынии и благоприятно относящейся к Польше Венгрии».

Это был приказ не об отступлении, а о бегстве, причем не в тыл, а на юг, вдоль фронта наступавших немцев.

7 сентября Рыдз-Смиглы бросил командный пункт в Варшаве и ретировался в Брестскую крепость. Как писал Юрий Мухин: «По приезде в Брест Рыдз-Смиглы выяснил, что крепость не имеет связи. Ни с кем. Начали тянуть линии и через 12 часов установили связь с одной армией. Но поляки не тратили время даром, готовясь к войне, поэтому у Рыдз-Смиглы была и радиостанция, которая прибыла в Брест на четырех грузовиках. Правда, когда Рыдз-Смиглы драпал из Варшавы, то успел захватить с собой только самое ценное и нужное. Шифры и коды для переговоров по радио с войсками в этот список не попали, поэтому их отправили из Варшавы в Брест поездом. А когда они приехали в Брест, немцы уже отбомбились, и радиостанция вышла из строя. Однако находчивые поляки нашли выход, и Рыдз-Смиглы войсками управлял так.

Генерал Стахевич получал от войск донесения и с помощью мотоциклиста по забитым беженцами дорогам отправлял их в Брест. Здесь Рыдз-Смиглы принимал решение, это решение отправлялось в штаб Бурской военной флотилии, в котором была радиостанция, с ее помощью донесение передавалось в штаб Военно-морского флота в Варшаве, оттуда Стахевичу, а Стахевич передавал его в войска, которым оно уже было нужно как зайцу стоп-сигнал.

Рыдз-Смиглы был настоящий польский полководец, то есть твердо знал, что польская армия существует для того, чтобы спасти его, Рыдз-Смиглы, шкуру. Истребительная авиабригада, защищающая небо над Варшавой, и артиллерия ПВО так или иначе боролись с немецкими налетами. К примеру, польские летчики сбили над Варшавой 3 сентября три немецких самолета, 5 сентября – 9 и 6-го – 15. Однако с бегством Рыдз-Смиглы и эта авиабригада, и часть артиллерии были сняты и переведены в Брест. Теперь немцы могли бомбить Варшаву без проблем, что они и делали...

Но и эта брестская идиллия длилась недолго, уже 10 сентября Рыдз-Смиглы смазал пятки салом и рванул в благословенную Румынию через Владимир-Волынский, Млынов и Коломью»^[116].

Возможно, кому-то не понравится стиль Мухина, но, увы, все

написанное – исключительная правда.

Остальные члены польского правительства 5 сентября убыли из Варшавы в Люблин, оттуда – в Кременец, а уже из Кременца 13 сентября пересекли мост через Днестр и благополучно прибыли в Румынию.

Как поляки воевали, хорошо свидетельствуют цифры германских потерь. С 1 сентября по 15 октября вермахт потерял 16 343 человека убитыми и 320 пропавшими без вести (Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. II. С. 139).

Для сравнения, с 22 июня по 31 августа 1941 г., то есть примерно за тот же период, потери немцев на Восточном фронте составили: убитыми – 87 483 человека, пропавшими без вести – 19 688 человек, то есть в 6,5 раза больше. За то же время Красная Армия вывела из строя около 60 % германских танков, из них 30 % – безвозвратно.

Глава 22. Освободительный поход Красной Армии

В первых числах сентября 1939 г. перед советским правительством встал вопрос, что делать в сложившейся обстановке? Теоретически были возможны три варианта: 1 – начать войну с Германией; 2 – занять часть территории Польши, населенной белорусами и украинцами; 3 – вообще ничего не делать.

О первом варианте, то есть о войне СССР с Германией и Японией в одиночку и при враждебном отношении Англии и Франции, уже говорилось. Третий вариант дал бы немцам возможность сэкономить несколько недель в 1941 г. и позволил бы взять Москву еще в августе-сентябре 1941 г. И дело тут не столько в потерях личного состава вермахта в летнюю кампанию 1941 г., а в выходе из строя бронетехники и автомобилей. Русские дороги – «семь загибов на версту» – летом-осенью 1941 г. вывели из строя до 80 % германской техники. Трофейные французские автомобили вышли из строя еще до Смоленска, а затем стали лететь и германские автомобили, включая полугусеничные. Уже в июле люфтваффе пришлось организовать доставку танковых двигателей и других запчастей по воздуху^[117]. А в сентябре-октябре германские солдаты начали шарить по русским деревням и забирать худых советских лошадей и крестьянские телеги. Тысячи пленных были расконвоированы и посажены ездовыми на эти телеги. Но все эти экстраординарные меры не спасли передовые части вермахта, в ноябре-декабре 1941 г. остро ощущавшие дефицит топлива и боеприпасов.

Так что оставался только второй вариант, и советские войска 17 сентября перешли польскую границу, формально нарушив польско-советский пакт о ненападении 1932 г. Почему формально? Ну, представьте, вы заключили договор с дееспособным человеком, а теперь он хрипит в агонии. Можно ли по-прежнему считать договор действительным? В частной жизни можно попытаться заставить выполнить условия договора наследников или страховую компанию. 17 сентября у Польши не было наследников, если не считать Германии. Международное право предусматривает аннулирование договора, если государство-контрагент прекращает свое существование. Правда, нашелся некий «известный советский историк» М.И. Семиряга, который утверждал, что, мол,

договоры продолжают сохранять свое действие, «если государство-контрагент прекращает существование... если его высшие органы продолжают олицетворять его суверенитет в эмиграции, как было с польским правительством»^[118].

Начнем с того, что 17 сентября 1939 г. не было никакого польского правительства в эмиграции, а члены бывшего польского правительства в этот день пересекали румынскую границу, но где они конкретно находились, не знали ни уцелевшие польские части, ни Москва, ни Лондон. А само утверждение Семиряги представляет полнейший бред.

Представим себе классическую ситуацию: страна «А» имеет договор со страной «В» о поставке больших партий вооружения. В стране «В» происходит государственный переворот, и вся власть переходит к новому правительству, но кучка людей бежит в страну «С», где создает эмигрантское правительство. По Семиряге выходит, что страна «А» должна поставлять оружие эмигрантскому правительству... Если бы история развивалась по семирягинскому варианту, то уже давно Третья мировая война стерла бы с лица земли и Россию, и Америку. А ведь подобная чушь собачья одобрена кафедрой новой и новейшей истории МГУ.

Разгулявшийся «известный советский историк» считает сталинским преступлением цитирование Ф. Энгельса в журнале «Большевик»: «Чем больше я размышляю об истории, тем яснее мне становится, что поляки – une nation foute (разложившаяся нация), которая нужна как средство лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши не имеет абсолютно никакого *raison d'être* (смысла). Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией, играла бы прогрессивную роль или вообще совершила что-либо, имеющее историческое значение...»^[119].

Ай да Семиряга – борец за свободу слова, но только для себя и себе подобных! Замечу, что экономические теории Маркса и Энгельса критикуются уже свыше ста лет, но пока никто не утверждал, что Энгельс плохо разбирался в политике и в военном деле. Да и сам Семиряга возразить Энгельсу ничего не может.

Министр иностранных дел Германии Риббентроп в 18 ч.

50 мин. 3 сентября 1939 г. телеграфировал германскому послу в Москве Шуленбургу (телеграмма получена 4 сентября в 0 ч. 30 мин.). Телеграмма гласила: «Главе посольства или его представителю лично.

Секретно! Должно быть расшифровано лично им! Совершеннейше секретно!

Мы, безусловно, надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния.

Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также в соответствии с московскими соглашениями было бы и в советских интересах».

Шуленбург ответил Риббентропу 5 сентября в 14 ч. 30 мин.: «Молотов попросил меня встретиться с ним сегодня в 12.30 и передал мне следующий ответ советского правительства: «Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов».

В ночь с 8 на 9 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу новую телеграмму с просьбой поторопить советское правительство. «Развитие военных действий, – говорилось в телеграмме, – даже превосходит наши ожидания. По всем показателям польская армия находится более или менее в состоянии разложения. Во всех случаях я считал бы неотложным возобновление Ваших бесед с Молотовым относительно советской военной интервенции (в Польшу). Возможно, вызов русского военного атташе в Москву показывает, что там готовится решение».

9 сентября Шуленбург телеграфировал в Берлин: «Молотов заявил мне сегодня в 15 часов, что советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней. Вызов военного атташе в Москву был действительно с этим связан. Будут также призваны многочисленные резервисты».

Меры к укреплению обороноспособности страны советское руководство начало принимать еще в июле 1939 г. Так, 27 июля Комиссия по организационным мероприятиям наркомата обороны под председательством заместителя наркома командарма 1-го ранга г. И. Кулика

приняла решение развернуть на базе стрелковых дивизий тройного развертывания обычные стрелковые дивизии со штатом 4100 человек. Комиссия сделала вывод, что все военные округа могут разместить новые дивизии, материальных запасов также хватало, поэтому к 1 ноября 1939 г. следовало перейти на новую организацию стрелковых войск и к 1 мая 1940 г. подготовить новые мобилизационные планы.

2 сентября 1939 г. с восьми часов вечера на советско-польской границе был введен режим усиленной охраны, все погранотряды были приведены в боевую походную готовность.

4 сентября нарком обороны Ворошилов попросил ЦК ВКП(б) разрешить задержать увольнения рядовых и младших командиров на один месяц из Ленинградского, Московского, Калининского, Белорусского и Киевского особых и Харьковского военных округов (310 632 человека) и призвать на учебные сборы приписного состава частей ПВО в Ленинградском, Калининском, Белорусском и Киевском особых военных округах 26 014 человек.

В начале сентября правительство решило провести частичную мобилизацию Красной Армии, и 6 сентября в семи военных округах получили директиву наркома обороны о проведении «Больших учебных сборов» (БУС). Еще 20 мая командованию округов была направлена директива наркома обороны (№ 2/1/50698) о том, что название БУС является шифрованным обозначением скрытой мобилизации. Проведение БУС по литеру «А» означало, что происходило развертывание отдельных частей, имевших срок готовности до 10 суток, с тылами по штатам военного времени. Запасные части и формирования гражданских ведомств по БУС не поднимались. Сама мобилизация проходила в условиях секретности.

Всего в БУС приняли участие управления 22 стрелковых, пяти кавалерийских и трех танковых корпусов, 98 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых, 3 моторизованные стрелково-пулеметные и 1 воздушно-десантная бригады. Было призвано 2 610 136 человек, которые 22 сентября Указом Президиума Верховного Совета СССР и приказом наркома обороны № 177 от 23 сентября были объявлены мобилизованными «до особого распоряжения». Войска, принявшие участие в БУС, получили 18 900 тракторов, 17 300 автомобилей и 634 тыс. лошадей.

По постановлению Совнаркома СССР от 2 сентября с 5 сентября начался призыв на действительную военную службу для войск Дальнего Востока и по тысяче человек для каждой вновь формируемой дивизии, а с 15 сентября – и для всех остальных округов. Всего до 31 декабря 1939 г.

в ряды Красной Армии было призвано 1076 тыс. человек.

Кроме того, согласно Закону о всеобщей воинской повинности, принятому 1 сентября 1939 г., на один год продлевался срок службы призывников 1937 г. (190 тыс. человек).

В результате проведенных мероприятий списочная численность Красной Армии на 20 сентября составила 5 289 400 человек, из которых 659 тыс. были новобранцами. Но стабилизация ситуации на западных границах СССР позволила с 25 сентября начать увольнения из армии, и к 25 ноября были уволены 1 412 978 человек.

9 сентября германское информационное бюро ДНБ передало в эфир заявление главнокомандующего вермахта генерала Браухича, что ведение боевых действий в Польше уже не является необходимым и при таком развитии событий может произойти германо-польское перемирие. Было ли это очередной «уткой» Геббельса или сотрудники ДНБ переврали Браухича, теперь установить сложно. Однако это заявление после 1945 г. породило нелепые слухи, будто немцы хотели создать какое-то буферное (между Германией и СССР) маленькое польское государство, но Сталин помешал этому. На самом деле слухи эти не имели никакого документального подтверждения, да и противоречили логике событий: ни Гитлер, ни Сталин не нуждались в таком буфере.

14 сентября 1939 г. газета «Правда» опубликовала редакционную статью «О внутренних причинах военного поражения Польши». В ней говорилось: «В чем же причины такого положения, которые привели Польшу на край банкротства? Они коренятся в первую очередь во внутренних слабостях и противоречиях польского государства. Польша является многонациональным государством. В составе населения Польши поляки составляют всего лишь около 60 %, а остальные 40 % составляют национальные меньшинства – главным образом украинцы, белорусы и евреи. Достаточно указать, что украинцев в Польше 8 миллионов, а белорусов около 3 миллионов... Национальная политика правящих кругов Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств, и особенно украинцев и белорусов. Западная Украина и Западная Белоруссия – области с преобладанием украинского и белорусского населения – являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации со стороны польских помещиков... Национальные меньшинства Польши не стали и не могли стать надежным оплотом государственного режима. Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных

меньшинств, не может представлять крепкой военной силы. В этом корень слабости польского государства и внутренняя причина его военного поражения».

15 сентября 1939 г. в 4 ч. 20 мин. Военный Совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, в котором говорилось: «Белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичьей капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами – помещиками и капиталистами. Главным силам польской армии германскими войсками нанесено тяжелое поражение. Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей – содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта – уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно – Кобрин».

В 2 ч. 17 сентября Сталин вызвал в Кремль германского посла Шуленбурга и сообщил ему, что Красная Армия в 6 ч. перейдет границу с Польшей. Сталин просил Шуленбурга передать в Берлин, чтобы немецкие самолеты не залетали восточнее линии Белосток – Брест – Львов, и зачитал ноту, подготовленную для передачи польскому послу в Москве. Шуленбург немного уточнил текст этой ноты, Сталин согласился с его поправками, после чего посол, вполне удовлетворенный, уехал из Кремля. А уже в 3 ч. 15 мин. утра польскому послу в Москве В. Гжибовскому была вручена нота советского правительства, в которой говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к

тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных дел СССР

В. Молотов».

В ответ посол Гжибовский гордо отказался принять ноту, заявив, что «это было бы несовместимо с достоинством польского правительства». Однако наши дипломаты предусмотрели и такой вариант событий. Пока посол был в здании наркомата иностранных дел, наш курьер отвез ноту в польское посольство и передал ее сторожу.

В тот же день все послы и посланники иностранных государств, находившиеся в Москве, получили идентичные ноты советского правительства, где говорилось о вручении ноты польскому послу с приложением оной и утверждалось, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношении «Вашей страны». Таким образом, Сталин послал правительствам Англии и Франции ясное предупреждение, что он не намерен воевать с ними, и там его правильно поняли.

В Польше реакция на советскую ноту и вторжение советских войск была противоречивой. Так, командующий польской армией Рыдз-Смиглы отдал два взаимоисключающих приказа по армии. В первом предписывалось оказывать советским частям вооруженное сопротивление, а во втором, наоборот, – «с большевиками в бой не вступать»^[120]. Другой вопрос, что проку от его приказов было мало, поскольку он уже давно потерял управление войсками.

А вот командующий армией «Варшава» генерал Юлиуш Руммель дал указание рассматривать перешедшие границу советские части как «союзнические», о чем свидетельствует документ, адресованный советскому послу:

«Инспектор армии генерал дивизии Юлиуш Руммель.

Варшава, 17 сентября 1939 г.

Господин посол!

Как командующий армией, защищающей столицу Польской республики, и будучи представителем командования польской армии в западном районе Польши, я обращаюсь к господину послу по следующему вопросу.

Запрошенный командирами частей польской армии на восточной границе, как они должны относиться к войскам Советской республики, вступающим в границы нашего государства, я ответил, что части армии СССР следует рассматривать как союзнические.

Имею честь просить господина посла дать разъяснение, как к моему приказу относится армия СССР.

Командующий армией «Варшава» Руммель»^[121].

Сейчас в польской литературе можно встретить мнение, что польское правительство допустило серьезную ошибку, не объявив формально войну СССР, что позволило бы интернационализировать конфликт в «четыре часа утра». («Жиче Варшавы», 17 сентября 1993 г.).

Конечно, втянуть Англию и Францию в сентябре 1939 г. в войну с СССР польскому правительству не удалось бы. Правительства Англии и Франции заранее порекомендовали Польше не объявлять войну СССР. Однако статья в «Жиче Варшавы» весьма симптоматична. Я лично слышал от одного компетентного человека, что в 1940–1941 гг. советское правительство имело разведданные о подготовке поляками провокации с целью вызвать советско-германскую войну.

В нашей прессе с хрущевских времен высмеиваются призывы советского руководства в первой половине 1941 г. «не поддаваться на провокации». Мол, из-за этого многие командиры были серьезно дезориентированы в первые часы войны. Все верно. Но почему-то никто не заинтересовался, а каких провокаций так опасался Сталин? Кто мог в 1941 г. устроить провокацию на советско-германской границе? Гитлер? Зачем же ему нужно было лишать себя фактора внезапности и дать возможность СССР начать всеобщую мобилизацию и т. д.? Неужто и без провокаций Геббельс не сумел бы объяснить немцам причины нападения на СССР? Так, может быть, кучка германских офицеров без санкции руководства решила бы на провокацию, чтобы развязать войну с СССР? Увы, это исключено.

А между тем в оккупированной немцами Польше были созданы многочисленные отряды Армии Крайовой, которые получили приказ из Лондона «держат оружие у ноги», то есть временно затаиться. Ну а немцы их не очень трогали. И вот они-то и могли устроить провокацию, причем

любого масштаба. Вспомним Варшавское восстание 1944 г. Ведь если бы у Гитлера хватило ума не подавлять восстание, а наоборот, отвести войска от Варшавы, то эта акция Армии Крайовой могла привести к серьезным конфликтам (вплоть до войны) между СССР и западными союзниками.

А в 1941 г. советское правительство имело сведения, что Армия Крайова готовит крупную провокацию на советско-германской границе. Представьте себе переход сотен, а то и тысяч вооруженных людей, одетых в германскую форму, через нашу границу. Мог начаться бой с применением артиллерии и авиации. Наши самолеты начали бы сбивать германские самолеты, направлявшиеся в район конфликта для выяснения обстановки, и, как говорится, «пошло-поехало».

Но вернемся к событиям 17 сентября 1939 г. В 5 ч. советские войска перешли польскую границу.

Таблица 1.

Численность советских войск на 17 сентября 1939 г. [\[122\]](#)

Армия, фронт	Личный состав	Орудия и минометы	Танки
3-я армия	121 968	752	743
11-я армия	90 000**	520**	265
Конно-моторизованная группа	65 595	1234	834
10-я армия	42 135	330	28
4-я армия	40 365	184	508
Отдельный 23-й стрелковый корпус	18 547	147	8
Белорусский фронт	378 610	3167	2406
5-я армия	80 844	635	522
6-я армия	80 834	630	675
12-я армия	77 300	527	1133
Украинский фронт	238 978	1792	2330
Итого	617 588	4959	4736

Замечу, что историк М. Мельтюхов говорит на стр. 303 своей монографии, что Красная Армия действовала с помощью пограничных войск. На самом деле пограничные войска были оперативно подчинены полевому командованию, но в боях не участвовали в отличие от войны с

Финляндией в 1939 г. или с Японией в 1945 г. В ряде случаев погранотряды предоставляли проводников частям Красной Армии.

Как и в советское время, наши официальные военные историки продолжают называть действия Красной Армии в Польше «Освободительным походом в Западную Украину и Белоруссию». Либералы говорят о нападении на Польшу. Я же заявляю: войны как таковой не было, имело место лишь сопротивление отдельных польских частей и членов милитаризованных организаций. Так, в первый день наступления потери советских войск составили 3 человека убитыми и 24 ранеными, еще 12 человек утонули.

А вот как мотоколонны 3-й и 11-й армий занимали Вильно. К 18 сентября в Вильно находилось 16 батальонов пехоты (7 тыс. солдат и 14 тыс. ополченцев) при 14 полевых орудиях. В 9 ч. командующий гарнизоном полковник Я. Окулич-Козарин отдал приказ: «Мы не находимся с большевиками в состоянии войны, части по дополнительному приказу оставят Вильно и перейдут литовскую границу; небоевые части могут начать оставление города, боевые – остаются на позициях, но не могут стрелять без приказа». Но многие офицеры восприняли этот приказ как измену, и по Вильно поползли слухи, будто бы в Германии произошел переворот, и Румыния с Венгрией объявили Германии войну. Поэтому полковник Окулич-Козарин, планировавший отдать приказ об отступлении в 16 ч. 30 мин., отдал его только в 20 ч.

В 19 ч. 10 мин. командир 2-го батальона, развернутого на южной и юго-западной окраине города, подполковник С. Шилейко доложил о появлении советских танков и запросил разрешения открыть огонь. Пока Окулич-Козарин отдал приказ об открытии огня, пока этот приказ передали войскам, восемь советских танков уже прошли первую линию обороны, и для борьбы с ними были направлены резервные части.

Около 20 ч. Окулич-Козарин отдал приказ на отход войск из города и выслал подполковника Т. Подвысоцкого в расположение советских войск, чтобы уведомить командование, что польская сторона не хочет с ними сражаться и потребовать их ухода из города. После этого Окулич-Козарин уехал из Вильно, а Подвысоцкий решил защищать город и около 21 ч. 45 мин. отдал приказ о приостановке отхода войск.

А в это время в Вильно шли уличные бои, в которых участвовала в основном виленская молодежь. Учитель г. Осиньский организовал из учащихся гимназий добровольные команды, занявшие позиции на возвышенностях. Стреляли только старшеклассники, а те, кто помладше, подносили боеприпасы и обеспечивали связь.

18 сентября около 19 ч. 30 мин. к Вильно подошли 8-й и 7-й танковые полки и завязали бой за южную часть города. 8-й танковый полк в 20 ч. 30 мин. ворвался в южную часть города, а 7-й танковый полк, натолкнувшись на активную оборону, только на рассвете 19 сентября вошел в юго-западную часть Вильно.

Тем временем 6-я танковая бригада форсировала Березину, прошла Гольшаны и в 20 ч. 18 сентября была уже на южных окраинах Вильно, где установила связь с 8-м танковым полком. Польские отряды молодежи с горы Трех Крестов обстреляли из артиллерийских орудий наступающие советские танки. Также поляки широко использовали бутылки со смесью бензина и нефти и подожгли один советский танк.

19 сентября к 8 ч. к Вильно подошли части 3-го кавалерийского корпуса. 102-й кавалерийский полк начал наступление на юго-восточную окраину города, 42-й кавалерийский полк обошел город с востока и сосредоточился на его северо-восточной окраине, а 7-я кавалерийская дивизия начала обходить Вильно с запада. К 13 ч. был занят железнодорожный вокзал. В 16 ч. началась перестрелка у Зеленого моста, в ходе которой поляки подбили одну бронемашину и один танк. Еще в 11 ч. 30 мин. подошла мотогруппа 3-й армии.

К 18 ч. 19 сентября обстановка в Вильно нормализовалась, хотя вплоть до 2 ч. 20 сентября то тут, то там возникали отдельные перестрелки.

В боях за Вильно 11-я армия потеряла 13 человек убитыми и 24 ранеными, было подбито 5 танков и 4 бронемашины.

Бои за Гродно шли с 20 сентября. С рассветом 22 сентября моторизованная группа 16-го стрелкового корпуса вошла в Гродно с востока. В ночь на 22 сентября польские войска бежали из города. Взятие Гродно обошлось РККА в 57 убитых и 159 раненых, было подбито 19 танков и 4 бронемашины. На поле боя захоронили 644 поляка, взяли в плен 1543 военнослужащих.

Бои имели место в основном в городах, что объясняется двумя факторами. Во-первых, в городе легче вести оборону от танковых и моторизованных войск, а во-вторых, в городских боях принимали участие не столько регулярные части, сколько жандармы и ультранационалистическая молодежь из военизированных организаций.

Существенную роль в обороне поляков могла сыграть Пинская флотилия. В ее составе имелось шесть мониторов, три бронированные канонерские лодки, два вооруженных парохода, минный заградитель и 27 бронекатеров. После мобилизации личный состав флотилии был доведен до 1500 человек.

Однако польские офицеры решили не принимать бой, а, бросив передовую базу в Нирце у советской границы, бежали вверх по Припяти до самого Пинска, топя по пути корабли и катера.

Осенью 1939 г. все суда Пинской флотилии были подняты силами Днепровской флотилии и ЭПРОНа при активной помощи местного населения. Большинство судов вошло в состав советской Днепровской флотилии, которая в июне 1940 г. была переименована в Пинскую флотилию. Кстати, эти польские мониторы и советские мониторы типа «Железняков» в 200 т водоизмещением «великий историк» Виктор Суворов называет «огромными мониторами», которым «на тихой лесной реке Припяти нечего делать» и которые злодей Сталин специально построил, дабы завоевать Германию^[123].

В ходе движения Красной Армии на запад произошло несколько инцидентов с германскими войсками, двигавшимися навстречу. Впервые контакт Красной Армии с вермахтом произошел в районе Львова. В 8 ч. 30 мин. 18 сентября немцы неожиданно предприняли атаку на западную и южную окраины города. Советские танки и бронемашины оказались между двух огней – немцев и поляков. Тогда командир бригады послал к немцам бронемашину, на которой был укреплен белый флаг (кусок нижней рубахи на палке). Советские танки и бронемашины выбрасывали красные и белые флажки, но огонь по ним с обеих сторон не прекращался, тогда из танков и бронемашин был открыт ответный огонь. При этом у немцев было подбито три противотанковых орудия, убито три офицера и ранено девять солдат. Наши потери составили две бронемашины и один танк, убито три человека и ранено четыре.

Вскоре огонь был прекращен, с бронемашиной прибыл командир 137-го полка немецкой горнопехотной дивизии полковник фон Шляммер, с которым командир бригады в немецком штабе договорились по всем спорным вопросам. Красноармейцы подобрали своих раненых и убитых, а немцы – своих.

19 и 20 сентября неоднократно велись переговоры между командованием 24-й танковой бригады и представителями командования немецкой горнопехотной дивизии о прекращении боевых действий и ликвидации возникших конфликтов. В результате переговоров отношения были нормализованы, и впоследствии между частями советской 24-й танковой бригады и немецкой горнопехотной дивизии никаких недоразумений не возникало. В ходе переговоров командующего артиллерией Украинского фронта комбрига Н.Д. Яковлева с германским командованием стороны требовали друг от друга отвести войска от города

и не мешать его штурму. К вечеру 20 сентября германские войска получили приказ отойти от Львова.

22 сентября в 14 ч. польские войска стали складывать оружие, а в 15 ч. части 2-го кавалерийского корпуса в пешем строю вместе с танками 24-й, 38-й и 10-й танковых бригад вступили в город. Гарнизон в целом выполнил соглашение о сдаче, но отдельные группы офицеров в нескольких местах открыли огонь с баррикад, эти очаги сопротивления были быстро подавлены с помощью танков. К вечеру 23 сентября во Львове был наведен порядок, и основные силы советских войск отошли на окраины города.

20 сентября части 12-й армии подошли к линии Николаев – Стрый. В районе Стрыя советское командование установило контакт с немецкими войсками, и 22 сентября немцы передали Стрый Красной Армии, а на следующий день туда вошла 26-я танковая бригада. В результате переговоров советские войска были остановлены на достигнутой линии.

21 сентября в 10 ч. 30 мин. в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступило приказание наркома обороны, по которому все войска должны были оставаться на линии, достигнутой передовыми частями к 20 ч. 20 сентября. Перед войсками ставилась задача подтянуть отставшие части и тылы, наладить устойчивую связь, находиться в полной боевой готовности и принять меры для охраны тылов и штабов. Командованию Белорусского фронта разрешалось продолжить наступление в Сувалском выступе.

А тем временем руководство СССР и Германии вели напряженные переговоры, на которых решалось, где должна проходить демаркационная линия между советскими и германскими войсками.

20 сентября в 16 ч. 20 мин. начались переговоры между К.Е. Ворошиловым и Б.М. Шапошниковым, с одной стороны, и генералом Кестрингом, полковником г. Ашенбреннером и подполковником г. Кребсом – с другой. Стороны договаривались о порядке отвода германских войск и продвижении советских войск на демаркационную линию. Следующий раунд переговоров состоялся с 2 до 4 ч. 21 сентября, стороны уточнили сроки выхода на демаркационную линию и подписали советско-германский протокол, в котором говорилось:

«Части Красной Армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 г., и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 г.

Части германской армии начиная с 22 сентября отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход примерно в 20 километров, закончить свой отход на западный берег г. Вислы у Варшавы к вечеру 3

октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленки, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имелась дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн германской армии, в среднем до 25 километров.

21 сентября в Волковыске прошли переговоры между представителями германского командования и командованием 6-го кавалерийского корпуса, на которых была согласована процедура отвода немецких войск из Белостока. В это время части 6-го корпуса находились на линии Большая Берестовица – Свислочь. 22 сентября в 13 ч. в Белосток прибыл передовой отряд в 250 человек под командованием полковника И.А. Плиева, а к 16 ч. процедура приема Белостока у немцев завершилась, и немцы оставили город.

Прибытие в Белосток отряда Плиева вызвало в городе большое оживление, возник стихийный митинг. Позже Плиев писал: «Интересно отметить, что эти бурные сцены происходили на виду у отступающих германских войск. Их уже не боялись, их теперь никто не замечал. Молча шагали они по чужим улицам враждебного города, молча, но видя, на чьей стороне ум и сердце народа».

В тот же день в Белосток вошла 6-я кавалерийская дивизия, а 11-я кавалерийская дивизия достигла района Крынки-Бялостоцкие – Городок.

25 сентября в 15 ч. 20-я мотобригада, переданная в состав 10-й армии, приняла у немцев Осовец. 26 сентября бригада вошла в Соколы, а к вечеру 29 сентября была у Замбруве.

С началом 1990-х гг. наши либералы периодически публикуют в СМИ фальшивки об имевших якобы место в этот период «совместных парадах» подразделений германских вооруженных сил и Красной Армии. Об этих парадах пишут очень часто и преподносят их как убедительное доказательство «братства по оружию» СССР и гитлеровской Германии. Встречаются даже утверждения, что это были своего рода «парады победы» армий двух стран, проведенные в ознаменование разгрома Польши. В подтверждение версии о совместных советско-германских парадах публикуются фотографии, сделанные в Бресте 22 сентября 1939 г., на которых запечатлены комбриг Кривошеин, генерал Гудериан и группа немецких офицеров, мимо которых движется германская военная техника.

Сообщается, что аналогичные парады были проведены также в Белостоке, Гродно, Львове и других городах.

О том, что во Львове вместо парада имели место бои с вермахтом, мы уже знаем. Я лишь добавлю, что в этом районе при таинственных обстоятельствах были захвачены два германских танка Т-II и один Т-III, которые затем вывезли в СССР.

Что же касается знаменитого «брестского парада», то 22 сентября в 15 ч. 29-я танковая бригада 4-й армии вошла в Брест, занятый немецким 19-м моторизованным корпусом. Комбриг С.М. Кривошеин вспоминал, что на переговорах с Гудерианом он предложил следующую процедуру парада: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши». Гудериан, настаивавший на проведении полноценного парада с предварительным построением, согласился все-таки на предложенный вариант, «оговорив, однако, что он вместе со мной будет стоять на трибуне и приветствовать проходящие части».

Таким образом, никакого парада не было, а просто комбриг Кривошеин лично проконтролировал уход германских войск из Бреста.

«Случаи фальсификации фотодокументов, связанных с отношениями между Красной Армией и вермахтом в сентябре 1939 г., не исчерпываются приведенным выше эпизодом. Таких случаев довольно много. В сборнике «СССР – Германия. 1939», изданном в Вильнюсе в 1989 г., опубликована, например, фотография со следующей подписью: «Советские и немецкие офицеры делят Польшу. 1939 г.». На самом деле снимок был сделан в момент обсуждения советским представителем с командованием одной из германских частей порядка отвода этой части с территории, на которую должны были вступить подразделения Красной Армии»^[124].

В ходе польского похода части Красной Армии потеряли:

- а) убитыми и умершими на этапах эвакуации 852 человека;
- б) пропавшими без вести 144 человека;
- в) ранеными, контуженными и обожженными 2002 человека;
- г) заболевшими 381 человека^[125].

Замечу, что число убитых и пропавших без вести больше всего приходится на стрелковые войска – матушку пехоту. Это 715 и 144 человека соответственно. В кавалерии убито 28 человек, в артиллерии – 8 человек, в авиации – 4 человека. Днепровская флотилия вообще потерь не имела.

Историк И.П. Шмелев писал: «Польские авторы считают, что Красная Армия в своем освободительном походе потеряла от огня польской артиллерии и ручных гранат пехоты около 200 броневых единиц – танков и бронеавтомобилей. Наши источники сообщают о боевых потерях 42 танков (и, по-видимому, бронеавтомобилей): 26 единиц приходится на Белорусский и 16 на Украинский фронты. Погибло 52 и ранен 81 танкист»^[126].

Потери польских войск в ходе боев с Красной Армией были, несомненно, выше, чем советские, но точной цифры установить сейчас невозможно. С пленными же дело обстоит иначе. По официальным данным, Украинским фронтом в период с 17 сентября по 2 октября 1939 г. было взято в плен 392 334 человека, в том числе 16 723 офицера; Белорусским фронтом с 17 по 30 сентября 1939 г. было взято в плен 60 202 человека, из них 2066 офицеров^[127].

Частями РККА было захвачено 900 орудий, более 10 тыс. пулеметов, более 300 тыс. винтовок, более 150 млн патронов и около 1 млн снарядов. Замечу, что в конце 1941 г. – начале 1942 г. в части Красной Армии поступило несколько сотен трофейных польских орудий. Это были в основном 37-мм противотанковые пушки обр. 1936 г., 75-мм пушки обр. 1902/26 г. и 100-мм гаубицы обр. 1914/19 г.

Поход в Польшу имел массу как положительных, так и негативных сторон. Поэтому любой журналист, получив соответствующий заказ, сможет представить ее веселой прогулкой РККА, в ходе которой польские солдаты с удовольствием сдавались красноармейцам, а те угощали их папиросами. А можно представить всю кампанию в виде тяжелых упорных и кровопролитных боев. Что делать, ведь было и то, и другое.

То же самое можно сказать и об отношении мирных жителей к приходу Красной Армии. До 1990 г. у нас рассказывалось исключительно о триумфальных арках, сооружаемых местным населением, и толпах селян, радостно приветствовавших советские войска. Зато потом пошла какая-то чернуха, злодеи из НКВД начали расстреливать и отправлять в Сибирь десятки тысяч ни в чем не повинных граждан.

Как и во многих других случаях, истина лежит посередине между полярными точками зрения. К сожалению, пока еще никто не проанализировал действия НКВД на занятых в 1939 г. территориях. Поэтому я обращусь к рассекреченным документам пограничных войск НКВД за сентябрь-октябрь 1939 г. Донесения эти предназначались руководству НКВД и, естественно, их невозможно рассматривать как

пропагандистские материалы. Итак, одни цитаты:

17 сентября. Япмольский погранотряд. «Во время форсирования р. Вилия крестьяне Манжиричи оказали активную помощь, вытаскивая наши увязшие автомашины»^[128].

«К 10.00 на стражнице «Махайловка» находился польский батальон, представители которого трижды приходили к границе и просили их забрать»^[129].

18 сентября. Волочинский погранотряд. «В 21.30 частями РККА заняты Сарны. Захваченные пленные в количестве 50 человек, из коих 3 офицера и 4 капрала, приконвоированы на заставу «Островок». Штаб армейской группы РККА продвинулся в район Ровно... В подразделениях отряда находится до 600 человек пленных, к охране которых привлечен актив из местного населения»^[130].

«В приграничном польском с. Токи, что против нашего с. Ожиговцы, осталась стрелецкая организация^[131] численностью до 40 человек, имеющая оружие. Члены этой организации угрожают революционно настроенным гражданам.

В приграничных польских селах отмечается праздничное настроение. Население оказывает активную помощь в переправе обозов частей Красной Армии через р. Збруч»^[132].

18 сентября. Олевский погранотряд. «В 10.30 на участке заставы «Островок», в 60 км от границы, пограничным нарядом задержаны двое неизвестных, назвавшиеся лейтенантом германской армии Альштадтюком и Перенсом Фридрихом, и показали, что они якобы находились в плену у поляков, содержались в тюрьме м. Ракитно и в связи с подходом частей РККА тюрьма поляками была подожжена, а пленные бежали в направлении СССР»^[133].

18 сентября. Каменец-Подольский погранотряд. «В 9.30 на участке заставы «Б. Мушка» сел польский истребитель, в котором задержан пилот подпоручик 3-го Варшавского авиадивизиона Врублевский, заявивший, что он в составе группы из пяти самолетов имел задание прибыть в Черновицы (Румыния). В Снятын совершил посадку, откуда поднялся и перелетел через Бессарабию.

Перелет на нашу территорию Врублевский объясняет своим возмущением по поводу поведения польского правительства, бежавшего из Польши. При посадке самолет сильно поврежден. Пилот легко ранен в голову»^[134].

19 сентября. Каменец-Подольский погранотряд. «В 20.45 жители

польского с. Залесье сообщили, что в пограничных селах жандармы и кулаки организуют террористические группы, которые терроризируют местное население из числа украинцев и белорусов.

По тем же данным, из Румынии в Польшу перешли группы польских солдат, которые производят погромы, избивают украинцев и белорусов в селах Шупарка, Колодрубка, Михалкув, Коросово, Кулаковце, Усце, Вискупе и Филипковце»^[135].

20 сентября. Волочинский погранотряд. «В 11.25 жители с. Просовцы, что против участка заставы «Подчанинцы», сообщили, что в селе оперирует вооруженная банда численностью в 8 человек, забравшая оружие в стражнице, терроризирует крестьян и занимается грабежами. Банда пополняется уголовным элементом.

В с. Кокошинцы (против участка заставы «Зайончики») стрельцами убит крестьянин, вывесивший красный флаг на школе...

В районе Турувка, что против застав «Тарнаруда», «Постоловка», появилась банда численностью до 200 человек, сформировавшаяся из стрельцов, осадников и кулаков, вооруженная винтовками и пулеметом. Банда терроризирует местное население»^[136].

20 сентября. Донесение политотдела погранвойск Киевского округа: «19 сентября к заставе № 13 из с. Кошицы пришли двое мужчин с жалобой, что одного из них сельские кулаки избили и ранили ножом за то, что он вывешивал красные флаги в селе, просили помочь в борьбе с помещиками...»^[137].

Перечень подобных фактов займет не одну страницу. Но уже и так ясно, что большинство польских солдат драться не хотели и предпочитали сдаться в плен или бежать из страны. Большинство белорусского и украинского сельского населения были бедняками и не испытывали особых симпатий к польским властям. Поэтому они радостно или по крайней мере индифферентно встречали части Красной Армии. Между тем активисты правых партий, небольшая часть офицеров, помещики и кулаки перешли к тактике террора по отношению к войскам РККА, а также к белорусам, украинцам и евреям. Пользуясь отсутствием власти, активизировался и уголовный элемент.

В ответ на террор многие командиры Красной Армии начали бессудные расстрелы взятых с оружием в руках польских офицеров, жандармов, «стрельцов» и т. д. Официально военная прокуратура решительно пресекла подобные явления. Нарком обороны Ворошилов своим приказом № 0059 от 10 октября 1939 г. решительно осудил Военный

совет 6-й армии и лично комкора Голикова. В приказе было сказано: «Получив донесение о действиях банды, состоящей из жандармов, офицеров и польских буржуазных националистов, устроивших в тылу наших войск резню украинского и еврейского населения, Военный совет дал ошибочную, неконкретную, а потому недопустимую директиву: «Всех выявленных главарей банды погромщиков подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять в течение 24 часов».

На основании этого постановления были расстреляны 9 человек. Военный совет 6-й армии вместо того, чтобы поручить органам военной прокуратуры расследовать все факты контрреволюционной деятельности захваченных лиц и предать их в установленном порядке суду Военного трибунала, вынес общее постановление о расстреле главарей банды без поименного перечисления подлежащих расстрелу. Подобные решения Военного совета 6-й армии могли быть поняты подчиненными как сигнал к упрощенной форме борьбы с бандитами».

Все виновные, начиная с комкора Голикова, получили взыскания.

Еще ранее, 26 сентября, Военный совет Украинского фронта принял постановление «О случае мародерства и изнасилования со стороны красноармейца 59-го кавполка 14-й кавдивизии Фролова Егора Ефимовича». В ночь на 21 сентября Егоров задержал беженцев, запугал их, украл у них часть вещей и изнасиловал женщину. Фролова приговорили к расстрелу и привели приговор в исполнение.

27 сентября после перестрелки красноармейцев 146-го стрелкового полка с группой польских солдат в плен было взято пятнадцать поляков. Старший лейтенант Булгаков и старший политрук Кольдюрин приказали расстрелять пленных из пушки. Булгаков был за это арестован, а дело его передали в военный трибунал.

Командир взвода 103-го танкового батальона 22-й танковой бригады младший воентехник В.А. Новиков в районе Лентуны убил из револьвера старую помещицу и разграбил ее дом. Чтобы скрыть это преступление, Новиков попытался убить свидетеля – красноармейца Пешкова. Военный трибунал приговорил Новикова к расстрелу.

30 сентября Военный совет Украинского фронта издал директиву № 071, в которой потребовал от военного прокурора и трибунала «настоящему включиться в борьбу с мародерством и барахольством. Применять суровые меры наказания к мародерам и барахольщикам. Не тянуть следствия по делам мародеров. Проводить показательные процессы с выездом в части». На следующий день аналогичный приказ № 0041 издал и Военный совет Белорусского фронта.

А как Запад отреагировал на ввод частей Красной Армии в Польшу? Тут сразу нужно отделить мух от котлет, то есть реакцию прессы и отдельных экстремистских политиков и реакцию руководителей государства. Пресса начала бешеную антисоветскую кампанию, а вот премьер-министр Франции Э. Даладье вежливо осведомился у советского посла, берет ли СССР украинское и белорусское население под свой вооруженный протекторат временно или Москва намерена присоединить эти территории к СССР. В свое время французский посол спрашивал у Екатерины Великой, на каком основании в Польшу введены русские войска, а императрица ответила вопросом: «А какое право имеют французы вообще задавать подобные вопросы?»

18 сентября английское правительство приняло решение, что, согласно англо-польскому соглашению, Англия связана обязательством защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии, и поэтому посылать протест в Советский Союз не следует.

Замечу, что в сентябре 1939 г. Англия и СССР вели переговоры по ряду аспектов взаимной торговли, и 11 октября было заключено советско-английское соглашение об обмене советского леса на каучук и олово.

Англия всячески стремилась избежать обострения отношений с СССР. Вот, к примеру, в начале сентября 1939 г. несколько германских торговых судов, застигнутых войной в отдаленных от Германии морях, направились в Мурманск, откуда, простояв некоторое время и дождавшись тихой погоды, отправились в германские порты. Среди этих судов был и огромный лайнер «Бремен». Некоторые наши историки называют это событие чуть ли не участием СССР в войне. Увы, это обнаруживает лишь безграмотность оных писак в области морского права. Действия германских судов и советских портовых властей были абсолютно законными, а германские суда, к примеру, чуть ли не до самого последнего дня войны ходили в Швецию, причем до 1944 г. шведские военные корабли конвоировали германские торговые суда.

Английские корабли готовились перехватить германские торговые суда у Мурманска. В результате два британских эсминца оказались в зоне действия береговых батарей Северного флота и были обстреляны. Эсминцы поставили дымзавесу и ушли. При этом МИД Великобритании никак не среагировал на этот инцидент. Больше британские корабли близко к Кольскому полуострову не подходили.

27 сентября в 18 ч. в Москву прилетел Риббентроп. С 22 ч. до 1 ч. он беседовал со Сталиным и Молотовым в присутствии Шуленбурга и Шкварцева. В ходе переговоров по поводу окончательного начертания

границ на территории Польши Риббентроп, ссылаясь на то, что Польша была «полностью разбита немецкими вооруженными силами» и Германии «не хватает в первую очередь леса и нефти», выразил надежду, что «советское правительство сделает уступки в районе нефтерождений на юге в верхнем течении реки Сан. Того же самого ожидало бы немецкое правительство и у Августова и Белостока, так как там находятся обширные леса, очень важные для нашего хозяйства. Ясное решение этих вопросов было бы очень полезно для дальнейшего развития германо-советских отношений». Риббентроп еще раз подтвердил, что Германия, как и прежде, готова «осуществлять точное разграничение» территории Польши.

Сталин предложил оставить территорию этнографической Польши Германии, ссылаясь на опасность разделения польского населения, что могло породить волнения и создать угрозу обоим государствам.

Относительно германских пожеланий об изменении линии государственных интересов на юге Сталин сказал, что «в этом отношении какие-либо встречные шаги со стороны советского правительства исключены. Эта территория уже обещана украинцам... Моя рука никогда не шевельнется потребовать от украинцев такую жертву». Но в качестве компенсации Сталин предложил Германии поставить до 500 тыс. т нефти в обмен на уголь и стальные трубы.

Что же касается уступок на севере, то Сталин заявил о готовности советского правительства «передать Германии выступ между Восточной Пруссией и Литвой с городом Сувалки до линии непосредственно севернее Августова, но не более того». То есть Германия получала северную часть Августовских лесов.

В итоге по территориальному вопросу возникло два варианта: по первому все оставалось, как и было решено 23 августа, а по второму Германия уступала Литву и получала за это области восточнее Вислы до Буга и Сувалки без Августова.

28 сентября в Москве Риббентроп и Молотов подписали «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией», где говорилось: «Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям». В дополнительном протоколе была указана новая советско-германская граница. Во 2-й статье договора говорилось: «Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устроят всякое

вмешательство третьих держав в это решение». Статья III гласила: «Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР».

28-29 сентября Риббентроп имел две встречи со Сталиным в присутствии Молотова. В ходе беседы Риббентроп заявил: «Во время московских переговоров 23 августа 1939 г. остался открытым план создания независимой Польши. С тех пор, кажется, и Советскому правительству стала ближе идея четкого раздела Польши. Германское правительство поняло эту точку зрения и решилось осуществить точное разграничение. Германское правительство полагает, что самостоятельная Польша была бы источником постоянных беспокойств. Германские и советские намерения в этом вопросе идут в одинаковом направлении».

В беседе обе стороны коснулись широкого спектра политических, военных и экономических вопросов. Стоит отметить вопрос Риббентропа Сталину, что он мог бы сказать о положении в Англии и о поведении английского правительства. Сталин в ответ заявил следующее: «Недавно Галифакс пригласил господина Майского и спросил его, не было бы готово Советское правительство к сделкам экономического или иного порядка с Англией. Майский получил от Советского правительства указание позитивно отнестись к этим английским зондажам. Этим Советское правительство преследует только одну цель, а именно: выиграть время и разузнать, что, собственно говоря, Англия задумывает в отношении Советского Союза. Если немецкое правительство получит какую-нибудь информацию об этих дискуссиях советского посланника с английским правительством, то оно не должно об этом беспокоиться. За ними ничего серьезного не скрывается, и Советское правительство не собирается вступать в какие-нибудь связи с такими зажавшимися государствами, как Англия, Америка и Франция. Чемберлен – болван, а Даладье – еще больший болван»^[138].

В заключение стоит заметить, что с панской Польшей воевала не одна Германия. 3 сентября войну Польше объявила Словакия. 27 августа генерал фон Бон доложил начальнику генерального штаба Гальдеру о сосредоточении литовских войск на польской границе. Гальдер ответил: «Это сделано отнюдь не против нас». В свою очередь, Польша выставила завесу из двух дивизий на литовской границе. Однако вторжению литовских войск в Польшу помешал энергичный дипломатический демарш Москвы.

«Миролюбивая» Польша так допекла всех соседей, что желающих

бить наглых и чванливых панов оказалось более чем достаточно.

Глава 23. Странная война

1 сентября 1939 г. в Англии, Франции и Бельгии была объявлена мобилизация. Вечером 1 сентября послы Англии и Франции Гендерсон и Кулондр вручили министру иностранных дел Германии две одинаковые ноты. В них содержалось требование отвода немецких войск с польской территории. В случае отказа правительства Англии и Франции предупреждали, что немедленно приступят к выполнению своих обязательств по отношению к Польше.

2 сентября Гендерсону было поручено вторично потребовать от Гитлера прекращения военных действий. Выступив в тот же день в палате лордов, Галифакс информировал ее об отсутствии ответа от Гитлера и о критическом положении, которое создается для Англии и Франции.

3 сентября утром Кулондр получил от своего правительства директиву потребовать немедленного ответа на французскую ноту от 1 сентября. Если последует отрицательный ответ, затребовать для посольства паспорта. Риббентроп заявил Кулондру, что, по сообщению Муссолини, предполагаемая конференция держав сорвалась «вследствие неуступчивости английского правительства». Если Франция вмешается в польско-германский конфликт, это явится «агрессией с ее стороны». Кулондр затребовал паспорта. В 12 ч. 40 мин. дипломатические отношения между Францией и Германией были прерваны. В 11 часов утра того же 3 сентября Галифакс вызвал германского поверенного в делах в Лондоне и сообщил ему, что Великобритания находится в состоянии войны с Германией. Австралия и Новая Зеландия присоединились к Англии и объявили, что и они находятся с Германией в состоянии войны.

Таким образом, Англия и Франция 3 сентября превратили локальный германо-польский конфликт в мировую войну.

«Палата общин, – заметил английский историк Тэйлор, – силой навязала войну колебавшемуся английскому правительству». В тот же день в 17 часов объявила войну и Франция.

Замечу, что англичане и французы могли в первый же день войны начать с воздуха разрушение германских промышленных центров. К началу войны англичане имели в метрополии 1476 боевых самолетов и еще 435 самолетов в колониях. И это не считая морской авиации сухопутного базирования. На шести английских авианосцах базировался 221 самолет.

В английской бомбардировочной авиации были подготовлены к

боевым действиям 55 эскадрилий (480 бомбардировщиков) и еще 33 эскадрильи находились в резерве.

Франция располагала почти четырьмя тысячами самолетов. В 100-километровой зоне вдоль французской границы находились десятки германских крупных промышленных центров: Дуйсбург, Эссен, Вупперталь, Кельн, Бонн, Дюссельдорф и др. По этим целям с приграничных фронтовых аэродромов могли действовать с полной боевой нагрузкой даже легкие одномоторные бомбардировщики, совершая по два-три вылета в день. А истребители союзников на всем маршруте могли прикрывать действия своих бомбардировщиков.

Англия и Франция к августу 1939 г. имели 57 дивизий и 21 бригаду против 51 дивизии и 3 бригад у немцев, при том что большая часть германских дивизий была брошена против Польши.

Однако после формального объявления войны на француско-германской границе ничего не изменилось. Немцы продолжали возводить укрепления, а французские солдаты передовых частей, которым было запрещено заряжать оружие боевыми патронами, спокойно глазели на германскую территорию. У Саарбрюккена французы вывесили огромный плакат: «Мы не произведем первого выстрела в этой войне!» На многих участках границы французские и немецкие военнослужащие обменивались визитами, продовольствием и спиртными напитками.

Позже германский генерал А. Йодль писал: «Мы никогда, ни в 1938-м, ни в 1939 г., не были, собственно, в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными». Это подтвердил и генерал Б. Мюллер-Гиллебранд: «Западные державы в результате своей крайней медлительности упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным».

Замечу, что к августу 1939 г. политическое положение Гитлера не было столь прочно, как в августе 1940 г., после многочисленных побед германского оружия. Генералы вермахта были недовольны фюрером, и в случае решительного наступления союзников на западе и массированных бомбардировок германских городов генералы вполне могли устроить путч

и уничтожить Гитлера.

Однако союзники и пальцем не пошевелили, чтобы помочь Польше. Ни одна дивизия союзников не перешла в наступление на западе, и ни одна бомба не упала на германские города. Союзная авиация ограничилась разбрасыванием листовок над Германией. Позже эти действия английские и французские историки справедливо окрестят «странной войной». Вот на море, правда, английские моряки занялись любимым со времен сэра Френсиса Дрейка делом – каперством. Они с удовольствием захватывали во всех районах Мирового океана германские суда. Дело это, кстати, очень прибыльное – потерь никаких, а деньги большие.

В свою очередь, германские «карманные» линкоры «Дойчланд» и «Шпее» вышли в море 21 и 24 августа соответственно и начали топить британские суда в Атлантике. «Шпее» потопил девять торговых судов, но 12 декабря получил тяжелые повреждения в бою с британской эскадрой, после чего был затоплен экипажем в устье реки Ла-Платы (Аргентина). «Дойчланд» потопил только два судна и 15 октября вернулся в Вильгельмсхафен.

3 сентября германская подводная лодка U-30 потопила британский пароход «Атенил», начав тем самым подводную борьбу. Однако у немцев подводных лодок, имевших возможность действовать в Атлантике, было всего два десятка, и их массовое строительство развернулось уже в ходе войны.

Еще одним подтверждением того, что Гитлер не планировал войну с западными державами осенью – зимой 1939–1940 гг., служит отсутствие в германском флоте вспомогательных крейсеров. Вспомогательные крейсера (рейдеры) – это торговые суда, вооруженные пушками и предназначенные для нарушения судоходства противника в отдаленных районах Мирового океана. О них можно сказать коротко: «Дешево и сердито». Действительно, на переоборудование таких крейсеров ушли небольшие суммы, а старые 15-см пушки были взяты со складов, где они хранились после сдачи на лом кайзеровского флота.

Два-три десятка таких крейсеров могли навести ужас на союзников. Но переоборудование их началось лишь в октябре 1939 г., и первые рейдеры вышли в море лишь в марте-апреле 1940 г., когда англичане уже наладили систему конвоев, воздушного патрулирования океанских просторов и т. п.

28 сентября 1939 г. в Москве был подписан «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией».

Там говорилось: «Правительство СССР и Германское Правительство

после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям»^[139].

На следующий день, то есть 29 сентября 1939 г., было опубликовано заявление советского и германского правительства: «После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»^[140].

Молотов заявил: «Уродливое детище Версальского договора прекратило свое существование». Это название вполне подходило к государству, управляемому маршалом Пилсудским и его полковниками и имевшему территориальные претензии ко всем без исключения соседям по всему периметру своих границ.

В конце сентября 1939 г. Гитлер не имел никаких планов нападения на СССР или другие страны в Восточной и Западной Европе. Как уже говорилось, никаких боевых действий, кроме крейсерской войны на море, в Европе не велось.

Англия и Франция не понесли ни военных, ни политических потерь. Были лишь ликвидированы оскорбительные для Германии и России статьи Версальского пакта и частично восстановлен статус-кво на август 1914 г.

В октябре 1939 г. заключить мир в Европе было легко и просто. Утверждение, что в этом случае весь континент стал бы вотчиной Гитлера, несерьезно. В интересах Англии, Франции, США и СССР было сохранить сложившийся баланс сил и не допустить дальнейшего усиления Германии.

Теоретически можно предположить, что через несколько лет после заключения мира в Европе разразилась бы новая война. Но, на мой взгляд,

куда более вероятно, что Германия начала бы попросту переваривать захваченные, а точнее, возвращенные территории. Через 10–20 лет Гитлер бы умер, и в рейхе началась бы «перестройка» по советскому, испанскому или китайскому варианту. Так что у мира был еще шанс избежать великой мировой бойни.

6 октября 1939 г. Гитлер, выступая с отчетом перед рейхстагом, заявил: «У Германии нет дальнейших претензий к Франции, и никогда такие претензии не будут выдвигаться... Не меньше усилий я затратил на установление англо-германской дружбы. Зачем нужно вести эту войну на Западе? Ради воссоздания Польши? Польша, созданная по Версальскому договору, никогда не возникнет вновь. Это гарантируется двумя самыми большими государствами в мире... Проблема восстановления польского государства является проблемой, которая не может быть решена в ходе войны на Западе, ее решат Россия и Германия... Было бы бессмысленно уничтожить миллионы людей ради реконструкции государства, где само рождение было абортом для всех неполяков... Если цель войны смена режима в Германии, тогда миллионы жизней заведомо будут пожертвованы впустую... Нет, война на Западе не может решить никаких проблем... Если эти проблемы должны быть рано или поздно решены, то было бы разумнее заняться их решением прежде, чем посылать миллионы людей на ненужную смерть... Продолжение настоящего положения дел на Западе немыслимо. Каждый день вскоре будет обходиться увеличивающимися жертвами. Однажды снова возникнет граница между Германией и Францией, но вместо цветущих городов там будут руины и бесконечные кладбища... Если, однако, возобладают мнения господ Черчилля и его последователей, то это мое последнее заявление. Тогда мы будем сражаться, и второго ноября 1918 г. в германской истории не будет...

Уже в моей данцигской речи (19 сентября 1939 г.) я заявил, что Россия организована на принципах, во многом отличающихся от наших. Однако с тех пор, как выяснилось, что Сталин не видит в этих русско-советских принципах никакой причины, мешающей поддерживать дружественные отношения с государствами другого мировоззрения, у национал-социалистической Германии тоже не было больше побуждения применять здесь иной масштаб.

Советская Россия – это Советская Россия, а национал-социалистическая Германия – это национал-социалистическая Германия. Но несомненно одно: с того момента, как оба государства начали взаимно уважать их отличные друг от друга режимы и принципы, отпала всякая причина для каких-либо взаимных враждебных отношений...»

Заклученный тем временем между Германией и Советской Россией пакт о дружбе и сферах интересов дает обоим государствам не только мир, но и возможность счастливого и прочного сотрудничества. Германия и Советская Россия общими усилиями лишат одно из опаснейших мест в Европе его угрожающего характера и, каждая в своей сфере, будут вносить свой вклад в благополучие проживающих там людей, а тем самым и в европейский мир.

Британский премьер-министр опасался этого мирного наступления более, чем ударов с воздуха. 23 сентября 1939 г. он писал: «Уже можно видеть, как это состояние полувойны действует на нервы».

«В течение трех дней в начале октября он получил до 1900 писем, в которых в той или иной форме выражалась одна мысль: «Прекратите войну!» Но предложения Гитлера доказали правильность его предвидения о том, что они будут явно неприемлемыми.

В связи с необходимостью обменяться мнениями с правительствами доминионов и Франции Чемберлен дал ответ лишь 12 октября. Потребовалось проявить определенное искусство, чтобы примирить высказанные ими точки зрения, поскольку правительства доминионов были убеждены, что просто отрицательный ответ явился бы ошибкой; они полагали, что в ответе следовало бы изложить цели, ради которых Великобритания ведет войну, и сделать намек на то, что она склонна привлечь к участию в будущей мирной конференции нейтральные государства. Военный же кабинет, который все еще считал возможным вбить клин между правительствами Германии и немецким народом, хотел учесть в своем ответе настроения рядовых немцев и поэтому считал, что ответ должен завершаться скорее постановкой вопроса, а не категорическим отказом покончить с войной»^[141].

Я умышленно дал ссылку на послевоенный британский официальный источник, где оправдывается пустая болтовня Чемберлена.

Правительство СССР крайне негативно оценило отказ Запада вступить в переговоры с Германией. Так, 7 ноября 1939 г. в газете «Правда» был опубликован приказ наркома обороны Ворошилова, где говорилось: «Советский Союз в течение последних месяцев заключил с Германией договор о ненападении и договор о дружбе и границе... Договор о дружбе и границе между СССР и Германией как нельзя лучше отвечает интересам народов двух крупнейших государств Европы. Он построен на прочной базе взаимных интересов Советского Союза и Германии, и в этом его могучая сила. Этот договор явился поворотным пунктом не только в отношениях между двумя великими странами, но он не мог не отразиться

самым существенным образом также и на всем международном положении...

Европейская война, в которой Англия и Франция выступают как ее зачинщики и усердные продолжатели, еще не разгорелась в будущее пожарище, но англо-французские агрессоры, не проявляя воли к миру, все делают для усиления войны, для распространения ее на другие страны. Советское Правительство, проводя политику нейтралитета, всячески содействует установлению мира, в котором так нуждаются народы всех стран...»^[142].

Следует заметить, что британская и французская разведки устраивали самые различные провокации, чтобы вызвать конфликт между СССР и Германией.

Так, в конце ноября 1939 г. французское информационное агентство Гавас выпустило фальшивку, в считанные часы облетевшую весь мир. В ответ 30 ноября 1939 г. газета «Правда» опубликовала интервью со Сталиным: «Редактор «Правды» обратился к тов. Сталину с вопросом: как относится т. Сталин к сообщению агентства Гавас о «речи Сталина», будто бы произнесенной им «в Политбюро 19 августа», где проводилась якобы мысль о том, что «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны».

Тов. Сталин прислал следующий ответ:

«Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения, представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафешантане сфабриковано это вранье. Но как бы не ввали господ из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны.

Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафешантанные политики из агентства Гавас?»^[143].

Между тем Форин оффис через шведского бизнесмена Долеруса дал понять немцам, что они могут начать переговоры при условии, что чехи и поляки получают какую-нибудь автономию. Но при этом было выдвинуто условие, чтобы Гитлер был заменен Герингом. В Берлине этому только посмеялись.

Англия и Франция рискнули продолжить войну не из страстного желания покончить с нацизмом, а из-за боязни потерять свое экономическое и военное влияние в мире. В этом плане символично, что именно 6 октября, то есть в день мирной инициативы Гитлера, был подписан меморандум английского комитета начальников штабов, где говорилось, что «демонстрация силы – единственный аргумент для восточных наций. Ослабление наших сил в настоящий момент дало бы возможность враждебным элементам начать волнения в Египте, Палестине, Ираке и арабском мире в целом».

Руководителей союзных держав бездействие их армий не смущало: они надеялись, что время работает на них. Лорд Галифакс как-то заметил: «Пауза нам очень пригодится, и нам, и французам, потому что весной мы станем намного сильнее». Англичане были твердо уверены, что нацистская экономическая система вот-вот развалится. Предполагалось, что все отдано на производство вооружения и у Германии фактически нет сырья, необходимого для ведения войны. Начальники штабов докладывали: «Немцы уже истощены, впали в уныние». Англии и Франции оставалось только удерживать свои оборонительные линии и продолжать блокаду. Германия рухнет тогда без дальнейшей борьбы. Чемберлен заявил: «Я не думаю, что нужно вести беспощадную борьбу».

Экономические трудности постигли Англию, а не Германию. Определенный ущерб причиняли немногочисленные подводные лодки, еще больший – германские магнитные мины. Еще до начала активизации действий подводных лодок Англия потеряла транспортные суда, общий тоннаж которых составил 800 тыс. т, а среднегодовой импорт снизился по сравнению с довоенным с 55 до 45 млн т. С января 1940 г. в стране было установлено нормирование продовольствия.

Британская же морская блокада Германии оказалась неэффективной. Нефть шла в рейх из Румынии по Дунаю и из Баку по железной дороге. Мало того, нефтью Гитлера снабжали США аж до середины 1944 г.! Нет, конечно, не правительство США, а венесуэльский филиал компании «Стандарт ойл», отправлявший танкеры в Испанию, а оттуда – в Германию. Стратегические материалы из Японии и других тихоокеанских регионов переправлялись в рейх по Транссибирской магистрали.

Германские монополии усилили экономическое проникновение в Турцию, Иран и Афганистан. В октябре 1939 г. был подписан секретный ирано-германский протокол, а в июле 1940 г. – германо-турецкое соглашение, гарантирующее поставки стратегического сырья в Германию. В 1940–1941 гг. Германия почти полностью вытеснила Англию с иранского рынка: доля первой составила 45,5 % в общем иранском товарообороте, второй – 4 %. Товарооборот между Германией и Турцией в январе 1941 г. на 800 тыс. лир превысил англо-турецкий. Укрепились экономические позиции стран оси и в Афганистане.

Понятно, что у олигархов Англии и Франции были достаточные основания опасаться мира с Германией. Чисто формально эти страны ничего не теряли. Но престиж великих колониальных империй немедленно бы упал. Зависимые страны вышли из подчинения Западу, а в колониях резко усилилось бы национально-освободительное движение.

Итак, война продолжалась не ради освобождения Европы от «коричневой чумы», а ради имперских амбиций политиков и сверхприбылей монополий.

Союзные генералы и адмиралы, опасавшиеся в конце августа ответных ударов рейха, после нескольких недель «странной войны» воспрянули духом и задумались, где бы им повоевать. Естественно, наступление на Западном фронте исключалось – большие потери, да и чем черт не шутит, побьют «боши», да еще и на Париж полезут.

Наконец французские генералы придумали создать еще один фронт, в большую коалицию против Германии включить Турцию, Грецию, Румынию и Югославию. Генерал Вейган, командовавший 80-тыс. французской армией в Сирии, предложил план похода войск этих стран на Вену. В течение трех месяцев 50 тыс. французов должны были быть переброшены из Латании в Салоники, дабы принять участие в венском походе. Но, увы, ни одно балканское государство не испытывало ни малейшего желания воевать с Германией.

Французов это не испугало, они выступили с еще более грандиозным проектом – бомбить Баку на Каспийском море и утверждали, что это приведет к окончанию войны: немцы будут отрезаны от кавказской нефти, Советская Россия значительно ослабнет.

Англичан же осенью 1939 г. больше прельщал север Европы. Германия сильно зависела от поставок железной руды из Северной Швеции. Зимой, когда замерзало Балтийское море, эту руду доставляли через норвежский порт Нарвик. Если заминировать норвежские воды или захватить сам Нарвик, суда не смогут доставлять железную руду. Норвежский

нейтралитет Черчилль игнорировал: «Небольшие нации не должны нам связывать руки, когда мы боремся за их права и свободу... Мы должны скорее руководствоваться гуманностью, чем буквой закона».

В британском министерстве экономической войны считали: «Чтобы избежать «полного краха своей промышленности», Германии, по нашим подсчетам, необходимо было в первый год войны импортировать из Швеции не менее 9 млн т, то есть по 750 тыс. т в месяц. Главным железорудным бассейном Швеции является район Кируна – Елливаре на севере, недалеко от финской границы, откуда руда вывозится частью через Нарвик на норвежское побережье и частью через балтийский порт Лулео, причем Нарвик является незамерзающим портом, а Лулео обычно с середины декабря до середины апреля закован льдом. Южнее, примерно в 160 км к северо-западу от Стокгольма, находится железорудный бассейн меньшего размера. Имеются также более южные порты, из которых важнейшими являлись Окселёсунд и Евле, но в зимний период через них ежемесячно можно было отправлять не более 500 тыс. т из-за ограниченной пропускной способности железных дорог. Таким образом, если бы удалось прекратить снабжение Германии рудой через Нарвик, то в каждый из четырех зимних месяцев она получала бы руды на 250 тыс. т менее необходимого ей минимума и к концу апреля недополучила бы 1 млн т, а это по меньшей мере поставило бы ее промышленность в весьма затруднительное положение»^[144].

В итоге уже в сентябре-октябре 1939 г. британский кабинет и военное начальство планировали оккупацию Норвегии. Поначалу поводом для присутствия королевского флота у берегов Северной Норвегии стал заход германских торговых судов в Мурманский порт.

Мало кто знает, что британский кабинет и лорды адмиралтейства заранее определили сроки начала Второй мировой войны и провели соответствующую подготовку. Так, последнее английское торговое судно покинуло Германию 25 августа 1939 г. И только тогда немцы очухались и послали первое предупреждение о возможности начала войны капитанам германских торговых и пассажирских судов, находившихся чуть ли не по всему земному шару. Предупреждение это явно запоздало. В итоге 325 германских судов (общее водоизмещение 750 000 брт) укрылись в нейтральных портах, почти 100 судов (500 000 брт) пробились на родину, 71 судно (34 000 брт) было до апреля 1940 г. настигнуто союзниками, но только 15 судов (75 000 брт) попали им в руки. При этом, хотя США объявили о нейтралитете, их береговая охрана и ВМФ фактически начали слежку за германскими судами. Сами американцы их не атаковали, но

наводили английские суда. Так, большой германский лайнер «Колумбус» был обнаружен в Северной Атлантике американским крейсером «Тускалуза». Крейсер сопровождал лайнер и непрерывно сообщал его координаты англичанам. В конце концов 19 декабря 1939 г. на горизонте появился британский эсминец, и командир «Колумбуса» приказал затопить корабль.

Ряд германских торговых судов ушли в Мурманск. К 18 сентября 1939 г. там стояло 18 торговых судов. Советская сторона снабжала суда топливом, а их экипажи – теплой одеждой. Когда германские суда покидали Мурманск, суда других государств, находившиеся там же, были специально задержаны до тех пор, пока немецкие суда не оказались в полной безопасности. Это соответствовало ранее высказанному желанию немецкой стороны: «Выпуск пароходов других национальностей из Мурманска производить не ранее 8-10 часов после ухода каждого немецкого судна», так как «иностранные пароходы, следуя за немецкими судами, могут выдать их местонахождение английским военным кораблям».

Германский пассажирский лайнер «Бремен» (водоизмещение 50 тыс. т, скорость 28 узлов) 30 августа 1939 г. покинул США и ушел далеко на север Атлантики, а затем прорвался в Мурманск. 6 декабря 1939 г. «Бремен», пользуясь плохой погодой, покинул Мурманск и прорвался в Бремергафен. Два британских эсминца, осуществлявших поиск «Бремена», вошли в территориальные воды СССР и подверглись обстрелу из 152-мм орудий 104-го пушечного артдивизиона. Эсминцы поставили дымовую завесу и скрылись. Замечу, что действия СССР в этом были безукоризненны с точки зрения международного морского права. «Бремен» и другие торговые и пассажирские суда имели право заходить в любой нейтральный порт и оставаться там сколько им было угодно.

В 1939–1940 гг. в нейтральной британской прессе периодически появлялись сведения о передаче Германии части советских подводных лодок, о снабжении советскими торговыми судами, в том числе пароходом «КИМ», германских надводных рейдеров и подводных лодок.

Поставки советских подводных лодок исключаются полностью, автору досконально известна судьба каждой нашей подводной лодки^[145]. По поводу же снабжения германских судов автор достоверных данных не имеет, но не исключает, что отдельные случаи «имели место быть».

С началом перестройки журналисты – любители сенсаций начали писать о фашистских базах на Кольском полуострове и в Арктике, которые-де им в 1939–1940 гг. предоставил Сталин. И оттуда-де злодеи-немцы

действовали против англичан. Это 100-процентная липа!

В середине октября 1939 г. между Германией и Советским Союзом велись переговоры о предоставлении Германии концессии в заливе Западная Лица, но, за исключением осмотра акватории залива, никаких конкретных действий по созданию базы не проводилось.

Глава 24. «Поражение» Сталина в Финляндии и «победа» Черчилля в Норвегии

Более основательным поводом для вторжения в Норвегию союзных войск стала советско-финляндская война. Еще весной 1938 г. Сталин предпринимает попытки уладить миром все спорные вопросы с Финляндией. Причем действует он очень тонко и осторожно. Поначалу решено было не использовать официальные дипломатические каналы, а установить прямой канал связи: Сталин – Б.А. Рыбкин (резидент нашей разведки в Хельсинки) – финские министры. В целях конспирации операция была закодирована как «Дело 7 апреля». Кстати, в этот день состоялась первая беседа Рыбкина со Сталиным.

14 апреля 1938 г. заведующий Хельсинкским отделением «Интуриста» Б.Н. Ярцев посетил квартиру министра иностранных дел Финляндии Рудольфа Холсти. После продолжительной беседы с министром Ярцев немедленно вылетел в Москву. Но среди прибывших в Москву пассажиров руководителя «Интуриста» не оказалось, а резидента НКВД Рыбкина ждал черный лимузин. Через час Рыбкин уже беседовал со Сталиным. В тот же день произошла конфиденциальная беседа Холсти с премьер-министром Финляндии Каяндером.

Из Москвы Ярцев-Рыбкин вернулся в Хельсинки через Стокгольм, где имел доверительную беседу с министром иностранных дел Швеции Р. Сандлером, проявившим большой интерес к вопросам безопасности Аландских островов, а также еще с рядом нужных лиц.

11 июня 1938 г. по инициативе финнов состоялась встреча Ярцева с премьером Каяндером. С 30 июня в переговорах с Ярцевым принимал участие и заместитель министра иностранных дел Таннер.

Таким образом, финское руководство имело возможность спокойно и конфиденциально подготовить соглашение с СССР и выйти с готовым и согласованным соглашением к парламенту и народу. Но увы, финское руководство тянуло время. Тогда советское правительство решило перейти к официальным переговорам. В конце октября 1938 г. Ярцев-Рыбкин был отозван. В декабре начался дипломатический зондаж в ходе переговоров А.И. Микояна с финской торговой делегацией в Москве.

Дальнейшие переговоры начались в Москве 5 марта 1939 г. С

советской стороны в них принимали участие нарком иностранных дел М.М. Литвинов, с финской – посланник Ирве Коскинен. Обмен мнениями протекал вяло и нерегулярно.

С началом Второй мировой войны советская сторона усилила дипломатическую активность. 5 октября 1939 г. Молотов пригласил в Москву на переговоры финского министра иностранных дел Э. Эркко «для обсуждения актуальных вопросов советско-финских отношений». 9 октября вместо ответа советскому правительству Финляндия начала переброску войск к советско-финской границе. Страну охватил националистический бум, раздавались открытые призывы к войне с СССР.

11 октября закончилась мобилизация армейских возрастов до 33-летнего возраста (то есть 15 возрастов!). 12 октября в Москву наконец прибыла финская делегация на переговоры, но вместо министра иностранных дел ее возглавил посол Финляндии в Швеции Ю.К. Паасикиви.

13 октября 1939 г. на переговорах в Кремле советская делегация предложила заключить пакт о взаимопомощи между Финляндией и СССР. Финская делегация категорически отвергла это предложение. 14 октября советская делегация предложила поменять финскую территорию на Карельском перешейке площадью 2761 кв. км на советскую Карелию площадью 5529 кв. км (то есть вдвое большую!). Финны опять отказались. С 23 октября по 9 ноября советская сторона сделала еще несколько предложений о продаже, аренде или обмене спорных территорий. На все это последовал отказ финской стороны. Военный министр Финляндии Ю. Ниукканен открыто заявил, что «война нам выгоднее, нежели удовлетворение требований России».

25 октября министерство иностранных дел Финляндии объявило, что территориальные воды Финляндии от меридиана 29° (маяк Сейвастэ-Стирсудден) на запад до меридиана 21°20' (маяк Утэ) минированы, за исключением фарватера, ведущего в Ленинград.

По советской версии, 26 ноября 1939 г. в 15 ч. 45 мин. финская артиллерия в районе Майнилы выпустила семь снарядов по позициям 68-го стрелкового полка на советской территории. Убиты три красноармейца и один младший командир.

В тот же день наркомат иностранных дел СССР обратился с нотой протеста к правительству Финляндии и потребовал отвода финских войск от границы на 20–25 км.

Финское правительство отрицало факт обстрела советской территории и предложило, чтобы не только финские, но и советские войска были

отведены на 25 км от границы. Это формально равноправное требование было издевательством, ведь тогда советские войска пришлось бы вывести из Ленинграда.

29 ноября 1939 г. посланнику Финляндии в Москве была вручена нота о разрыве дипломатических отношений СССР с Финляндией.

30 ноября в 8 ч. войска Ленинградского фронта получили приказ перейти границу с Финляндией. В тот же день президент Финляндии К. Каллио объявил войну СССР.

Во времена перестройки любители сенсаций выдвинули несколько версий майнильского инцидента. По одной из них, обстрел 68-го полка произвело какое-то «секретное» подразделение НКВД. По другой версии, вообще никакой стрельбы не было, и в 68-м полку 26 ноября не было ни убитых, ни раненых. Есть и другие версии. Но увы, никаких документальных подтверждений ни одна из версий не имеет.

По мнению же автора, инцидент в Майниле еще ждет своих исследователей. Это очень интересная проблема для... узких военных специалистов. Но для политиков и народов России и Финляндии инцидент не имеет ровно никакого значения. Какая, скажите, разница – это провокация финской военщины или НКВД? К примеру, у Петра Великого для начала Северной войны был более чем анекдотичный повод^[146], но никому из «демократов» не приходит в голову назвать его агрессором. Как в 1700 г., так и в 1939 г. были нарушены жизненные интересы России, и ей пришлось силой вернуть то, что было силой у нее отнято во время смут 1608–1617 и 1917–1922 гг.

Отметим еще один небольшой нюанс. Советская пропаганда в 1939–1940 гг. говорила о войне не с финнами, а с белофиннами. Нам из XXI века термин «белофинн» кажется выдумкой советской пропаганды. Уже полвека подавляющее число жителей Финляндии поддерживает правительство. Но в 1939 г. Сталин мыслил еще категориями 1917–1922 гг., когда были красные и белые финны. И в 1939 г. в Финляндии было много сторонников социализма, да и просто нормальных людей, которым до такой-то матери было до советской Карелии и до базы на полуострове Ханко. Другой вопрос, что большинство таких граждан помалкивало, а наиболее разговорчивых отправляли на перевоспитание за колючую проволоку финских концлагерей.

2 декабря 1939 г. в газете «Правда» появилось сообщение о создании в небольшом курортном городке Териоки на Карельском перешейке «Народного правительства Финляндской демократической республики, сформированного по соглашению ряда левых партий». В его состав вошли

видный деятель ВКП(б) и Коминтерна Отто Куусинен (председатель правительства и министр иностранных дел), Маури Розенберг (министр финансов), Тууре Лехен (министр внутренних дел), Армас Эйкия (министр земледелия), Инкери Лехтинен (министр просвещения), Пааво Прокконен (министр по делам Карелии).

В первый же день своего существования «Народное правительство Финляндской демократической республики» обратилось в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об установлении дипломатических отношений между двумя странами. В тот же день, 2 декабря, Советское правительство признало Народное правительство ФДР полноправным субъектом международного права и установило с ним дипломатические отношения. А 3 декабря между СССР и ФДР был заключен договор о дружбе и взаимопомощи.

В 1-й статье договора СССР выразил согласие «передать Финляндской Демократической Республике районы Советской Карелии с преобладающим карельским населением – всего в размере 70 000 квадратных километров, с включением этой территории в состав государственной территории Финляндской Демократической Республики и установлением границы между СССР и Финляндской Демократической Республикой, согласно приложенной карте». В свою очередь, ФДР соглашается передать СССР часть Карельского перешейка площадью 3970 кв. км, «...причем СССР считает себя обязанным возместить Финляндии стоимость железнодорожных участков на территории Карельского перешейка, переходящей к СССР, в размере 120 млн финских марок».

Кроме того, ФДР сдает «Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него радиусом в пять миль к югу и востоку и в три мили к западу и к северу от него и ряд островов...» и продает «в Финском заливе острова Суурсаари (Гогланд), Сейскари, Лавансаари, Тютерсаари (Малый и Большой), Койвисто (Бьёрке), а также принадлежащие Финляндии части полуостровов Рыбачьего и Среднего на побережье Северного Ледовитого океана за условленную сумму в размере 300 млн финских марок»^[147].

Как видим, это примерно то, что требовало правительство СССР от Финляндии до войны и получило в 1940 г. Ряд русофобствующих авторов как за рубежом, так и у нас, утверждают, что Сталин в 1939 г. хотел присоединить Финляндию к СССР. Но как согласовать между собой такие планы и договор от 2 декабря 1939 г.? В этом случае, чтобы укрепить позиции Куусинена, Сталин мог ничего не брать, а только дарить, как тот же Александр I подарил Великому княжеству Финляндскому русскую

Выборгскую губернию, а Н.С. Хрущев подарил Крым Украине.

Я уж не говорю, что аннексия Финляндии в 1939 г. могла привести к обострению отношений и с западными союзниками, и с Гитлером. Между тем кампания в Европе еще не была начата, в ходе «странной войны» войска противников стояли без движения на западной границе Франции.

В ответ на предложение Лиги Наций заключить перемирие на советско-финском фронте Москва заявила, что правительство «буржуазной Финляндии» Советский Союз не признает и оно бежало в неизвестном направлении! А СССР предпримет все возможное для развития добрососедских отношений с Финляндской Демократической Республикой.

14 декабря 1939 г. СССР был исключен из Лиги Наций. Сей факт с 1990 г. стал предметом спекуляций наших либералов. Вот, мол, мы какие плохие были, раз нас исключили из «мирового сообщества наций». На самом деле Лига, подобно гоголевской унтер-офицерской вдове, «сама себя высекла». К этому времени Лига представляла лишь интересы Англии и Франции. США, Германия, Италия, Испания, Япония и многие другие страны еще ранее вышли из Лиги или вообще никогда туда не входили. Так что была Лига, а «вышла фи́га», как написал незабвенный Владимир Владимирович. Дата 14 декабря 1939 г. стала кончиной оной Лиги, хотя чисто формально она существовала до 1946 г.

Сейчас создание правительства и армии Финляндской Демократической Республики стало предметом ерничания всевозможных «аптекарей». В связи с этим возникает естественный вопрос, почему Отто Куусинен не мог стать во главе финского правительства в Хельсинки с помощью Красной Армии, точно так же, как Маннергейм пришел к власти с помощью немецких и шведских штыков? Только в отличие от Маннергейма для Куусинена финский язык был родным. Что же касается «буржуазного финского правительства», то оно действительно бежало из Хельсинки и теперь уже известно куда – в глухую деревушку Миккели. Там Маннергейм разместился в здании сельской школы, а затем недалеко был построен специальный бункер.

19 декабря англо-французский Высший военный совет собрался на совещание. Главный вопрос – помощь Финляндии. Но увы, на совещании больше всего говорилось о... шведской руде.

«Члены комитета пришли к общему мнению, что для того чтобы лишить Германию возможности получать шведскую руду, имело смысл идти на большой риск. Они решили, что пришло время использовать военно-морские силы, чтобы для начала сорвать вывоз руды через Нарвик, а затем по возможности другими способами нарушить поступление руды в

Германию через Окселёсунд. Кроме того, они тщательно обсудили предложение направить в Скандинавию англо-французский отряд численностью в 3–4 тыс. человек, привычных к условиям севера. Этот отряд должен был высадиться в Нарвике и овладеть железорудным районом Северной Швеции. Генерал Айронсайд считал, что такого рода операция ограниченного масштаба оправдала бы себя, так как из-за удаленности района противнику было бы трудно оказать этому отряду противодействие значительными силами.

В этой связи возникла мысль о том, чтобы использовать симпатии народов Швеции и Норвегии к Финляндии как средство добиться от правительств этих стран согласия на ввод союзных войск в их страны с целью совместного оказания помощи Финляндии. На заседании Верховного военного совета французы подчеркнули, насколько было бы опасно допустить, чтобы шведские железорудные месторождения попали в руки Германии, и они предложили англичанам совместно обратиться к шведам и норвежцам с заверением, что правительства Норвегии и Швеции могут рассчитывать на помощь Великобритании и Франции в случае осложнений, которые могут возникнуть в результате оказания скандинавскими странами поддержки Финляндии»^[148].

Согласно проекту инструкций, принятому на совещании, «обещание западных держав сотрудничать со Швецией и Норвегией в случае его принятия могло повести к необходимости отправить экспедиционные силы, которые смогли бы занять Нарвик и шведский железорудный район. Эти действия стали бы частью общего плана оказания помощи Финляндии и обороны Швеции, причем все это было бы результатом выполнения западными державами резолюции, принятой на последнем заседании Лиги Наций»^[149].

Дж. Батлер пишет: «Возможность того, что немцы утвердятся *на севере* Норвегии раньше англичан, просто не принималась в расчет»^[150].

Англичане посчитали, что для оккупации Тронхейма, Бергена и Ставангера потребуется не менее 100 тыс. человек.

Союзным правительствам понадобилось время. Нужно было подготовить припасы и военно-морские силы, перебросить войска. К 12 марта поход на Нарвик был подготовлен: четыре эскадры крейсеров, четыре флотилии эскадренных миноносцев и войска численностью 14 тыс. человек. Чемберлен спросил генерала, которому предстояло принять командование: «Что вы сделаете, если натолкнетесь на сопротивление?» Генерал уклонился от ответа. Галифакс сказал: «Ну, железо там или не

железо, но если добраться можно лишь ценой гибели многих норвежцев, я против». Чемберлен пожал генералу руку и сказал: «До свидания, удачи вам, если поход состоится». Но в тот же вечер пришло сообщение: финны, безнадежно разбитые, приняли советские условия и заключили мир.

Действительно, 12 марта 1940 г. в Москве был подписан Советско-Финляндский мирный договор. Согласно условиям договора, военные действия прекращались немедленно.

По территориальным условиям договора государственная граница Финляндии и СССР устанавливалась по новой линии: в состав СССР включались весь Карельский перешеек с городом Выборгом, Выборгским заливом и островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Суоярви; острова в Финском заливе; территория восточнее озера Меркьярви с городом Куолаярви; финская часть полуостровов Рыбачий и Средний, которые тем самым полностью вошли в территорию СССР.

СССР вывел свои войска из области Петсамо, которую он в 1920 г. добровольно уступил Финляндии: в Заполярье восстановилась прежняя линия границы.

По военным условиям договора Финляндия сдала в аренду на 30 лет за ежегодную арендную плату 8 млн марок полуостров Ханко.

В ходе советско-финляндской войны с запада в Финляндию поступало большое количество вооружения. Собственно, финны, идя на конфликт, надеялись на помощь и даже на интервенцию. К началу войны финские аэродромы были рассчитаны на число самолетов, в десять с лишним раз превышавшее число машин финских ВВС.

Согласно чрезвычайно заниженным финским данным^[151], в ходе войны Финляндии было поставлено:

Швецией: 28 самолетов, четыре 210-мм гаубицы, двенадцать 150-мм гаубиц, семнадцать 105-мм гаубиц, пятьдесят четыре 75-мм полевые пушки, восемнадцать 37-мм противотанковых пушек, 85 зенитных пушек, 100 пулеметов, 77 тыс. винтовок. Из Швеции прибыли свыше восьми тысяч «добровольцев» (в основном кадровых военных). Всего Швеция предоставила Финляндии помощь на 490 млн крон, то есть 19,6 % своего годового бюджета.

Францией: 76 самолетов, двенадцать 155-мм гаубиц, двенадцать 105-мм орудий, сто семьдесят две 75-мм полевые пушки, сто 81-мм минометов, сорок противотанковых пушек.

В финский список не вошли двенадцать 305-мм корабельных пушек с

линкора «Александр III»^[152], тайно доставленных из Франции на трех судах, в трюмах которых лежало по четыре пушки, засыпанных сверху зерном. Восемь 305-мм орудий попало в Финляндию, а одно судно – «Нина» – в апреле 1940 г. в Норвегии было захвачено немцами. Далее все произошло по русской пословице: «Не рой другому яму...». В 1941–1942 гг. немцы установили эти 305-мм пушки с «Александра III» на захваченном ими в 1940 г. британском острове Гернси у западного входа в Ла-Манш на расстоянии около 50 км от французского побережья. До 9 мая 1945 г. русские пушки контролировали этот район и успешно вели поединки с британскими линкорами.

Англией и доминионами поставлено Финляндии: 111 самолетов, двенадцать 152-мм дальнобойных пушек, двадцать пять 114-мм гаубиц, тридцать 84-мм пушек, 42 зенитные пушки, 20 торпед, 450 мин, 230 добровольцев и т. п.

США: 44 самолета, тридцать две 203-мм гаубицы, двести 75-мм пушек, 350 добровольцев и т. д.

Данией: сто двадцать семь 20-мм зенитных автоматических пушек, 800 добровольцев.

Норвегией: двенадцать 75-мм пушек, 200 т броневых плит, 800 добровольцев и т. д.

Следует заметить, что это оружие было использовано против СССР не только в ходе «зимней войны» 1939–1940 гг., но и в ходе «продолжительной войны» 1941–1944 гг.

Однако как уже говорилось, помощь Финляндии от Англии и Франции была лишь поводом, а не причиной для разработки планов захвата Норвегии.

Еще за неделю до начала войны в Англии состоялось заседание начальников штабов, где в числе прочего была рассмотрена возможность захвата Норвегии Германией. «Они считали, что, учитывая экономическое значение Норвегии для Германии, представляется маловероятным, чтобы последняя нарушила норвежский нейтралитет, если только благожелательное отношение Норвегии к западным союзникам не найдет своего выражения в прекращении снабжения Германии рудой»^[153].

Итак, Германии не было никакого смысла нападать на Норвегию. Сама Норвегия вела политику строгого нейтралитета. Да, действительно, германские торговые суда, равно как и суда других национальностей, проходили шхерными фарватерами в норвежских территориальных водах от полярных областей до пролива Скагеррак. Делалось это в полном

соответствии с международным морским правом. Аналогично действовала и Швеция. В течение всей Второй мировой войны германские и финские суда с железной рудой, а то и войсковые транспорты ходили шведскими фарватерами от Аландских островов до Дамасских проливов. Замечу, что западные и наши либеральные историки сейчас гневно осуждают атаки советских подводных лодок у проливов шведских территориальных вод. Еще один классический пример двойного стандарта.

14 февраля 1940 г. британская разведка получила сведения о том, что крупный германский транспорт «Альтмарк» (водоизмещением 12 тыс. т) прошел между Фарерскими островами и Исландией и 14 февраля прибыл в норвежский порт Тронхейм. Судно не было вооружено, а утверждения англичан, что в его трюмах было несколько пулеметов, мягко говоря, несерьезны. «Альтмарк» собирался идти в Германию шхерным фарватером. На перехват его британское адмиралтейство отправило эскадру в составе крейсера «Аретуза» и пяти эсминцев.

17 февраля англичане заметили «Альтмарк», шедший в сопровождении двух норвежских миноносцев в четырех милях от маяка Ёгеро в норвежских территориальных водах. Несмотря на протесты норвежцев, британские эсминцы попытались взять «Альтмарк» на абордаж.

Чтобы не допустить захвата судна врагом, германские моряки направили «Альтмарк» на скалы, а сами попытались скрыться на берегу. Англичане открыли огонь, убив четверых и ранив пятерых моряков.

Англичане пытались оправдать свою пиратскую акцию тем, что на борту «Альтмарка» было 299 британских военнопленных с британских кораблей, потопленных германским броненосцем «Адмирал Шпее» в Атлантике. Ай да злодеи немцы, с таким трудом возили пленных за 8 тыс. миль! Нет бы следовали примеру гуманных американцев – борцов за демократию. Те, потопив японское судно, сбрасывали рядом серию глубинных бомб, глушивших, как рыбу, барахтавшихся в воде моряков.

В связи с нападением на «Альтмарк» норвежское правительство заявило Англии резкий протест. Британское правительство отвергло его, мол, нечего немецким судам ходить в норвежских водах.

Тут стоит отметить, что норвежское правительство если и нарушило международное право, то только в пользу англичан. Так, Норвегия обладала огромным торговым флотом и в первые же недели войны норвежское правительство «сдало в аренду на все время войны» подавляющее число своих морских торговых судов, которые англичане немедленно начали использовать в военных целях.

Замечу, что западные союзники пиратствовали не только в норвежских

водах. В конце 1939 г. в Тихом океане англо-французские военные корабли захватили два советских торговых судна – «Селенгу» и «Владимир Маяковский». Оба судна перевозили вольфрамовую руду и другие виды сырья из нейтральных портов в СССР. Тем не менее эти суда были захвачены и приведены в порты французского Индокитая. На несколько месяцев советские моряки оказались в плену у французов. Позже корабли отпустили, но груз был, естественно, разворован.

Еще 19 сентября 1939 г. Черчилль предложил поставить мины в норвежских территориальных водах. А поскольку норвежцам это могло не понравиться, английский и французский штабы подготовили план оккупации Норвегии. Замечу, что оправдания советских историков, что, мол, «в борьбе с Гитлером все средства хороши», мягко говоря, неуместны. Англичане никогда не считались с нейтралитетом малых государств, вспомним два бандитских нападения на Данию в ходе наполеоновских войн.

Батлер писал: «7 февраля Военный кабинет утвердил мероприятия, рекомендованные Комитетом начальников штабов в его документе от 28 января, и на следующий день начальники штабов дали указания о том, чтобы была начата необходимая работа по составлению общего плана действий всех трех видов вооруженных сил.

Теперь операцию предлагалось провести следующими силами: 1 полубригада (3 батальона) альпийских стрелков и 1 английская регулярная бригада, усиленная 3 ротами лыжников, должны были высадиться в Нарвике и двигаться вдоль железной дороги с задачей установить контроль над железными рудниками в районе Елливаре; силы смешанного состава, возможно из 2–3 бригад, предназначались для оказания поддержки финнам в самой Финляндии, но из-за трудностей со снабжением они должны были действовать не южнее северной части Ботнического залива; 5 батальонов 49-й (территориальной) дивизии должны были занять южные норвежские порты; наконец, 1 регулярной и 2 территориальным дивизиям, взятым из сил, предназначавшихся для действий во Франции, ставилась задача оказать шведам помощь в случае вторжения немцев. Для охраны коммуникаций этим 3 дивизиям придавалась 1 бригада 49-й дивизии. Всего в операции должны были принять участие войска численностью до 100 тыс. человек и 11 тыс. мототранспортных единиц; ожидалось, что по времени ее осуществление займет 11 недель.

Планами предусматривалось высадку провести в самые сжатые сроки, учитывая лишь возможности транспортировки войск в самой стране. В качестве главного базового порта намечался Тронхейм, от которого в

восточном направлении тянулась лишь одна железная дорога, к тому же однопутная. А в случае если бы Германия блокировала шведские порты в Балтийском море, то в добавление к воинским перевозкам по этой же дороге пришлось бы доставлять импортные грузы, необходимые для населения Швеции. Между тем погрузка товаров требовала больше времени, чем погрузка войск. В несении эскортной службы должно было принять участие 36 эскадренных миноносцев. Отряды в Берген и Ставангер предполагалось направить на 4 крейсерах. Для того чтобы самолеты типа «Гладиатор» и «Лизандер» могли как можно раньше достичь скандинавских аэродромов, планировалось использовать авианосец»^[154].

Естественно, германская разведка знала о планах союзников оккупировать Норвегию. Однако Гитлер поднял вопрос о разработке планов захвата Норвегии лишь 14 декабря 1939 г., то есть немного позже англичан. 26 марта 1940 г. Гитлер окончательно решил захватить Данию и Норвегию 8-10 апреля в ходе операции «Везерюбунг».

В ночь на 3 апреля из германских портов вышли первые суда с вооружением и войсками и направились в Северную Норвегию. Утром 7 апреля они подошли к берегам Норвегии.

Франция еще 23 марта предложила активизировать действия в Скандинавии или на Кавказе. 28 марта верховный совет союзников решил предупредить Норвегию и Швецию о возможных мерах против германского судоходства в их территориальных водах. Было принято решение 5 апреля минировать норвежские территориальные воды и подготовиться к срыву поставок шведской железной руды из Лулео. Для действий в Скандинавии в Англии разработали план «R-4», предусматривавший захват Нарвика приблизительно 10 апреля, и план «Стрэтфорд», рассчитанный на захват Ставангера, Бергена и Тронхейма примерно 6–9 апреля и дальнейшее увеличение сил союзников.

5 апреля Англия и Франция вручили Норвегии и Швеции ноты, в которых говорилось, что Советский Союз планирует вновь напасть на Финляндию и создать на норвежском побережье базы для своего военно-морского флота, а также сообщалось о намечаемых действиях союзников в норвежских территориальных водах в ответ на угрозу со стороны Германии.

6 апреля в Лондоне были утверждены директивы командованию экспедиционных отрядов в Норвегии и Северной Швеции, однако решение об их высадке все еще не было принято. 7–8 апреля британский флот начал выдвигаться к берегам Норвегии. Утром 8 апреля английские корабли начали минирование территориальных вод Норвегии у Нарвика. Сведения

о германских военных приготовлениях, поступавшие в Лондон и скандинавские столицы, там всерьез не воспринимались.

7 апреля Швеция отклонила англо-французский демарш от 5 апреля и заявила, что окажет сопротивление нарушению своего нейтралитета. 8 апреля норвежское правительство заявило протест Англии по поводу минирования территориальных вод Норвегии, но решило не оказывать сопротивления союзникам.

Любопытно, что после войны ряд британских историков, включая довольно известного военно-морского историка С. Роскилла, утверждали, что план «R-4» (то есть оккупация Норвегии) должен был быть реализован лишь после начала германского вторжения в Норвегию. «Поскольку ожидалось, что противник предпримет решительные ответные шаги, был подготовлен план «R-4», в котором предусматривались необходимые меры на случай попытки противника захватить норвежские порты с целью нейтрализовать минные постановки. В соответствии с этим планом английское командование предполагало занять Ставангер, Берген, Тронхейм и Нарвик сразу же, как только подтвердится намерение противника сделать то же самое. 7 апреля в Розайте на крейсера «Девоншир», «Бервик», «Йорк» и «Глазго» были погружены войска для высадки в двух первых портах. Транспорты, предназначенные для перевозки войск в Тронхейм и Нарвик, сосредоточились на Клайде. Для охранения этих судов были выделены шесть эскадренных миноносцев и крейсер «Орора», на котором поднял свой флаг адмирал Эванс. Однако ни одна из этих групп кораблей и судов не должна была выходить в море до получения доказательств того, что противник намерен нарушить границы Норвегии. Инициатива, таким образом, была предоставлена противнику»^[155].

Какие галантные англичане – предоставили инициативу противнику: «Ваш ход, мистер Гитлер».

Увы, на самом деле ни британский кабинет, ни лорды адмиралтейства ничего не знали о планах немцев. Ранним утром 8 апреля двенадцать британских эсминцев из эскадры адмирала Уайтворта начали минные постановки в норвежских территориальных водах под прикрытием линейного крейсера «Ринаун».

Когда англичане узнали о начале германского вторжения в Норвегию, они были шокированы. Вместо того чтобы по плану «R-4» отправить в Норвегию четыре уже упомянутых крейсера, они получили приказ срочно выгрузить солдат и идти на перехват немецких судов. Крейсера вышли в море столь поспешно, что даже не успели выгрузить оружие, и в течение

пяти дней четыре батальона из-за отсутствия вооружения не были способны ни к каким действиям. Эскортным кораблям, которым предстояло сопровождать корабли и суда, доставляющие войска в Нарвик и Тронхейм, также было приказано выйти из устья Клайда и направиться в Скапа-Флоу. «Морское министерство сочло необходимым принять все зависящие от него меры, чтобы немецкие корабли не смогли возвратиться в Германию. Поэтому всем имевшимся кораблям было приказано выйти в море»^[156]. То есть от десантной операции «R-4» англичане отказались.

Так что, как говаривал кот Бегемот: «Поздравляю вас соврамши», господин Роскилл и господа русскоязычные либералы.

Британская высадка в Норвегии планировалась не в ответ на германское вторжение, а лишь при отсутствии такового.

В 5 ч. 15 мин. 9 апреля германские войска (11-я мотострелковая бригада и 170-я пехотная дивизия) пересекли датскую границу и, не встречая сопротивления, двинулись на север. Было несколько перестрелок, но к 8 ч. датская армия капитулировала.

Тем же утром германский пароход «Ганзентадт Данциг» в сопровождении ледокола и двух патрульных катеров вошел в копенгагенский порт и высадил пехотный батальон вермахта. Оный батальон с духовым оркестром двинулся к королевскому дворцу. Поднятый по тревоге полк королевской гвардии немного пострелял, но через несколько минут капитулировал.

В Норвегии ситуация сложилась совсем иначе. В ряде мест норвежские войска храбро сражались и сумели нанести существенный ущерб немцам, используя мощные укрепления и специфический рельеф местности. А в других местах норвежские военные хранили нейтралитет или вообще присоединялись к германским десантам. Не будем забывать, что на территории СССР сражались в войсках СС и сложили свои головы свыше тысячи норвежцев, а 101 норвежец был захвачен в плен.

Узнав о вторжении немцев в Данию и Норвегию, Англия и США немедленно стали хватать «все, что плохо лежит». Так, 12–13 апреля британские войска захватили принадлежавшие Дании Фарерские острова, а США 12 апреля заявили о распространении доктрины Монро на Гренландию. Англия пока воздержалась от оккупации Гренландии, но 10 мая захватила Исландию.

Союзники для действий в Норвегии выделили восемь бригад английской, французской и польской армий. 12 апреля с туманного Альбиона вышли первые корабли с десантом, который 14 апреля высадился в Соланген-Харстаде. 17 апреля в Ондальснесе высадились две английские

бригады, задачей которых было нанесение удара через Домбос на Тронхейм. Но от Домбоса бригады получили приказ повернуть на юг и 21–22 апреля у озера Мьёса вступили в бой с германскими войсками и были вынуждены отступить. К 25 апреля более-менее организованное отступление англичан превратилось в паническое бегство. Высаженная союзниками в Ондальснесе в качестве подкрепления 15-я бригада смогла лишь прикрыть отход разрозненных частей.

17 апреля в Намсусе высадилась 146-я английская бригада, которая до 22 апреля двигалась в направлении на Тронхейм, но действия немецких войск заставили англичан отступить. 19 апреля в Намсус прибыла 5-я французская полубригада, но проку от нее было мало.

Учитывая германское превосходство в воздухе, англичане после долгих споров сумели убедить французов начать эвакуацию из Центральной Норвегии. Союзные войска получили этот приказ 28 апреля и в период с 30 апреля по 2 мая оставили Ондальснес, а 1–4 мая – и Намсус. Теперь Южная и Центральная Норвегия были оккупированы германскими войсками.

Тогда союзники решили сосредоточить усилия в Северной Норвегии у Нарвика и 28 апреля и 6 мая высадили там свежие войска. 12 мая союзники начали наступление на Нарвик, но взяли его лишь 28 мая. В условиях начала кампании в Западной Европе и неудач союзников во Франции 23 мая было решено эвакуировать Нарвик. В первых числах июня наступление союзных войска еще продолжалось, но, получив приказ об эвакуации, французские части 5 июня оставили Нарвик, а 7–8 июня оттуда ушли и британские войска. Вся Норвегия была оккупирована Германией.

В ходе Норвежской операции немцы потеряли убитыми и ранеными 5296 человек, норвежцы – 2500 человек, а союзники – 3761 человека. Германия потеряла 242 самолета, а союзники – 112. Более существенные потери были в море. Так, англо-французские ВМС лишились одного авианосца, одного крейсера, одного крейсера ПВО, девяти эсминцев, шести подводных лодок, а также нескольких мелких судов. Германия потеряла три крейсера, десять эсминцев, четыре подводные лодки, одно артиллерийское учебное судно и десять малых судов.

Действия немцев в Норвежской операции противоречили всем положениям военно-морской стратегии. Германия, имевшая на порядок меньшие военно-морские силы по сравнению с Англией и Францией, сумела в короткий срок захватить огромный участок побережья (более 2000 км).

Инициатором вторжения в Норвегию был военно-морской министр

Уинстон Черчилль. Однако гнев англичан обратился не против него, а против премьера Чемберлена. По иронии судьбы, неудача кампании, которой руководил Черчилль, привела к падению Чемберлена и возвышению Черчилля.

7 и 8 мая в палате общин состоялись дебаты по поводу норвежской кампании. Лео Эмери обратился к правительству: «Ради Бога, уходите!» Ллойд Джордж просил Чемберлена показать пример самоотверженности – уйти в отставку. В конце дебатов 41 депутат из числа сторонников правительства голосовал заодно с оппозицией и немногим более 60 воздержались. Чемберлен пытался реорганизовать свое правительство, но после некоторого колебания лейбористы отказались в нем участвовать. Днем 9 мая Чемберлен, Черчилль и Галифакс обсуждали дальнейший ход событий. Галифакс осторожно заметил, что члену палаты лордов трудно быть премьер-министром «в условиях такой войны». Однако Черчилль охотно возложил на себя это бремя. Днем 10 мая 1940 г. он стал премьер-министром.

9 апреля в 10 ч. 30 мин. (по германскому летнему времени) посол фон Шуленбург вручил Вячеславу Молотову меморандум о действиях Германии. Там содержалось обещание, что «территории Швеции и Финляндии нашей акцией затронуты ни в каком случае не будут. Имперское правительство придерживается мнения, что мы действуем также и в интересах Советского Союза, так как реализация англо-французского плана, который нам известен, привела бы к тому, что Скандинавия стала бы театром войны, а это, вероятно, привело бы к поднятию финского вопроса»^[157].

Шуленбург телефонировал в Берлин: «Молотов заявил, что советское правительство понимает, что Германия была вынуждена прибегнуть к таким мерам. Англичане, безусловно, зашли слишком далеко. Они абсолютно не считаются с правами нейтральных стран. В заключение Молотов сказал буквально следующее: «Мы желаем Германии полной победы в ее оборонительных мероприятиях»^[158].

Глава 25. «Разбомбить Баку!»

Еще до начала советско-финской войны британские и французские стратеги приступили к разработке плана бомбардировки Баку. Они мечтали одним ударом лишить нефти и Россию, и Германию. Действительно, с сентября 1939 г. основными источниками снабжения Германии нефтью были Румыния и СССР.

К 1939 г. румынская нефть шла в Германию в основном морем из Констанцы в Гамбург (74,5 % поставок), по Дунаю (21,5 %) или по железной дороге (4 %). С началом войны транспортировка нефти в Гамбург морем стала невозможна, а Италия имела слишком мало танкеров, и их едва хватало для обеспечения нефтью своей страны. Кроме того, из общего тоннажа танкеров на Дунае (220,7 тыс. т) Германия контролировала лишь 45 %. Чтобы привязать к себе Румынию и сократить поставки ее нефти в Германию, Лондон предложил Бухаресту договор о больших закупках нефти.

Параллельно в Лондоне и Париже начали рассматривать варианты бомбардировки Баку с целью лишить нефти СССР и Германию.

Теоретическая возможность нападения с воздуха на нефтяные месторождения в Баку впервые была рассмотрена уже в сентябре 1939 г. офицером связи между генштабом и МИДом Франции подполковником Полем де Виллелюмом. 10 октября 1939 г. министр финансов Франции Поль Рейно постарался выяснить, в состоянии ли французские ВВС «подвергнуть бомбардировке из Сирии нефтеразработки и нефтеперерабатывающие заводы на Кавказе?»

31 октября министр снабжения Англии написал министру иностранных дел: «Если уничтожить русские нефтепромыслы (а все они представляют собой разработки фонтанирующего типа и поэтому могут быть очень легко разрушены), нефти лишится не только Россия, но и любой союзник России, который надеется получить ее у этой страны»^[159].

30 ноября 1939 г. началась советско-финская война. Появился прекрасный повод для нападения на СССР, который-де совершил агрессию против «маленького миролюбивого государства».

31 декабря 1939 г. в Анкару прибыл английский генерал С. Батлер для обсуждения проблем англо-турецкого военного сотрудничества прежде всего против СССР, в частности, вопросов об использовании англичанами аэродромов и портов в Восточной Турции.

15 января генеральный секретарь французского МИДа Леже сообщил американскому послу У. Буллитту, что Даладье предложил направить в Черное море эскадру для блокады советских коммуникаций и бомбардировки Батуми, а также атаковать с воздуха бакинские нефтяные скважины. Причем целью этих операций являлось не только предотвращение поставок нефти из СССР в Германию. Леже заявил: «Франция не станет разрывать дипломатических отношений с Советским Союзом или объявлять ему войну, но она уничтожит Советский Союз – при необходимости – с помощью пушек!»^[160].

24 января начальник генерального штаба Великобритании генерал Э. Айронсайд представил военному кабинету меморандум «Главная стратегия войны», где указывал следующее: «На мой взгляд, мы сможем оказывать эффективную помощь Финляндии лишь в том случае, если атакуем Россию по возможности с большего количества направлений и, что особенно важно, нанесем удар по Баку – району добычи нефти, чтобы вызвать серьезный государственный кризис в России»^[161].

3 февраля французский генштаб дал командующему ВВС Франции в Сирии генералу Ж. Жюно, полагавшему, кстати, что «исход войны решится на Кавказе, а не на Западном фронте», приказ изучить возможность осуществления воздушного нападения на Баку.

7 февраля проблема подготовки нападения на советские нефтепромыслы обсуждалась на заседании английского военного кабинета, который пришел к выводу, что успешное осуществление этих акций «может основательно парализовать советскую экономику, включая сельское хозяйство». Комитету начальников штабов было дано указание подготовить соответствующий документ.

Для бомбардировки Баку на Ближний Восток англичане направили несколько эскадрилий новейших бомбардировщиков «Блейнхем» Mk. IV.

8 марта английский комитет начальников штабов представил правительству доклад под названием «Последствия военных действий против России в 1940 г.». В докладе предусматривались три основных направления военных действий: северное (в районах Петсамо, Мурманска и Архангельска), дальневосточное и южное. Наиболее важным считалось южное направление.

В докладе подчеркивалось, что «наиболее уязвимыми целями на Кавказе являются нефтепромышленные районы в Баку, Грозном и Батуми». Военно-морские силы также могли быть привлечены к нанесению воздушных ударов: «...рейды авианосцев в Черном море с целью

бомбардировок нефтеперегонных предприятий, нефтехранилищ или портовых сооружений в Батуми и Туапсе будут полезным дополнением к основным воздушным налетам на Кавказский регион и могут привести к временному разрушению русской обороны»^[162].

Для начала англичане предприняли серию разведывательных полетов над территорией СССР. Для этого был использован новейший скоростной американский самолет «Локхид-12А», который базировался на аэродроме Хаббания недалеко от Багдада. Самолет был оснащен тремя фотоаппаратами с высокой разрешающей способностью. С высоты 6 км они могли снимать полосу шириной 18,5 км.

30 марта 1940 г. «Локхид-12А» на высоте 7 км сделал несколько кругов над Баку и прилегающими нефтепромыслами. Через 4 дня «Локхид-12А» произвел разведку районов Батуми и Поти, где находились нефтеперегонные заводы. На этот раз советская зенитная артиллерия дважды открывала огонь. Всего наши зенитчики выпустили тридцать четыре 76-мм снаряда, но попаданий в самолет не было. Погранохрана заявила протест турецкому пограничному комиссару.

Кстати, обратим внимание на даты разведывательных полетов. Ведь 12 марта 1940 г. был подписан Советско-Финляндский мирный договор. Это еще раз показывает, что при подготовке к нападению на СССР Финляндская война была не причиной, а лишь удобным поводом.

Естественно, что эти планы союзников не могли не попасть в поле зрения советской разведки. К концу марта 1940 г. в Москве еще не были известны все детали планировавшейся бомбардировки Баку. Тем не менее 30 марта нарком иностранных дел В.М. Молотов на заседании Верховного Совета СССР заявил: «Последние события в международной жизни необходимо рассматривать прежде всего в свете войны, начавшейся в Центральной Европе осенью прошлого года... Известно, однако, что выраженное еще в конце прошлого года стремление Германии к миру было отклонено правительствами Англии и Франции... Под предлогом выполнения своих обязательств перед Польшей они объявили войну Германии. Теперь особенно ясно видно, как далеки действительные цели правительств этих держав от интересов распавшейся Польши или Чехословакии. Это видно уже из того, что правительства Англии и Франции провозгласили своими целями разгром и расчленение Германии, хотя эти цели перед народными массами все еще прикрываются лозунгами защиты «демократических» стран и «прав» малых народов.

Поскольку Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против

Германии, враждебность их позиций в отношении Советского Союза еще больше усилилась, наглядно свидетельствуя, насколько глубоки классовые корни враждебной политики империалистов против социалистического государства...

Были попытки оправдать эту враждебность тем, что нашей торговлей с Германией мы помогаем последней в войне против Англии и Франции. Нетрудно убедиться, что эти аргументы не стоят и ломаного гроша... Враждебные акты в отношении Советского Союза со стороны Англии и Франции объясняются не торговлей СССР с Германией, а тем, что у англо-французских правящих кругов сорвались расчеты насчет использования нашей страны в войне против Германии и они ввиду этого проводят политику мести в отношении Советского Союза».

Далее Молотов заявил, что «всякие попытки такого рода вызвали бы с нашей стороны ответные меры против агрессоров, причем опасность такой игры с огнем должна быть совершенно очевидна для враждебных СССР держав и для тех наших соседей, кто окажется орудием этой агрессивной политики против СССР»^[163].

20 апреля 1940 г. полпред Майский телеграфировал в Москву: «Немедленно. Из источника, за абсолютную достоверность которого не могу ручаться, но который, безусловно, заслуживает внимания, я получил следующую информацию: в двадцатых числах марта на аэродроме в Хестоне (Лондон) два бомбовоза последнего американского типа были замаскированы как гражданские самолеты и снабжены фотоаппаратами. Один из этих самолетов вылетел в Ирак, а оттуда, с аэродрома в Хаббания, совершил полет в Баку специально для фотографических съемок нефтепромыслов.

Около 12 апреля названный самолет вернулся в Лондон, привезя с собой удачно сделанные снимки с Баку и района, покрывающего площадь примерно в 100 квадратных миль. По словам команды самолета, полет прошел без особых затруднений, лишь однажды самолет был обстрелян (но без повреждений), когда находился над советской территорией. Самолет имел марку G-AGAR. Второй замаскированный самолет, вопреки первоначальным предположениям, отправлен в Баку не был, так как первый привез вполне достаточный фотографический материал.

15 апреля эскадрилья бомбовозов вылетела из Хестона (Лондон) в Хаббания (Ирак). Все это приходится, видимо, рассматривать не в плоскости какого-либо немедленного выступления англичан против нас (общая военно-политическая ситуация сейчас несколько иного порядка), а в плоскости подготовки на случай конфликта с СССР в дальнейшем ходе

войны. Майский»^[164].

В Москве всерьез восприняли британскую угрозу. В полную боевую готовность была приведена система ПВО Закавказья. Замечу, что всего в ПВО страны к этому времени было три корпуса ПВО – в районах Москвы, Ленинграда и Баку. Батум же прикрывала 8-я бригада ПВО.

В районе Баку было сосредоточено 420 зенитных пушек калибра 76–85 мм и 60 орудий малого калибра. Забегая вперед, скажу, что к июню 1941 г. в ПВО Баку было 19 радиолокационных станций (13 «Рус-1» и 6 «Рус-2»), а в ПВО Москвы – всего три («Рус-1»).

31 декабря 1939 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов приказал усилить войска Закавказского военного округа (ЗакВО) путем призыва резервистов сверх штатов мирного времени. 10 января 1940 г. в Баку была переброшена 31-я стрелковая дивизия из Северо-Кавказского военного округа (СКВО). С 20 февраля командование советских ВВС занималось выработкой мер по усилению ПВО Баку.

С 25 по 29 марта с высшим и старшим комначсоставом ЗакВО была проведена двусторонняя оперативная игра на картах на территории Восточно-Анатолийского и Передового иранского театра военных действий, в ходе которой разыгрывался следующий сценарий: «черные», продолжая вести войну с «коричневыми» на Западном фронте, совместными действиями с «синими» и «зелеными» решили перейти к открытым действиям против «красных».

Согласно замыслу игры, «синие» к середине июня сосредоточили войска к границе и с утра 16 июня вторглись на территорию «красных», а «зеленые» попытались 19 июня сделать то же самое, но были отброшены. В этой обстановке Закавказский фронт «красных» получил задачу с утра 25 июня перейти «в решительное наступление с задачей выхода на фронт Эрзерум, озеро Ван, Тавриз». Следовало, взаимодействуя с Черноморским флотом, «не допустить противника на восточное побережье Черного моря от Батуми до реки Псоу и нападение его ВВС на базы Поты, Батуми». Каспийская военная флотилия получала задачу «набегами операциями на базы противника во взаимодействии с ВВС фронта уничтожить морские силы противника и важнейшие объекты военного значения», а 3-й корпус ПВО должен был «не допустить нападения ВВС противника на Баку».

Розыгрыш действий флотов «черных» и «синих» против Поты и Батуми показал, что высадка вражеского десанта на побережье затруднена, а возможна лишь успешная высадка мелких групп диверсантов.

2 апреля было принято решение сформировать редакцию и типографию газеты на английском языке и увеличить штаты газет на

турецком и иранском языках для разложения войск противника.

В начале апреля в Закавказье стали прибывать войска с финского фронта. Согласно директиве наркома обороны № 0/2/104044сс от 10 апреля, к 27 апреля в состав ЗакВО включались управления 3-го и 23-го стрелковых корпусов, 4-я, 136-я и 138-я стрелковые, 24-я кавалерийская дивизии, 116-й, 547-й, 136-й, 350-й гаубичные артполки, 40-й отдельный артдивизион особой мощности, 335-й, 18-й зенитные артполки, 7-й, 9-й отдельные прожекторные дивизионы, 153-й, 157-й, 171-й, 184-й, 201-й, 216-й, 211-й дивизионы малокалиберной артиллерии, 24-й отдельный батальон ВНОС, 380-й дивизион ПВО, 388-й зенитный артдивизион, 97-я рота и 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й взводы крупнокалиберных пулеметов, тыловые и санитарные части. Кроме того, в округе следовало к 25 мая сформировать 17-ю и 41-ю легкие танковые бригады. В итоге количество частей и подразделений зенитной артиллерии округа возросло с 6 до 37 единиц.

15-22 мая войска ЗакВО провели полевые поездки на Ахалцихском, Ахалкалакском и Ленинаканском направлениях на тему «Сосредоточение и развертывание усиленного стрелкового корпуса на широком фронте в начальный период войны в горной местности с последующим переходом в наступление».

В результате всех этих мероприятий штатная численность войск ЗакВО возросла с 15 февраля по 1 июля 1940 г. в 3,2 раза. Списочная численность войск округа, составлявшая на 1 апреля 86 771 человек, увеличилась к 1 мая до 307 961 человека, а к 1 июня – до 320 128 человек.

Тем не менее Сталин решил не ограничиваться обороной. В начале февраля 1940 г. советское командование приступило к подготовке ответного удара. Его должны были нанести шесть дальнебомбардировочных полков (всего свыше 350 бомбардировщиков ДБ-3).

6-й, 42-й и 83-й дальнебомбардировочные полки начали сосредотачиваться на аэродромах Крыма. Еще три полка ДБ-3 должны были действовать с аэродромов в Армении в районе озера Севан.

7 апреля командование ВВС просило разведуправление наркомата обороны передать штабу ВВС материалы по району Мосул – Керкук, в том числе и те, которые можно достать в Берлине через военно-воздушного атташе. 23 апреля в штаб ЗакВО из 5-го Управления наркомата обороны были высланы разведматериалы «по объектам Турции, Ирана, Ирака и Палестины для тщательного изучения летным составом» частей. Переданные 25 мая в штаб ВВС округа, эти материалы содержали карты, планы, схемы, фотоснимки районов Стамбула, Тавриза, Казвина, Багдада,

Мосула, Хайфы.

Личный состав полков был хорошо подготовлен к нанесению удара. Все полки, кроме 83-го, имели боевой опыт войны в Финляндии. В апреле командиры полков получили полетные задания. Штурманы приступили к прокладке маршрутов.

Бомбардировщики первой группы начали выполнять пробные полеты. С аэродрома под Евпаторией они летали на запад до берегов Болгарии, а затем кружным путем вдоль берегов Турции выходили на условленную цель на побережье Абхазии и потом тем же путем возвращались в Евпаторию.

Эскадрильи первой группы, пролетев над Турцией, должны были атаковать британские базы в Ларнаке, Никосии и Фамагусте на Кипре, базу в Хайфе в Палестине и французские военные объекты в Сирии.

Самолеты второй группы, базировавшиеся в Армении, должны были лететь через Иран и Ирак. В районе Багдада полки расходились в разные стороны на турецкие объекты и на британские базы в Ираке и в Египте.

Последний, самый лакомый кусочек достался 21-му дальнебомбардировочному авиаполку. Две его эскадрильи должны были атаковать британскую эскадру в Александрии, две эскадрильи – сбросить бомбы под Порт-Саидом, а одна эскадрилья должна была разрушить шлюзы Суэцкого канала и парализовать британское судоходство. Стоит добавить, что все английские и французские базы к началу июня 1940 г. жили в режиме мирного времени, и о возможности авианалетов никто и не думал.

Союзное командование назначило первую бомбардировку Баку на 15 мая 1940 г. Сразу после обнаружения самолетов противника должны были подняться в воздух и бомбардировщики Ильюшина, чтобы устроить англичанам небольшой Пёрл-Харбор.

Однако планам англичан и французозов не суждено было сбыться.

10 мая вермахт начал наступление на Западном фронте.

15 же мая капитулировала голландская армия, а танковый корпус генерала Гота расчленил 2-ю и 9-ю французские армии и двинулся на Сен-Контен. Понятно, что тут бравым союзникам стало не до Баку.

13 октября 1940 г. Риббентроп в письме к Сталину вежливо поддел его: «...советский нефтяной центр в Баку и нефтепорт в Батуми, несомненно, уже в этом году сделались бы жертвой британских покушений, если бы разгром Франции и изгнание английской армии из Европы не сломили бы английский дух нападения как таковой и не положили бы внезапный конец всем этим махинациям»^[165].

Глава 26. Конец прибалтийских лимитрофов

Как уже говорилось, секретный протокол разделил Прибалтику. Эстония и Латвия входили в сферу влияния СССР, а Литва – Германии. 20 сентября 1939 г. в МИДе Германии был составлен проект договора с Литвой, фактически превращавший ее в германский протекторат. Утром 25 сентября Гитлер подписал директиву № 4, согласно которой следовало «держать в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления».

Судя по всему, советская разведка работала оперативно, и через несколько часов Молотов позвонил послу Шуленбургу и попросил его прибыть в Кремль к 20 ч. 25 сентября. Там Сталин, согласно докладу Шуленбурга, предложил: «из территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга, должны быть добавлены к нашей порции. За это мы отказываемся от претензий на Литву»^[166]. Шуленбург пообещал немедленно доложить своему правительству.

27 сентября в Москву вновь прибыл Риббентроп, и в тот же день был подписан германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, а также новый секретный протокол. В этих документах были учтены предложения Сталина – кусок Польши отошел к Германии, а Литва вошла в сферу интересов СССР. В секретном протоколе советское правительство обязалось не чинить препятствий этническим немцам, проживавшим в Прибалтике, если те пожелают уехать в рейх.

10 октября 1939 г. в Москве был подписан «Договор о передаче Литовской республике г. Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой». Согласно этому договору, в целях закрепления дружбы между СССР и Литвой Советский Союз передает Литве город Вильно и Виленскую область с установлением новой границы между СССР и Литвой.

27 октября литовские войска под командованием генерала Виткаускаса пересекли польско-литовскую границу и на следующий день вступили в Вильно. К этому времени в Виленской области проживали 457 тыс. человек, из которых менее 100 тыс. были этническими литовцами, а в

самом Вильно их было менее 2 %.

Передача Вильно вызвала протест в Белоруссии, где этот город считали «исконно белорусским». Любопытно, что до конца сентября 1939 г. советские газеты печатали материалы об «историческом праве белорусов на Вильно». Смену ориентации нарком иностранных дел В.М. Молотов объяснил так: «Виленский край принадлежит Литве не по своему населению. Мы знаем, что большинство населения в этом регионе не литовцы. Но историческое прошлое и стремления литовского народа тесно связаны с городом Вильно, и правительство СССР сочло необходимым пойти навстречу этим моральным соображениям»^[167].

Забегая вперед, скажу, что в ноябре 1940 г. из состава Белорусской ССР Литве были переданы три района – Гадутинковский, Паречский и Свентянский.

Стоит заметить, что после 1945 г. литовские советские власти начали притеснять белорусов. Литовская пропаганда утверждала, что «они не белорусы, а «потерянные литвины», что им нужно лишь сменить фамилии, добавив «ас», «ис» или «ус». После окончания Второй мировой войны в Вильно были закрыты белорусская гимназия, белорусский Музей имени И. Луцкевича, начала выходить газета «Червоны штандар» на польском языке. Белорусам-католикам вбивалось в головы, что они самые настоящие поляки. Менялась белорусская топонимика: Медники стали называться Мединкай, Свентяны – Швенченис и т. д.»^[168].

Население Литвы в целом поддерживало заключение договора с СССР. Вот как описывал события, происходившие в Каунасе на следующий день после подписания советско-литовского договора, временный поверенный в делах СССР в Литве Ф.Ф. Молочков в своем письме от 14 октября 1939 г. на имя заведующего отделом прибалтийских стран наркомата иностранных дел СССР А.П. Васюкова:

«11 октября 1939 г.

С утра весь город украсился государственными флагами. На улицах царило исключительное возбуждение: люди целовались, поздравляли друг друга, обменивались мнениями и т. п. Бросалось в глаза, что главной причиной возбуждения среди уличной массы была передача Литве Вильно и Виленского края. В 11 часов дня работа учреждений, промышленных и торговых предприятий была прекращена. Рабочие и служащие были призваны демонстрировать перед Военным музеем и домом Президента... После речи Сметоны неожиданно для всех выступил журналист Палецкис. Он заявил, что действительным виновником торжеств является СССР, а не

отдельные литовские учреждения и лица, которые ничего не сделали и сделать в отношении Вильно не могли, что напрасно имя СССР игнорируется. Затем потребовал отставки правительства, как он заявил, насилия и бесправия.

Получилось замешательство. Президент при последних словах ушел с балкона.

Затем колонны демонстрантов по Лайсвес-аллее стали расходиться по домам. Однако для того чтобы эти колонны не прошли мимо здания Полпредства (находится в конце этой улицы), полиция стала направлять поток людей в боковые улицы.

Все же у здания Полпредства с криками «ура» и лозунгами по адресу Советского Союза были демонстрации: большой колонной студенты, затем группа актеров драмы Гостеатра и две огромные демонстрации рабочих...

Вечером у здания Каунасской тюрьмы собралась толпа в 300 человек, главным образом рабочих и трудовой интеллигенции. Состоялся митинг с требованием амнистии, реформ и отставки правительства.

Вызванные наряды полиции и засада митинг разогнали, сильно избив и переезжав многих участников...»^[169].

Однако в договоре с Литвой был и секретный протокол, согласно которому СССР имел право содержать на территории Литвы «20 тыс. человек наземных и воздушных сил».

Еще раньше, чем с Литвой, Советский Союз заключил пакт о взаимопомощи с Эстонией и Латвией. И оба пакта имели секретные приложения. Так, согласно договору, подписанному 28 сентября 1939 г. в Москве, Эстония обеспечивала за Советским Союзом право иметь на островах Сааремаа, Хийумаа и в городе Палдиски базы военно-морского флота с ограниченным контингентом обслуживающего персонала.

Базы эти сдавались в аренду. Границы баз, их точная дислокация, численность войск и цена аренды предусматривались особым соглашением.

По этому пакту базы не нарушали суверенитета Эстонии, так как участки, отводимые под базы и аэродромы, оставались территорией Эстонской республики.

Как видим, термин «ограниченный контингент» был в моде еще тогда. 10 октября 1939 г. оный «контингент» был ограничен 25 тыс. человек.

5 октября 1939 г. в Москве был подписан пакт о взаимопомощи между СССР и Латвией. Согласно ему Латвия предоставляла СССР право на организацию военно-морских баз в городах Лиепая и Вентспилс и базы береговой артиллерии на побережье между Вентспилсом и Питрагсом для

охраны Ирбенского пролива.

Все базы предоставлялись на условиях арендной платы.

СССР вводил в Латвию для охраны баз ограниченное количество советских войск, численность которых определялась особым соглашением.

С чисто военной стороны Советский Союз приобрел огромные стратегические преимущества, получив базы в Прибалтике. Следует заметить, что во многих случаях части РККА размещались в казармах, построенных русским Военным ведомством, а рядом находились могилы русских военных, служивших в этих гарнизонах в течение двух столетий. Линкоры и эсминцы становились у тех же причалов, которые они были вынуждены покинуть двадцать с лишним лет назад из-за германского наступления.

Важным моментом являются указания Сталина осенью 1939 г. не только не форсировать процесс «советизации» лимитрофов, а, наоборот, осаживать местных коммунистов.

Так, итальянский посол в Эстонии В. Чикконарди сообщал в Рим 11 ноября 1939 г.: «В настоящий момент Советский Союз не заинтересован в ускорении хода событий в Прибалтике... Когда во время прибытия русских войск в Эстонию представители местных коммунистов направились в советское полпредство, чтобы передать послание Сталину, то полпредство само попросило эстонскую полицию вмешаться и арестовать их. Утверждается, что московское правительство сообщило эстонскому правительству о своем намерении не только не одобрять ни одного движения местных коммунистов, но и оставить за эстонским правительством полную свободу противодействия этому и даже подавления с использованием в случае необходимости крайних мер»^[170].

Нарком иностранных дел Молотов для предотвращения выступлений прибалтийских коммунистов направил 23 октября 1939 г. полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину телеграмму, в которой писал: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским Пактом взаимопомощи Вы не поняли. Из Ваших последних шифровок видно, что Вас ветром понесло по линии настроений «советизации» Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны наконец понять, что всякое поощрение этих настроений насчет «советизации» Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам. Вы таким неправильным поведением сбиваете с толку и эстонцев вроде Пийпа ^[171], который думает, видимо, что ему теперь необходимо говорить просоветские речи 7 Ноября. Вы должны заботиться

только о том, чтобы наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии и обеспечить такое же отношение к пакту со стороны Эстонии. Во всем остальном, в частности 7 Ноября, Вы не должны выходить за обычные рамки работы полпредства. Главное, о чем Вы должны помнить, – это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии»^[172].

Почему осенью 1939 г. Сталин ограничился вводом в лимитрофы небольших контингентов по 20–25 тыс. человек, а в июне следующего года «оккупировал» Прибалтику?

25 октября 1939 г. Сталин заявил Димитрову: «Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия и Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать – строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают!»^[173]

Что это – хитрость и коварство кремлевского диктатора? Нет! За 8 месяцев ситуация в Европе кардинально изменилась. Немцы в апреле 1940 г. молниеносно захватывают Данию и большую часть Норвегии. А 10 мая вермахт начинает генеральное наступление на западе. Уже через 5 дней капитулирует голландская армия. Еще через 5 дней немцы прижимают к берегу у Дюнкерка британскую армию и часть войск Франции и Бельгии. 26 мая англичане начинают эвакуацию, а фактически бегство из Дюнкерка, бросив всю артиллерию, танки, автомобили и т. д. 28 мая капитулирует бельгийская армия.

Если в 1940 г. был бы жив Герберт Уэльс, он наверняка бы написал книгу «Два месяца, которые потрясли весь мир». С октября 1939 г. до 10 апреля 1940 г. большинство нейтральных стран, руководство Германии, да и многие политические деятели Англии и Франции надеялись, что война так и ограничится Польской кампанией, а в 1940 г. будет заключен компромиссный мир. Действия Сталина в Прибалтике в октябре 1939 г. – апреле 1940 г. показывают, что и он рассчитывал на мирное урегулирование в Европе в течение нескольких ближайших недель.

Здесь и далее стоит отметить, что все обличители Сталина исходят из презумпции его гениальности: мол, все западные политики – наивные люди, они-де могли ошибаться, а злодей Сталин все знал, все предвидел и посему виноват всегда и во всем.

Кроме того, Сталина серьезно удивило и напугало сопротивление

Финляндии в 1939–1940 гг. А вдруг и прибалты начнут так сражаться с Красной Армией?

В июне 1940 г. советское правительство предъявило правительствам стран-лимитрофов данные о многочисленных случаях нападения на советских солдат и других существенных нарушениях прибалтами договоров с СССР. Не вижу смысла вступать в полемику с националистическими авторами по поводу того, были ли справедливыми те или иные конкретные обвинения. Важно лишь то, что в целом советское правительство было право.

В начале 1940 г. в странах-лимитрофах произошла резкая поляризация политических сил. С одной стороны, были коммунисты и большая часть рабочих, а с другой – представители буржуазии, зажиточные крестьяне и довольно многочисленная прослойка рабочих и крестьян, обманутых националистической пропагандой. Дело в том, что основной упор пресса и деятели правых партий делали не на обличение национальных революционеров, а на защиту «свободы и независимости» от русских завоевателей.

У людей, одержимых величием малой нации, постоянно отказывает чувство реальности, адекватности отображения ситуации в мире. Те же поляки с удовольствием вспоминали, как они били немцев и русских в 1919–1920 гг., и были уверены, что то же повторится в 1939 г. Прибалтийские националисты сами себя уверили, что это они победили Россию в 1919 г., а теперь вот и финские друзья накомостиляли Красной Армии.

Военные и политики прибалтийских стран решили создать военный союз с привлечением в него Финляндии. Объяснять, против кого был направлен этот союз, думаю, нет нужды.

К началу 1939 г. военная мощь прибалтийских государств оценивалась следующим образом:

Таблица 2.

Вооруженные силы прибалтийских государств к 1 января 1939 г. [174]

Государство	Эстония	Латвия	Литва	Всего
Годные к службе, тыс. чел.	191	305	380	876
Военнообученные, тыс. чел.	181	239	145	565
Численность армии, тыс. чел.:				
— мирного времени	20	25	28	73
— военного времени	129	168	130	427
Военизированные отряды, тыс.	50—60	40—50	50—60	140—170
Дивизии	4	4	3	11
Артиллерийские полки	6	6	3	15
Кавалерийские полки	1	1	-	2
Кавалерийские бригады	-	-	1	1
Орудия	450	350	400	1200
Танки и бронемашины	58	44	45	147
Самолеты	70	90	132	292

Интересен текст телеграммы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова полпредам СССР в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии. В ней говорилось: «После подписания Эстонией, Латвией и Литвой пактов взаимопомощи с СССР Балтийская Антанта, члены которой, Латвия и Эстония, были еще раньше связаны военным союзом против СССР, не только не ликвидировалась, но усилила враждебную СССР и заключенным с ним пактам деятельность, включив в военный союз и Литву, а также стала подготавливать включение в него Финляндии. До пактов Балтийская Антанта не собиралась почти год. После подписания пактов она имела две конференции лишь на отрезке трех месяцев (декабрь 1939 г., март 1940 г.). На этих проводившихся фактически за спиной СССР конференциях секретно намечались способы борьбы против растущего влияния СССР в Прибалтике и против пактов взаимопомощи в частности...

Вообще, начиная с декабря 1939 г. Антанта развила исключительную, никогда в прошлом не наблюдавшуюся активность, причем во всех возможных направлениях — военном, политическом, экономическом, культурном, печати, туризме и пр. Все эти мероприятия, как в крупных, так и второстепенных областях, носили и носят на деле антисоветский характер.

В Балтийской Антанте за последние месяцы усилились секретно от СССР согласованные меры военного характера в Эстонии, Латвии и

Литве»^[175].

Замечу, что это не пропагандистское заявление, а совершенно секретная информация для советских дипломатов.

В сложившейся ситуации небольшие советские гарнизоны в странах-лимитрофах не только были не в состоянии отразить внешнюю агрессию, но и могли быть блокированы или уничтожены армиями лимитрофов и военизированными молодежными отрядами.

15-16 июня 1940 г. советское правительство предъявило ультиматум правительствам прибалтийских стран. В частности, ультиматум требовал создать такие правительства, которые способны были бы не только честно выполнять договор о взаимопомощи, но и активно бороться за его осуществление.

В Прибалтику были введены новые советские дивизии. Толпы людей повсеместно приветствовали Красную Армию.

Можно ли назвать такую встречу «оккупацией»? Разве так варшавяне и парижане встречали немцев? Ну ладно, там шла война, а Дания была оккупирована без единого выстрела, но вышли ли на улицы Копенгагена толпы людей, чтобы приветствовать части вермахта?

17-20 июня прежние правительства Прибалтики были распущены, а взамен образованы «народные правительства» во главе с Ю. Палецкисом (Литва), А. Кирхенштейном (Латвия) и И. Варесом-Барбарусом (Эстония). Замечу, что ни один из них не был коммунистом, и вообще в этих правительствах коммунистов практически не было.

Вслед за этим последовал роспуск ультраправых партий и вооруженных молодежных организаций.

С 1989 г. в отечественных СМИ появилось множество фантастических по глупости и лживости сенсаций, связанных с заключением пактов с государствами-лимитрофами. Вот, к примеру, М.И. Семиряга писал: «С целью принудить правительство Эстонии принять требование о заключении пакта о взаимопомощи советское руководство прибегло к военной провокации и потопило 27 сентября 1939 г. в Нарвском заливе собственное торговое судно «Металлист». Советская сторона утверждала, что судно было обстреляно «неизвестной» подводной лодкой, которая базировалась в Эстонии, и было потоплено с провокационной целью советским миноносцем путем тарана. Об этом рассказали оказавшиеся в немецком плену в 1941–1943 гг. советские моряки. Один из членов экипажа подводной лодки Щ-303 сообщил, что его лодка в сентябре 1939 г. получила боевое задание потопить «Металлиста». Но две выпущенные торпеды не повредили судно. Позже оно было потоплено тараном

миноносца»^[176].

Что же случилось на Балтике в сентябре 1939 г.? Действительно, 28 сентября 1939 г. газета «Известия» опубликовала сообщение: «27 сентября около 6 часов вечера неизвестной подводной лодкой в районе Нарвского залива был торпедирован и потоплен советский пароход «Металлист» водоизмещением до 4000 т». Там же говорилось, что атакованный через несколько часов подводной лодкой транспорт «Пионер» выбросился на камни в районе банки Вигрунд.

Дело в том, что с началом войны Германии и Польши пять больших польских подводных лодок вышли в Балтийское море. Три из них – «Рысь», «Бык» и «Сеп» – 16–17 сентября интернированы в Швеции, а подводная лодка «Орел» («Ожел») 15 сентября прибыла в Таллин, где тоже была интернирована. Вопреки всем морским законам, с интернированного судна не был снят боезапас, а также оставлены топливо и экипаж. В ночь с 17 на 18 сентября «Орел» покинул Таллин и ушел в неизвестном направлении. Позже поляки будут утверждать, что в начале октября «Орел» пытался, но неудачно торпедировать германский пароход.

Что же касается «Металлиста», то тут возникли две версии. По одной из них, он стал жертвой паники, охватившей экипажи наших судов после появления на Балтике пяти польских подводных лодок, и экипаж со страху покинул судно. Подобное случилось и с «Пионером», со страху севшим на мель. По второй версии, «Металлист» мог быть действительно атакован (безрезультатно или с легкими повреждениями) польской подводной лодкой («Орлом» или «Волком»).

Кстати, по британской версии, подводная лодка «Волк» прибыла в Англию в конце сентября, а «Орел» – 14 октября. Но по каким-то соображениям об их прибытии объявили аж 8 декабря 1939 г.

В любом случае «Металлист» не был потоплен в сентябре 1939 г. Летом 1940 г. он неоднократно приходил с грузами на Таллинский рейд. 26 июля 1941 г. (!) «Металлист» был потоплен в военно-морской базе Ханко огнем финской береговой батареи. А подводная лодка Щ-303 с начала октября 1939 г. по июль 1941 г. находилась на капремонте в Ленинграде на заводе № 194. Соответственно в конце сентября на лодке сдавали боекомплект и проводили обычные мероприятия, предшествующие уходу на завод. Да и кто рискнул бы отправить на «провокацию» неисправную лодку?

Итак, мы имеем статью в газете «Известия», редакция которой получила неверную информацию или спутала версии. А спустя 63 года издательство «Высшая школа» выпускает книгу Семиряги, полную

клеветнических измышлений.

В июле 1940 г. в трех прибалтийских республиках прошли выборы в парламент (сейм). В Литве в выборах приняли участие 1 386 569 человек, то есть 95,51 % всех имевших избирательное право. За кандидатов «Союза трудового народа» Литвы голосовало 1 375 349 избирателей, то есть 99,19 % участвовавших в голосовании^[177]. В выборах во II Государственную думу Эстонии приняли участие 591 030 избирателей, или 84,1 % от их общего числа. За кандидатов «Союза трудового народа» Эстонии проголосовало 548 631 человек, то есть 92,8 % от числа голосовавших^[178]. В Латвии в выборах участвовали 1 246 214 избирателей, то есть 94,8 %. За кандидатов «Блока трудового народа» голосовали 1 155 807 человек, или 97,8 % от общего числа проголосовавших^[179].

В выборах участвовала и национальная оппозиция – либеральные партии, требовавшие сохранения и защиты частной собственности.

Естественно, в ходе выборов случались и подтасовки, в которых были повинны обе стороны. Так, в списках либералов обнаружилось немало «диктаторских функционеров», которые скрывали этот факт. С другой стороны, неожиданно был принят закон, по которому отказывалось в регистрации организациям, не успевшим опубликовать избирательные платформы. В итоге число оппозиционных кандидатов сократилось до минимума: в Эстонии, скажем, остался всего один. Хотя, судя по настроению населения, вполне можно было обойтись и без этого.

Тем не менее выборы состоялись, и, как говорилось выше, явка была массовой. На выборах присутствовали иностранные корреспонденты. В частности, американская корреспондентка Стронг писала, что люди «просто не понимали, что такое выборы» – большинство людей голосовало впервые. Так, она приводит замечательный диалог с литовской избирательницей:

- Вы за советскую Литву или за так называемую независимую Литву?
- Что я знаю о такого рода вещах? Но Сталин, отец наш, говорит очень хорошие вещи.
- Кто вы по национальности – русская или литовка?
- Я католичка^[180].

Выборы превратились в большой праздник – с пением и концертами.

Наиболее радикальные противники просоветской ориентации пытались вести на участках «агитацию против участия в голосовании и против отдельных кандидатов, а также антисемитскую агитацию... Демонстративно рвали и разбрасывались на пол избирательные

карточки...»

Массового характера такие действия, однако, не имели. На первые выборы после диктатуры пришло подавляющее большинство населения.

Спору нет, выборы были не особенно демократическими. Но прибалтийские националисты и русские «либералы», упоминая о них, передергивают карты и говорят о массовых репрессиях, высылках в Сибирь и т. п. Да, такие явления были в Прибалтике, но через несколько месяцев после выборов.

Риторический вопрос: насколько демократичными были выборы в Российской Федерации в 2007 г. и 2008 г. по сравнению с выборами в июле 1940 г.? Самый умеренный ответ тут, что в обоих случаях это «выборы без выбора». Голосуй за правительственную партию или за «конструктивную оппозицию!» («Чуть-чуть левее, ваше сиятельство»). У нас забыли, что термин «оппозиция» произошел от слова «противоположный». Есть ли сейчас в России партия, платформа которой противоположна на 180° политике «Единой России»: в отношении собственности, по национальному вопросу, по отношению к США и НАТО? Так было и в Прибалтике в 1940 г. – или за коммунистов, или за «конструктивную оппозицию».

Уже на первом заседании народного сейма Латвии, которое состоялось 21 июля 1940 г., была провозглашена советская власть, принята Декларация о вхождении Латвии в состав СССР, декларировано образование Латвийской ССР, а в Москву направлена просьба о принятии Латвийской ССР в состав Советского Союза.

В тот же день, 21 июля, принимаются Декларации о вступлении Литвы в СССР, о провозглашении в республике советской власти.

21 июля открывается I сессия Государственной думы в Таллине, на которой провозглашается Эстонская Советская Социалистическая Республика, а на следующий день принимается Декларация о вступлении Эстонии в СССР.

3-5 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР принимается решение о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза.

Советское правительство не только не изменило навязанные РСФСР в 1919–1920 гг. границы, но и увеличило территорию Литвы. Так, СССР добился у Германии уступки Литве Вилькавишского уезда и части Мариампольского, Сеймского и Алитского уездов с населением 184 108 человек (на декабрь 1939 г.). За это в соответствии с секретным протоколом, подписанным 10 января 1941 г., СССР согласился уплатить

7500 тыс. долларов, что соответствовало 31 500 тыс. германских марок.

А еще раньше, в ноябре 1940 г., из состава Белорусской ССР Литве были переданы Свентяны, Солечники и курорт Друскеники. Эта территория с населением 65 тыс. человек составляла 2600 кв. км.

Летом 1940 г. по согласованию с германским правительством было проведено выселение свыше 60 тыс. этнических немцев из Эстонии, Латвии и Литвы. При этом СССР выплатил большую компенсацию за недвижимость, принадлежавшую переселенцам. Любопытно, что с 1990 г. в Прибалтике раздаются требования о выплате Россией компенсации всем выселенным из Прибалтики в 1940–1941 гг. и ведется широкая кампания по возвращению частной собственности прежним владельцам. Но почему-то все это не касается выселенных в 1940 г. немцев. Интересно, кто сейчас владеет бывшей германской собственностью? С исторической точки зрения эта недвижимость должна принадлежать потомкам выселенных граждан. Но с другой стороны, поскольку СССР платил компенсацию за нее, недвижимость должна принадлежать правопреемнику СССР – Российской Федерации.

С конца июня 1940 г. в Прибалтике новое правительство приступило к разоружению населения и военизированных организаций. К 15 июля 1940 г. только в Латвии и Литве у них было изъято 36 214 винтовок и карабинов, 21 250 пистолетов и револьверов, 433 легких и 17 танковых пулеметов и даже один танк.

Присоединение прибалтийских республик к СССР потребовало изменения структуры военных округов. 13 августа 1940 г. в Риге было сформировано управление Прибалтийского военного округа. Через 4 дня округ переименовали в Прибалтийский Особый ВО. В него вошли территории Эстонии, Латвии и Литвы.

17 августа 1940 г. нарком обороны С.К. Тимошенко издал приказ о сохранении существующих в Эстонии, Латвии и Литве армий. При этом национальные армии преобразовывались в корпуса из двух стрелковых дивизий. Всего в каждом корпусе имелись 15 142 человека. Корпусам присваивались наименования: Эстонскому корпусу – 22-й стрелковый корпус, Латвийскому корпусу – 24-й стрелковый корпус, Литовскому корпусу – 29-й стрелковый корпус.

В состав Латвийского и Литовского корпусов сверх указанных выше частей приказывалось иметь по одному кавалерийскому полку по 1175 человек каждый.

На формирование корпусов приказывалось обратить все войсковые части и учреждения, входившие в состав Эстонской, Латвийской и

Литовской армий со всем вооружением, транспортом и военным имуществом. Излишнее военное имущество после преобразования армии надлежало сдать в армейские склады.

Преобразованные корпуса включались в состав Красной Армии и подчинялись: 22-й стрелковый корпус Эстонской ССР, 24-й стрелковый корпус Латвийский ССР и 29-й стрелковый корпус Литовской ССР – командующему войсками Прибалтийского военного округа.

В 22-м, 24-м и 29-м стрелковых корпусах приказывалось сохранить существующую форму одежды, предложив снять погоны и ввести знаки различия начальствующего состава Красной Армии.

Возможно, с политической точки зрения решение оставить в неприкосновенности армии стран-лимитрофов, лишь основательно «почистив» их высший командный состав, было правильным, но в военном отношении это себя не оправдало.

Нелишне напомнить, какие события происходили в июне-августе 1940 г. в Западной Европе. 14 июня немцы взяли Париж. 17 июня новое правительство Франции во главе с маршалом Петеном предлагает Германии заключить перемирие. 22 июня в Компьенском лесу на том же месте и в том же вагоне, что и в 1918 г., было подписано перемирие, согласно которому северные и центральные районы Франции, включая все Атлантическое побережье, были оккупированы немцами.

16 июля издается Директива германского верховного командования о подготовке десанта в Англию (операция «Морской лев»). 13 августа началась первая фаза воздушной «битвы за Англию».

Германскому правительству переход Прибалтики к СССР явно не нравился, но формально оно выразило согласие и поддержало советскую сторону. 24 июля 1940 г. Бенито Муссолини принял советского полпреда Н.В. Горелкина и заявил, «что он вполне понимает советское правительство, когда оно потребовало возвращения того, что СССР должно принадлежать по праву.

Затем он заявил, что столь же благожелательное отношение Италии существует и в вопросе о Прибалтике, повторив, что к Советскому Союзу возвращается то, что ему принадлежало раньше, и что Итальянское правительство считает это вполне справедливым»^[181].

Английское правительство скорее положительно, чем отрицательно реагировало на присоединение Прибалтики к СССР. На заседании правительства 17 июня 1940 г. лорд Галифакс заявил: «Не может быть сомнений, что за действиями России скрывается стремление усилить ее позиции против Германии, чьи военные успехи ей совершенно не

нравятся». Мало того, Уинстон Черчилль, ставший премьером 10 мая 1940 г., послал в Москву к Сталину известного лейбористского политика Стаффорда Криппса. Последний 1 июля 1940 г. в 17 ч. 00 мин. передал Молотову личное послание Черчилля и ровно через полтора часа был принят Сталиным. Естественно, Криппс не позволил себе даже сделать «кискин нос» по вопросу о лимитрофах.

Резко позволил себе возразить лишь исполняющий обязанности государственного секретаря США С. Уэллес. 23 июля он заявил: «В эти последние дни подошел к концу тот извилистый процесс, в ходе которого политическая независимость и территориальное единство трех небольших прибалтийских республик – Эстонии, Латвии и Литвы – были преднамеренно ликвидированы одним из наиболее могущественных соседей... Политика нашего правительства всем известна. Народ Соединенных Штатов против разбойничьих действий независимо от того, осуществляются ли они с помощью силы или в виде угрозы силой»^[182].

12 августа Соединенные Штаты направили Советскому Союзу меморандум, в котором прибалтийские республики назывались «оккупированными» странами, лишенными свободы распоряжаться своим имуществом. Вскоре в Каунасе, Риге и Таллине были закрыты миссии США. А в США были задержаны несколько судов, принадлежавших прибалтийским республикам.

Спору нет, присоединение Прибалтики к СССР произошло с некоторым нарушением международного права. Но ведь и создание этих государств в 1919–1920 гг. произошло с куда более грубыми нарушениями того же международного права. Нелишне вспомнить, что еще до советско-финляндской войны о международном праве забыли напрочь западные державы. Так, Англия уже в сентябре 1939 г. начала подготовку к вторжению в нейтральную Норвегию. В 1939–1942 гг. Англия и США осуществили вооруженные вторжения в десятки нейтральных государств и полунезависимых территорий, среди которых Иран (1941 г.), Ирак (1941 г.), многочисленные французские колонии (1940–1942 гг.) и т. п. Об этих операциях подавляющее большинство российских демократов-образованцев даже слыхом не слыхивали.

На последней сессии Ассамблеи Лиги Наций Уинстон Черчилль заявил, что «мы имеем право, более того, на нас лежит обязанность отклониться в известной мере от некоторых из условностей тех самых законов, которые мы стремимся вновь восстановить и упрочить. Малые нации не должны связывать нам руки, когда мы сражаемся за их права и свободу». В переводе со словоблудия на русский язык это означает, что

Британская империя имеет право делать, что хочет, во имя светлых идеалов.

Нельзя не упомянуть об одном из главных козырей националистов и их пятой колонны в Москве – репрессиях и высылках в конце 1940 г. – первой половине 1941 г. Обратимся не к пропагандистскому, а к совершенно секретному документу: «Докладной записке наркомата Госбезопасности СССР № 2288/М в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об итогах операции по изъятию антисоветского, уголовного и социально опасного элемента в Литве, Латвии и Эстонии» от 17 июня 1941 г.

«Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

По Литве: арестовано 5664 человека, выселено 10 187 человек, всего репрессированы 15 851 человек.

По Латвии: арестовано 5625 человек, выселено 9546 человек, всего репрессированы 15 171 человек.

По Эстонии: арестовано 3178 человек, выселено 5978 человек, всего репрессированы 9156 человек.

Всего по всем трем республикам: арестовано 14 467 человек, выселено 25 711 человек, всего репрессированы 40 178 человек.

В том числе по трем республикам:

а) активных членов контрреволюционных националистических организаций арестовано – 5420 человек, выселено членов их семей – 11 038 человек;

б) бывших охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков арестовано – 1603 человека, выселено членов их семей – 3240 человек;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников бывшего госаппарата Литвы, Латвии и Эстонии арестовано – 3236 человек, выселено членов их семей – 7124 человека;

г) бывших офицеров польской, латвийской, литовской, эстонской и белой армий, не служивших в территориальных корпусах и на которых имелись компрометирующие материалы, арестовано – 643 человека, выселено членов их семей – 1649 человек;

д) членов семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к ВМН, арестовано – 27 человек, выселено – 465 человек;

е) лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию и по различным причинам не уехавших в Германию, в отношении которых имеется компрометирующий материал, арестовано – 56 человек, выселено – 105 человек;

ж) беженцев из бывшей Польши, отказавшихся принять советское гражданство, арестовано – 337 человек, выселено – 1330 человек:

з) уголовного элемента арестовано – 2162 человека;

и) проституток, зарегистрированных в бывших полицейских органах Литвы, Латвии и Эстонии, ныне продолжающих заниматься проституцией, выселено – 760 человек;

к) бывших офицеров литовской, латвийской и эстонской армий, служивших в территориальных корпусах Красной Армии, на которых имелся компрометирующий материал, арестовано – 933 человека, в том числе: по Литве – 285 человек, по Латвии – 424 человека, по Эстонии – 224 человека...»^[183].

Сегодня события 14 июня трактуются в Прибалтике как национальная трагедия. При этом местные политики норовят многократно завысить количество репрессированных, а когда им указывают на документальные данные, пускают в ход демагогию. Как, например, посол Эстонии в РФ Тийт Матсулевич в интервью газете «Известия» говорил: «Наверное, вообще неэтично ссылаться на количественные показатели. 14 июня 1941 г. из нашей страны вывезли более 10 тыс. человек, а тысячу, к примеру, или сто следует считать, что ли, более пристойной цифрой? Эти десять тысяч составляли фактически элиту населения страны, насчитывавшей в ту пору немногим более миллиона жителей»^[184].

Таким образом, к эстонской национальной элите господин посол причислил не только «охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков», но и уголовников с проститутками (см. пункты «з» и «и» докладной записки НКГБ СССР). Стоит ли удивляться, что 11 июля 2001 г. – всего лишь через месяц после интервью – сам Матсулевич был с позором снят с должности за растрату государственных средств.

Зато бывший офицер СС И. Кажоциньш в своих воспоминаниях, опубликованных в эмигрантском журнале «Даугавас ванагу менешракстс» № 3 за 1982 г., утверждает, что 15 июня 1941 г. хорошо вооруженные группы действовавшей на заводе ВЭФ подпольной организации должны были на нескольких грузовиках выехать из Риги на «экскурсию» в Видземе, в Мадонский уезд, где существовала большая подпольная организация айзсаргов. Объединившись с ними, диверсанты планировали захватить Мадонскую радиостанцию и призвать жителей Латвии к свержению Советской власти. Однако в ночь с 13 на 14 июня большая часть организаторов «туристической поездки» стала жертвами депортации. В результате захват радиостанции не состоялся^[185].

Согласно обзору, составленному полицией безопасности и СД Латвии в декабре 1942 г., 14 июня было арестовано и выслано около 5000 лиц, связанных с германской агентурой^[186].

Последующие события показали, что «чистка» Прибалтики от профашистских элементов не была доведена до конца.

В заключение стоит добавить, что уже в 1990-х гг. эстонский историк Магнус Ильмъярва, работая в российских архивах, обнаружил документы, неопровержимо свидетельствовавшие о том, что все три прибалтийских диктатора – Сметона, Ульманис и Пятс – с середины 1920-х гг. были платными агентами Москвы. Так, тот же Пятс получал 18 тыс. крон (4 тыс. долларов) в год, что в два раза больше его президентского жалованья.

В «незалежной» Прибалтике разоблачения Ильмъярва поначалу вызвали возмущение, но после обнародования документов его оставили в покое, а публикации на эту тему попросту запретили.

Глава 27. Бессарабия становится советской

После мюнхенского сговора Англии и Франции с Гитлером Румыния попыталась отхватить кусок от Чехословакии. Однако 2 ноября 1938 г. 1-й Венский арбитраж передал южные районы Словакии и Закарпатскую Русь Венгрии.

Румынское правительство в 1939 г. пыталось балансировать между Англией и Францией с одной стороны и Германией – с другой. 13 апреля Англия и Франция предоставили гарантии независимости Румынии и Греции. 14 апреля Бухарест уведомил Берлин о том, что «Румыния не присоединится к британской политике окружения Германии» и для нее «нежелательна военная помощь со стороны СССР». 17 апреля Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР.

С началом польской кампании Румыния в январе 1939 г. объявила о намерении «строго соблюдать правила нейтралитета, выработанные международными конвенциями по отношению к воюющим странам, участвующим в нынешнем конфликте».

14 сентября румынское правительство обратилось к Гитлеру с просьбой передать Румынии трофейное польское оружие в обмен на дополнительные поставки нефти и зерна. Эти поставки Бухарест обещал продолжать в течение всей войны, чем хотел «дать Германии лучшее доказательство своей доброй воли».

Перед войной румынская нефть шла в Германию в основном морем из Констанцы в Гамбург (74,5 % поставок), по Дунаю (21,5 %) или по железной дороге (4 %). С началом войны транспортировка нефти в Гамбург морем стала невозможна, а Италия имела слишком мало танкеров, и их едва хватало для обеспечения нефтью своей страны. Кроме того, из общего тоннажа танкеров на Дунае (220,7 тыс. т) Германия контролировала лишь 45 %. Чтобы привязать к себе Румынию и сократить поставки ее нефти в Германию, Лондон предложил Бухаресту договор о больших закупках нефти. Однако румынское правительство сорвало переговоры.

Первым сигналом о намерении советского правительства решить бессарабский вопрос стала статья Б. Стефанова в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 10, 1939 г.), в которой

говорилось, что Англия и Франция стремятся втянуть угнетающую нацменьшинства Румынию в войну, но «интересы народов Румынии, их мирное и свободное развитие и лучшее будущее невозможны без немедленного заключения пакта о взаимопомощи с СССР подобно договорам между Советским Союзом и прибалтийскими государствами». Румыния немедленно заверила СССР, что не собирается нарушать нейтралитет и проявляет заботу о своих нацменьшинствах.

Румынское правительство вспомнило о добрых старых временах и обратилось за помощью к западным союзникам. 3 ноября Румыния вновь пыталась выяснить у Англии и Франции, распространяются ли их гарантии на Бессарабию, шантажируя их возможностью сближения с Германией.

14 декабря британское правительство заявило, что гарантии распространяются на Бессарабию в том случае, если Румынии немедленно поможет Турция и если Италия не будет препятствовать этой помощи. В этом случае новая ситуация будет рассмотрена совместно с французским правительством, чтобы определить вклад, который Англия и Франция способны «внести в защиту Румынии». Франция присоединилась к такому ответу. В тот же день Румыния на 15 % подняла курс немецкой марки к румынскому лею, уведомив Германию, что ждет от нее помощи против СССР, так как делает это вопреки мнению Англии и Франции. Вместе с тем 15 декабря Румыния просила Англию сохранить ее ответ в тайне, поскольку его разглашение могло бы толкнуть СССР на насильственное решение бессарабского вопроса.

Обращение за помощью к Венгрии и Болгарии успеха не имело. Обе эти страны сами имели территориальные претензии к Румынии, а аннексию своих территорий Россией считали нереальной.

Дуче было явно не до Румынии, и МИД Германии 8 февраля 1940 г. заявил, что положение Румынии Италию не беспокоит, поскольку она не предвидит никакой русской агрессии.

29 марта 1940 г. В.М. Молотов на сессии Верховного Совета СССР заявил, что «у нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем».

Это заявление вызвало беспокойство румынского правительства, и уже 30 марта румынский премьер-министр г. Татареску уведомил Германию о необходимости дальнейшего перевооружения румынской армии и просил повлиять на Москву, чтобы она не претендовала на Бессарабию. Германское правительство ответило, что отношения с Румынией будут

зависеть от выполнения ею своих экономических обязательств перед Германией. Новые румынские запросы показали, что в Берлине не верили в скорую возможность советской инициативы в решении территориального вопроса.

9 апреля 1940 г. СССР направил Румынии меморандум о пятнадцати случаях обстрела советской территории с румынской стороны и проблеме минирования мостов через Днестр. Румынская сторона, естественно, отрицала свою вину и выдвинула контрпретензии. Распространение войны на Скандинавию и пассивная позиция Англии и Франции вели к снижению их влияния на Балканах. С учетом развития событий в Европе Кароль II высказал 15 апреля 1940 г. мнение, что Румыния должна присоединиться к «политической линии Германии», и предложил в переговорах в Берлине руководствоваться этими намерениями. 19 апреля 1940 г. Коронный совет Румынии высказался против добровольной уступки Бессарабии СССР, решив довести дело до военного конфликта.

Война в Западной Европе потребовала от Румынии пересмотра внешней политики в пользу большего сближения с единственным возможным в то время противником СССР – Германией. 28 мая 1940 г. между Румынией и Германией был подписан новый торговый договор, согласно которому предполагалось увеличить поставки нефти Берлину на 30 % в обмен на обеспечение румынской армии современным вооружением. Румынское правительство стало навязывать Германии сотрудничество в любой области по ее желанию. На новые румынские запросы о действиях Германии в случае «агрессии советской России» 1 июня 1940 г. последовал ответ, что проблема Бессарабии Германию не интересует, поскольку это дело самой Румынии.

В тот же день Румыния предложила СССР расширить товарооборот, но советской стороной это предложение поддержано не было. Одновременно был улажен инцидент с советским самолетом, залетевшим в воздушное пространство Румынии на 62 километра. 20 июня германскому посланнику в Бухаресте было передано заявление румынского правительства, в котором говорилось, что «идентичность интересов, которая связывала оба государства в прошлом, определяет также сегодня и определит еще сильнее завтра их взаимоотношения и требует быстрой организации этого сотрудничества, которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношении Румынию, ибо только такая Румыния явится гарантией того, что она сможет выполнять свою миссию стража на Днестре и в устье Дуная». Но германское правительство тянуло с ответом.

Тем не менее румынские власти не только не шли на уступки

Советскому Союзу, но и, наоборот, пытались дразнить соседа. Король Кароль II и генерал Антонеску были хорошо осведомлены о планах нападения Англии и Франции на СССР. В Бухаресте явно перепутали 1940 г. с 1918-м. В Румынии была начата мобилизация. Войска концентрировались в районах Бессарабии и Буковины.

Гром грянул 26 июня 1940 г., когда нарком иностранных дел В.М. Молотов вызвал румынского посла Давидеску и передал ему заявление советского правительства. Там говорилось: «В 1918 г. Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (Россия) часть его территории – Бессарабию – и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской Советской Республикой.

Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем Правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром.

Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрее разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов... Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава...

Правительство СССР предлагает Королевскому правительству Румынии:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.
2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

Правительство СССР выражает надежду, что Королевское правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией.

Правительство СССР ожидает ответа Королевского правительства Румынии в течение 27 июня с.г.»^[187].

Фактически это был ультиматум, но понимала ли мадам Лупеску и ее опереточное правительство иной язык? Замечу, что за день до ультиматума (26 июня) Молотов обсуждал требования Советского Союза к Румынии с германским послом Шуленбургом. Граф сделал «кискин нос», что-то пробормотал насчет Буковины, мол, она ранее не принадлежала России, но

в целом не возражал.

Время ультиматума было выбрано весьма удачно. 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу представители Франции подписали условия капитуляции, а еще раньше, 19 июня 1940 г., Гитлер обратился к Англии с предложением заключить мир. Таким образом, основные силы вермахта находились во Франции, а на восточной границе рейха имелось лишь одиннадцать слабых пехотных дивизий. Другой вопрос, что немцы потихонечку помогали Румынии. В частности, они передали ей значительную часть вооружения бывшей польской армии. При этом немцы ничем не рисковали, поскольку в сентябре-октябре 1939 г. тысячи польских солдат и офицеров с оружием в руках перешли румынскую границу, а несколько десятков самолетов сели на румынские аэродромы. Поди разберись, какую часть польского вооружения доставили в Румынию немцы, а какую – ляхи.

К 26 июля 1940 г. на советско-румынской границе была развернута крупная группировка румынских войск. В полосе от Валя-Вишейляй до Сокиряны располагались войска 3-й армии со штабом в городе Роман. В состав 3-й армии входили: механизированный корпус (1-я и 4-я мехбригады), 8-й и 10-й армейские корпуса (5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 29-я, 34-я, 35-я пехотные и 2-я кавалерийская дивизии). Вдоль реки Прут от Сокиряны до Черного моря были развернуты войска 4-й армии (штаб в городе Текуч) в составе 1-го, 4-го и 11-го армейских корпусов (2-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я, 15-я, 21-я, 25-я, 27-я, 31-я, 32-я, 33-я пехотные, 3-я, 4-я кавалерийские дивизии). Обе армии входили в состав 1-й группы армий, объединяли 60 % сухопутных войск Румынии и насчитывали около 450 тыс. человек.

Поздно вечером 27 июля румынский посланник Давидеску явился на Кузнецкий мост в здание МИДа и заявил Молотову: «Королевское правительство заявляет, что оно готово приступить немедленно, в самом широком смысле к дружественному обсуждению, с общего согласия, всех предложений, исходящих от Советского правительства. Соответственно Королевское правительство просит Советское правительство сообразоваться указать место и дату, которые оно желает фиксировать для этой цели»^[188].

Вячеслав Михайлович сразу понял, что румыны попросту тянут время. Ведь переговоры могут затянуться на долгие недели, а то и месяцы, в то время как международная обстановка кардинально менялась за недели больше, чем в предвоенное время за десятилетия. Поэтому нарком заявил, что «если посланник считает румынский ответ положительным, то 28-го советские войска должны занять определенные пункты и трех-четырёх дней им будет достаточно для того, чтобы занять остальную территорию.

Приняв советские предложения, Румынское правительство должно гарантировать, что оно не допустит разрушения предприятий, железных дорог, аэродромов, телеграфа и телефона, не допустит повреждения государственного и частного имущества, находящегося на переходящей к Советскому Союзу территории. Смешанная советско-румынская комиссия может договориться о деталях реализации намеченных мероприятий. Соглашение об этом могло бы быть подписано сегодня же»^[189].

Давидеску начал всячески увиливать от ответа, и беседа закончилась безрезультатно.

Пока Давидеску беседовал с Молотовым, в правящих кругах Бухареста шли горячие дебаты. Поздно вечером 27 июня, реально оценив военные возможности Румынии и опасность социальных потрясений в случае войны с Советским Союзом, Коронный совет 27 голосами против 11 решил согласиться на уступку требуемых СССР территорий. Как позже заявил в парламенте премьер-министр Татареску, «мы решили отступить из Бессарабии и Верхней Буковины, чтобы спасти сегодня румынское государство и уберечь от опасности будущее румынской нации».

В результате 28 июня в 11 часов утра Давидеску передал Молотову ответ, где говорилось: «Румынское правительство, для того чтобы иметь возможность избежать серьезных последствий, которые повлекли бы применение силы и открытие военных действий в этой части Европы, видит себя обязанным принять условия эвакуации, предусмотренные в советском ответе.

Румынское правительство желало бы, однако, чтобы срок, предусмотренный пунктами 1 и 2, был продлен, принимая во внимание, что эвакуацию территорий было бы крайне трудно осуществить в течение четырех дней вследствие дождей и наводнений, которые испортили пути сообщения»^[190].

Молотов заявил, что «ровно в 2 часа 28 июня советские войска начнут переход через румынскую границу для занятия городов: Черновицы, Кишинев и Аккерман»^[191].

28 июня, начиная с 9 ч. 30 мин. утра, румынские пограничники начали покидать свои пикеты и уходить в глубь страны. Наши пограничники в 10 ч. 20 мин. приступили к разминированию мостов и дорог на сопредельной стороне. Между 14 ч. 00 мин. и 15 ч. 30 мин. войска Южного фронта перешли старую границу и в тот же день заняли Черновицы, Хотин, Бельцы, Кишинев и Аккерман.

Советские войска двигались быстро и зачастую обгоняли отступавшие

румынские войска. Однако постройка понтонного моста через Днестр затянулась по вине саперных частей. В связи с этим советское командование решило высадить десанты в южной части Бессарабии. 29 июня в районе Болград было десантировано 1373 бойца 204-й воздушно-десантной бригады. В 4 ч. 55 мин. 30 июня был отдан приказ о переброске в Измаил частей 201-й воздушно-десантной бригады, и с 9 ч.35 мин. до 12 ч. 15 мин. 44 самолета ТБ-3 с 809 десантниками на борту взяли курс на цель. Первоначально предполагалось, что самолеты приземлятся на измаильском аэродроме, но аэродром этот оказался не приспособленным для приема таких больших самолетов. Поэтому в Измаиле село только двенадцать ТБ-3, а остальные выбросили десант на парашютах. Всего было высажено 240 человек и десантировано с парашютами 509 человек, а из трех самолетов десантирование произведено не было. В ходе этих операций погибло 3 человека, 7 человек получили переломы, а 25 – легкие травмы. По мнению командования Южного фронта, десанты «полностью себя оправдали и заставили румынские части считаться с соглашением»^[192].

Больших столкновений с румынами не было, дело ограничилось несколькими перестрелками, потери Красной Армии в которых, а также от несчастных случаев за период с 11 июня по 6 июля 1940 г., по неполным данным, составили 119 человек (убито 29, самоубийств 12, ранено 69, членовредительство 6, утонуло 3).

Уходя, румынские войска грабили местное население, особенно досталось евреям. Многие солдаты и офицеры продавали населению казенное имущество и даже оружие.

К 8 июля советские погранотряды заняли свои пункты дислокации и с 21 ч. 00 мин. того же дня приступили к охране государственной границы с Румынией.

При занятии Бессарабии трофеями Красной Армии стали 52 796 винтовок и карабинов, 4480 пистолетов, 1 автомат, 1071 ручной пулемет, 326 станковых пулеметов, 149 малокалиберных винтовок, 1080 охотничьих ружей, 6 зенитных пулеметов, 40 минометов, 258 артиллерийских орудий и множество другого военного и гражданского имущества. Позже советская сторона согласилась вернуть вооружение румынской армии. И действительно, с 20 сентября по 15 ноября 1940 г. было возвращено 51 644 винтовок, 1080 ручных и 130 станковых пулеметов, 4248 пистолетов, 36 минометов, 157 орудий. Как видим, было возвращено далеко не все. Следует заметить, что среди брошенного румынами в июле 1940 г. оружия было много орудий и стрелкового вооружения, захваченного ими в 1918 г.

в России.

Советский Союз получил территорию площадью 50 762 кв. км с населением 3776 тыс. человек, и 2 августа Верховный Совет СССР принял закон об образовании Молдавской ССР и включении в состав Украинской ССР Северной Буковины и трех уездов Бессарабии на Черноморском побережье.

Сразу же после возвращения России Бессарабии правительства Венгрии и Болгарии также потребовали от Румынии вернуть их земли, захваченные в 1918 г. Кароль II было обратился за помощью к фюреру и дуче, но те послали его куда подальше.

В результате 7 сентября 1940 г. было подписано румыно-болгарское соглашение о передаче Болгарии территории Южной Добруджи площадью 5672 кв. км и населением 386 231 человек. 21 сентября соглашение было ратифицировано, и болгарские войска вступили в Южную Добруджу, а ко 2 октября вся процедура была завершена.

16 августа 1940 г. в городе Турну-Северине начались румыно-венгерские переговоры, но румыны не желали возвращать Трансильванию, и 24 августа переговоры были прерваны. Венгерские войска были сосредоточены на границе с Трансильванией, и 27 августа правительство Венгрии уведомило Гитлера, что на следующий день будут начаты боевые действия. Немцы предложили устроить в Вене арбитражный суд под эгидой Германии и Италии. Румынам ничего не оставалось делать, как согласиться.

30 августа решением Венского арбитража Венгрии была передана территория Северной Трансильвании площадью 43 492 кв. км с населением 2667 тыс. человек, а Румыния получила гарантию своих новых границ.

Таким образом, в 1939–1940 гг. рухнула система Версальского договора, силой навязанная Англией и Францией народам Центральной и Восточной Европы.

А 12 января 1941 г. на территориях, возвращенных Румынией России, состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а в Молдавской ССР – еще и выбор депутатов Верховного Совета Молдавской ССР, в которых из 1 561 872 избирателей приняли участие 1 555 914 (99,6 %) и за предложенных кандидатов проголосовали 1 543 880 (99,2 %) человек. Понятно, что никаким административным нажимом и даже террором добиться таких результатов физически невозможно.

Глава 28. Визит Молотова в Берлин

Утром 13 ноября 1940 г. к перрону Ангальтского вокзала в Берлине подошел специальный поезд. Его встретили министр иностранных дел Риббентроп и фельдмаршал Кейтель. Военный оркестр заиграл... «Интернационал». Так начался визит наркома иностранных дел Вячеслава Молотова. Сразу с вокзала нарком отправился в рейхсканцелярию на встречу с Гитлером.

Вопрос об организации этого визита был поднят германским послом в Москве Шуленбургом в ходе его кратковременной поездки в Берлин в конце сентября 1940 г.

С лета 1940 г. противоречия между СССР и Германией резко увеличились. Москве не нравились действия Гитлера на Балканах, предпринятые без консультации с СССР, как предусматривалось Московским договором 1939 г.

В сентябре 1939 г. советская разведка обнаружила высадку германских войск в финских портах Вааза, Улеаборг и Пори.

26 сентября 1940 г. Молотов задал вопрос о германских войсках в Финляндии временному поверенному В. Типпельскирху. Тот ответил, что он слышал об этом от журналистов, но больше ничего не знает. Молотов сказал, что, видимо, с Финляндией также заключен какой-то договор, и советское правительство хочет получить информацию об этом договоре, о его целях, а также полный текст его и дополнительные секретные статьи, если таковые имеются. Подобный договор затрагивает интересы Советского Союза. Молотов сказал, что эта проблема также вытекает из 3-й и 4-й статей договора.

30 октября 1940 г. Риббентроп направил Сталину секретное послание, в котором излагались позиции германского правительства по ряду спорных вопросов. Так, появление германских войск в Финляндии объяснялось транзитом их в Норвегию, в Нарвик и Киркинес.

По поводу ввода германских войск в Румынию говорилось: «Гарантия, данная нами Румынии, возникла исключительно вследствие необходимости предохранить эту с точки зрения снабжения Германии нефтью и зерном особо важную область Румынии против всяких помех от войны, саботажа и т. д. как изнутри, так и в виде покушений извне... В конце августа под влиянием агитации английских агентов, общеизвестных нарушителей спокойствия на Балканах, отношения между Румынией и Венгрией

настолько обострились, что непосредственно предстояло возникновение войны и даже уже происходили столкновения в воздухе. Было ясно, что мир на Балканах может быть спасен только путем быстрее дипломатического вмешательства. Времени для каких-либо переговоров и консультаций не оставалось. В военном отношении положение вещей зашло уже слишком далеко. Это привело к совершенно импровизированной встрече в Вене и в течение 24 часов к третейскому решению...

Также и германская военная миссия с принадлежащими к ней учебными формированиями германской армии, посланная на днях по просьбе румын в их страну и снова давшая врагам повод строить прозрачные комбинации, имеет целью, кроме обучения румынской армии, в то же время обеспечить германские интересы, обусловленные тесным переплетением германского хозяйства с хозяйствами этих областей. В случае, если Англия – как то вытекает из некоторых сообщений – действительно намеревается предпринять что-либо, например, против нефтерайонов Румынии, то мы уже теперь позаботились о том, чтобы такого рода английские попытки покушений извне или саботажа изнутри получили соответствующий ответ»^[193].

Послание завершалось приглашением Молотова посетить Берлин.

19 октября Молотов в беседе с послом Шуленбургом выразил согласие посетить Берлин «вскоре после Октябрьских праздников».

9 ноября Молотов подготовил основные директивы к поездке в Берлин. Уже тогда он был знаком с планами Германии, Италии и Японии создания «Новой Европы» и «Великого Восточноазиатского пространства».

Молотов считал, что, во-первых, следует добиться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены:

а) Финляндия.

б) «Дунай, в части Морского Дуная, в соответствии с директивами т. Соболеву.

Сказать также о нашем недовольстве тем, что Германия не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию.

в) Болгария – главный вопрос переговоров – должна быть по договоренности с Германией и Италией отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию.

г) Вопрос о Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия, так как у нас есть серьезные интересы в Турции.

д) Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии, как граничащих с СССР, нас очень интересует, и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились.

е) Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, так как там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить»^[194].

Кроме того, предусматривалось рассмотреть много других вопросов. Как, например, «о компенсации германским собственникам в Прибалтике». Молотов предлагал выплатить компенсацию 25 % в течение одного года, затем в течение последующих трех лет выплатить еще 50 % стоимости, а остальные 25 % – потом.

В отличие от Молотова Гитлер не составлял конкретную повестку для встречи. Ожидалось, что переговоры пойдут по хорошо известному образцу. Представление общей идеи «Новой Европы» постепенно перейдет в жесткое требование передела сфер интересов, который устранил Советский Союз из Европы и с Балкан и отразит германское военное превосходство.

Зато в германском посольстве в Москве Шуленбург со своими советниками составил план советско-германского соглашения. Согласно ему Турция должна быть исключена из нового европейского порядка, тогда как Советский Союз должен получить базы на азиатской стороне Босфора, а Германия – на европейской. Также предлагался контроль СССР над Босфором, причем дружественное государство, такое как Болгария, будет следить за соблюдением германских интересов в Стамбуле.

Вскоре после возвращения из Берлина Шуленбург вместе с Кестрингом и советником посольства Вальтером составил меморандум, подробно освещавший опасность нападения на СССР. Он утверждал, что Советский Союз не способен начать войну, но, если война ему будет навязана, все его население будет стоять насмерть. Возможно, Советский Союз потеряет Украину, Белоруссию и прибалтийские государства, но для Германии они будут только обузой.

Этот документ был передан 2 ноября Гальдеру, сделавшему пометку «получено», но неизвестно, ознакомился ли Гитлер с его содержанием.

Один из руководителей германского МИДа, Вайцзеккер, заявил: «Утверждают, что без уничтожения России не будет порядка в Европе. Но что плохого, если большевизм будет рядом с нами вариться в собственном соку? Пока ею управляют бюрократы вроде нынешних, этой страны следует бояться не больше, чем в царские времена. Я считаю невыгодным воевать в странах, где большие расстояния будут распылять наши силы.

Оккупация России даже не даст нам зерна»^[195].

Однако Гитлер не только не прислушался к мнению своего посла, но и вообще отстранил Шуленбурга от участия в переговорах с Молотовым.

Гитлер, по его собственному признанию Муссолини накануне конференции, не собирался оказывать русским услуги, разве что заставить Турцию дать «некоторые» гарантии по Проливам и способствовать урегулированию безопасности Баку и Батуми. Переговоры явно были обречены на провал, так как Гитлер ожидал, что они укрепят господство Германии в Европе, повернув русских от их «давней цели, Босфора», в сторону Индийского океана. Он твердо решил остановить продвижение Сталина «за некие определенные пределы», и особенно преградить ему «путь к Босфору через Румынию». «Лучше румынская синица в руке, – резюмировал он, – чем русский журавль в небе». Одержимость Сталина Дунаем и Болгарией настроила Гитлера довольно скептически относительно исхода конференции. Однако он все еще верил, что у Сталина «хватит ума» склониться перед превосходством Германии и наступить на горло своим амбициям. Сталин неверно рассчитал, полагал он, ожидая, что затянувшаяся война «обескровит» Европу. Перед лицом сотни свежих дивизий, развернутых на его границе, говорил Гитлер начальнику своего Генерального штаба, Сталину придется смириться с германским присутствием в Финляндии и Румынии, и он «не будет представлять для Германии никаких проблем, даже если произойдет худшее»^[196].

И вот Молотов в Берлине. 21 ноября он провел встречу с Риббентропом. Говорил в основном Риббентроп. Он пространно, но не вдаваясь в подробности, изложил позицию Германии по европейским проблемам.

В тот же день Молотов встретился с Гитлером. Гитлер заявил:

«1. Он не просит о какой бы то ни было военной помощи – Германия в этом не нуждается.

2. Ясно, что с таким огромным расширением войны они (немцы) были принуждены вступить в те районы, которые необходимы для обороны, но которые Германию ни политически, ни экономически не интересуют.

3. Есть определенные требования, значение которых выяснилось особенно только сейчас, во время войны, и которые для Германии являются жизненной необходимостью. Это определенные виды сырья, их месторождения и связанные с ними районы».

Возможно, Молотов будет того мнения, что в том или ином случае могли быть отклонения от установленных в свое время со Сталиным точек

зрения об областях интересов. Эти отклонения выявились уже в течение германо-русских операций против Польши. Он, Гитлер, в свою очередь, при спокойном обсуждении русских интересов видел в ряде случаев, что целесообразно пойти навстречу требованиям другой страны, как, например, в случае с Литвой. Она с хозяйственной точки зрения для Германии более важна, чем генерал-губернаторство, с политической же точки зрения он понимал желание советской стороны очистить все области между СССР и Германией от тех духовных тенденций, развитие которых могло привести к политическим напряжениям. То же он сделал в отношении Южного Тироля, выселив оттуда немцев, чтобы устранить трения, могущие возникнуть между Италией и Германией. В течение этого времени возникли такие моменты, которые не могли быть предусмотрены в августе – сентябре прошлого года. В первую очередь нужно выяснить, в каком направлении будет идти развитие как Германии, так и России, при этом, поскольку речь идет о Германии, он хочет сказать следующее:

Германия нуждалась в территории, но в результате войны она полностью обеспечена территорией более чем на сто лет. Германии нужны колониальные дополнения, и она их получит в Средней Африке, то есть в областях, не интересующих СССР (речь идет о старых германских колониях с некоторыми коррективами). Необходимо также определенное сырье, причем этот вопрос должен быть решен как можно скорее. Удовлетворение этих желаний ни в коем случае не затронет русских интересов, так как, с другой стороны, можно представить развитие России на будущее время без малейшего ущерба для германских интересов.

Тов. Молотов выражает с этим свое согласие и считает, что в своей основе мысль рейхсканцлера правильна...

Германские политические интересы на Балканах основаны на необходимости обеспечить определенное сырье, но это с военной точки зрения неприятная задача, так как нежелательно оставлять армию за тысячи километров от баз. Однако та мысль, что англичане обоснуются в Греции, нетерпима. Необходимость борьбы против англичан довела немцев до Нордкапа, она же может довести их до Египта. Это нежелательно, так как он, Гитлер, уже давно хотел окончить войну и предлагал мир после польского похода. Тогда Франция и Англия могли легко заключить мир, так как от них ничего не требовали. Но кровь создает права, и, кроме того, недопустимо, чтобы от избытка сил вели войну, а потом не расплачивались за нее. Это он сказал и французам, и они отдают себе отчет в этом, вопрос только в том, кто же именно должен расплачиваться. Германия хотела прекратить войну, так как у нее было достаточно работы по освоению

новых областей. (Тут не могу не согласиться с Молотовым – решения рейхсканцлера достаточно разумны и логичны. Действительно, чтобы переварить присоединенные территории, рейху потребовалось бы как минимум 50 лет. – А.Ш.)

Политически Германия в этих проблемах совершенно не заинтересована, однако она не может допустить того, чтобы, как это было в Салониках в прошлую войну, там обосновались англичане. Однако он, Гитлер, хочет подчеркнуть, что, когда кончится война, германские войска немедленно покинут Румынию. Все эти вопросы должны стать темой для переговоров Риббентропа в Москве и других дипломатических переговоров. Говоря о том, что мы должны сейчас делать, нельзя не отметить, что Россия все равно не сможет получить свободный выход из Черного моря, так как за ним идет Средиземное, а там будет Италия»^[197].

Молотов заявил, что все, что он понял из сделанного сейчас перевода заявления Гитлера, ему кажется правильным и отвечает интересам обоих государств – как Советского Союза, так и Германии. Но тут же Молотов попытался решить конкретные проблемы: «В этой связи можно будет также поставить вопрос о Черном море и о Балканах, что явится актуальной темой, и непосредственно вопрос о Румынии, Болгарии и также о Турции. Далее хотелось бы знать, что понимается под новым порядком в Европе и Азии и где границы восточноазиатского пространства»^[198].

Гитлер ответил на это общими фразами. Вся беседа длилась 2 ч. 30 мин.

Молотов немедленно отправил Сталину краткое изложение этой беседы. Гитлер в беседе заявил, что «интересы Германии идут в Восточной и Западной Африке; Италии – в Северо-Восточной Африке; Японии – на юге, а у СССР также на юге – к Персидскому заливу и Аравийскому морю. Кроме того, он высказался за пересмотр при участии Турции, СССР, Германии и Италии конвенции в Монтрё с обеспечением преимущественного положения СССР, а также по возможности не затрагивать «лица» Турции»^[199].

13 ноября в 11 ч. Сталин телеграфировал Молотову: «Насчет Черного моря можно ответить Гитлеру, что дело не только в выходе из Черного моря, а главным образом во входе в Черное море, который всегда использовался Англией и другими государствами для нападения на берега СССР. Все события от Крымской войны прошлого века и до высадки иностранных войск в Крым и Одессу в 1918 и 1919 гг. говорят о том, что безопасности причерноморских районов СССР нельзя считать

обеспеченной без урегулирования вопроса о Проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе Проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море. Этот вопрос особенно актуален теперь и не терпит отлагательства не только потому, что Турция связана с Англией, но потому, что Англия своим флотом заняла острова и порты Греции, откуда она всегда может угрожать берегам СССР, используя свое соглашение с Турцией.

Во всем остальном исходи из известных тебе директив, и если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, – то тем лучше»^[200].

В тот же день, 13 ноября, состоялась 3,5-часовая беседа Гитлера с Молотовым. Гитлер начал с демагогических заявлений о Финляндии и Румынии. Затем он перешел к предполагаемому разделу Британской империи. «Он не видит, чтобы Финляндия могла причинить большое беспокойство Советскому Союзу. Что касается войск, то после того как они пройдут, их больше не будет в Финляндии. Он повторяет, что они сейчас говорят о теоретической проблеме, в то время как начинается разрушаться огромная империя в 40 млн квадратных километров. Когда она разрушится, то останется, как он выражается, «конкурсная масса», и она сможет удовлетворить всех, кто имеет потребность в свободном выходе к океану. При этом дело обстоит так, что собственник этой «массы» будет разбит германским оружием.

Эта «масса» управляется маленькой группой людей в 45 млн человек, и он, Гитлер, преисполнен решимости ликвидировать эту группу владельцев. США тоже сейчас не делают ничего другого, как попытки урвать отдельные куски от этой распадающейся «массы». Он хочет сконцентрироваться на уничтожении сердца этой «массы». Поэтому Германии несимпатична война в Греции, т. к. она отвлекает силы от центра. Уничтожение островов приведет к падению всей Британской империи. Мысль, что из Канады (к слову сказать, он ничего против Канады не имеет) можно будет продолжать войну, является утопией.

Все эти вопросы должны явиться предметом обсуждений в ближайшее время. Он думает, что все государства, которые могут быть заинтересованы в этом, должны отложить свои мелкие конфликты для того, чтобы решить этот гигантский вопрос. Этими государствами являются: Германия,

Франция, Италия, Россия и Япония.

Молотов говорит, что СССР интересуют эти вопросы. В этом отношении он может сказать меньше, чем рейхсканцлер, т. к. естественно, что меньше был занят этими общими вопросами, чем Гитлер. Советский Союз может участвовать в широких акциях вместе с другими государствами: Германией, Италией и Японией, и Молотов готов приступить к обсуждению этих вопросов, однако то, что уже согласовано, решено и не требует разъяснений, должно проводиться...

Великое азиатское пространство нужно разделить на восточноазиатское и центрально-азиатское. Последнее распространяется на юг, обеспечивая выход в открытый океан, и рассматривается Германией как сфера интересов России...

Молотов говорит, что Гитлер коснулся больших вопросов, которые имеют не только европейское значение. Он хочет остановиться прежде на более близких к Европе делах. Речь идет о Турции. Отмечая, что СССР является черноморской державой, вернее сказать, главной черноморской державой, он считает, что Германское правительство поймет значение, которое имеет этот вопрос для Советского Союза. Попутно же он в этой связи должен коснуться еще одного спорного пункта. Речь идет о Румынии и связанных с этим вопросах. Что касается Румынии, то здесь Советское правительство выразило свое неудовольствие тем, что без консультации с ним Германия и Италия гарантировали неприкосновенность румынской территории. Он считает, что эти гарантии были направлены против интересов Советского Союза...

В связи с поставленным Молотовым вопросом Гитлер считает нужным отметить два момента:

1. Румыния сама обратилась с просьбой о гарантии, т. к. в противном случае она не могла уступить части своей территории без войны.

2. Италия и Германия дали гарантии, т. к. этого требовала необходимость обеспечения нефтяных источников и так как Румыния обратилась с просьбой об охране месторождений нефти. Для этого были необходимы воздушные силы и некоторые наземные войска, т. к. приходилось считаться с возможностью высадки английских войск. Однако, как только окончится война, германские войска покинут Румынию.

В отношении Болгарии Гитлер считает, что нужно узнать, желает ли Болгария иметь эти гарантии от Советского Союза и каково будет к этому отношение Италии, т. к. она наиболее заинтересована в этом вопросе. В отношении Проливов – Россия должна получить безопасность в Черном море. Он желал бы лично встретиться со Сталиным, т. к. это значительно

облегчило бы ведение переговоров, он надеется, что Молотов все ему, Сталину, передаст.

Молотов с удовлетворением отмечает последнее и говорит, что с удовольствием передаст об этом Сталину. Мы хотим одного: гарантировать себя от нападения через Проливы. Этот вопрос СССР может решать с Турцией. Гарантии Болгарии помогли бы его надежнее решать. Он добавляет, что СССР считает необходимым позаботиться о том, чтобы в будущем на Советский Союз не могли напасть через Проливы, как это делала не раз Англия. Он думает, что этот вопрос можно будет решать путем договоренности с Турцией.

Гитлер заявляет, что это соответствовало бы тому, что ему высказал Риббентроп, – это абсолютное обеспечение Черного моря путем пересмотра конвенции в Монтрё, чтобы Проливы давали возможность торговым судам заходить в Проливы в мирное время, но чтобы русские военные суда имели всегда свободный выход и чтобы вход для военных судов нечерноморских держав был закрыт»^[201].

Таким образом, Гитлер согласился на изменение соглашения о Черноморских проливах, а Сталин и Молотов желали иметь военные базы в Босфоре и Дарданеллах.

Итак, переговоры Молотова с германским руководством кончились ничем. Любопытно, что 14 ноября на стол Риббентропу положили сообщение германского агента в советском посольстве Петера: «По донесению агента, он (Молотов) был в блестящем настроении. На него большое впечатление произвела длительность бесед, которые он имел с фюрером и имперским министром иностранных дел. Затем он сказал, что у него прекрасное личное впечатление и все идет, как он себе представлял и как это было желательно»^[202].

Замечу, что германским агентом «Петером» был латышский журналист Орест Брелингес. К этому времени он был завербован резидентом НКВД-НКГБ СССР в Берлине А. Кобуловым и получил на Лубянке псевдоним «Лицеист».

Сам же Молотов в 1 ч. 20 мин. 14 ноября телеграфировал Сталину: «13 ноября состоялась беседа с Гитлером три с половиной часа и после обеда, сверх программных бесед, трехчасовая беседа с Риббентропом... Обе беседы не дали желательных результатов...

Похвастаться нечем, но по крайней мере выявил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»^[203].

Вина за фактический провал переговоров целиком и полностью лежит

на германской стороне. СССР имел достаточные основания опасаться присутствия германских войск в Финляндии. Контроль над Черноморскими проливами был уже два столетия органически необходим России для обеспечения безопасности своего южного «подбрюшья».

Советские базы в Босфоре и Дарданеллах, равно как советский контроль всех гирл Дуная и присутствие частей Красной Армии в Болгарии, не могли представлять какой-либо угрозы Германии и Италии. Планов оккупации Финляндии и Швеции в ноябре 1940 г. у Сталина не было.

Вообще говоря, планов всемирного господства никогда не было ни у российских и германских императоров, ни у Сталина и Гитлера. Так, максимальные претензии России не выходили за рамки надежных выдвинутых границ в Европе. А Германия и при кайзере, и при Гитлере желала доминировать в Западной и Центральной Европе, ну и обладать рядом территорий в Средиземноморье и в Африке.

Глобальные претензии на мировое господство были лишь у Англии и США. Ни цари, ни генсеки никогда не вмешивались в войны Англии в Ирландии или Африке или в войны США с Мексикой и интервенции янки в Южной Америке. Но Англии и США всегда было дело до любого, пусть даже самого мелкого конфликта по периметру русских границ.

Так что мирное соглашение в ноябре 1940 г. между Германией и СССР не привело бы ни к германскому, ни к советскому господству в мире. Союз между Германией и Россией в ноябре 1940 г. мог реально привести к прекращению Второй мировой войны. Англосакские «миротворцы» придумали термин «принуждение к миру». И в этом случае Англия и США были бы принуждены заключить мир.

Места под солнцем хватило бы и Англии, и США, и Франции, и Италии, и другим давно сложившимся государствам. А без лимитрофов Европе жилось бы куда спокойнее. Вспомним, что с 1813 г. по 1914 г. русско-германская граница была границей мира – ни одной пограничной стычки, ни одной «военной тревоги».

Да, в Германии и СССР были тоталитарные репрессивные режимы. Но сколько бед принесли народам Европы и мира западные союзники, «освобождая» их. Чего стоят сотни уничтоженных бомбардировками с воздуха городов Европы, Хиросима и многое другое. История показывает, что тоталитарные режимы устойчивы только в военное или предвоенное время. А в условиях мира они рушатся или деформируются в достаточно либеральные режимы. Последнее мы видели в Испании, Китае и других государствах. Но как говорится, история не терпит сослагательного

наклонения.

В ноябре 1940 г. Гитлер решил по опыту версальских «миротворцев» создать новый санитарный кордон на границах СССР из Финляндии, Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Турции. Но в отличие от узколобых версальцев Гитлер понимал, что подобный кордон недолговечен. Поэтому он решил напасть на СССР.

К агрессии его подтолкнул и ряд объективных и субъективных факторов. Гитлер, став вождем германского народа, не сумел изжить в себе комплекс обиженного русскими и вообще славянами австрийского обывателя. И в решении о нападении на СССР этот комплекс сыграл далеко не последнюю роль. Ненависть и презрение к русским привели к недооценке военного и экономического потенциалов Советского Союза. Финская война в силу специфики театра военных действий не могла показать реальную мощь Красной Армии. Зато Гитлер и его генералы увидели в ней лишь то, что хотели видеть.

Германские генералы не могли даже предположить объем военных приготовлений СССР. Они в своих расчетах в два раза приуменьшали число советских дивизий, ничего не знали о танках Т-34 и КВ, новых типах самолетов и т. п.

Жребий был брошен. Гитлер решил перейти Рубикон. Если бы был жив знаменитый дипломат Шарль Морис Талейран, он бы сказал: «Это хуже, чем преступление, это – ошибка».

Гитлер стал агрессором. Когда это случилось? Не хочу спорить о конкретной дате. Во всяком случае, между осенью 1940 г. и июнем 1941 г. «Это что-то новенькое в истории», – сморщится историк-либерал. Ничуть!

Ленин в июле 1916 г. сказал о войнах Франции конца XVIII – начала XIX века: «Эти войны были революционны: Защита великой революции против коалиций контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистические, породившие, в свою очередь, национально-освободительные войны против империализма Наполеона»^[204].

Обратим внимание, как точен Ильич: «...давно сложившихся, жизнеспособных национальных государств Европы», а не лимитрофов – «уродливых детищ Версальского пакта».

А 5 мая 1941 г. Сталин, выступая перед выпускниками военных академий РККА, заявил: «Действительно ли германская армия непобедима? Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие,

хорошие и слабые. Германия начала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические.

Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической завоевательной войны. Эти лозунги опасны.

Наполеон I, пока он вел войну под лозунгами освобождения от крепостничества, он встречал поддержку, имел союзников, имел успех.

Когда Наполеон I перешел к завоевательным войнам, у него нашлось много врагов, и он потерпел поражение»[\[205\]](#).

Глава 29. Последняя попытка договориться с Англией

Конец 1940 г. – первая половина 1941 г. ознаменовались целым рядом секретных контактов между Германией и Англией. 10 мая 1941 г. весь мир облетела сенсация – в Шотландии выбросился с парашютом заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс. Эта история до сих пор окутана завесой тайны. Еще в августе 1940 г. по инициативе герцога Бедфордского и других английских влиятельных политиков в Женеве состоялась встреча английских уполномоченных с немецким профессором Альбрехтом Хаусхофером, посланным Гессом в Женеву для предварительных переговоров с англичанами.

Во время переговоров англичане заявили о готовности Англии начать мирные переговоры с Германией. Предварительным условием англичане выставили расторжение пакта о ненападении, заключенного в 1939 г. между Германией и СССР. Гесс сказал своему адъютанту генералу Пинчу, что Гитлер и он согласны были выполнять это условие англичан, но Гитлер хотел отложить начало конкретных переговоров с Англией до занятия Балкан.

В середине апреля 1941 г. Гесс совершил неофициальный визит в Испанию, где встречался с Франко и какими-то британскими политиками.

В День труда, 1 мая, когда Гитлер по традиции обращался к народу, Гесс стоял рядом с ним. Он произнес речь на церемонии на заводе Мессершмитта в Аугсбурге, хорошо знакомом ему по многочисленным приездам и тренировкам. Церемония была посвящена вручению награды «Золотого Флага» и присвоению титула «Национал-социалистическое образцовое предприятие» за выдающийся вклад в дело вооружения.

В конце церемонии Гесс подошел к Вилли Мессершмитту и обсуждал с ним модернизацию личного истребителя Гесса – двухмоторного Me-110.

В понедельник, 5 мая, в рейхсканцелярии в Берлине проходила последняя встреча Гесса с Гитлером. Беседа получилась долгой и длилась не менее четырех часов. О чем они говорили, неизвестно, потому как свидетелей не было. Но, судя по продолжительности и по тому, как временами из-за дверей доносились их возбужденные голоса, как явствует из отчета помощника, ожидавшего в приемной, ясно, что обсуждались важные вопросы. Нетрудно догадаться, что они касались его миссии в

Великобритании. Когда двери кабинета наконец открылись и вожди вышли, Гитлер, по свидетельству все того же помощника, словно прощаясь, положил руку на плечи Гесса. Последними его словами, обращенными к своему заместителю, были, по всей видимости: «Гесс, ты всегда был законченным упрямцем».

Из Берлина Гесс поехал в Аугсбург, чтобы проверить свой модернизированный «мессершмитт». Потом он вернулся домой и пригласил профессора Альбрехта Хаусхофера, чтобы выслушать его доклад о поездке в Женеву. Записей об этой беседе также нет. В субботу Альбрехт звонил матери, после чего в своем дневнике она заметила, что его миссия закончилась «не безуспешно». В понедельник она добавила, что его дискуссия с Буркхардтом в Женеве «оказалась не такой уж безрезультатной, что во много раз превосходило их ожидания».

10 мая дальний истребитель Me-110, пилотируемый Гессом, взлетел с аэродрома в Аугсбурге и взял курс на Северное море. Гесс, соблюдая меры предосторожности, чтобы не быть обнаруженным британскими РЛС, пересек береговую линию Шотландии на сверхмалой высоте (10–15 м). Затем «мессершмитт» увеличил высоту. Гесс, судя по всему, заблудился и начал летать зигзагами. Он пролетел над британской военно-морской базой, где, по словам Гесса, увидел «стройный ряд крейсеров». По непонятным причинам британская зенитная артиллерия огонь не открывала.

Гесс позже утверждал, что над Шотландией за ним на дистанции 5 км следовал британский истребитель «Спитфайр». Тот был легче, маневреннее Me-110 и имел большую скорость. В случае атаки у Me-110 не было шанса уйти. Тем более что на двухмоторной тяжелой машине Гесс летел один, без кормового стрелка. Но «Спитфайр» вел себя вполне корректно.

Гесс планировал посадить Me-110 на взлетную полосу в имении герцога Гамильтона в Дангевел-Хаус. Но из-за того, что он длительное время потратил на поиски имения Гамильтона и израсходовал все топливо, пришлось прыгать с парашютом.

Любопытный нюанс: первоначально англичане утверждали, что Гесс сбросил подвесной топливный бак еще над морем. На самом деле Me-110 упал с подвесным топливным баком. Деталь крайне важная. Если бы Гесс летел в один конец, то он действительно еще над морем сбросил бы подвесной бак – тот создавал дополнительное сопротивление воздуха и был бы серьезной помехой в воздушном бою. Тем не менее Гесс сохранил уже ненужный дополнительный бак. Это можно было сделать лишь для того, чтобы позже вернуться обратно в Германию, после выполнения миссии.

Что произошло после посадки, точно неизвестно до сих пор. Гесс оказался в руках людей Черчилля. Кстати, премьер так и заявил в парламенте: «Гесс – мой пленник». В британской прессе появились скудные и противоречивые данные о миссии Гесса. При поступлении из Лондона сообщения о том, что герцог Гамильтон отказался признать свое знакомство с Гессом, у Гитлера вырвалось восклицание: «Какое лицемерие! Теперь он его не хочет знать!»

В разговорах о полете Гесса в штабе Гитлера под большим секретом передавалось, что Гесс взял с собой в Англию меморандум об условиях мира с Англией, составленный им и одобренный Гитлером. Суть меморандума сводилась к тому, чтобы Англия предоставила Германии свободу действий против Советской России, а Германия, со своей стороны, соглашалась гарантировать Англии сохранение ее позиций в колониальных владениях и господство в Средиземноморском бассейне. В этом меморандуме, кроме того, подчеркивалось, что союз «великой континентальной державы Германии» с «великой морской державой Англией» обеспечит им господство над всем миром.

Теперь Гитлеру ничего не оставалось делать, как объявить Гесса сумасшедшим. В официальном заявлении министерства пропаганды говорилось: «Член партии Гесс, которому ввиду его болезни, с годами все более усугублявшейся, фюрер категорически запретил пользоваться летательными машинами, на днях, нарушив приказ, сумел завладеть самолетом. В субботу, 10 мая, примерно в 18.00 Гесс отправился из Аугсбурга в полет, из которого до сих пор не вернулся. Оставленное им письмо, к несчастью, свидетельствует о признаках психических нарушений и позволяет заключить, что Гесс стал жертвой галлюцинаций».

Адъютант Гесса генерал Пинч был арестован по личному приказу Гитлера и доставлен в гестапо в Берлин. В гестапо от Пинча потребовали заявления, что он заметил у Гесса признаки психического расстройства в дни, предшествовавшие его полету.

После того как Пинч дал в гестапо подписку о том, что он сохранит в тайне все факты, связанные с полетом Гесса в Англию, он был освобожден по приказу Гитлера, как ему сказали в гестапо.

После освобождения Пинч, который имел чин генерала, был разжалован в солдаты и послан на фронт в штрафную роту, очевидно, с расчетом избавиться от свидетеля по столь щекотливому делу. Но Пинч продолжал здравствовать, и Гитлер в декабре 1944 г. сообразовал произвести его из солдат в лейтенанты.

Жена Гесса арестована не была, а осталась в своем поместье, и Гитлер

приказал выплачивать ей значительную сумму денег. Она поддерживала переписку с находящимся в Англии Гессом. Письма передавались через Мартина Бормана.

14 мая НКГБ получил информацию от Анатолия Горского, который руководил «кембриджской группой», что «от Сони (Филби) получена информация, что Гесс при прибытии в Англию заявил, что прежде всего он рассчитывает обратиться к Гамильтону... Гамильтон входит в так называемую Кливденскую клику». Далее сообщалось о первой беседе заместителя министра иностранных дел Киркпатрика с Гессом, но ничего не говорилось о подробностях мирных предложений, с которыми он прибыл. Через несколько часов поступило более точное и деловое сообщение о предложениях Гесса со ссылкой на информацию, полученную Филби в личной беседе со своим другом Томом Дюпри, который был заместителем начальника департамента прессы в Форин оффис.

В ходе своей беседы с офицерами английской военной разведки Гесс заявил, что он прибыл в Англию, чтобы предложить компромиссный мир, целью которого было бы прекратить бедствия двух воюющих сторон и сохранить Британскую империю как стабилизирующую силу. Гесс объявил, что он по-прежнему лоялен Гитлеру. В разговоре с Киркпатриком Гесс заявил, что война между двумя нордическими нациями является преступной и что он верит, что в Англии имеется мощная античерчиллевская партия, которая хочет мира и которая с его прибытием получит мощный стимул в борьбе за мир.

В справке НКГБ от 22 мая 1941 г. говорится: «Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергалось»^[206].

Так что переговоры с Гитлером «на высшем уровне» велись. Другой вопрос, что не с теми политиками, на которых надеялись Гесс и Гитлер. Тот же герцог Гамильтон был отправлен в почетную ссылку послом в Вашингтон.

Стоит обратить внимание и на время полета Гесса. 30 апреля Гитлер окончательно установил дату нападения на СССР – 22 июня 1941 г.

А чтобы немного попугать «просвещенных мореплавателей», еще до полета Гесса была начата подготовка к операции «Меркурий» – захвату острова Крит воздушным десантом. И действительно, 20 мая 1941 г. начинается небывалая в истории операция по захвату большого острова, где англичане содержали 32 тыс. солдат, не считая нескольких тысяч греческих солдат и ополченцев. Всего немцы методом парашютирования и посадочным способом (планеры и самолеты) высадили на Крит 23 464 десантника и 353 легких артиллерийских орудия. Английскому флоту

удалось вывезти с острова около 14,5 тыс. человек. Эвакуация дорого обошлась британскому флоту – были потоплены три крейсера, шесть эсминцев, тяжелые повреждения получили авианосец и два линкора.

Геринг на радостях заявил, что теперь нет неприступных островов. На мой взгляд, захват Крита воздушным десантом не был вызван военной необходимостью. Переход острова к немцам не привел к каким-либо серьезным изменениям в соотношении сил в Восточном Средиземноморье. Это была акция устрашения Англии, и, судя по всему, визит Гесса был синхронизирован с ней.

Почему же правители Британии не пошли на мир с Германией в первой половине 1941 г.? Ответ прост: они знали о подготовке нападения на Россию и мудро решили подождать. И это не мой вывод. Так говорили британские политики в конце 1941 г. – начале 1942 г., а также послевоенные западные историки.

Нетрудно представить, что могло бы произойти, если бы Гитлер отказался от своего преступного и весьма глупого плана «Барбаросса». Половины сил, предназначавшихся для вторжения в Советский Союз, хватило бы для захвата всего Средиземноморья в течение двух – четырех месяцев, включая Суэцкий канал, Мальту и Гибралтар.

Правительство маршала Петена и так заигрывало с Гитлером, а в случае захвата всего Средиземноморского бассейна и ряда уступок правительству в Виши Гитлер мог получить в свое распоряжение французский флот и его базы в Касабланке, Дакаре и других портах Северной Африки. Таким образом, коммуникации Англии в Центральной Атлантике были бы прерваны, и ей оставалось бы умолять Гитлера о мире.

Но как уже говорилось, нежелание дать Сталину пару баз в Проливах и ненависть к России толкнули Гитлера на безумную авантюру.

Я начал говорить о контактах англичан с немцами с миссии Гесса. Но были и другие, менее сенсационные попытки переговоров.

Так, историки и журналисты многих стран уже 68 лет пытаются разгадать тайну германского «Виндзорского проекта». Эта запутанная история началась за четыре года до войны.

В январе 1936 г. от простуды скончался английский король Георг V, и на престол вступил его сын Эдуард VIII. Новый король казался образцом европейского монарха XX века – высокий, красивый, спортивного вида. Король совершал ежедневные часовые пробежки в парке Букингемского дворца, играл в гольф, пилотировал самолет. Однако 42-летний король не был женат и влюбился в золушку. Его избранница Уоллис Уордфильд родилась в бедной семье в Балтиморе (США). В 20 лет она вышла замуж за

летчика морской авиации США. Затем последовал развод, и новым мужем Уоллис стал английский бизнесмен Эрнест Симпсон. Уоллис Симпсон стала появляться в свете, где была замечена принцем Уэльским Эдуардом. Вскоре принц стал королем и решил жениться на Уоллис. Но сбежались тут соседи-короли, парламентарии, министры и учинили грандиозный скандал. Бедному королю пришлось сделать выбор – корона или золушка. Эдуард VIII предпочел золушку и отрекся от престола. В июне 1937 г. во Франции состоялась свадьба. Супруги прожили долгую и, по-видимому, счастливую жизнь. Эдуард умер в 1972 г., а Уоллис – в 1986 г.

Но увы, взрослые люди знают, что сказок не бывает, и в истории еще не было случая, чтобы монарха лишили титула лишь за отклонения в области морали. К примеру, происхождение английской королевы Елизаветы I было весьма сомнительным. А в 30-е гг. XX века в королевских домах царили более свободные нравы, и никто никого титулов не лишал. Обошлось бы дело и с Эдуардом VIII, если бы он был нормальным королем и увлекался бы только женщинами, собаками, лошадьми и гольфом. Но принц Дэвид с юных лет был умным и неординарным ребенком. Обучаясь в Оксфорде, Дэвид посещает собрания студентов-социалистов. Под аккомпанемент своего банджо принц распевает со студентами «Красное знамя». Осенью 1914 г. Дэвид добровольно вступает в армию, причем отправляется не в штаб, как иные титулованные особы, а в окопы Западного фронта.

После войны принц колесит по свету – Канада, Мальта, Австралия. В Бомбее он произвел сенсацию, общаясь с «неприкасаемыми». Во время знаменитой шахтерской забастовки 1926 г. принц внес солидную сумму в забастовочный фонд. Правда, на все это правящая элита смотрела как на шалости. Зато взгляды принца на роль короля в Англии настораживали. Он хотел царствовать, а не «быть боровом, поставленным на откорм» (слова Бонапарта в ответ на предложение Сиеса ограничить права первого консула). Это уже было серьезно, но терпимо. Обломать рога одинокому непокорному принцу или даже королю правящей элите ничего не стоило. Но Эдуард VIII начал предпринимать шаги к созданию массовой королевской партии.

Но хуже всего оказались симпатии Эдуарда VIII к Гитлеру. Хотя принц и воевал против немцев в 1914 г., он с детства был настроен прогермански. «Каждая капля моей крови – немецкая», – с гордостью говорил Дэвид. И это утверждение соответствовало истине, хотя по понятным причинам не афишировалось в 30-е гг. Елизавета, дочь английского короля Якова I Стюарта (1567–1625 гг.), вышла замуж за немца курфюрста Фридриха V. В

их браке была рождена дочь София (1630–1714 гг.), вступившая в брак с немцем – герцогом Брауншвейгским. Затем в родословной следуют пятеро мужчин, женатых на немках. Дочерью последнего (Эдварда, герцога Кентского) была знаменитая королева Виктория (1819–1901 гг.). Виктория вышла замуж за немца Альберта Саксен-Кобург-Готского. У Виктории было 9 детей. Старшая дочь Адельгейда вышла за германского императора Фридриха III и стала матерью последнего германского императора Вильгельма II. Старший сын Эдуард VII стал английским королем и дедом Эдуарда VIII. Дочь Виктории Алиса вышла замуж за герцога Гессенского Людвига IV. Заметим, что герцог был ничтожной личностью и носил герцогский титул лишь формально. В историю же он вошел благодаря своим детородным способностям. Его дочь Алиса стала русской императрицей Александрой Федоровной, женой Николая II. Дочь Виктория (1863–1950 гг.) стала бабушкой герцога Эдинбургского Филиппа, мужа ныне царствующей английской королевы Елизаветы II. Сын Эрнст-Людвиг и его дети продолжили династию великих герцогов Гессенских.

Все потомки Вильгельма II и Людвига IV Гессенского (родственники Эдуарда VIII) благожелательно относились к зарождающемуся национал-социалистическому движению. С началом Второй мировой войны немецкие принцы приняли в ней активное участие. Старший сын Вильгельма II, тоже Вильгельм, погиб 26 мая 1940 г. в боях во Франции. Другой сын Вильгельма II, Луи Фердинанд, стал летчиком люфтваффе. А младший сын Вильгельма II, Август Вильгельм, служил у Гиммлера в чине группенфюрера СС.

Активными сторонниками Гитлера были и гессенские принцы Вольфганг и Филипп. Тот же Филипп Гессенский в нацистской партии числился под номером 53, то есть принадлежал к руководству страной. Филипп часто использовался Гитлером для выполнения щекотливых дипломатических поручений. Даже жена Филиппа (дочь короля Италии Умберто) вела переговоры с Муссолини.

Принц Уэльский Эдвард и его родной брат герцог Кентский поддерживали тесные связи со своими гессенскими родственниками Филиппом и Вольфгангом.

Кузены Эдуарда, Филипп Гессенский и Карл Сакс-Кобургский зачастили в Букингемский дворец, где они передавали конфиденциальные послания Гитлера принцу Уэльскому Эдуарду, а затем и королю Эдуарду VIII.

В марте 1936 г. Гитлер ввел войска в Рейнскую область, которая по Версальскому договору считалась демилитаризованной зоной. Тогда

Германия не была готова к войне и с тревогой ждала реакции Англии и Франции. Но из Лондона прибывает Карл Сакс-Кобургский и сообщает фюреру о положительной реакции Эдуарда VIII. Мало того, Эдуард решил как можно скорее вступить в переговоры с Гитлером. Чтобы нейтрализовать несогласных министров, он был готов ввести «конституционные ограничения», имевшие целью уменьшить власть министров. «Кто король здесь, в Англии, премьер Болдуин или я? – говорил он герцогу Кобургскому. – Я хочу разговаривать с Гитлером. Я это сделаю здесь или в Германии. Пожалуйста, передайте ему это».

В начале 1930-х гг. в правящих кругах Англии шла сложная, запутанная борьба за власть. Естественно, что эта борьба касалась и внешней политики. Одна часть группировок была настроена прогермански, другая же считала возрождение промышленности и военной мощи Германии прямой угрозой Британской империи. В конце 1936 г. возобладала вторая группировка, которая поставила себе первоначальной целью устранение Эдуарда VIII. Атаку на короля начала американская пресса, субсидированная воротилами Уолл-стрит. Травля Эдуарда VIII напоминала хорошо срежиссированный спектакль. После нескольких недель промывания мозгов американскими газетами о моральном облике короля заговорила англиканская церковь в лице епископа Бредфирда, а затем архиепископа Кентерберийского. Затем наступил черед британской прессы и дискуссий в парламенте. Наконец 7 декабря в парламенте премьер-министр Болдуин в осторожных выражениях заявил, что король подумывает об отречении. У Эдуарда были совсем иные намерения, и он решил обратиться по радио с воззванием к стране. Однако Болдуин запретил любые выступления короля по радио. Дело было на грани силового решения. 10 декабря 1936 г. Эдуарду VIII наконец разрешили выступить по радио, и он зачитал текст своего отречения. На престол вззошел родной брат Эдуарда Георг VI. Свергнутому королю был дан титул герцога Виндзорского. Ему было запрещено именоваться «величеством», он стал «королевским высочеством».

Опечаленное высочество отправилось к... фюреру. О чем они говорили, мы никогда не узнаем. Правда, английские историки пытаются успокоить обывателей, рассказывая о том, что Гитлер на беседу с королем взял переводчика. Король попросил переводчика уйти, так как немецкий язык являлся для него родным, но фюрер отказался, и разговор не клеился.

Характерно, что при прохождении почетного караула экс-король вскинул руку в нацистском приветствии. То же самое он проделал при встрече с фюрером.

В начале войны герцог Виндзорский прибыл в Париж. Позже западная пресса обвинила его в передаче немцам сведений о ситуации на Западном фронте. В конце мая 1940 г. перед входом вермахта в Париж герцог с женой убывают в Мадрид к Франко.

Что произошло дальше, так до сих пор и неизвестно. Вот полуофициальная британская версия в изложении доктора исторических наук Бориса Клейна: «Найдена телеграмма, отправленная Риббентропом 23 июня послу в Испании: предлагалось установить контакт с Виндзорами и удерживать их на месте, не раскрывая, что это делается в интересах рейха. На пути к миру с английским народом, – надлежало разъяснить герцогу, – стоит «клика Черчилля». Но Германия принудит Англию к миру, включая применение силы. И тогда в Берлине с пониманием отнесутся к пожеланию экс-короля и его супруги вновь занять британский престол.

Спецоперация гестапо, именовавшаяся «Виндзорский проект», подтверждена документами из архива германского министерства иностранных дел. В частности, имеется запись разговоров по этому поводу с участием Гитлера. Решено было известить герцога, что на его счет в швейцарском банке будут положены 50 млн франков, но он может получить и больше. Фюрер предпочитал бы видеть его живущим пока в Швейцарии. Но нацистские марионетки могли бы дожидаться срока своей доставки в Букингемский дворец и в какой-то другой нейтральной стране, конечно, в сфере немецкого влияния.

Сам Виндзор впоследствии не отрицал, что вел переговоры с нацистскими эмиссарами, но он якобы и не думал поддаваться на их удочку.

15 июля 1940 г. Черчилль послал ему в Мадрид предупреждение, что если он не выедет сразу к месту нового назначения (губернатором Багамских островов), то предстанет перед военным судом. 3 августа Виндзоры, охраняемые британскими военными, отправились на Багамы.

Там, как обнаружила американская разведка, они продолжили свои тайные контакты. По этому поводу директор ФБР Эдгар Гувер подал рапорт генеральному прокурору США. Он назвал бывшего короля настолько опасным германским агентом, что поставил вопрос о заключении его в тюрьму хотя бы до окончания войны. Но в Лондоне воспротивились разоблачениям, затрагивающим слишком многих. Ведь сговора с Гитлером искал не один Виндзор, а целый слой «аристократического фашизма»^[207].

Между тем герцог Виндзорский уже с 1939 г. был «под колпаком» ИНО НКВД^[208]. 9 июля 1940 г. начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД-МГБ

Фитин представил наверх совершенно секретную записку № 5/8175, где говорилось: «Бывший английский король Эдуард вместе с женой Симпсон в данное время находится в Мадриде, откуда поддерживает связь с Гитлером. Эдуард ведет с Гитлером переговоры по вопросу формирования нового английского правительства, заключения мира с Германией при условии военного союза против СССР».

Что же было на самом деле, до сих пор неизвестно: британский королевский дом умеет хранить секреты.

Но ведь документы остались и по ту сторону фронта. Весной 1945 г. король Георг VI вызывает Оуэна Моршеда и Антони Бланта и дает им приказание возглавить спецподразделение для захвата переписки членов британского королевского дома с немецкими принцами и руководством рейха, а также любых германских документов, касающихся королевской семьи.

Исполнители подобрались архинадежные: Моршед – главный книгохранитель королевской библиотеки, а Блант – один из руководителей английской разведки МИ-5. Мало того, мать Бланта была двоюродной тетей Елизаветы Боус Лайон, жены Георга VI. Таким образом, Антони Блант оказался троюродным братом дочери Георга VI, нынешней английской королевы Елизаветы II.

Блант и Моршед блестяще выполнили задачу по вывозу материалов из американской зоны оккупации. В частности, они вывезли из замка Хессе все архивы герцогов Гессенских. Но тут в дело вмешалась американка капитан Кэтлин Нэш. Она заявила, что имущество герцогов является собственностью американской армии. Блант уговорил ретивую даму связаться со штабом американской армии. А пока Нэш звонила, грузовик с документами дал газ. Первым движением Нэш было организовать погоню, но тут она с удивлением заметила, что похитители «забыли» драгоценности герцогов Гессенских, всего на сумму около трех миллионов долларов. Капитану в юбке не пришло в голову, что какие-то бумаги стоят на несколько порядков дороже, чем драгоценности. Нэш вместе со своим начальником полковником Дюрантом посмеялись над глупыми англичанами и решили поделить драгоценности. Но делить их было бы очень обидно, и капитан с полковником вступили в законный брак.

Однако в других операциях секретная миссия Бланта и Моршеда все-таки засветилась. А ведь по соглашению четырех союзных государств США, СССР, Англии и Франции немецкие политические документы являются их общей собственностью. Но английское руководство уговорило генерала Эйзенхауэра сделать исключение для всех документов, связанных

с английской королевской семьей. И англичане, и американцы вполне допускали, что утечка информации может привести к крушению монархии в Англии. И американцы сделали все, чтобы не допустить утечки. Для своих была спущена дезинформация, что эти документы – фальсификация немцев, предназначенная для раскола среди союзников. Советской же стороне англо-американцы так ничего и не сообщили. А наши ни о чем и не спрашивали. Да и зачем? Антони Блант, троюродный брат Елизаветы, имел двух шефов – родственничка короля Джорджа и... Лаврентия Павловича Берия. С начала 1930-х гг. Блант был агентом НКВД. Он работал под псевдонимами Тони, Джонсон, Ян.

После смерти в 1952 г. Георга VI Антони Блант стал советником новой королевы Елизаветы II. Лишь в 1964 г. английская разведка получила достоверные данные о разведывательной деятельности Бланта. О деле Бланта доложили королеве. В годы войны англичане вешали вражеских агентов, а в 1960-е гг. давали приличные сроки заключения. Так, советские агенты Воссал, Бассард и Блейк были приговорены соответственно к 18, 21 и 42 годам тюрьмы. А вот Блант не только не подвергся судебному преследованию, но и остался на должности советника королевы. Блант был причастен к взрывной информации, и судить его было нельзя. Но он был джентльменом своего круга и принял условия игры – положение в обществе в обмен на молчание. Блант молчал до самой смерти 26 марта 1983 г. Его кремация состоялась на лондонском кладбище Путни. К гробу было возложено одиннадцать венков. Все они были без подписей.

Итак, все действующие лица псевдолюбовной истории – Эдуард VIII, Георг VI, Уоллис, Гитлер, Гесс и Блант мертвы. Жива королева Елизавета II, она много знает, но она никогда и ничего не скажет. Британские архивы откроют фонды Эдуарда VIII и Гесса в середине нынешнего столетия, но вряд ли там окажутся компрометирующие документы. Остаются лишь архивы московского Ясенева.

Но опять же контакты Лондона и Берлина не ограничивались миссией Гесса и «Виндзорским проектом». Был еще и «шведский след».

В июле 1932 г. в НСДФБ – банковскую группу нацистской партии – вступил 38-летний барон Вальдемар фон Оппенгейм. В этом факте ничего удивительного не было: сотни банкиров поддерживали Гитлера. Но Вальдемар был не только бароном и банкиром, но и евреем. Любопытно, что после 1933 г. нацисты не беспокоили Оппенгейма, как, впрочем, и многих других банкиров-евреев.

В начале войны банк Оппенгейма переводит большую часть своих финансовых операций в Швецию, где Вальдемар поддерживал близкие

отношения с весьма влиятельным «Энскильда банкен» братьев Якоба и Марка Валленбергов, с которыми он состоял в родстве через свою жену.

Помимо финансовой деятельности, барон Оппенгейм работал и на абвер. Его куратором был капитан Драйссен. От последнего Вальдемар получил шифровальное устройство «Fadenzaehler» и код, по которому он связывался с центром абвера в Бремене. С 1939 г. по ноябрь 1942 г. Оппенгейм постоянно поддерживал контакт с группой Валленбергов.

О последствиях историк советских спецслужб Лев Безыменский писал: «ИНО (так тогда называлась внешнеполитическая разведка НКВД) изучало Валленбергов, и, конечно, в первую очередь тогдашних руководителей клана – Маркуса и Якоба. Старшие Валленберги приводили аналитиков Лубянки в смущение: с одной стороны, теснейшие связи с Германией и ее видными деятелями, с другой – не менее тесные связи с противостоящими Германии западными демократиями. Ко всему этому добавлялись контакты с влиятельными еврейскими организациями, что побуждало вообще считать Валленбергов евреями (так сказал мне резидент ГРУ в Швеции перед войной и в первые военные годы Николай Старостин), а их банк – одной из финансовых основ сионистского движения и заодно – мирового масонства»^[209].

В том, что через Валленбергов с 1940 г. по 1944 г. шли контакты англичан и американцев с немцами, согласны почти все западные и советские историки. Но увы, если о деле Рауля Валленберга, пропавшего в СССР после войны, западные СМИ талдычат уже 60 лет, то дела семейства Валленбергов до сих пор секретны как в Швеции, так и в Англии.

С 22 июня 1941 г. по 1945 г. Англия и СССР были союзниками, но англичане так и не познакомили Москву с деталями переговоров с Гессом. В ходе Нюрнбергского процесса Гессу не разрешили говорить о своей миссии 1941 г. В 1987 г. Гесс был убит в тюрьме накануне своего освобождения. В 2017 г. англичане обещают раскрыть все документы, связанные с Гессом. Однако я уверен, что сенсации не произойдет – весь компромат из них будет изъят.

Молчание британских спецслужб понятно, непонятно лишь поведение наших спецслужб. Английские политики и СМИ постоянно обличают царскую, советскую и демократическую Россию. А вот наши спецслужбы, имея «взрывные» документы о визите Гесса, «Виндзорском проекте», Вальдемаре Оппенгейме и всем семействе Валленбергов, как воды в рот набрали. На какую страну они работают?

Эпилог

Россию на Западе давно называют страной с непредсказуемым прошлым. Мне, русскому человеку, это крайне обидно, но возразить нечего. Нам нагло ввали царские, затем советские, а теперь лгут «либеральные» историки.

Разумеется, нельзя путать исторический анализ с военной и предвоенной пропагандой. В самом деле объективный рассказ о Крымской войне был неуместен в ноябре 1941 г. Тут куда больше подходил кинофильм «Александр Невский». И этот фильм был таким же нашим оружием, как штурмовики Ил-2 и танки Т-34. Но изучать историю XIII века на истфаке МГУ по этому фильму нельзя.

В 1956 г. Никите Хрущеву представился уникальный шанс открыть понемногу (за 10–15 лет) архивы. Замечу, что при тогдашнем состоянии архивного дела сделать это за меньший срок было нельзя. Причем открывать планомерно – 1918 г., 1919 г., 1920 г. и т. п. Это требовалось сделать по очень многим причинам, в том числе чтобы выиграть или хотя бы вести на равных идеологическую борьбу с Западом.

Никита Сергеевич же пошел иным путем. Он приказал кромсать историю самым варварским способом. Никого не интересовало, как соотносятся между собой обрывки информации. Главным было дискредитировать Сталина, Берия, Молотова и других прежних соратников Хрущева.

В начале 1960-х гг. с легкой руки нашего «кукурузника» появились профессиональные «обличители Сталина». В печати шла дикая ложь, которой бы постеснялся даже Геббельс. Тот же Солженицын откровенно заявил: «Раз власти секретят информацию, мы вправе предполагать самое худшее».

Началась горбачевская перестройка. О гласности мечтало подавляющее большинство советского народа. Вот, мол, доберутся «демократы» до архивов и расскажут нам такое... Но ничего «такого» демократы нам не рассказали. Мало того, «обличители», увидев архивы, быстро смекнули, что они чудовищно заврались.

И тогда началось закрытие архивов для независимых исследователей. Разрушая мифы военных и предвоенных времен, наши историки-«либералы» навязывают новую мифологию. При этом часть мифологии «военного времени» сохраняется. Позицию либералов хорошо

иллюстрирует высказывание Мариэтты Чудаковой^[210]. Так, она призывает нас иметь такую историю, которая бы нравилась нашим соседям, в первую очередь прибалтам. В ходе дискуссии на тезис, что к изучению истории следует подходить рационально, Чудакова выдала: «Люди, говорящие о Сталине с рациональной стороны, аморальны»^[211]. В переводе с «чудаковского» языка на русский это означает, что, говоря о Сталине, надо врать.

И этот, прости Господи, профессор, продолжает учить студентов врать, причем за казенный счет. Место Чудаковой на улице. Триколор ей в руки и бабулек с красными флагами навстречу! Подерутся? Может быть, но скорее всего объединятся – у них единый иррациональный подход к истории. А с плюсом или минусом, это уж дело десятое. Так почему же им не объединиться против людей, мыслящих рационально? Лично я уже читал о себе в прессе и Интернете – «белорусский националист», «украинский националист», «русский шовинист», «антикоммунист» и «коммуняка».

И все эти зоилы по-своему правы. Я выступаю за рациональное изучение истории. Давно пора отказаться от идеологических мифов и пропаганды военного времени. В истории нам не нужны ни святые, ни черти. Ни один исторический деятель никогда не делал только хорошее или только плохое. Будучи студентом-первокурсником, на экскурсии в Ульяновске я позабавился речью экскурсовода: «Володя Ульянов вместе с другими мальчиками прыгал с этого утеса в Волгу, Володя плавал быстрее всех и нырял глубже всех». У меня невольно вырвалось: «Как Мао в Янцзы?» Даму-экскурсовода чуть не хватил «кондратий».

Теперь Ильич из главного святого официально разжалован в черти. Президенты, политики и иерархи церкви с большим удовольствием пиарят, рассуждая на тему, куда бы перезахоронить дедушку Ленина.

Зато Николай Кровавый из чертей возведен в святые. На вопросы же о деяниях последнего русского императора наиболее умные из монархистов отвечают: «Не надо рассуждать, надо верить». Как видим, «чудаковщина» живет и процветает.

Чудакова вместе с ультракоммунистами, ультрамонархистами и всеми любителями иррациональности лишают нас истории. Об этом нельзя говорить: это – обидит либеральную интеллигенцию, это – обидит наших «зарубежных друзей», выдающих кое-кому огромные гранты, это – не понравится феминисткам, это – гомосексуалистам, это – обидчивым представителям малых народов и т. д.

Хватит! Это уже было. Когда-то Гитлер мечтал лишить Россию не

только государственности, но и истории. В свою очередь, англичане и американцы, оккупировав Германию, сделали все, чтобы лишить ее истории. Сейчас это делают те же англосаксы и состоящие у них на довольствии либералы.

Сейчас вопросы истории из абстракций превратились в проблему выживания России. Если в Москве и Казани будут иррационально относиться к Батыю и Ивану Грозному, не миновать большой беды.

Недаром наши предки много веков говорили: «Не в силе Бог, а в правде». И историческая правда сейчас может стать грозным оружием России.

В свое время Советскому Союзу было политически выгодно выставлять Германию в качестве «поджигателя новой войны». Но это была лишь «пропаганда военного времени», и на коротких временных отрезках она приносила пользу России.

В 1941–1945 гг. Англия и США были нашими союзниками, и СССР приходилось поддакивать всему, что говорили англосаксы о Германии. И это тоже была правильная политика. В послевоенное время Польша и Чехословакия стали нашими союзниками по Варшавскому пакту, а с нейтральной Финляндией были установлены хорошие взаимовыгодные отношения. Кроме того, советские лидеры непрерывно вели большую пропагандистскую кампанию против «возрождения германского империализма», «германского реваншизма», усиления боевой мощи бундесвера и т. д. Поэтому и в 1945–1991 гг. советское правительство считало необходимым сохранять в неприкосновенности «мифы военного времени».

Но вот сейчас Польша и Чехия вступили в НАТО и создают на своей территории ракетные базы США, направленные против России. Поляки активно поддерживают «оранжевых» на Украине и ультранационалистов в Беларуси. Риторический вопрос, почему же мы сейчас должны врать в ущерб себе и в угоду польским и чешским политикам и СМИ, ненавидящим Россию? Причем Россию любую – царскую, советскую, «демократическую». Сейчас вновь, как и в 1920-е гг., США, Англия и Франция создают «санитарный кордон» из государств-лимитрофов на наших западных рубежах. Именно эти лимитрофы – прибалтийские государства, Польша, Украина, Грузия – служили, служат и будут служить источником напряженности в Европе.

Не пора ли сказать правду о причинах возникновения Второй мировой войны? Главной ее причиной стали варварские условия Версальского пакта, унижение Германии и России и создание государств-лимитрофов.

Никакой демократии в странах-лимитрофах не было и в помине. Риторический вопрос: к какой стране по своему политическому устройству были ближе режимы Пилсудского и Маннергейма? К Швеции, Голландии и Швейцарии или к латиноамериканским диктатурам, режимам Франко и Муссолини?

Буржуазия и интеллигенция лимитрофов страстно желала захвата новых германских и русских земель, но при этом не упускала момента, чтобы не сожрать соседа-лимитрофа или по крайней мере оттяпать от него кусочек пожирнее.

Именно Запад и страны-лимитрофы сделали все для развязывания Второй мировой войны. Разумеется, ни Гитлер, ни Сталин не были «белыми и пушистыми». В обеих странах была установлена жесткая диктатура. Однако не следует внутреннюю политику правителя путать с внешней. К примеру, Иван Грозный и Петр Великий достаточно свирепо расправлялись со своими подданными, но означало ли это, что их попытки выйти к берегам Балтийского моря и вернуть земли, веками принадлежавшие Господину Великому Новгороду, являлись агрессией?

Изучение внутренней политики Гитлера – это дело германских историков следующих поколений, избавленных от эмоций и политиканства.

Для русских главное в том, что не внутренняя политика Гитлера привела к войне. Вторая мировая война была неизбежна в любом варианте, кто бы ни пришел к власти в Германии. Даже если бы произошла реставрация монархии и на престоле в Германии оказался бы Вильгельм II, а в России – император Кирилл I (я уж не говорю об Александре IV Михайловиче). Пусть германским рейхсканцлером остался бы фон Папен или им стал Эрнст Тельман, все равно война и ликвидация лимитрофов были бы неизбежны.

Можно ли считать ввод двух пехотных батальонов в Рейнскую область агрессией? Как аншлюс мог стать агрессией, если его поддерживало абсолютное большинство австрийцев? Ах, австрийские социал-демократы и коммунисты были недовольны. Ну и чем? Аншлюсом или тем, что объединение всех немцев провели без них? Первый аншлюс был начат в 1918 г., но пресечен Антантой. Те же социал-демократы лишь осенью 1933 г. убрали из партийной программы проведение аншлюса. А представим себе, какой грандиозный праздник был бы в Москве, если бы аншлюс провел Эрнст Тельман.

Миллионы немцев не желали жить в Чехословакии и мечтали воссоединиться с рейхом. Кстати, словаки и русины также не желали жить в этой «лоскутной республике», созданной на штыках Антанты. Исчезли

штыки, и лоскутная республика развалилась. Причем не только из-за немцев, но и из-за поляков, венгров, словаков и русинов. Гитлер лишь нейтрализовал штыки англо-французов.

Весной 1939 г. Гитлер предъявил достаточно умеренные условия – разрешить проложение экстерриториальных автострад и железных дорог, соединявших Восточную Пруссию с остальной территорией Германии, а также вернуть город Данциг. Город, как уже говорилось, был немецким много сотен лет и населен немцами. Поляки давно пытались захватить его, но ни юридически, ни фактически он не принадлежал Польше.

Уступив правительство Бека и К° весной 1939 г., и Польша не потеряла бы ни одного квадратного километра своей территории. Но поляки были непреклонны и в ответ начали грозить захватом Данцига. 1 сентября 1939 г. началась польско-германская война. 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили войну Германии и тем самым превратили локальный конфликт в мировую войну.

Успехи вермахта в войне против Запада и случайные неудачи Красной Армии в войне с Финляндией вскружили голову Гитлеру и другим нацистским бонзам. Гитлер начал действовать иррационально, в нем проснулся австрияк, люто ненавидевший славян и Россию. Фюрера обуяли эмоции, и 22 июня 1941 он совершил величайшее преступление в истории XX века. Неспровоцированное нападение на СССР было преступлением не только против русского, но и против германского народа и привело Германию к величайшей трагедии.

Список использованной литературы

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Безыменский Л.А. Будапештский мессия: Рауль Валленберг. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001.

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921–1922 гг. Полный перевод актов и документов. М.: Наркоминдел, 1924.

Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М.: Политиздат, 1962.

Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 г. М.: Наука, 2001.

Военно-морское соперничество и конфликты в 1919–1939 гг. / Ред. – сост. А.Е. Тарас. Минск: Харвест, 2003.

Восстановление советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. Рига, 1987.

Всемирная история. Даты и события / Под ред. В.Г. Васина. М.: Международные отношения, 1968.

Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999.

Гофман М. Записки и дневники. Л-д, 1929.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т 2 / Под ред. И. Егорова, Е. Шведе. Часть 1. Балтийский флот 1918–1919 гг., Ленинград: Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 2005.

Доливо-Добровольский Б.И. Тихоокеанская проблема. М.: Высший военный редакционный совет, 1924.

Запрудник Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. Минск, 1996.

Зенькович Н. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002.

Ионг Л. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. М.: Вече, 2004.

История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. – Л-д: ОГИЗ, 1945.

История Первой мировой войны / Под ред. И.И. Ростунова. В 2-х томах. М.: Наука, 1975.

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.И. Наана. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958.

Кениньш И. История Латвии. XX век. Рига: Vaigzne ABC, 1999.

Кремлев С. Россия и Германия: сравнить! От Версаля Вильгельма к Версалью Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ; Астрель, 2003.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004.

Латвия на грани эпох / Под ред. Л. Зиле, И. Даудиша, Э. Пелкауса. Рига: Автос, 1988.

Мельтюхов М.И. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. М.: Вече, 2001.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2002.

Мери В. Маннергейм – маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

Мировая война в цифрах. М.: ОГИЗ, 1934.

Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток. «Жертвы» Второй мировой. М.: Яуза; ЭКСМО, 2004.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. II. Сухопутная армия Германии с начала Второй мировой войны до нападения на Советский Союз (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.) М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М.: Издательство политической литературы, 1990.

Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М.: РОССПЭН, 2007.

Неизвестный Гитлер / Авт. – сост. М. Уль, Х. Эберле. М.: ОЛМАПРЕСС, 2006.

Новейшая история стран Западной Европы и Америки. 1918–1939 / Под ред. И.И. Саморукова. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

Ольденберг С. Царствование императора Николая II. Белград: Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической литературы, 1939.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 2-х т. М., 2000.

Пограничные войска СССР. 1939–1941 / Сост. Е.В. Цыбульский, А.И. Чугунов, А.И. Юхт. М.: Наука, 1970.

Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995.

Пушкаш А. Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). М., 2002.

Роскилл С. Флот и война. М.: Воениздат, 1967.

Россия. XX век. Документы. 1941 г. / Под ред. В.П. Наумова. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск 5. М., 1930.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992.

Симон А. Я обвиняю! Сборник «О тех, кто предал Францию». М., 1941.

Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига, 1968.

СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс: Mokslas, 1989.

СССР – Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Лебедь, 1994.

Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну. М., АСТ, 2007.

Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Ткаченко В.Ф. Форт «Красная Горка», СПб.: Издательство ОСТРОВ, 2007.

Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль, 1977.

Фараго Л. Игра лисиц. Секретные операции абвера в США и Великобритании. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2004.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1998.

Чигиринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М.: Воениздат, 1991.

Широкоград А.Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества. М.: Вече, 2007.

Широкоград А.Б. Тайная история России. М.: Вече, 2007.

Широкоград А.Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М.: Вече, 2006.

Широкоград А.Б. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики. М.: Вече, 2007.

Энгл Э., Паананен Л. Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма 1939–1940. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2004.

Sullivan M. The great Adventure at Washington. The Story of the Conference. London, 1922.

Иллюстрации

Британские танки на юге России. 1919 г.

Британский танк Mk. V на севере России. 1919 г.

Вермахт входит в Рейнскую область. 7 марта 1936 г.

Герцог и герцогиня Виндзорские на вилле Бергхов в 1937 г.

Аншлюс. Гитлер на параде 8-й армии в Вене. 16 марта 1938 г.

Гитлер в Австрии. Март 1938 г.

Оккупация Судетской области. Октябрь 1938 г.

Крах версальской системы в Восточной Европе

Беседа В.М. Молотова с Гитлером в Берлине. Ноябрь 1940 г.

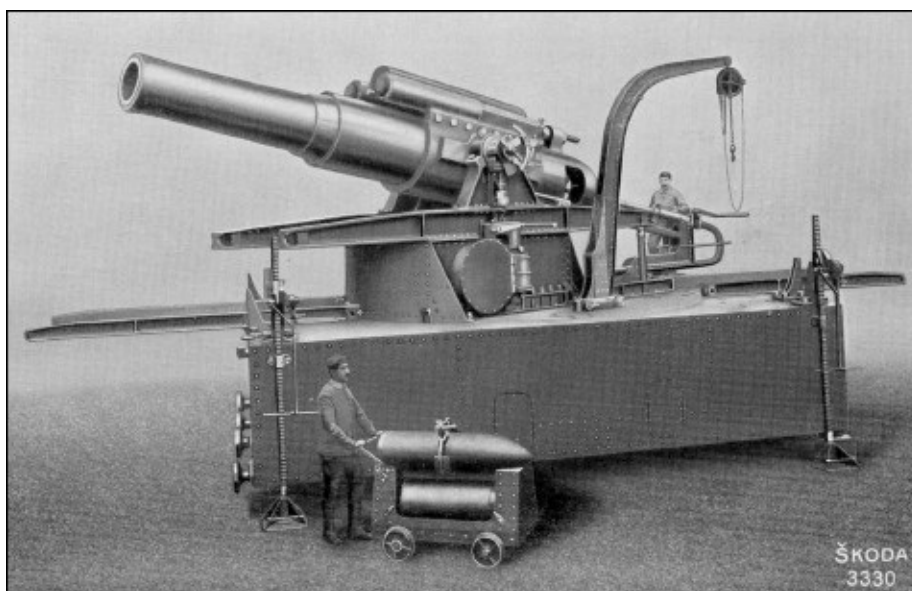

*В.М. Молотов и В. фон Шуленбург во время подписания пакта
Молотова – Риббентропа*

Фирма «Шкода» изготавливала орудия всех калибров, вплоть до 420-мм. Однако чехи не рискнули применить их против немцев, и эти монстры стали стрелять по Ленинграду и Севастополю.

240-мм длинная пушка

380-мм гаубица

Англия поставляла Польше танки фирмы «Виккерс». Модернизовав их, поляки создали танк 7ТР

Польская танкетка типа «Карден-Лойд», купленная в Англии

Гитлер провожает немецкую пехоту, марширующую к границам Польши в сентябре 1939 г.

Юзеф Пилсудский

«Свинья, дрессированная в Париже». Карикатура

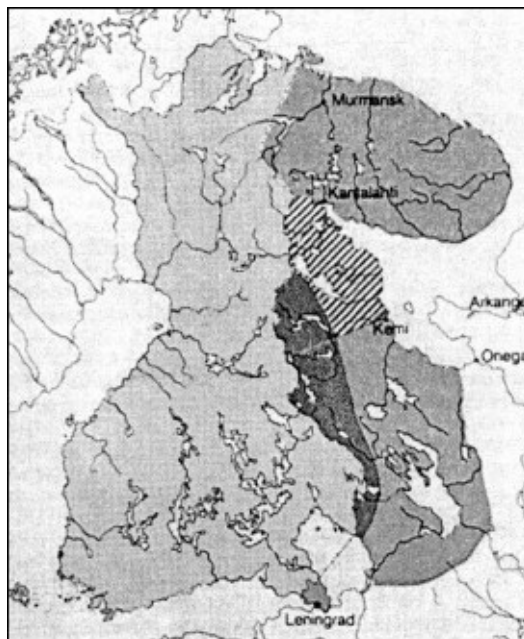
Сдача в плен польских войск группы «Модлин». 21 сентября 1939 г.

Гитлер рассматривает польский бронепоезд. Под откос пошел не только поезд, но и все государство Пилсудского

Финский фюрер Маннергейм

*Планы финского руководства относительно присоединения к
Финляндии территории Советского Союза*

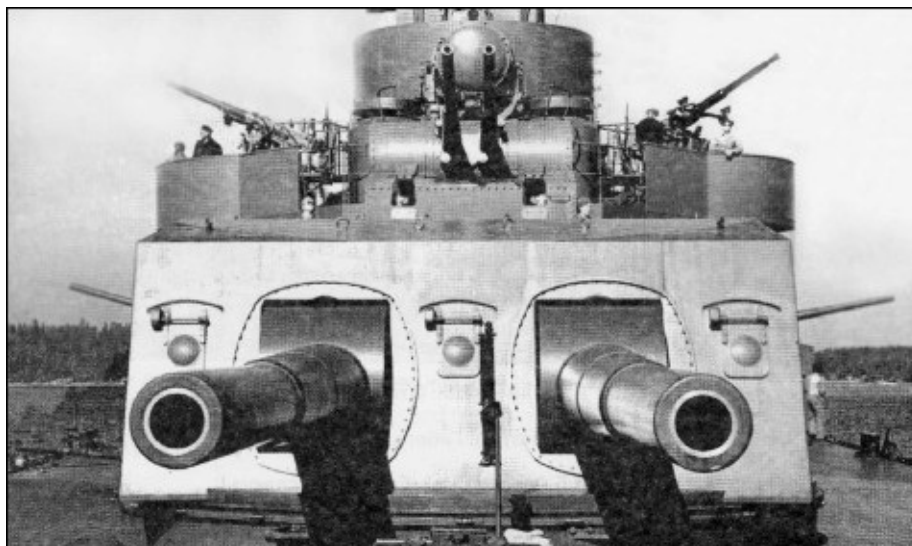

Двухорудийная 120/50-мм установка V2 на финской береговой батарее.

Ранее эта установка находилась на мониторе Амурской флотилии, но была в 1915 г. снята и отправлена для усиления береговой обороны Финляндии.

254-мм орудия финского броненосца береговой обороны «Вайнаманен»

Финские и эстонские артиллеристы на 305-мм батарее о. Аэгна (Вульф). 1937 г.

Представители командования латвийской армии осматривают прибывшую из Англии танкетку Garden-Loyd Vt. VI. 1930 г.

Легкий танк Vickers-Garden-Loyd с 40-мм пушкой, состоявший на вооружении латвийской армии.

Такие танки «Рено» французы поставляли в литовскую армию. Фото 1926 г.

Французы оставили немцам неповрежденными свыше 95 % своих танков. Французский танк «Сомуа» попал в Москву в парк им. Горького на выставку трофейной техники. Июль 1943 г.

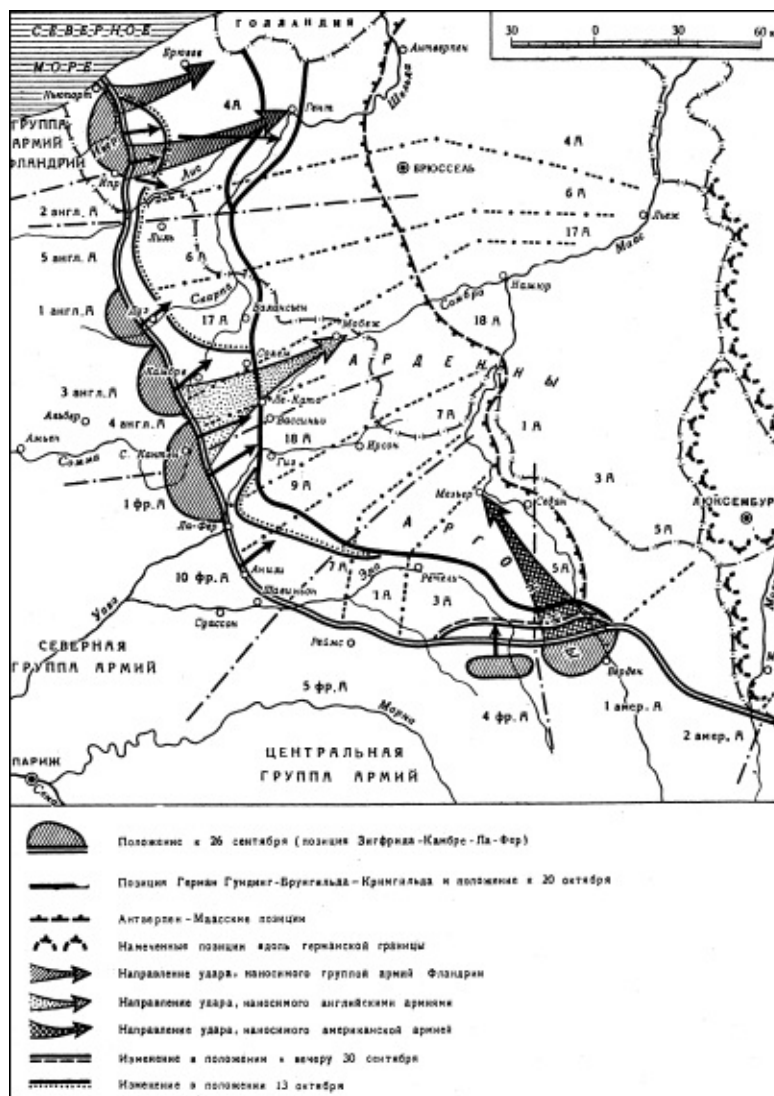

Пехота 24-го стрелкового (латышского) корпуса на немецких грузовиках Henschel-33G1 на параде в Риге. 7 ноября 1940 г.

Караул туземного флота у памятного камня морякам англо-французской эскадры, погибшим под Ригой в 1919 г. Находится на закрытой территории ВМБ латвийских ВМС «Даугавгрива». (Фото из собрания Ю.Ю. Мелконова)

Схемы

Положение и планы сторон перед заключительным наступлением Антанты. Общая схема отступления немецких войск

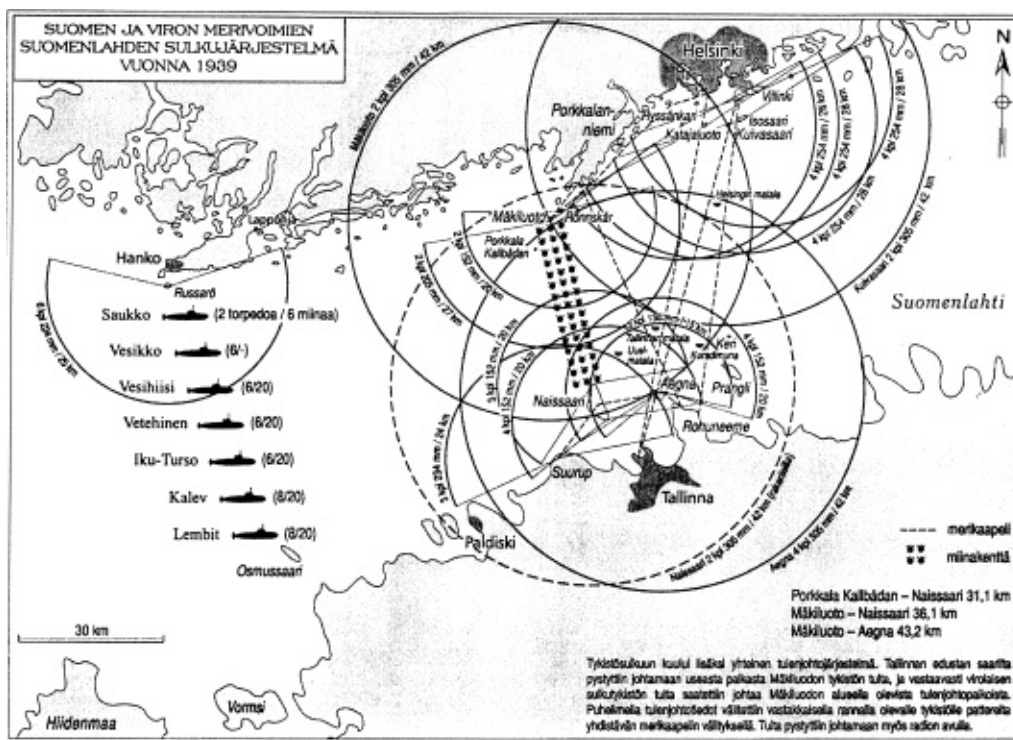

Схема заграждения Финского залива морскими силами Финляндии и Эстонии. 1939 г. Из книги Я. Лескинена «Братская Государственная тайна»

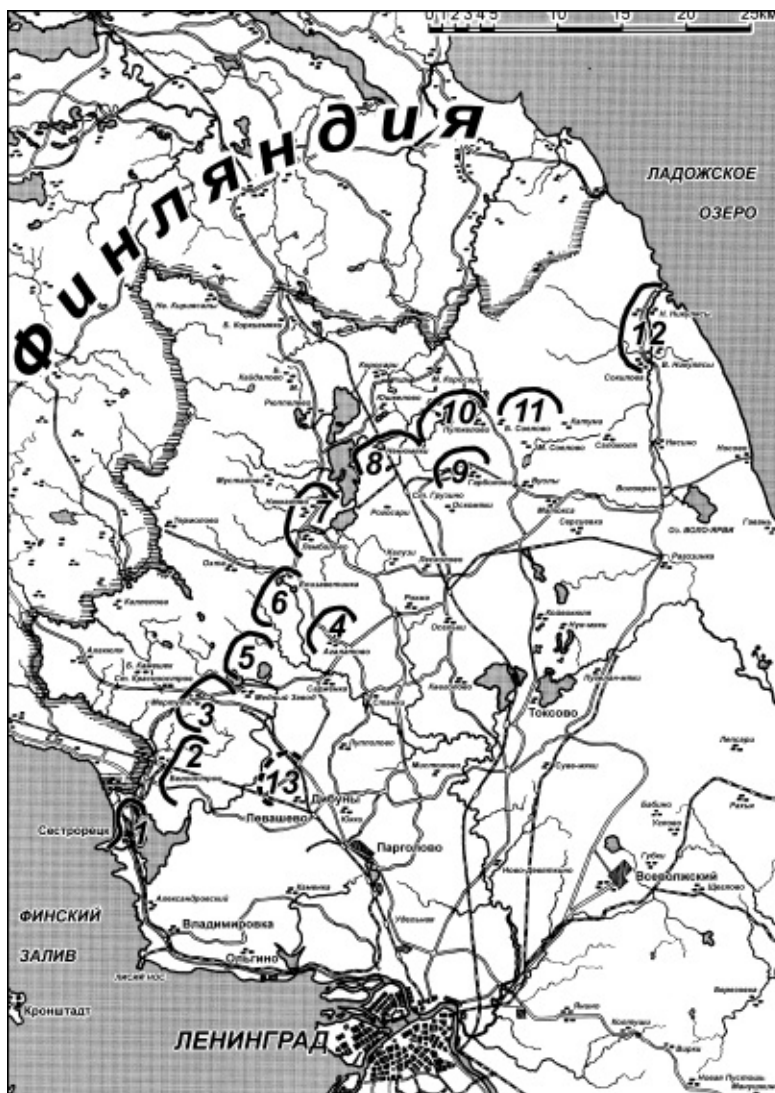

Схема Карельского укреплённого района

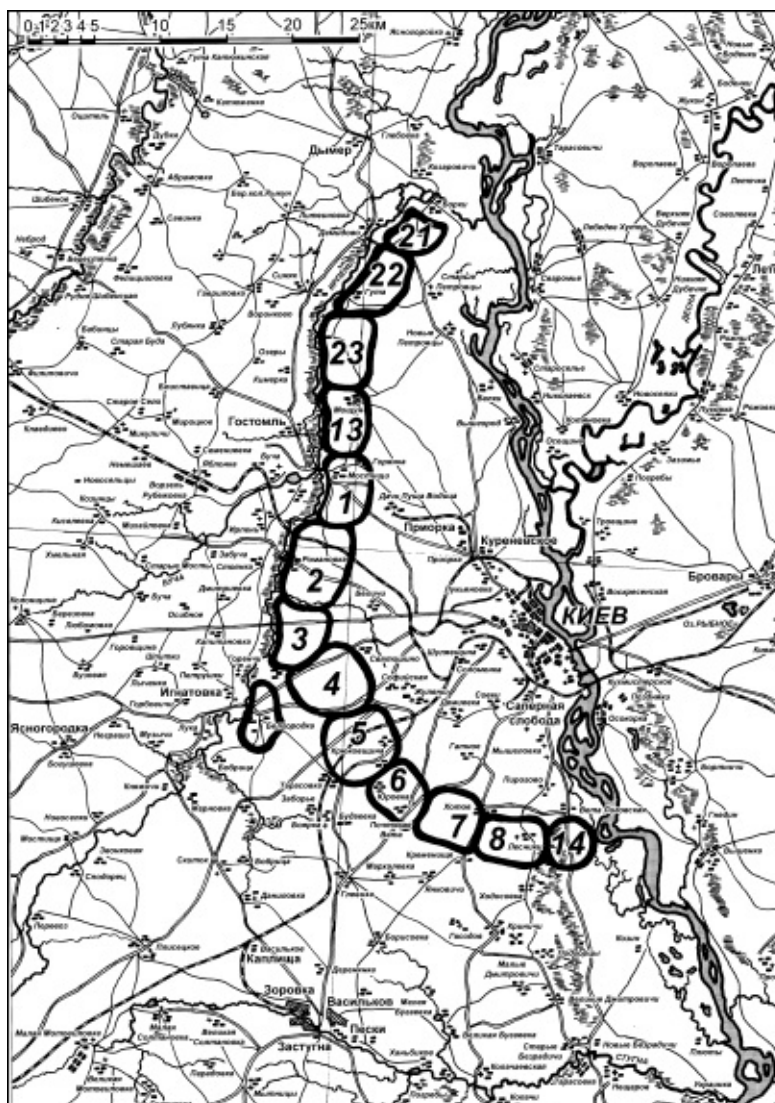

Схема Киевского укрепленного района

Классический образец «пропаганды военного времени». Так в 1938 г. изображали в СССР Антикоминтерновский пакт, к которому в 1940 г. решил примкнуть Сталин

Английская карикатура 1939 г.

Карта Закарпатской Украины после подписания Договора между СССР и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине 27 июня 1945 г.

Польша 1939 г.:

– русские крепости Первой мировой войны,

– линия сферы интересов СССР и Германии по договору от 23 февраля 1939 г.,

– демаркационная линия между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г.

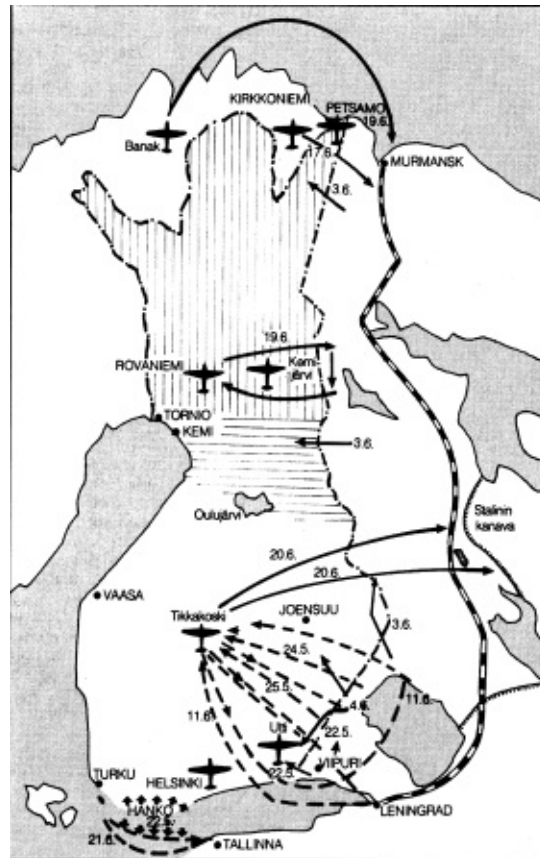
Крах версальской системы 1938–1940 гг.

Маршруты английских разведывательных полетов над СССР

Бессарабская кампания (июнь 1940 г.)

Полеты через границу Финляндии до начала Барбароссы. Вертикальная штриховка – сфера германской ответственности в Лапландии, горизонтальная – зона III армейского корпуса, подчиненного немецкому командованию. Аэродромы, отмеченные силуэтом самолета, использовались немцами. Рейды немецких и русских самолетов показаны сплошными стрелами, финских – пунктирами. (Схема составлена М. Йокини.)

notes

Примечания

1

Так Николая II характеризовала его родная мать.

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Падение Порт-Артура» (М.: АСТ, Ермак, 2003).

Ольденберг С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической литературы, 1939. Т. II. С. 131–132.

4

После начала войны они войдут в строй германского флота.

Даже если бы Германия сосредоточила большую часть своей тяжелой артиллерии на Восточном фронте, то ценой больших потерь ее армия в лучшем случае могла занять лишь польские области.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 11–12.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Мировая война в цифрах. М.: ОГИЗ, 1934.

Шталь А. Развитие методов операций подводных лодок в войну 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1936.

Гофман М. Записки и дневники. Л-д, 1929. С. 262.

Там же.

Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль, 1977. С. 174.

История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. – Л-д: ОГИЗ, 1945. С. 21.

Там же. С. 35.

С 1917 г. эта династия именуется Виндзорской от названия одного из королевских дворцов в Англии.

Ленин В.И. Сочинения. Т. 31. С. 281–282.

Там же. Т. 24. С. 545.

Масарик Томаш (1850–1937) – президент Чехословакии в 1918–1935 гг.

Начиная с 1 января 1918 г. все даты приводятся только по новому стилю.

Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 54.

Там же. С. 114.

Там же. С. 115.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т 2 / Под ред. И. Егорова, Е. Шведе. Часть 1. Балтийский флот 1918–1919 гг., Ленинград: Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926. С. 48–49.

Курт Мартти Валлениус (1893–1968) – политик и военный, в 1918–1921 гг. начальник пограничной службы в Лапландии, с 1930 г. генерал-майор, профессор географии Северных стран в университете Хельсинки (в 1952–1956 гг.).

Имеется в виду гражданская война в Финляндии

Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. С. 117.

Кениньш И. История Латвии. XX век. Рига: Vaizne ABC, 1999. С. 75.

Цит. по: История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.И. Наана. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958. С. 443.

Там же. С. 447.

Латвия на грани эпох / Под ред. Л. Зиле, И. Даудиша, Э. Пелкауса.
Рига: Автос, 1988. С. 9–10.

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волкова. М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. С. 15.

Цит. по: Ткаченко В.Ф. Форт «Красная Горка», СПб.: Издательство ОСТРОВ, 2007. С. 47.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 171.

Латвия на грани эпох. С. 38.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995. Кн. 3. С. 236.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. /Под ред. В.П. Наумова. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. С. 558.

Там же. С. 559.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004. С. 26.

Там же. С. 28–29.

Там же. С. 29.

Там же. С. 31–32.

СДПГиС – Социал-демократическая партия Галиции и Силезии.

Имелись в виду пленные, захваченные в ходе Первой мировой войны.

Основатель социал-демократической партии Королевства Польского (СДКП) в 1893 г., в 1918 г. – заведующий иногородним отделом ВЦИК.

С панами Антону Ивановичу Деникину пришлось познакомиться еще в детстве. Его отец, выходец из крестьян, служил унтер-офицером в Польше и женился на польке. Местный ксендз потребовал от нее воспитать сына русофобом и грозил отлучить от церкви. В конце концов Иван Деникин сходил к ксендзу и сильно набил ему лицо. Таким способом Россия получила боевого генерала Деникина.

Ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 268.

Чигиринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004. С. 517–518.

Там же. С. 518, 519.

См. Субтельный О. Украина. История. Киев: Лебедь, 1994. С. 541.

За победу в войне с Россией 14 ноября 1920 г. Пилсудскому был торжественно вручен маршальский жезл.

Юзеф Бек (1894–1944 гг.). К 1914 г. учился в Коммерческой академии в Вене. В 1918 г. работал на Украине на польскую разведку. В 1921 г. майор Бек состоял на службе во II отделе польского генштаба (разведка). Имя его упоминалось в ноте Чичерина от 10 сентября 1921 г., адресованной польскому представителю в Москве Филипповичу: «Наше утверждение о том, что 2-й отдел польского генерального штаба давал организации Савинкова возможность посылать в Россию яд, основывается, между прочим, на документе за подписью майора генерального штаба Бека». В 1923 г. французский генштаб установил, что сведения о вооруженных силах Франции, сообщаемые лишь представителям союзных армий, в том числе и польской, известны германскому штабу. А в 1924 г. по требованию маршала Фоша военный атташе польского посольства в Париже полковник Бек вынужден был покинуть Францию. В начале 1932 г. полковник Бек был намечен польским правительством на пост посла в Париже, но французский МИД отклонил эту кандидатуру. Пилсудский в пику французам назначил Бека министром иностранных дел в Польше.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945), М., Центрполиграф, 2002. С. 97.

Материалы сайта: <http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/kab01.htm>.

Новейшая история стран Западной Европы и Америки. 1918–1939 / Под ред. И.И. Саморукова. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Т. I. С. 444.

Там же.

Прокоп М. «Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси». Материалы сайта http://www.ukrstor.com/ukrstor/prokol_avantiura.htm.

Цит. по: Мельтюхов М.И. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 82.

Там же. С. 101–102.

Там же. С. 113–114.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Кн. 3. С. 189.

Цит. по: Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина. С. 115–116.

Приапизм – длительное нахождение полового члена в состоянии эрекции, не исчезающее после полового акта. Возможно, что у Кароля было и близкое заболевание того же типа – сатириазис, при котором мужчины имеют патологию сексуального влечения.

Доливо-Добровольский Б.И. Тихоокеанская проблема. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. С. 126.

Sullivan M. The great Adventure at Washington. The Story of the Conference. London, 1922. C. 27.

Sullivan M. The great Adventure at Washington. The Story of the Conference. C. 171.

Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921–1922 гг. Полный перевод актов и документов. М.: Наркоминдел, 1924. С. 20.

Там же.

То есть построенных с учетом результатов Ютландского боя 31 мая – 1 июня 1916 г.

«Mutsu», в разных источниках его называют «Мутсу» и «Мутцу».

Таким образом, японцы немного нарушили Вашингтонское соглашение, но они везде утверждали, что калибр орудий этих линкоров 406 мм (то есть 16 дюймов), а не 410 мм.

После окончания мировой войны различия между линкорами и линейными крейсерами значительно уменьшились, и очень часто линейные крейсера именовали линкорами.

Перегруженный артиллерией и броней броненосец «Кэптэн» в ходе первого плавания в ночь с 6 на 7 сентября 1870 г. перевернулся и затонул со всем экипажем. Погибли 472 человека, включая главного строителя корабля Кольза.

У немцев калибр орудий указывался в сантиметрах, и эти пушки назывались 15-см SKC/28, и во всех справочниках мира ее именовали 150-мм, но фактически ее калибр составлял 149,1 мм.

С 21 апреля 1932 г. по 11 января 1935 г. Тихоокеанский флот официально именовался Морские силы Дальнего Востока, а Северный флот с 1 июня 1933 г. по 11 мая 1937 г. назывался Северная военная флотилия.

Работы над корабельными 356/54-мм установками были использованы в 1938–1941 гг. при создании 356/54-мм железнодорожных установок ТП-1.

В 1945 г. завод № 198 им. Марти в Николаеве получил № 444.

До 1938 г. и с 1957 г. Северодвинск.

Следует заметить, что за рубежом в 1922–1941 гг. тяжелыми крейсерами называли «вашингтонские» крейсера водоизмещением 10 тыс. т с 203-мм артиллерией, легкими – крейсера со 152-мм артиллерией, а корабли с артиллерией калибра свыше 8 дюймов (203 мм) именовались линейными крейсерами. Исключение представляли лишь США, которые в 1941 г. заложили «большой» крейсер «Аляска» стандартным водоизмещением 27 500 т, вооруженный девятью 305/50-мм орудиями. В результате в американском флоте оказались большие (large), тяжелые (heavy) и легкие (light) крейсера. В СССР же линейные крейсера именовались тяжелыми, а все остальные – легкими.

РГАВМФ. Ф. р-1678. Оп. 4. Д. 12.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск 5. М., 1930. С. 3–5.

В некоторых документах – «Томко».

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 295.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Выпуск VIII. С. 27–31.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Издание 11-е. С. 436.

История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. – Л-д: ОГИЗ, 1945. С. 502.

Там же.

Там же. С. 506.

Ввиду слабой рождаемости в 1915–1919 гг. резко снизилось число рекрутов: в 1935 г. юношей в возрасте 21 года военнообязанных было не более 180 тыс., а в последующие 1936–1939 гг. их могло быть лишь 120 тыс. В Германии этой убыли не было в результате специальных мер, принимавшихся с 1915 г. (главным образом отпуска, помощь беременным женщинам и т. п.).

История дипломатии. Т. III. С. 539.

Там же.

Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 2005. С. 57–58.

История дипломатии. Т. III. С. 625.

Цит. по: Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 337.

Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М.: Политиздат, 1962. С. 108.

Пушкеш А. Цивилзация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. С. 228.

Там же. С. 252–253.

Там же. С. 253–254.

Цит. по: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М.: Воениздат, 1991. С. 482.

Цит. по: Неизвестный Гитлер / Авт. – сост. М. Уль, Х. Эберле. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 68.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. С. 483.

Там же. С. 485.

Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 302.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1998. Т. I. С. 160–161.

Термин «партизан последнего дня» появился во Франции осенью 1944 г. Так называли людей, лояльно относившихся к немцам во время оккупации, но с приходом союзных войск начавших храбро нападать на пленных немцев и всех сотрудничавших с ними. И если во Франции женщин, имевших детей от немцев, убивали или бросали в тюрьмы, то тихие чехи вспарывали животы чешкам, беременным от немцев.

Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. III.
Warszawa, 1968, str. 262, 287.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. С. 47–48.

Ионг Л. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. М.: Вече, 2004. С. 58–59.

История дипломатии. Т. III. С. 677–679.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). С. 122–124.

Сам автор, его родители и жены никогда не были в КПСС, а «Голос Америки» автор впервые поймал в девятилетнем возрасте во время венгерских событий 1956 г.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. II. Сухопутная армия Германии с начала Второй мировой войны до нападения на Советский Союз (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 30, 31.

История дипломатии. Т. III. С. 693–694.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). С. 124.

Луи де Ионг. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. С. 59.

Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток. «Жертвы» Второй мировой. М.: Яуза; ЭКСМО, 2004. С. 146–147.

Объективности ради стоит сказать, что подавляющее большинство советских танков летом-осенью 1941 г. тоже вышли из строя из-за поломок ходовой части и отсутствия топлива, а не от огня противника.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 97.

Там же. С. 96.

«Военно-исторический журнал», № 9/1994. С. 85.

Там же.

Таблица приводится по данным М.И. Мельтюхова «Советско-польские войны», М.: Вече, 2001, с. 300

Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну. М., АСТ, 2007.
С. 132.

Вишлѐв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 111.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. / Под ред. г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 87–88.

Шмелев И.П. Бронетанковые войска Польши. 1918–1939 гг., «Техника и вооружение» № 9/1999. С. 19

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах/ Под ред. г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 86.

Пограничные войска СССР. 1939–1941 / Сост. Е.В. Цыбульский, А.И. Чугунов, А.И. Юхт. М.: Наука, 1970. С. 239.

Там же. С. 241. Из последующих донесений следует, что от батальона в Михайловке еще два раза приходили поляки с той же просьбой, но по непонятным причинам наши пограничники в плен их брать не хотели.

Там же. С. 242.

Стрельцы – члены ультраправой польской организации «Стрелецкий союз».

Пограничные войска СССР. 1939–1941. С 248.

Там же. С. 245.

Там же. С. 245.

Там же. С. 249.

Там же. С. 255.

Там же. С. 260.

Россия. XX век. Документы, 1941 год. Кн. 2. С. 593.

СССР – Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989. С. 107–108.

Там же. С. 110–112.

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 77–78.

СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс: Mokslas, 1989. С. 21.

Там же. С. 28.

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 103.

См. Широкопад А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1945 гг.
Минск: Харвест, 2002.

Официальной причиной войны, заявленной Россией Швеции, стал инцидент, происшедший в Риге 1 апреля 1697 г., когда царь Петр, путешествовавший инкогнито в составе русского посольства, начал в подзорную трубу разглядывать крепостные укрепления, а рижский караул потребовал убрать трубу и пригрозил применить оружие. В ходе переговоров со шведами в течение трех лет вопрос об этом инциденте даже не поднимался.

«Известия» № 279 (7044) от 3 декабря 1939 г.

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 109–110.

Там же. С. 110.

Там же. С. 112. Курсив Дж. Батлера.

Энгл Э., Паананен Л. Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма 1939–1940. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2004.

В ноябре-декабре 1920 г. Врангель угнал Черноморский флот в Бизерту. Там французы пустили на лом линкор «Александр III», а его пушки и боекомплект складировали в арсенале.

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 104–105.

Там же. С. 117.

Роскилл С. Флот и война. М.: Воениздат, 1967. С. 135–136.

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 130–131.

СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. С. 45.

Там же.

Цит. по: Степанов А. Кавказский вариант // Авиамастер № 1/2003. С. 32.

Там же.

Там же.

Там же. С. 34.

Газета «Правда» от 30 марта 1940 г.

Там же. С. 36.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. I. С. 307.

СССР-Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 105–106.

Запрудник Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. С. 103.

Зенькович Н. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002. С. 301.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 529–530.

Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига, 1968. С. 330.

Член Госдумы Эстонии, министр иностранных дел Эстонии.

Цит. по: Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. С. 55.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2002. С. 149.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 54.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 29.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 213.

Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С. 473.

Там же. С. 474.

Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. Рига, 1987. С. 172.

Материалы сайта <http://www.livejournal.com>.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 127.

Цит. по: Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. С. 245.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга 2. 1 января – 21 июня 1941 г. С. 247–248.

Глебов М. Сибирский эшелон. Трагический юбилей массовых депортаций в Балтии // Известия. 14 июня 2001 г. № 103 (25941).

Дзинтарс Э. «Пятая колонна» в Латвии служила Гитлеру // Независимая газета. 21 июня 2001 г. № 110 (2420). С.10.

Там же.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. I. С. 61–62.

Там же. С. 62.

Там же. С. 63.

Там же. С. 68.

Там же.

РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 552.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. I. С. 307–308.

Там же. С. 350.

Цит. по: Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999. С. 92–93.

Там же. С. 93.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. I. С. 362–365.

Там же. С. 365.

Там же. С. 366–367.

Там же. С. 374.

Там же. С. 380–382.

Там же. С. 384.

Там же. С. 393–394.

В.И. Ленин. ПСС. 5-е издание. С. 5–6.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. II. С. 160–161.

Там же. С. 249.

Клейн Б. Ходы короля. Материалы сайта
<http://www.kackad.com/article.asp?article=1004>.

ИНО НКВД – внешнеполитическая разведка НКВД.

Безыменский Л.А. Будапештский мессия: Рауль Валленберг. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001. С. 26.

Мариэтта Чудакова – профессиональный антисталинист, профессор литературы, на выборах в Государственную думу в 2007 г. была 3-м номером в федеральном списке партии «Союз правых сил». Как народ лихо прокатил их на выборах – говорить не приходится.

Материалы сайта <http://www.kreml.org/opinions/175987841>.